

ЗАПАД, ВОСТОК и РОССИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Вопросы всеобщей истории

Выпуск 19

СБОРНИК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ
(ЕЖЕГОДНИК)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GENERAL HISTORY

THE WEST, THE EAST & RUSSIA
THE HISTORICAL EXPERIENCE OF
INTERCULTURAL DIALOGUE

Problems of General History
Volume 19

COLLECTION OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ARTICLES
(ALMANAC)

Ekaterinburg 2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЗАПАД, ВОСТОК и РОССИЯ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА**

Вопросы всеобщей истории

Выпуск 19

СБОРНИК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ

(ЕЖЕГОДНИК)

Екатеринбург 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

д-р ист. наук, проф. *В.Н. Земцов*

д.и.н. *Н.Н. Баранов*, д.и.н., проф. *Хр.С. Глушков* (Болгария), д.и.н.,
проф. *А.М. Лукашевич* (Беларусь), к.и.н., доцент *А.А. Постникова*,
к.и.н. *М.В. Шистеров*

Отв. секретарь – *А.И. Голотина*

Запад, Восток и Россия [Текст] : вопросы всеобщей истории / Урал. гос. пед. ун-т ; глав. ред. В. Н. Земцова. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – Выпуск 19 : Исторический опыт межкультурного диалога : сборник научных и учебно-методических трудов (ежегодник). – 323 с.

The West, the East and Russia [Text] : Problems of General History: Collection of Scientific and Educational Articles (Almanac) / Ural State Pedagogical University ; Ed. Prof. V. N. Zemtsov. – Ekaterinburg : [b. i.], 2017. – Vol. 19 : Historical experience of intercultural dialogue : Collection of Scientific and Educational Articles (Almanac). – 323 p.

19-й выпуск сборника научных трудов «Вопросы всеобщей истории» посвящен проблемам межкультурного диалога в историческом контексте.

В сборник включены доклады и сообщения, представленные на Всероссийской научной конференции «Исторический опыт межкультурного диалога» (Екатеринбург, 14 апреля 2017 г.) и на Пятых Сутыринских чтениях, посвященных теме «Империя и Имперскость в исторической ретроспективе» (Екатеринбург, 29 сентября 2017 г.).

Сборник предназначен для преподавателей учебных заведений, студентов, всех, кого интересуют проблемы исторической науки.

The 19th edition of collection of scientific works "Problems of General History" is devoted to the problems of intercultural dialogue in a historical context.

The collection includes papers and reports presented at the all-Russian scientific conference "Historical Experience of Intercultural Dialogue" (Ekaterinburg, April 14, 2017) and on the Fifth Sutyurin's readings on the theme "Empire and Imperial in historical perspective" (Ekaterinburg, 29 September 2017).

The collection is intended for professors, students and all those interested in problems of historical science.

ISSN 2413-827X

СОДЕРЖАНИЕ

<u>I. Материалы всероссийской научной конференции «Исторический опыт межкультурного диалога»</u>		7
<u>Статьи и сообщения</u>		14
И.Л. Бахтина	Опыт реализации зарубежных образовательных технологий в общеобразовательных учебных заведениях Урала в 1920-е годы	14
А.И. Голотина	Образ Наполеона в современном высшем историческом образовании ФРГ	20
М.В. Дацишина	В тени императора. Образ Наполеона в официальном дискурсе нацистской Германии. 1933-1945 гг.	27
М.К. Елисафенко	Русификация или просвещение? Школа для нерусских народов Прикамья	37
Т.М. Есенбаев	«Налог кровью»: опыт создания армии в Вестфальском королевстве	42
Э.А. Замов	Папа Иоанн XXIII как социальный реформатор	51
В.Н. Земцов	Литва при Наполеоне: деятельность временного правительства великого княжества Литовского	61
Б.Б. Зулуев	Финансовое обеспечение медресе Алымбека Датки	91
Д.Н. Караваева	Britishness vs мультикультурализм в современной Великобритании	97
Л.В. Коробицына	Образ врага в творчестве А.Дж.П. Тейлора. Путь к мировым войнам	110
В.А. Кузьмин,	Специфика арабо-иранских отношений в контексте	
Н.В. Соколов	цивилизационного подхода	114
А.Ж. Муратов,	Кыргызские медресе во времена Кокандского ханства	
Б.Б. Зулуев		124
Е.П. Пирогова	Наследники и наследие уральского заводчика Турчанинова в Италии: межкультурные связи	130
А.И. Попович	Языческий субстрат в культе святых Бориса и Глеба: вектор христианской перекодировки	137
А.А. Постникова	Минск в 1812 году: между Россией и Францией	146
А.К. Рахимбекова	Стереотипные образы и представления: их несостоятельность на примере практики взаимоотношений казахов-кочевников и крестьян-переселенцев	160
А.И. Романчук	Конфессиональные противоречия: Херсонесский Свято-Владимирский монастырь и первый заведующий раскопками	168
Н.П. Таньшина	Орас Верне: художник-дипломат в диалоге между Россией Николая I и Францией Луи-Филиппа	177
Е.Ю. Чемякин	Студенческая иммиграция в Великобританию в XX в. как фактор формирования постколониальной теории	187
Н.Ф. Шестакова	Образ Уэльса и валлийского народа в британской интеллектуальной культуре эпохи Тюдоров (конец XV – начало XVII вв.)	195
В.А. Шихов	Особенности американского Просвещения	210

II. <u>Материалы региональной научной конференции «Империя и имперскость в исторической ретроспективе (Пятое Сутыринские чтения)»</u>	217	
<u>Статьи и сообщения по итогам конференции «Империя и имперскость»</u>	222	
К.А. Бороздин	Дезертирство из Красной армии в августе-сентябре 1918 года (на примере 3-й Армии)	222
Л.В. Коровицына	Британская политика умиротворения и память об утраченном имперском величии.....	228
М.Н. Начапкин	Русский консерватор Иван Солоневич о феномене российской монархической государственности, империи, причинах революций XX века, поражения Белого движения и идеале будущего устройства страны.....	231
И.С. Огоновская	Создание и распад СССР глазами авторов школьных учебников отечественной истории 1990-2010-х гг.	241
А.И. Прокофьев	Московское государство середины XVII в. как «точка невозврата»: поиск истоков Российской империи.....	253
Н.Л. Семенова	Этнический и территориальный подходы к истории Российской империи в современной историографии.....	260
И.С. Сильченко	Формирование органов власти Екатеринбургской губернии в 1919 г.	266
Е. С. Соколова	К вопросу о политико-юридических стратегиях формирования местного законодательства Российской империи (первая четверть XVIII – вторая четверть XIX вв.)..	271
А.В. Трофимов	Концепт «советская империя» в историографии.....	280
А.Л. Устинов	Некоторые аспекты комплектования рабочих кадров на уральских заводах в 1760 – 1770-е гг. (на примере Саткинского и Златоустовского заводов).....	287
Г.Н. Шапошников	Власть и врачи в 1917 – 1918 гг.	292
М.В. Шистеров	Римский империализм в постимпериалистической перспективе (О некоторых особенностях «постколониальной историографии»).....	299
В.А. Шихов	Альтернативы политического развития США в конце XVIII века.....	305
Г.Н. Шумкин, Т.Г. Шумкина	Социальные ландшафты Российской империи в середине XIX века.....	312

I. Материалы всероссийской научной конференции «Исторический опыт межкультурного диалога»

Министерство образования и науки РФ
Уральский государственный педагогический университет
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

Институт всеобщей истории РАН

Лаборатория «Мир в эпоху Французской революции и
Наполеоновских войн»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

ПРОГРАММА
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
В ФОРМАТЕ «КРУГЛОГО СТОЛА»
Екатеринбург, 14 апреля 2017 г. в 16.00

Вопросы для обсуждения:

1. Межкультурный и кросс-культурный диалог: традиции национальных исторических нарративов.
2. Образ «своего» и образ «чужого»: историческая специфика кросс-культурных трансферов.
3. «Свой – чужой»: межнациональный диалог в ситуации длительного социального стресса.
4. Россия в историческом диалоге культур и цивилизаций.
5. Межкультурный диалог: вызовы XXI века.

Организационный комитет:

Председатель – **Земцов Владимир Николаевич**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета

Ученый секретарь – **Постникова Алёна Александровна**, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского федерального университета

Члены оргкомитета –

Бахтина Ирина Леонидовна, к.и.н., доцент, доцент кафедры теории и методики обучения истории, декан Исторического факультета УрГПУ

Клименко Иван Михайлович, к.пед.н., доцент, заведующий кафедрой теории и методики обучения истории УрГПУ

Кочнева Евгения Михайловна, заместитель декана Исторического факультета по воспитательной работе УрГПУ

Кругликова Галина Александровна, к.и.н., доцент, доцент кафедры истории России Исторического факультета УрГПУ

Чудинов Александр Викторович, д.и.н., заведующий лабораторией «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского федерального университета

**Пленарное заседание
(проводится в формате «круглого стола»):**

Участники:

Бахтина Ирина Леонидовна, к.и.н., доцент, доцент кафедры теории и методики обучения истории, декан Исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

Опыт реализации зарубежных образовательных технологий в общеобразовательных учебных заведениях Урала в 1920-е годы

Белоусов Сергей Владиславович, д.и.н., доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета (г. Пенза)

Восприятие российской провинции военнопленными армии Наполеона по их мемуарам (на примере Пензенской губернии)

Болт (Пруцакова) Валентина Сергеевна, аспирант Института всеобщей истории РАН (г. Москва)

Прогулки по Парижу: к вопросу о восприятии столицы приятеля молодым российским офицером в 1814 году

Баранов Николай Николаевич, д.и.н., доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Уральского федерального университета, профессор кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

Из царской России в Россию большевиков: уникальный опыт межкультурной коммуникации (по воспоминаниям немецкого офицера В. Вельфинга)

Грибан Ирина Владимировна, к.и.н., директор Музея истории Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

Попытка диалога: Вторая мировая война на страницах российско-германского и франко-германского учебников истории

Гладышев Андрей Владимирович, д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Саратовского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского федерального университета (г. Саратов – г. Екатеринбург)

Антропологический поворот в военной истории и имагология (на примере наполеоновских войн)

Гро Райнер, координатор российско-германских проектов (г. Штутгарт, ФРГ)

Межкультурные подходы в обучении немецкому языку: проект «100-летие Первой мировой войны»

Ерёмина Светлана Александровна, к. филол. н., доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

Русские ученые-эмигранты как лингвокультурный феномен

Земцов Владимир Николаевич, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Вильно: «время Наполеона»

Коробицына Луиза Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

«Образ врага» в творчестве А.Дж.П. Тейлора. Путь к мировым войнам

Косых Татьяна Анатольевна, аспирант кафедры новой и новейшей истории, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Франция и французы в английских путевых заметках 60-70-х гг. XVIII в.

Кругликова Галина Александровна, к.и.н., доцент, доцент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

Социально-культурная деятельность музеев Среднего Урала как фактор формирования духовно-нравственных качеств молодежи

Кузьмин Вадим Александрович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой востоковедения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), **Соколов Николай Владимирович**, директор Центра арабского языка и культуры ООО «РУСАРА Интернэшнл» (г. Екатеринбург)

Специфика арабо-иранских отношений в контексте цивилизационного подхода

Ляпин Владимир Александрович, к.и.н., доцент, доцент Специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Восприятие западноевропейского опыта русской бюрократией в условиях подготовки отмены крепостного права

Мурзина Ирина Яковлевна, д. культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологи Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

Межкультурный диалог: педагогические аспекты

Нуждин Олег Игоревич, к.и.н., доцент, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

«... и те, кто были французами, стали англичанами»: свои и чужие во Французском королевстве первой трети XV в.

Огоновская Изабелла Станиславовна, к.и.н., доцент, доцент Специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета, председатель Ассоциации преподавателей права Свердловской области (г. Екатеринбург)

Проблемы поликультурного образования в современной российской школе

Пирогова Елена Павловна, к.и.н., доцент, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург)

Наследники и наследие уральского заводчика А.Ф. Турчанинова в Италии: межкультурные связи

Постникова Алена Александровна, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Минск в 1812 году: между Францией и Россией

Промыслов Николай Владимирович, к.и.н., проректор Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва)

Развитие концепции «русской угрозы» во Франции в 1799-1814 гг.

Романчук Альбина Ильинична, д.и.н., профессор, профессор кафедры древнего мира и средних веков Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Конфессиональные противоречия: Свято-Владимирский монастырь и первый заведующий Херсонесским городищем

Сильченко Иван Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, специалист музея Военной техники УГМК (г. Екатеринбург – г. В. Пышма)

Части особого назначения в Екатеринбургской губернии в 1919-1923 гг.

Соболева Лариса Степановна, д. филол. н., профессор кафедры классической литературы и фольклора ИГНИ Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Рукописные песенники как источники по истории эмоций и межкультурного взаимодействия

Таньшина Наталия Петровна, д.и.н., профессор, профессор кафедры всеобщей истории Отделения истории Института общественных наук Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Орас Верне: художник-дипломат в диалоге между Россией Николая I и Францией Луи-Филиппа

Чудинов Александр Викторович, д.и.н., заведующий лабораторией «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского федерального университета (г. Москва – г. Екатеринбург)

Инсордженца – «итальянская Вандея»

Шаклеин Олег Сергеевич, ассистент кафедры новой и новейшей истории, младший научный сотрудник Института русской культуры Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Реформы в Пруссии начала XIX в. как ответ на наполеоновские завоевания

Шестакова Надежда Фёдоровна, ассистент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

Образ Уэльса в романе В. Скотта «Обрученные»

Шистеров Максим Валерьевич, к.и.н., начальник отдела основных образовательных программ Учебно-методического управления, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург)

Ревизия концепта романизации и поиски локальных «римских» идентичностей в современной англоязычной историографии

УДК 371.3(091)(470.5)
Код ВАК 13.00.02; 07.00.02

И.Л. Бахтина

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ УРАЛА В 1920-е ГОДЫ

В статье речь идёт о распространении новых дидактических приемов и методов и попытке внедрения зарубежных образовательных технологий и методик в учебный процесс советской общеобразовательной школы на Урале в 1920-е годы. Рассматривается сущность таких технологий, как далтон-план, бригадно-лабораторный метод и метод проектов. Анализируются причины возвращения к традиционной классно-урочной системе.

Ключевые слова: общеобразовательная школа, модернизация школьного образования, педагогические технологии, обучение и воспитание.

Осуществление модернизации системы школьного образования требует как изучения, так и переосмысления опыта, накопленного в советский период, анализа как позитивных, так и негативных его аспектов с целью применения его к новым историческим условиям. С точки зрения использования исторического опыта в решении поставленных задач в сфере модернизации образования для исследователей интересен период 1920-х гг., так как проблемы развития общеобразовательной школы, стоящие перед государством и обществом на современном этапе, имеют много общего с теми проблемами, которые решались в годы новой экономической политики.

В первую очередь, речь идет о поиске оптимальных педагогических технологий и методик. Огромный интерес органы управления народным образованием и педагогическое сообщество проявляют к позитивно себя зарекомендовавшим зарубежным технологиям и методикам.

Период 1920-х годов в истории российской школы можно с полным правом назвать экспериментальным. В рассматриваемый пе-

Бахтина Ирина Леонидовна, декан исторического факультета Уральского государственного педагогического университета(620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26), кандидат исторических наук, доцент.

Irina L. Bakhtina, dean of the Faculty of History of the Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Cosmonauts Ave. 26), candidate of historical sciences, associate professor.

Телефон/Phone: +7 9222071561. Электронная почта/E-mail: bahtina@uspu.me

© Бахтина И. Л., 2017

риод в учебно-воспитательной работе школы РСФСР получили распространение новые дидактические приемы и методы¹.

В области дидактики в плане методики преподавания в послереволюционной школе утверждался активно-исследовательский подход согласно установкам руководителей народного образования и ученых-педагогов того времени: ребенок должен был не пассивно усваивать то, что говорит учитель или написано в учебнике, а самостоятельно изучать и осваивать все богатство мира через экскурсии, работу в лабораториях, наблюдения за природой и т.п. Например, П.П. Блонский писал: «В школе ребенок не учится, но упражняется в самостоятельных занятиях»².

В 1920-е гг. получила развитие методика организации учебной работы, которая была названа лабораторным планом или «дальтон-планом»³. Далтон-план (или Дальтон-план) по сути своей является системой индивидуализированного обучения и обязан своим появлением американской учительнице Елене Паркхерст. Новый способ планирования и организации учебного процесса стал так называться, поскольку впервые был применён в школах г. Далтон (штат Массачусетс) в 1905 г. Известны и другие названия далтон-плана: лабораторная система, система мастерских. Главное отличие его от классно-урочной системы в следующем: основная учебная работа осуществлялась не в классе на уроке, а индивидуально в лабораториях, мастерских, кабинетах, библиотеках. Целью обучения по далтон-плану являлась организация индивидуальной учебной работы с максимальным учётом особенностей каждого ученика. В далтон-плане отсутствовало объяснение учителем нового материала. Роль учителя заключалась в организации работы учащихся и оказании им необходимой помощи. Класс как группа учащихся сохранялся, однако уроков в обычном понимании не существовало. Коллективной работе с участием всего класса отводился лишь один час в день, остальное время дети должны были заниматься индивидуально, выполняя задания, разработанные учителем. Для этого рабочие места учащихся укомплектовывались необходимыми учебными пособиями, инструкциями по изучению теоретического материала и выполнению учебных заданий. Общего плана занятий также не было. Программы обучения разбивались на ряд заданий по месяцам с указанием сроков их выполнения. Учёт выполнения учебных заданий вёлся в индивидуальных карточках учащихся и сводной таблице класса. Стремление индивидуализировать учебный процесс, безусловно, относится к главным достоинствам обучения по далтон-плану. Это сделало новую систему обучения очень популярной во

¹ Королев, Корнейчик, Равкин 1961: 133.

² Анисов 1965: 237.

³ Королев, Корнейчик, Равкин 1961: 136.

всём мире. Для её реализации было разработано много методических приёмов, которые и сегодня используются для индивидуализации учебного процесса и активизации учебно-познавательной деятельности. Далтон-план стал основой для разработки ряда других систем обучения, таких, как бригадно-лабораторный метод.

Особенностью бригадно-лабораторного метода являлось сочетание коллективной работы всего класса с бригадной и индивидуальной работой. Бригадой называлась часть класса – группа из нескольких человек. При использовании бригадно-лабораторной системы обучения на общих занятиях планировалась работа, обсуждались задания, которые распределялись между бригадами, а также устанавливались сроки выполнения и обязательный минимум работы. Каждая бригада работала над выполнением задания, за которое перед учителем отчитывался «бригадир».

Во второй половине 1920-х гг. в школах РСФСР началось распространение еще одного дидактического нововведения – метода проектов. Разработанный в первой половине XX века на основе прагматической педагогики Джона Дьюи метод проектов в России стал известен с 1905 года. После революции метод проектов применялся в школах по личному распоряжению Н.К. Крупской. Суть его заключалась в выполнении учащимися определенных практических заданий; при этом сначала ставилась задача, что нужно сделать, а затем ученик определял, что необходимо для этого узнать и самостоятельно над этим работал. Учителю отводилась роль разработчика, координатора, эксперта, консультанта.

Однако что касается Урала, то все эти новые методы в полной мере реализовывались лишь в немногих школах, главным образом городских. В сельской местности большей частью все оставалось по-старому, причиной чего было как тяжелое материальное положение школ, так и неподготовленность педагогического персонала⁴.

Информация о внедрении новых методов обучения на Урале появляется в инструкторских докладах и отчетах разного уровня начиная с 1923/24 уч. г. Но документы свидетельствуют, что применение их в уральских школах (и в начальных, и в повышенных) было скорее исключением, чем правилом и часто лишь на уровне отчетов.

Тем не менее, в Пермском округе в январе–марте 1924 года 50% школ округа (в т.ч. сельских) осваивали новые методы обучения⁵. Применение новых методов имело место и в других округах. В докладе о состоянии дел по Ирбитско-Туринскому округу на 1 апреля 1924 года говорится, что методами, наиболее распространенными в процессе пре-

⁴ Холмс 1993: 394–396.

⁵ ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 108. Л. 34.

подавания, являются: наглядно-иллюстративный, экскурсионный, распространяются лабораторно-исследовательский и комплексный⁶.

Однако в глубинке никаких новшеств в преподавании не наблюдалось. В информационном годовом отчете Ирбитского отдела народного образования (далее – ОНО) за 1923/24 уч. г. отмечено, что инспекторское обследование одного из таких глухих уголков как Гаринский и Таборинский районы, выявило, что учителя не видели ни программ, ни журналов, не знакомы с основами единой трудовой школы (далее – ЕТШ), учат только читать и писать⁷.

В то же время, как нам представляется, внедрение элементов новых методик в ряде случаев никак не зависело от желаний и методических пристрастий учителя. Причина была в плохой обеспеченности школ учебной и методической литературой. В большинстве школ, в первую очередь деревенских, книги имелись в единственном экземпляре, поэтому их приходилось читать коллективно в классе или в группах. Читал учитель или ученики по очереди. Для выполнения домашнего задания ученики должны были собираться в классе или дома у кого-либо из учеников.

В этой ситуации методический совет УралОНО в 1924 году вынужден был прописать рекомендации учителю, как он должен вести уроки в условиях нехватки или отсутствия учебной литературы: чаще самому читать вслух; если книги разные, они выдаются разным группам учеников и затем прочитанное обсуждается. Рекомендованы дискуссии, доклады. Вопросы общественно-политического характера обсуждаются в митинговом и дискуссионном порядке. Для ведения собрания избирается президиум и секретарь. Ответственный секретарь – это школьный работник, он ведет протокол, затем выносятся постановления⁸. На уроках родного языка рекомендовалось применять метод инсценировок, драматизации. На других уроках – зарисовки, диаграммы, аппликации⁹. На уроках обществоведения методсовет предлагал активно использовать периодическую печать, а также выпускать свою школьную газету¹⁰.

Недостаток учебной литературы должен был быть изжит путем широкого применения художественной. Математика прорабатывается в связи с другими предметами на живых примерах. «Устный счет должен занять большое место». В связи с проработкой вопросов естествознания необходимо вести беседы на антирелигиозные темы¹¹.

⁶ Там же. Д. 96. Л. 12.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д. 22. Л. 52.

⁹ Там же. Л. 54.

¹⁰ Там же. Л. 55.

¹¹ Там же. Л. 34.

Сведения о применении новых методов мы встречаем в отчетах о деятельности школ крестьянской молодёжи (ШКМ). Так, в отчете УралОНО (конспект) за 1925–1927 гг. сказано: «Методика работы ШКМ не разработана, метод проектов только прививается. Программы требуют локализации»¹². Однако в подавляющем большинстве школ, в т.ч. сельских, дело ограничивалось, в основном, экскурсиями. Где же, в таком случае, применялись методики? Основной базой разработки и применения новых подходов и методов стали опытно-показательные школы¹³. Именно здесь разрабатывались методики комплексного обучения, применялись дальтон-план, метод проектов, устраивались отчетные выставки, проводились драматизации и т.п.¹⁴. Опытных школ было немного, но здесь работали наиболее квалифицированные педагогические кадры.

Однако недостаточное финансирование школьной сети в 1920-е гг. и попытки органов народного образования директивными указаниями вводить экспериментальные педагогические методики в учебный процесс приводили к понижению качества образования¹⁵. До некоторой степени плохое качество знаний у выпускников школы было запрограммировано самой направленностью школы в первую очередь на воспитание, а лишь затем на образование. Кроме того, по мысли многих советских педагогов 1920-х гг., целью образования являлось не усвоение знаний, а развитие способностей¹⁶. Считалось, что нет большой беды в том, что новая школа снижает успехи учеников по сравнению с тем, что она прививает навыки самообразования¹⁷.

О том, каким был действительный уровень выпускников ЕТШ, дают представление результаты вступительных экзаменов в ВУЗы РСФСР в рассматриваемый период. В 1927 году 36% выпускников школ II ступени, поступавших в ВУЗы, оказались не в состоянии сдать экзамены за курс начальной школы – столь скромными были успехи учебной работы школ¹⁸.

Аналогичная ситуация наблюдалась на Урале. В Уральской области повсеместно инспекторы ОНО отмечали снижение результативности учебной работы. О том же говорится в отчетах окружных комитетов партии и органов народного образования, представленных в Уралобком ВКП(б). Так, итоговый отчет органов народного просвещения на Урале за 1925/26 уч. г. (сельские школы) свидетельствует,

¹² Там же. Д. 266. Л. 10.

¹³ Очерки истории школы 1980: 88.

¹⁴ Константинов, Медынский 1948: 68, 160, 174.

¹⁵ Королев, Корнейчик, Равкин 1961: 143; Константинов, Медынский 1948: 68; Холмс 1993: 70.

¹⁶ Вендровская 1982: 25-27.

¹⁷ Милюков 1993: 393-395.

¹⁸ РГАЭ.

что у окончивших даже школы повышенного типа отсутствуют самые элементарные знания (выводы сделаны по итогам приема в ВУЗы и техникумы)¹⁹. В отчете заведующего Златоустовским ОкрОНО осенью 1925 года говорится, что формальные знания учеников очень слабые²⁰. Итоги инспекторских проверок УралОНО во второй половине 1920-х гг. констатируют безграмотность почти по всем дисциплинам: ученики не знают дроби, таблицу умножения, действия с целыми числами, элементарных основ правописания²¹.

Таким образом, попытки привить зарубежные педтехнологии на российскую почву в 1920-е годы закончились крахом. Во-первых, успеху не способствовало материальное состояние общеобразовательных школ. Во-вторых, у новаторских технологий обучения обнаружились и недостатки, которые были обусловлены снижением роли учителя и ученического коллектива в учебном процессе и приводили к снижению уровня подготовки. Это привело к тому, что популярность далтон-плана после двух десятилетий его активного распространения пошла на убыль.

Бригадная форма работы зачастую использовалась не в дополнение к индивидуальной, а вместо неё, что плохо сказывалось на личной ответственности учащихся (учебное задание за бригаду мог сделать один человек, а остальные – получить оценки, не выполнив никакой работы).

В результате в начале 1930-х гг. школы СССР вновь перешли на дореволюционную классно-урочную систему обучения, а использование бригадно-лабораторного метода было ограничено. В 1931 г. метод проектов постановлением ЦК ВКП(б) был осужден как чуждый советской школе и не использовался вплоть до конца 80-х годов.

Список источников и литературы

- Анисов 1965** – Анисов М.И. Хрестоматия по истории советской школы и педагогики. – М., 1965.
- Вендровская 1982** – Вендровская Р.Б. Очерки истории советской дидактики. – М., 1982.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области. Ф. 233. Оп. 1. Д. 22, 96, 108, 266, 270, 277, 540.
- Королев, Корнейчик, Равкин 1961** – Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки истории советской школы и педагогики. 1921–1931. – М., 1961.

¹⁹ ГАСО. Д. 277. Л. 170.

²⁰ Там же. Д. 270. Л. 48а.

²¹ Там же. Д. 540. Л. 111.

- Константинов, Медынский 1948** – Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки истории советской школы РСФСР за 30 лет. – М., 1948.
- Милюков 1993** – Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. – М., 1993.
- Очерки истории школы 1980** – Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941 гг. – М., 1980.
- РГАЭ** – Российский государственный архив экономики. Ф. 147. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.
- Холмс 1994** – Холмс Л.Е. Социальная история России: 1917–1941. – Ростов-на-Дону, 1994.

Irina L. Bakhtina

**EXPERIENCE OF IMPLEMENTATION OF FOREIGN
EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN GENERAL EDUCATION
INSTITUTIONS OF THE URALS IN THE 1920-TH**

In the article we are talking about the spread of new teaching techniques and methods and the implementation of foreign educational technologies and methods in the educational process of the Soviet comprehensive school in the Urals in the 1920-ies. The essence of technologies such as the Dalton plan, brigade-laboratory method and project method. Analyzes the reasons for the return to the traditional class-lesson system

Keywords: secondary school, modernization of school education, educational technology, training and education

УДК 378.016:93(430)

Код ВАК 07.00.03

А.И. Голотина

**ОБРАЗ НАПОЛЕОНА В СОВРЕМЕННОМ ВЫСШЕМ
ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ФРГ**

Германская история начала XIX века породила несколько важных исторических фигур, которые останутся в памяти немцев как национальные символы. Одной из таких символических фигур является император Франции Наполеон I. В данной статье анализируется роль и место образа Наполеона в высшем историческом образовании Федеративной Республики Германии. На

Голотина Алена Игоревна, магистрант Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Alena I. Golotina, master student of Ural State Pedagogical University, (620017, Russia, Yekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 336-14-55. Электронная почта/E-mail: alena.golotina@mail.ru.

© Голотина А. И., 2017

основе анализа электронных расписаний «элитных» немецких университетов и университетских сайтов рассматриваются варианты использования фигуры Наполеона в образовательном процессе.

Ключевые слова: Наполеон, германская история начала XIX века, высшее историческое образование ФРГ.

Богатое на события начало XIX века подарило немецкой истории множество фигур, ставших национальными символами, военными героями, реформаторами и спасителями Отечества. Это прусская Мадонна – королева Луиза вместе со своим мужем Фридрихом-Вильгельмом III – «меланхоликом на троне»²², Адольф фон Лютцов и молодые герои Освободительной войны из его фрайкора, увековеченного во многих песнях, черные брауншвейцы и прусские реформаторы, такие как Г.Ф.К. фон Штейн или К.А. фон Гарденберг. Современная немецкая историография, посвященная этим историческим личностям (от биографий политических и военных деятелей до анализа процессов трансформации памяти о них), достаточно обширна, чтобы дать возможность составить представление о важности этих символических фигур для национальной памяти.

Среди этих символических фигур особняком возвышается фигура Наполеона, являющаяся важной частью немецкого мифа, одновременно как «бога войны» и гаранта политической стабильности для одних²³, и как тиран и завоеватель для других. Сложная и противоречивая фигура Наполеона, одновременно бывшего и врагом, и объектом восхищения, трансформация образа французского императора в сознании обывателей, восприятие его личности потомками – все эти темы находят свое место в трудах современных немецких историков.

В качестве примера можно привести коллективную монографию Вульфа Вюльфинга, Карин Брунс и Рольфа Парра «Историческая мифология немцев: 1798-1918 гг.». В ней авторы анализируют те образы, в которых Наполеон предстал перед своими современниками: завоеватель, мститель, мученик²⁴. В своем исследовании авторы прослеживают трансформацию представлений о Наполеоне через литературные произведения, в которых нашел отражение образ этого героя. У поэтов времен Освободительной войны, например, у Эрнста Морица Арндта, он «корсиканец» и «чужеземец», а у Теодора Кёрнера «тиран»²⁵. Этими авторами Наполеон почти демонизируется как «волк» и «сын ада»²⁶. Вместе с окончательным поражением Наполеона в 1815 году меняется и его образ, а новой вехой для изменения образа Наполеона

²² Stamm-Kuhlmann 1992.

²³ Планерт 2014: 312-329.

²⁴ Bruns, Parr, Wülfing 1991: 18.

²⁵ Ibid.: 22.

²⁶ Ibid.: 23.

является смерть императора, и для Г. Гейне Наполеон представляется уже как «полубог», великий император²⁷.

Интересны параллели, проводимые немецкими историками между Наполеоном и Бисмарком – другой важной фигурой немецкого XIX века. Рольф Парр является автором самостоятельной книги ««Две души, увы, в моей груди!»,: структуры и функции бисмарковского мифа (1860-1918)»²⁸. Обращаясь к значимым историческим деятелям XIX века, автор отмечает, что Наполеон и Бисмарк в системе прусско-немецких национальных мифов представляют собой «антагонистичных Диоскуров» – некую оппозиционную пару. В этой паре Наполеон наделяется отрицательными характеристиками²⁹. Между Наполеоном и Бисмарком всегда существует огромная разница, что создает возможность для максимального различия обеих личностей. Особенно хорошо это видно благодаря таблицам, представленным автором: характеристики Наполеона всегда со знаком «-», тогда как у Бисмарка всегда стоит «+»³⁰.

Параллели между Наполеоном и Бисмарком затрагивает и Беттина Плетт в своей книге «Проблемные натуры? Герой и героизм в реалистическом повествовании»³¹. Автор обращается к паре Наполеон–Бисмарк и проводит интересные аналогии между идеализацией Бисмарка и обожествлением Наполеона, хотя ее точка зрения несколько отличается от той, которая была изложена Рольфом Парром. Согласно Б. Плетт, оба персонажа признаются «великими людьми», но формы почитания этих двух личностей основываются на разных качествах и явно опираются на национальные мотивы. Наполеону, как отмечает автор, поклонялись в стиле Томаса Карлейля³² – как выдающемуся и недостижимому «великому человеку». В случае же почитания Бисмарка ситуация иная. Он предстает в первую очередь как политически мотивированный образец для подражания и идентификации³³.

Однако, несмотря на внимание, уделяемое Наполеону как в немецкой историографии, так и в свете немецкой национальной памяти, французский император оставался противником. Уважаемым и одновременно ненавидимым противником. Подобная инаковость была важной характеристикой его личности. Так, Уте Планерт указывает на антифранцузский характер немецкого патриотизма, что впоследствии станет благодатной почвой для точки зрения, согласно которой немецкая

²⁷ Ibid.: 38.

²⁸ Parr 1992.

²⁹ Ibid.: 145.

³⁰ Ibid.: 148.

³¹ Plett 2002.

³² Карлейль 2008.

³³ Plett 2002: 87.

нация формировалась в противоборстве с Францией³⁴. Впрочем, автор говорит и о том, что этот, антифранцузский характер немецкого национализма, особенно ярко проявившийся во времена Германской империи и после Первой мировой войны, во многом весьма искусственный.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что образ Наполеона, является важной частью немецкого национального самосознания, хотя и несет в себе множество негативно окрашенных черт. Однако вопреки, а возможно и благодаря этим негативным чертам, в немецком обществе Наполеон является куда более популярной и вспоминаемой фигурой начала XIX века, чем многие немецкие деятели того же периода, что ярко видно при знакомстве с системой высшего исторического образования в ФРГ. Как много не писали бы историки о королеве Луизе, о подвигах членов фрайкоров, мифе Освободительной войны, в учебном процессе превалирует Наполеон. К этой символической фигуре обращаются намного чаще, нежели к родным для немцев историческим личностям.

С императором Франции ассоциируется целая эпоха, а также большое количество исторических терминов и понятий: наполеоновская эпоха, бонапартизм как одна из возможных форм демократической диктатуры³⁵, наполеоновская Франция, наполеомания и т.д. Само имя Наполеона является своеобразной исторической вехой, что наглядно можно увидеть в названии семинара в Гейдельбергском университете: «Конец Священной римской империи 1789-1806: Французская революция, германская медиатизация и Наполеон Бонапарт»³⁶ или в Берлинском университете имени Гумбольдта на семинаре «Германский союз 1815-1866 гг.»³⁷, где речь идет о промежутке времени «между Наполеоном и Бисмарком».

Неоднократно подчеркивается неоднозначность этой личности, в какой-то мере являвшейся отражением всей эпохи перехода к «современности». Не зря в немецкой историографии существует специальный термин «die Sattelzeit» («переломное время»), введенный в научный оборот Райнхартом Козеллеком для обозначения временного периода, характеризующегося переходом к современности. Хронологические рамки этого периода начинаются с позднего просвещения (около 1750 г.) и заканчиваются 1850 годом. Наполеон в каком-то роде является олицетворением этого периода. Это можно увидеть на примере лекции «Наполеон – фигура между старым и новым миром (1769-1821)»³⁸ главной целью которой является не освещение основных вех

³⁴ Планерт 2014.

³⁵ Demokratische Diktatur 2016.

³⁶ Das Ende des Alten Reiches 1789-1806 2010.

³⁷ Der Deutsche Bund 1815-1866 2007.

³⁸ Napoleon 2016.

жизни этого политического и военного деятеля, но, «используя пример Наполеона, излагаются основные элементы европейской социальной истории в переходе к „современности“».

Однако в рамках учебного процесса обращаются и к более традиционным темам: к фигуре Наполеона с целью рассмотрения вех его биографии и различных форм памяти о нем. В частности, такую цель преследует практический семинар «Наполеон Бонапарт (1769-1821)»³⁹ в Мюнхенском университете и семинар «Наполеон I (1769-1821) – император Франции»⁴⁰ в университете Кёльна. На этих занятиях исследовалась «биография легендарного императора и, в частности, вопрос о важности его для Германии».

Через призму восприятия Наполеона в университетах ФРГ поднимаются общие вопросы памяти о XIX веке, того, как воспринимается история определенного периода в общественном сознании. Ярким примером занятий подобного типа являются семинары «История в фильме на примере „Наполеона“ Ива Симоно»⁴¹ и «Наполеомания? Европейские воспоминания в изменении (1815-1945)»⁴². На этих занятиях на примере фигуры Наполеона прослеживается сам механизм восприятия и трансформации памяти, а также те средства, с помощью которых происходит накопление и изменение исторической памяти.

Наполеоновская эпоха в обобщенном виде также становится предметом исследования в рамках учебного процесса, ведь она «считается важной вехой в истории Европы»⁴³. Иногда в четко заданных рамках: с 1799 года, когда Наполеон Бонапарт стал консулом Франции, до поражения Наполеона в битве при Ватерлоо 18 июня 1815, как, например, на семинаре «Наполеоновская империя 1799-1815 гг.»⁴⁴. Однако чаще наполеоновская эпоха, тесно связанная с эпохой Французской революции, имеет куда более четкие рамки своего окончания, в отличие от своего начала, являющегося предметом дискуссий. Эта проблема – дискуссии о начале наполеоновской эпохи и той дате, которую можно было бы назвать концом Французской революции, поднимается на вводном семинаре в Университете Кёльна под названием «Французская революция и наполеоновская эпоха»⁴⁵. В кратком синопсисе, описывающем содержание семинара говорится о том, что «вопрос о конце революции, который датируется поочередно 1799, 1804 или 1815 г., остается спорным, но он всегда непосредственно связан с фигурой Наполеона Бонапарта».

³⁹ ÜBUNG: Napoleon Bonaparte 2009.

⁴⁰ Napoleon I 2009.

⁴¹ Geschichte im Film am Beispiel von Yves Simoneaus "Napoleon" 2004.

⁴² Napoleomanie 2008.

⁴³ Das Zeitalter Napoleons als europäische Geschichte 2013.

⁴⁴ Napoleons Imperium 1799-1815 2010.

⁴⁵ Die Französische Revolution und das Zeitalter Napoleons 2011.

Мифы об «Отечественной войне 1813-1814 гг.» или о реформах Штейна-Гарденберга иногда поднимаются в процессе обучения в отдельных университетах. Но это лишь единичные случаи, которые не могут сравниться с тем объемом учебного материала, который посвящен французскому императору. В свою очередь, Наполеон (как личность, как символическая фигура, как миф, как часть определенной эпохи или олицетворение целого исторического периода, как общественно-политический феномен) изучается повсеместно и интерес к нему в современном высшем историческом образовании не ослабевает. Как мы видим, Наполеон является не только той фигурой, которая до сегодняшнего дня вызывает огромный интерес в академической среде, несмотря на то, что начало XIX века подарило немецкой истории множество других запоминающихся героев, но и удобным примером для иллюстрации многих проблемных исторических вопросов целого ряда учебных тем.

Список источников и литературы

- Карлейль 2008** – Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/karl/ (дата обращения: 20.08.2017).
- Планерт 2014** – Планерт У. Германский национализм и опыт регионов в эпоху Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII: Сборник материалов. К 200-летию Заграничных походов российской армии 1813-1814 годов. – М.: Кучково поле, 2014. С. 312-329.
- Bruns, Parr, Wülfing 1991** – Bruns K., Parr R., Wülfing W. Historische Mythologie der Deutschen: 1798-1918. – München: Fink, 1991.
- Das Ende des Alten Reiches 1789-1806 2010** – Das Ende des Alten Reiches 1789-1806: Französische Revolution, Reichsdeputationshauptschluss und Napoleon Bonaparte. URL: <https://lsf.uni-heidelberg.de/qisserver/rds?state=verpublish&status=init&vmfile=no&publishid=95714&moduleCall=webInfo&publishConfFile=webInfo&publishSubDir=veranstaltung> (дата обращения: 21.08.2017).
- Das Zeitalter Napoleons als europäische Geschichte 2013** – Das Zeitalter Napoleons als europäische Geschichte. URL: http://www.ngzg.geschichte.uni-muenchen.de/studium_lehre/lehveranstaltungen/lehresiemann/lehrealt/lehre_wise1314/index.html (дата обращения: 21.08.2017).
- Demokratische Diktatur 2016** – Demokratische Diktatur? „Bonapartismus“, „Cäsarismus“ und „plebisitäre Führerdemokratie“ im 19. und 20. Jahrhundert. URL: <https://lsf.uni-heidel->

berg.de/qisserver/rds?state=verpublish&status=init&vmfile=no&publishid=230317&moduleCall=webInfo&publishConfFile=webInfo&publishSubDir=veranstaltung (дата обращения: 21.08.2017).

Der Deutsche Bund 1815-1866 2007 – Der Deutsche Bund 1815-1866. URL: <https://www.geschichte.hu-berlin.de/de/lehre-und-studium/formularedok/kvv-archiv/ws-2007-08> (дата обращения: 21.08.2017).

Die Französische Revolution und das Zeitalter Napoleons 2011 – Die Französische Revolution und das Zeitalter Napoleons. URL: <https://klips.uni-koeln.de/qisserver/rds?state=verpublish&status=init&vmfile=no&publishid=57450&moduleCall=webInfo&publishConfFile=webInfo&publishSubDir=veranstaltung> (дата обращения: 22.08.2017).

Geschichte im Film am Beispiel von Yves Simoneaus "Napoleon" 2004 – Geschichte im Film am Beispiel von Yves Simoneaus "Napoleon". URL: <http://archiv.vv.fu-berlin.de/vorlesungsverzeichnis/ws0304/geschkultur/004002007004001001.shtm> (дата обращения: 22.08.2017).

Napoleomanie 2008 – Napoleomanie? Europäische Erinnerungen im Wandel (1815-1945). URL: <http://archiv.vv.fu-berlin.de/vorlesungsverzeichnis/ws0708/geschkultur/004002006007004001.shtml> (дата обращения: 22.08.2017).

Napoleon 2016 – Napoleon – Figur zwischen alter und neuer Welt (1769-1821). URL: <https://lsf.verwaltung.uni-muenchen.de/qisserver/rds?state=verpublish&status=init&vmfile=no&moduleCall=webInfo&publishConfFile=webInfo&publishSubDir=veranstaltung&veranstaltung.veranstid=598692> (дата обращения: 21.08.2017).

Napoleon I 2009 – Napoleon I. (1769-1821) – Kaiser der Franzosen. URL: <https://klips.uni-koeln.de/qisserver/rds?state=verpublish&status=init&vmfile=no&publishid=18100&moduleCall=webInfo&publishConfFile=webInfo&publishSubDir=veranstaltung> (дата обращения: 22.08.2017).

Napoleons Imperium 1799-1815 2010 – Napoleons Imperium 1799-1815. URL: <https://lsf.uni-konstanz.de/qisserver/rds?state=verpublish&status=init&vmfile=no&publishid=23045&moduleCall=webInfo&publishConfFile=webInfo&publishSubDir=veranstaltung> (дата обращения: 22.08.2017).

Parr 1992 – Parr R. „Zwei Seelen wohnen, ach! In meiner Brust“: Strukturen und Funktionen der Mythisierung Bismarcks (1860 – 1918). – München: Fink, 1992.

Plett 2002 – Plett B. Problematische Naturen?: Held und Heroismus im realistischen Erzählen. – Paderborn: Schöningh, 2002.

Stamm-Kuhlmann 1992 – Stamm-Kuhlmann T. König in Preußens großer Zeit. Friedrich Wilhelm III. der Melancholiker auf dem Thron. – Berlin: Siedler, 1992.

ÜBUNG: Napoleon Bonaparte 2009 – ÜBUNG: Napoleon Bonaparte (1769-1821). URL: http://www.ngzg.geschichte.uni-muenchen.de/studium_lehre/lehrveranstaltungen/lehresiemann/lehrealt/lehresose09/index.html (дата обращения: 21.08.2017).

Alena I. Golotina

THE IMAGE OF NAPOLEON IN THE MODERN HIGHER HISTORICAL EDUCATION OF GERMANY

The German history of the early 19th century gave rise to several important historical figures that will remain in the memory of the Germans as national symbols. One of these symbolic figures is the Emperor of France Napoleon I. This article analyzes the role and place of Napoleon in the highest historical education of the Federal Republic of Germany. Based on the analysis of electronic schedules of "elite" German universities and university sites, the forms of using the figure of Napoleon in the educational process are considered.

Keywords: Napoleon, the German history of the early 19th century, the higher historical education.

УДК 811.112.2'42(091)

Код ВАК 07.00.03

М.В. Дацишина

В ТЕНИ ИМПЕРАТОРА. ОБРАЗ НАПОЛЕОНА В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. 1933-1945 ГГ.

Объектом данной статьи является организованный дискурс (на примере нацистской пропаганды); предметом – технологии (на примере наполеоновского дискурса) актуализации/вытеснения образов прошлого из организованного общественного дискурса. Хронологические рамки статьи определены 1933-1945 гг. В отдельных случаях автор традиционно идет на расширение хронологических рамок, заявленных в статье, приоритетным считая проблемный подход. Автор аргументированно доказывает, что использование образа Наполеона в официальном дискурсе нацистской Германии было ограничено антифранцузским дискурсом политической элиты. Данное обстоятельство влияло на бессистемность использования образа Наполеона в официальном дискурсе. Бессистемное использование образа Наполеона в нацистской пропаганде удерживало его в общественном дискурсе и упрощало использование образа Наполеона в антинацистской контрпропа-

ганде. Осязаемость угрозы гибели вермахта в России, как до этого и армий Наполеона, превращалась в самостоятельную угрозу. Автор выделяет несколько технологий вытеснения наполеоновского дискурса из немецкого массового сознания. А. Превосходство. Наполеон – это лишь слабый предшественник Гитлера. В. Замещение. Актуализация новых исторических сюжетов. С. Противопоставление. Наполеон – враг Германии.

Ключевые слова: нацистская пропаганда, образ Наполеона, технологии пропаганды, нацистская Германия.

В попытке встроить нацизм в общемировой контекст, объяснить его закономерность, нацистская пропаганда постоянно прибегала к образам прошлого. Античные сюжеты, пророчества Нострадамуса, адресация к Бисмарку и Фридриху Великому, сюжеты Тридцатилетней и Семилетней войн, англо-бурская война, британские колониальные захваты в Африке и Индии, история средневекового ганзейского союза городов – вот далеко не полный перечень исторических тем, которые использовались в официальном дискурсе нацистской Германии. Интересна в этой связи история обращения немецкой пропаганды к образу Наполеона.

Тема Наполеона была очень соблазнительна для нацистской пропаганды, однако ее направленному использованию мешал антифранцузский дискурс, основанный, прежде всего, на идеологии реваншизма, пересмотра условий Версальского договора, т.е. программном положении партии национал-социалистов.

После назначения А. Гитлера канцлером тема Наполеона использовалась для закрепления обыденности репрессий против политических оппонентов. Создание первых концлагерей для политических противников, а также убийство Э. Рема и его сторонников в 1934г. нацистская пропаганда интерпретировала как национальную (националистическую) революцию, сопоставимую по величию и масштабу задач с Французской революцией. При этом подчеркивалось, что, в отличие от Франции, революция в Германии являлась мирной, почти бескровной⁴⁶. *Наполеон выступал как кровавый предшественник Гитлера.*

Деятельность министерства пропаганды сверялась с пропагандистской деятельностью Наполеона. В 1933 г. Геббельс заявлял, что радио в двадцатом веке станет тем, чем была пресса для Наполеона⁴⁷. *Наполеон здесь выступал как предшественник, чей опыт используется в ведении*

Дацишина Марина Викторовна, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (125009, Москва, Большая Дмитровка, 15); кандидат исторических наук.

Marina V. Datsishina, Chief specialist of the Russian state archive of socio-political history (125009, Moscow, Bolshaya Dmitrovka, 15); PhD in history.

Телефон/Phone: +7 (495) 692-89-83. Электронная почта/E-mail: ditrich@list.ru.

© Дацишина М. В., 2017

⁴⁶ Дацишина 2012: 160-170.

⁴⁷ Агапов 2005: 144.

пропаганды. Различие нацистской Германии и наполеоновской Франции заключалось в выборе более современного канала коммуникации.

При обсуждении планов реконструкции городов Германии, включая Берлин, а также строительства дорог, с одной стороны, учитывался аналогичный опыт Наполеона по проведению масштабного строительства, с другой стороны, подчеркивалось превосходство проектов нацистской Германии по отношению к достижениям Наполеона.

В 1940 г. останки сына Наполеона были перенесены из Вены в Париж. Согласно комментарию Й. Геббельса, такой жест должен был обеспечить лояльность французов. Однако, несмотря на «пропагандистскую мелодраму» и участие в мероприятиях маршала Анри-Филиппа Петена и других членов правительства Виши, парижане с горечью шутили: «Вместо костей наполеоновского наследника нам бы лучше немцы привезли хорошего мяса для наших детей»⁴⁸. *Обращение к теме Наполеона использовалось для мобилизации политической элиты нацистской Германии и лояльной ей части французского общества.*

Сразу после оккупации Франции немецкие историки получили политический заказ: исследовать политику Франции за 400 лет с тем, чтобы доказать, что Франция всегда стремилась ликвидировать Германию как единое государство. Нацистская пропаганда должна была постфактум оправдать оккупацию Франции. Данный прием традиционно использовался Германией: захват чужих земель прикрывался псевдоисторическим обоснованием. В 1935 г., через месяц после аншлюса Австрии, в недрах СС была создана историческая комиссия и для обоснования неминуемости аншлюса, и для вуалирования подрывной деятельности немецкой разведки⁴⁹.

Таким образом, до нападения на СССР тема Наполеона удерживалась в организованном дискурсе нацистской Германии, но не имела направленного вектора. Образ Наполеона использовался как некий универсальный пример (авторитет), не нуждающийся в дополнительных обоснованиях и доказательствах. Он извлекался нацистской пропагандой «по случаю», без учета предыдущих вариантов ее утилитарного использования.

8-11 августа 1941 г. Гитлер рассматривал два возможных варианта войны Сталина: тактику отхода, как это было в войну 1812 г., и тактику отчаянного сопротивления. Гитлер предсказывал развитие войны по второму варианту. В начале августа 1941 г. он все еще не хотел видеть параллелей нападения нацистской Германии на СССР с кампанией Наполеона в России⁵⁰. В течение всей войны Гитлер вел с Наполеоном своеобразный внутренний диалог: в конце марта 1942 г.

⁴⁸ Агапов 2005: 61.

⁴⁹ Правда.

⁵⁰ Тревор 2004: 52.

он осуждал Наполеона за то, что тот провозгласил себя императором и раздавал должности и титулы членам своей семьи и приближенным⁵¹; в апреле 1942 г. Гитлер заявлял, что победы мирового значения, которые французы одержали «под руководством этого уникального военного гения, корсиканца Наполеона», не меняет сути характера французов, который, по мнению Гитлера, продолжал оставаться мелкобуржуазным⁵². Только в феврале 1945 г. Гитлер признавался, что перед вторжением в Россию он внимательно изучил опыт Наполеона по книге К. фон Клаузевица⁵³, в которой нападение Наполеона на Россию было названо ошибкой.

В официальном дискурсе Германии параллелей между нападением Наполеона на Россию и нападением Гитлера на СССР не проводила. «В июле (1941 г. – М.Д.) мало кому из немцев приходило в голову сравнение со злополучным вторжением Наполеона в 1812 г. в Россию, зато многие гордились, что рейх нанес поражение России, не ослабляя в то же время военных усилий против Великобритании»⁵⁴. *Таким образом, Наполеон позиционировался как недальновидный предшественник, параллель с которым не может угрожать ни вермахту, ни Гитлеру.*

Вместе с тем, в общественном дискурсе Германии *параллели вермахт – армии Наполеона, Наполеон-Гитлер* удерживались контрпропагандой. И население Германии, и солдаты вермахта, а также военные моряки могли принимать передачи Би-Би-Си. Геббельс отметил в своем дневнике 22 июня 1941 г. официальную реакцию Лондона и Москвы на нападение Германии на Советский Союз: «Лондон заявил пока, что Гитлер сошел с ума и ссылается при этом на пример Наполеона, о чем и Молотов говорил. По этому поводу мы еще будем полемизировать»⁵⁵.

Основной причиной гибели Наполеона в России, по мнению политической и военной элиты нацистской Германии, были русские морозы. Для немцев, как и для большинства европейцев, зима и Сибирь являлись пугалом; такое представление возникало по книгам Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского⁵⁶. Даже у Л. Рифеншталь, которая участвовала в зимних съемках в Гренландии при температуре минус 28 градусов, любила зимние виды спорта, представление о русской зиме порождало в сознании сюрреалистические картины и впечатление ужаса⁵⁷. Гитлер расценивал нелюбовь к холоду как мистик, он говорил в ближнем кругу: «Я всегда ненавидел снег <...> я всегда его ненавидел. И теперь знаю, почему. Это было предчувствие». Образ русской зимы становился ося-

⁵¹ Там же: 363-364.

⁵² Там же: 378.

⁵³ Подробнее см.: Клаузевиц 2008.

⁵⁴ Сьард 1995: 272-273.

⁵⁵ Агапов 2005: 358.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф.17

⁵⁷ Рифеншталь 2006: 266-267.

заемым, а потому опасным для массового сознания в нацистской Германии. Гитлер признал выражение «русская зима» «психологически опасным» и подлежащим изъятию из употребления⁵⁸.

Из официального дискурса Германии тема русской зимы вытеснялась с помощью четырех тезисов, два из которых использовались в киножурналах «Дойче Вохеншау»: «*фюрер держит климат под контролем*» и «*зима – это не страшно, а весело*».

Первый тезис раскрывался в сюжетах, где Гитлер посещал немецкие фабрики по производству зимнего оборудования и обмундирования; зрителю показывали также фабрики, которые были открыты вермахтом на временно оккупированных советских территориях⁵⁹, где стали шить зимние шинели и полушубки для немецких солдат; кроме того, подробно освещалась объявленная (с опозданием) в Германии (декабрь 1941 г.) кампания «Зимняя помощь».

Второй тезис иллюстрировали кинозарисовки, где немецкие солдаты весело играли в снежки и после финской сауны купались в снегу обнаженными.⁶⁰

Третий тезис использовался только для солдат и офицеров на фронте: морозы 1941-1942 гг. вписывались в более широкий исторический контекст. В начале зимы 1942 г. в районе Туапсе советскими разведчиками были захвачена немецкая периодика, в которой разворачивалась оправдательная кампания, призванная объяснить неподготовленность вермахта к наступавшей зиме 1941-1942 гг. В статье «Зима в прежние времена», опубликованной в газете кавказской группировки вермахта «*Kampfer im Kaukasus*» говорилось о зимних холодах как о привычном и неопасном явлении, поскольку климат часто совершает скачки в сторону, а самая суровая зима в Германии была в 1740 г., когда мороз достигал минус 60 градусов⁶¹. Главным тезисом инструкции было утверждение, что мороз и холод являются настолько же обыденным, насколько и непредсказуемым для европейца, поскольку в истории Европы встречались зимы, отличавшиеся значительным понижением температуры.

И, наконец, четвертым *тезисом* было объявление русских морозов спасением для вермахта. В январе 1942 г. Гитлер объявил, что морозы остановили наступление, а значит и растягивание военных коммуникаций, поглощение немецкой армии пространствами России. В организованном общественном дискурсе Германии тезис русской зимы как спасения вермахта не использовался, потому что значительное количество обмороженных немецких солдат и их семьи вряд ли могли согласиться с

⁵⁸ Гальдер 2010: 532.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 69. В Минске городская фабрика фетровых изделий была запущена на 14 день оккупации, и уже 19 июля 1941г. были изготовлены первые валенки. См.: Минскер Цайтунг. – № 162. – 13 июля 1943 года.

⁶⁰ Die Deutsche Wochenschau.

⁶¹ Ефетов 1981: 41-42.

такой трактовкой. (Медаль за зимнюю кампанию 1941-1942 гг. на Восточном фронте солдаты вермахта называли «орден мороженого мяса»⁶².)

Параллель *вермахт* – *армия Наполеона*, *Гитлер-Наполеон* была изъята из официального дискурса нацистской Германии, однако она удерживалась советской контрпропагандой⁶³ и... частью офицеров вермахта. В воспоминаниях офицера для особых поручений 6-й армии вермахта мы нашли развернутый ответ на вопрос, как влияла история гибели армии Наполеона на сознание немецких офицеров в начале войны: «<...> в моей голове невольно ожили ledenящие душу воспоминания участников похода Наполеона в 1812 году. То, что я когда-то внутренне содрогаясь, читал у Л.-Ф. Сегюра и А. де Коленкура, нам теперь приходилось испытывать самим. <> Еще в первые месяцы войны на Востоке мысли о гибели «Великой армии» в 1812 году кошмаром преследовали меня. Тогда мы рвались вперед почти точно по тому же пути, по которому двигался на Москву Наполеон. Реку Березину наша дивизия форсировала в том же самом месте, где когда-то наполеоновская армия отчаянно отбивалась от преследовавшего ее противника. Там, у деревни Студенка, недалеко от города Борисова, наши саперы нашли в болоте остатки французских мостовых сооружений, а также наполеоновский штандарт с изображением орла. Будучи офицером связи между дивизией и армейским корпусом, я тогда часто колесил по „ничейной земле“ и не раз, сбившись с пути <...> особенно остро ощущал зловещую, растворяющую нас необъятную глубину восточных пространств, где нас повсюду подстерегала опасность. Обуреваемый историческими воспоминаниями, которые получали все новые подтверждения во время нашего прохождения через Березину и Смоленск к Бородину, и, ощущая в душе глубине души глубокое беспокойство, я тогда не устоял против желания написать пространное исследование о катастрофе Наполеона. Свое исследование я основывал на некоторых исторических материалах 1812 года, я старался выдвинуть на передний план прежде всего чисто человеческие моменты <...> В районе Смоленска в июле 1941 г. застопорилось наше победоносное продвижение вперед. <...> Именно там я передал мой трактат офицерам нашего штаба. Было видно, что он произвел на них впечатление. Меня вызвал к себе сам генерал. Он поблагодарил меня за проделанную работу, однако запретил размножать эту рукопись и знакомить с ее содержанием подчиненные нам части (выделено автором статьи). <...> один штабной майор <...> выразил недовольство по поводу того, что я не сделал в своем исследовании выводов и не провел параллель с нынешней ситуацией, потому что это, по его мнению, придало бы моему пессимистическому труду успокоительное и лест-

⁶² Подробнее см.: Курылев 2005.

⁶³ Подробнее см.: Дацишина 2011.

ное для нас завершение. Он был твердо убежден, что ошибки 1812 года не могут повториться, ибо современный уровень моторизации и далеко шагнувшая техника, надежно функционирующая система материального снабжения и гениальность верховного руководства дают гарантию против этого»⁶⁴. *В июле 1941 г. немецкая элита на Восточном фронте в большинстве своем была убеждена в том, что вермахт не повторит ошибок Наполеона, тем не менее, находила распространение представлений о схожести судьбы вермахта и армий Наполеона очень опасной и разлагающей для немецкой армии.*

События на фронте и, главное, в тылу немецких армий начинали явно противоречить плану молниеносной войны; с августа 1941 г. немецкая армия, столкнувшись с партизанским движением на оккупированной части СССР, была вынуждена обратиться к истории партизанского движения и его роли в войнах, которые когда-либо вела Россия⁶⁵. Книга мемуаров наполеоновского генерала А. де Коленкура, всегда лежавшая на столе фельдмаршала фон Х.Г. фон Клюге, стала его библией. Все больше становилось совпадений с событиями 1812 года⁶⁶.

Партизанский опыт русских в борьбе с Наполеоном рассматривался генералами вермахта достаточно подробно.

Таким образом, использование образа Наполеона в официальном дискурсе нацистской Германии, с одной стороны, было ограничено антифранцузским дискурсом политической элиты, что влияло на бессистемность его использования; с другой стороны, упрощало использование образа Наполеона в контрпропаганде. Осязаемость угрозы гибели вермахта, как и армий Наполеона, превращалась в самостоятельную угрозу, которая мешала мобилизации немецкой армии и тыла. Использовались несколько технологий вытеснения наполеоновского дискурса из немецкого массового сознания.

А. Превосходство. Наполеон – это лишь слабый предшественник Гитлера. В целях риторического разрыва параллели Наполеон-Гитлер использовалось два тезиса: 1) немецкая армия продолжала сражаться, в более сложных погодных условиях, чем армия Наполеона; 2) немецкая армия не отступала, как Наполеон, а, значит, не будет разбита. (Наполеон все-таки «победил» Гитлера. В начале 1980-х

⁶⁴ Видер 1965: 91-93.

⁶⁵ Аналогичное обращение к опыту ведения партизанской войны в период Великой Отечественной войны сделала и советская элита. В личном фонде начальника советского Центрального Штаба партизанского движения Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко мы находим конспекты книг издания 1919 г. с анализом опыта ведения партизанских действий в России против Наполеона. Подробнее см.: Конспект книги В.Н. Клембовского. Партизанские действия. Петроград, 1919. Подробнее см.: РГАСПИ Ф. 625.

⁶⁶ Блюментрит 1958.

гг. в школьных учебниках ФРГ для ознакомления с историей нацизма отводилось 7 часов; для изучения периода Наполеона – 24 часа.)⁶⁷

В. Замещение. Актуализация новых исторических сюжетов.

В начале 1942 г. в официальном дискурсе Германии были актуализированы новые исторические сюжеты (для укрепления союза Германии и Италии существовала между итальянской фашистской революцией и немецким социал-демократическим движением)⁶⁸.

В дневниках Геббельса и в переписке немецких администраторов на временно оккупированных советских территориях в 1942-1943 гг. мы находим ссылки на деятельность талантливой британского офицера Т.-Э. Лоуренса (Аравийского)⁶⁹. Как и британец в период Первой мировой войны, нацистская пропаганда объявила общими цели оккупантов и населения оккупированных территорий. Кроме того, немецкие войска вели ожесточенные бои в Северной Африке. Поэтому поспешно реанимировались все тезисы Т.-Э. Лоуренса, изложенные в «Семи столпах мудрости». В Европе книга стала широко известна в конце 1930-х гг., после внезапной смерти автора, и, наряду с мемуарами А. де Коленкура⁷⁰, была также относительной библиографической новинкой.

Советы британского разведчика по разрушению коммуникаций противника были полностью реализованы советскими партизанскими соединениями в рамках «рельсовой войны». Вытесняя тень Наполеона, немецкая пропаганда сравнивала немецких солдат с благородным Дон-Кихотом которого ситуация на Восточном фронте вынуждает к проведению жестокой политики⁷¹.

С судьбой трехсот спартанцев сравнивали в официальном дискурсе гибель армии Ф. Паулюса. На протяжении всех 12-ти лет

⁶⁷ Урбан 1981: 62.

⁶⁸ Герцштейн 1996: 268-269.

⁶⁹ Аравийский, Лоуренс; Лоуренс, Томас Эдвард (1888-1935) – британский офицер, сыгравший значительную роль в организации и координации арабского восстания в 1916-1918гг., повлиявшего на утрату Османской империей контроля над арабскими странами. Технологии организации восстания были изложены в его книге «Семь столпов мудрости», которая в 1926-1941гг. выдержала несколько изданий. Они сводились к следующему: 1) война на коммуникациях (железная дорога); 2) свободное перемещение по пустыне (как аналог доминирования Великобритании на морских просторах) гарантирует постоянное ведение партизанской войны; 3) прекращение межплеменной вражды и сплочение перед лицом общего врага; 4) «лестница восстания» – по мере приближения повстанцев в определенному району необходимо привлечь местное племя на свою сторону с тем, чтобы оно, присоединившись, могло усилить армию повстанцев. Данный прием позволял рассматривать любое местное племя как потенциальный ресурс и резерв повстанцев, без затрат на его содержание ресурсов повстанческой армии.

⁷⁰ Впервые изданы на французском языке в 1933 г.

⁷¹ «Das Reich» – 10 мая 1942 года; «Völkischer Beobachter» – 18 августа 1942 года; «National Zeitung» – 5 января 1943; 3 апреля 1943 года; «Berliner Lokalanzeiger» – 11 июня 1942 года; «Corriere della Sera» – 3 мая 1942 года; «Brusseler Zeitung» 16 июля 1942 года. Цит по: РГАСПИ 69; 625.

нацистского режима в официальном дискурсе Германии использовались аналогии, связанные с периодом Тридцатилетней войны. В 1945 г. актуализировались годы правления Фридриха Великого (особенно Семилетней войны)⁷².

С. Противопоставление. Наполеон – враг Германии. В 1944 г. бои на территории Восточной Пруссии прямо отсылали к сюжетам наполеоновских войн и заграничных походов русской армии. В 1944-1945 гг. тема наполеоновских походов стала одной из центральных в официальном дискурсе нацистской Германии. Наиболее известны две пропагандистские кампании: создание отрядов фольксштурма и производство фильма «Кольберг» (1945 г.).

Отряды фольксштурма должны были актуализировать память о создании в 1813 г. резервных подразделений из числа добровольцев, готовых погибнуть в войне с французами⁷³. Днем создания фольксштурма стали считать 18 октября 1944 г., был использован некруглый юбилей «битвы народов»⁷⁴. История была полностью переписана: в «битве народов» Наполеону противостояла не только Пруссия, но, прежде всего, Россия.

Что касается фильма «Кольберг», в котором наполеоновским войскам противостояли смелые горожане-пруссакки, то он не смог мобилизовать жителей немецких городов на сражение до последнего человека. Многие города (Бремен, Гамбург, Любек и др.) были просто открыты для союзников и сдавались без сопротивления⁷⁵.

Накануне краха нацистская элита преодолевала сравнение с Наполеоном путем полного разрыва возможных параллелей с ним, Наполеон предстал врагом.

Список источников и литературы

- Агапов 2005** – Агапов А.Б. Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». – М.: «Дашков и К.», 2005.
- Блюментрит 1958** – Блюментрит Г. Роковые решения. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР. 1958. URL: <http://russia-west.ru/viewtopic.php?id=472> (24 апреля 2017г.).
- Видер 1965** – Видер Й. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. – М.: Прогресс, 1965.
- Гальдер 2010** – Гальдер Ф. Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). – М.: АСТ, Астрель, 2010.

⁷² Откровения и признания...1996: 423.

⁷³ Геббельс 1993: 76.

⁷⁴ Геббельс 1993: 299.

⁷⁵ Toland 2003: 618; Розанов 1985: 287-288.

- Гebbельс 1993** – Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи: пер. с нем. – Смоленск: Русич, 1993.
- Герцштейн 1996** – Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. – Смоленск: Русия, 1996.
- Ефетов 1981** – Ефетов Б.М. Военные диалоги. Записки военного переводчика. – Киев: Наукова думка, 1981.
- Дацишина 2011** – Дацишина М.В. Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории – 2011. – № 6.
- Дацишина 2012** – Дацишина М.В. Создание социально приемлемого образа тоталитаризма. Опыт нацистской Германии // Вестник РГГУ. – 2012. – № 19 (99). – С.160-170.
- Клаузевиц 2008** – Клаузевиц Карл фон. О войне: стратегия в условиях непредсказуемости, роль лидера в достижении победы. – М.: ЗАО Бизнеском, 2008.
- Курылев 2005** – Курылев О.П. Боевые награды Третьего рейха. – М.: Эксмо, 2005.
- Откровения и признания... 1996** – Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания / пер. с нем. и сост. Г.Я. Рудой. – М.: ТЕРРА, 1996.
- ПРАВДА** – Правда. – 15 сентября 1964 года.
- РГАСПИ Ф. 17.** – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп.125. Д. 168. Л.42. Протокол опроса военнопленного ефрейтора 3-й роты 230-го пехотного полка 76 пехотной дивизии Эккарта Броста, 22.11.43, произведенный подполковником Аржановым.
- РГАСПИ Ф. 69.** – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.69 Оп. 1. Д.1143. Л.21. Распоряжение Брянского Окружного Управления от 17 января 1942 года.
- РГАСПИ Ф. 625.** – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.625. Оп. 1. Д.9. Л.43-67.
- Рифеншталь 2006** – Рифеншталь Л. Мемуары: пер. с нем. – М.: Ладомир, 2006.
- Розанов 1985** – Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». – М.: Международные отношения, 1985.
- Сьард 1995** – Сьард Д. Наполеон и Гитлер: Сравнительная биография / пер. с англ. И.С. Соколова, А.И. Криволапова. – Смоленск: Русич, 1995.
- Урбан 1981** – Урбан А. Предрассудки не вечны. – М.: Советская Россия, 1981.
- Die Deutsche Wochenschau** – Die Deutsche Wochenschau 1941 – № 12.
URL: http://voenhronika.ru/publ/vtoraja_mirovaja_vojna_germanija

_khronika/nemeckaja_khronika_1941_ezhenedelnoe_kinoobozrenie
_die_deutsche_wochenschau_germanija_vse_vypuski_s_perevodom
_1941_go (24 апреля 2017г.)

Toland 2003 – Toland J. The Last 100 days. – N.Y.: Random House, 2003.

Marina V. Datsishina

IN THE SHADOW OF THE EMPEROR.

THE IMAGE OF NAPOLEON IN THE OFFICIAL DISCOURSE OF NAZI GERMANY. 1933-1945

The object of this article is the Nazi propaganda; the subject of this article - technology (on the example of the Napoleonic discourse) updating/replacement of images of the past from organized public discourse. The chronological scope of the article is 1933-1945. In some cases, the author expands the chronological scope; the author believes that a problem-based approach is the leading. The author convincingly proves that the use of the image of Napoleon in the official discourse of Nazi Germany was limited to anti-French discourse of the political elite. This circumstance that influenced the unsystematic use of an image of Napoleon in the official discourse. Haphazard use of the image of Napoleon in the Nazi propaganda kept him in the public discourse and simplified the use of the image of Napoleon in the anti-Nazi counter-propaganda. The tangibility of the threat of the death Wehrmacht in Russia, as before, and the armies of Napoleon, turned into a standalone threat. The author identifies several technologies of displacement of the Napoleonic discourse of German mass consciousness. A. Superiority. Napoleon is only a faint precursor of Hitler. B. The Substitution. Actualization of new historical subjects. C. The Opposition. Napoleon – the enemy of Germany.

Keywords: Nazi propaganda, the image of Napoleon in the promotion, technology promotion, Nazi Germany.

УДК 371.3:39(470.5)

Код ВАК 07.00.02.

М.К. Елисафенко

РУСИФИКАЦИЯ ИЛИ ПРОСВЕЩЕНИЕ? ШКОЛА ДЛЯ НЕРУССКИХ НАРОДОВ ПРИКАМЬЯ

Статья посвящена проблеме просвещения коренных народов Урала в связи с русской колонизацией края как средства этнокультурной консолидации россиян. Рассматриваются различные формы обучения детей: конфессиональ-

Елисафенко Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедры истории России исторического факультета Уральского государственного педагогического университета; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 453;
Marina K. Elisafenko, candidate of History, Associate Professor, chief of Chair of Russian history of Historical Department of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).
Электронная почта/E-mail: elisafenko@bk.ru.

ные и инородческие школы, дается оценка их эффективности. В статье автор обращает внимание, что просвещение является средством обеспечения этнокультурной толерантности и эмпатии.

Ключевые слова: мультикультуризм, русско-инородческие школы, русификация, этническая унификация.

Российское общество изначально формировалось на полиэтничной основе при доминировании титульного русского народа. Восприятие другого без враждебности является нормой для российского мультикультуризма, несмотря на характер национальной политики, которая вплоть до конца XX в. носила русификаторский характер.

Понятие «русификация» не следует понимать исключительно в узком смысле как принудительную и ускоренную ассимиляцию многочисленных этнических общностей в составе российского государства. Скорее, это был поиск средств и методов для активизации процесса социально-политической унификации. Для бюрократической машины многочисленное население вне зависимости от этнокультурных или конфессиональных различий было налогоплательщиком, законопослушным подданным, которое должно было при этом безропотно нести бремя сословного неравенства и законодательного бесправия. В качестве важнейших средств достижения этнической унификации выделялись образование и конфессиональная однородность. Первые шаги в этом направлении стали предприниматься с конца XIV в.; своего рода своеобразным «полигоном» в этом плане стала Пермская земля.

Народы Прикамья попали в сферу интересов русских еще в XI в., благодаря походам новгородских ушкуйников, а с конца XVI в. восточная колонизация стала одним из важнейших направлений государственной политики. Отряды казаков и служилых людей открыли путь для трудовой миграции, в край потянулись русские крестьяне, пожелавшие обосноваться на новом месте, где было больше возможностей, ниже конкуренция на земельные угодья. Этот процесс изменил состав, характер расселения и хозяйственной деятельности народов Урала. К концу XIX в. в регионе насчитывалось более 40 этнических общностей. В Пермской губернии нерусское население составило лишь 10 %⁷⁶.

Государство стремилось включить коренное население Урала в общий ритм жизни российского общества, упростить взаимоотношения с русскоязычной администрацией, адаптировать к соседству с русскими поселенцами. Реализации этих задач, безусловно, способствовали разнообразные формы просвещения.

К этому времени у большинства немусульманских народов Прикамья не сложились собственная письменность и школьная систе-

© Елисафенко М. К., 2017

⁷⁶ Первая всеобщая перепись 1904.

ма. Первое знакомство с книжным знанием коми-пермяков и коми-зырян осуществилось благодаря миссионерской деятельности Стефана Симеоновича Храпова (Пермского), принесшего христианские заповеди на родном для местного населения языке. Вовлечение коренного населения в православие было невозможно без овладения Библией. На основе кириллицы Стефан Пермский разработал азбуку для коми, которая просуществовала 300 лет. Позднее в XVII в. его дело было продолжено бежавшими на Урал старообрядцами.

Первоначально задача русификации немусульманского населения Урала было возложено на миссионерские школы: монастырские, новокрещенные, епархиальные, братские. Однако эти учебные заведения не дали должного эффекта, поскольку для церкви были обременительной обузой (средства на их содержание составлялись из ассигнований Синода и общественных пожертвований), а учащимся давали слишком мало знаний.

Обучение продолжалось два года, дети получали навыки элементарной грамотности, но главное внимание было сосредоточено на изучении Закона божьего, молитв, христианской этики, особенностей православного богослужения. Обучение велось исключительно на русском языке, мало знакомом детям, поэтому оно не обеспечивало прочного усвоения получаемой информации, не формировало уверенного владения грамотой. Низкие результаты вызывали недовольство со стороны родителей, считавших посещение такой школы бессмысленным отрывом детей от хозяйства. Непопулярность миссионерских школ, их неэффективность не изменили ситуацию с грамотностью населения и его включенностью в орбиту русской культуры.

В противовес финно-уграм тюркские народы края имели сложившуюся систему образования – это конфессиональные мусульманские школы мектебе и медресе. Их популярность выводила татар, башкир, чувашей из-под контроля и влияния православной церкви и государства, что было опасно допускать.

Во второй половине XIX в. ситуация с просвещением инородцев заметно изменилась. В его основу была положена идея казанского педагога Н.И. Ильминского об использовании родного языка в обучении этнических меньшинств. Она получила официальное признание, став основой принятого 25 марта 1870 г. правительственного документа «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев»⁷⁷. Так было положено начало развитию системы русско-инородческих училищ.

Эти школы позволили контролировать процесс просвещения среди различных народов вне зависимости от конфессиональной принадлежности, т.к. предполагалось открыть как христианские (черемис-

⁷⁷ Сборник постановлений 2012.

ские⁷⁸, мордовские), так и магометанские (русско-татарские, русско-башкирские и русские классы при мусульманских медресе). В этих школах дети в течение трех-четырёх лет изучали русскую грамоту с использованием родного языка, затем переходили к обучению на основе двуязычия и постепенно овладевали азами русского языка. Курс русско-инородческих школ был не только продолжительнее, но и значительно шире, чем в миссионерских школах, приближаясь к земской школе: Закон божий, чтение, письмо, сведения по арифметике.

С целью более эффективной адаптации детей к русской культуре и упрочению полученных знаний были разработаны учебники для удмуртов, марийцев, татар. В 1906 г. был издан учебник И.В. Яковлева «Грамматические упражнения для инородческих школ» в двух частях. На его основе стало возможным эффективно использовать новационную звуковую методику обучения чтению в соответствии с «Инструкцией о способах обучения детей русской грамоте», составленной инспектором чувашских школ Золотницким.

Однако все эти меры носили скорее формальный, чем эффективный характер. Один из свидетелей жизни русско-инородческой школы так отзывался о ней: «В то время как школа для русских детей является матерью, для вотяков она мачеха. Учитель не понимает учеников, ученики – его. Взаимное непонимание приводит к самым печальным результатам. Скука и апатия царят в классе, ... учение преращается в мучение»⁷⁹.

Подобное свидетельство с очевидностью свидетельствовало, что главная трудность в достижении результативности в просветительской деятельности русско-инородческих учебных заведений состояла в нехватке квалифицированных учительских кадров, владевших родным языком учащихся и готовых отправиться в удаленные районы Пермской губернии. Потребности в педагогическом образовании для национальных школ удовлетворялись Казанской русско-инородческой учительской семинарией (с 1872 г.), Уфимской татаро-башкирской школой (с 1872 г.), Бирской учительской инородческой школой (с 1882 г.). Однако выпуски были малочисленными в сравнении со статистикой нерусского населения Прикамья.

По числу школ для этнических меньшинств уральский край занимал одно из ведущих мест: в 1890 г. их насчитывалось 181, в 1894 – 196, в 1915 г. – 878, однако их по-прежнему катастрофически не хватало.

В целом, русско-инородческие школы пользовались доверием местного населения. Однако они не решили задачи массового просвещения нерусского населения ни в России в целом, ни в уральском крае. Главная причина – нежелание государства вкладывать средства в раз-

⁷⁸ Черемисы или марийцы.

⁷⁹ Чехов 1923.

витие школьного дела для этнических меньшинств, в том числе в подготовку профессиональных кадров и в учебно-методическое обеспечение этих учебных заведений. Вторая, не менее существенная причина, – отсутствие мотивации у родителей и потенциальных учеников обучаться на русском языке, т.к. большая часть нерусского населения проживала компактно и не нуждалась в повседневной жизни использовать русский язык.

Отечественный опыт распространения русской культуры среди этнических меньшинств с очевидностью демонстрирует, что этот процесс может быть успешным в случае, когда обе стороны (организаторы процесса обучения и его потребители) являются заинтересованными и готовыми к сотрудничеству. В современных условиях высокой мобильности и активных миграционных процессов тщательный анализ практики прошлого может способствовать выработке наиболее эффективных методов этнокультурной коммуникации и безопасности.

Список источников и литературы

Первая всеобщая перепись 1904 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 31. Пермская губерния. – СПб., 1904. – С. VI.

Сборник постановлений 2012 – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. – М.: Книга по Требованию, 2012. – С. 1556-1557.

Чехов 1923 – Чехов Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии. – М.: Изд. т-ва «Мир», 1923. – С. 81.

Marina K. Elisafenko

RUSIFICATION OR EDUCATION? SCHOOL FOR NERUSSIAN PEOPLES OF PRIKAMYA

The article is devoted to the education of indigenous peoples of the Urals in connection with the Russian colonization of the region, as a means of ethno-cultural consolidation of the Russians. Discusses the various forms of education of children: religion and aboriginal schools, an assessment of their effectiveness. In the article the author pays attention that education is a means of ensuring ethno-cultural tolerance and empathy.

Keywords: multiculturalism, education, Russian-native schools, Russification, ethnic unification.

Т.М. Есенбаев

«НАЛОГ КРОВЬЮ»: ОПЫТ СОЗДАНИЯ АРМИИ В ВЕСТФАЛЬСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ*

Статья посвящена анализу специфики и особенностей формирования вооруженных сил Вестфальского королевства в 1807–1809 гг. Эта тема по-прежнему остается недостаточно проясненной, несмотря на то, что в целом эпоха наполеоновских войн в российской историографии имеет давнюю традицию. На основе актовых материалов и специальных исследований, посвященных истории Вестфальского королевства, автор пытается реконструировать первоначальный состав вестфальской армии. Документы официальной переписки Наполеона фиксируют неудовлетворенность французского императора самостоятельностью, с которой Жером и его военный министр подходят к процессу формирования отдельных частей. По мнению автора, к лету 1809 г. правительству Вестфалии удалось сформировать боеспособные и умелые части, несмотря на финансовые трудности государства и требования Наполеона ускорить процесс подготовки. Анализируя ход первой призывной кампании, автор приходит к выводу о невысоком числе уклонистов и дезертиров, что противоречит традиционным взглядам о том, что трудности формирования армии были связаны с нежеланием немцев служить под французскими знаменами.

Ключевые слова: Вестфальское королевство, наполеоновские войны, армия; Жером Бонапарт, конскрипция.

Наполеон присматривался к Вестфалии (историческая область между нижним течением Рейна и Везером) еще до победы над Пруссией – после разгрома союзных войск при Аустерлице он всерьез размышлял над тем, чтобы, подобно Рейнланду, превратить ее в подконтрольную Франции территорию⁸⁰. Победа над Пруссией и сопутствующий успех в учреждении Рейнской конфедерации привели его к отказу от первоначальной затеи – соединив отторгнутые прусские земли с территориями оккупированных во время войны княжеств Гессен-Кассель, Брауншвейг и Курганновер, император учредил Вестфальское

Есенбаев Тимур Маратович, аспирант кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Тургенева 4.)

Timur M. Esenbaev, PhD Student, Chair of Modern and Contemporary History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Turgenev Av., 4)

Телефон/Phone: +7(982)636-77-26. Электронная почта/E-mail: smith.each@gmail.com

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

© Есенбаев Т. М., 2017

⁸⁰ Todorov 2012: 174.

королевство (Königreich Westphalen). Так, на пестрой карте Германии появилось новое государство, правителем которого был назначен 22-летний брат императора Жером Бонапарт.

Император, по-видимому, сразу выделил эти территории в качестве своего рода полигона для претворения в жизнь грандиозного замысла по созданию «примера для подражания», *государства-образца*, основной задачей которого должна была стать демонстрация неоспоримых преимуществ французской системы и благ, которые революция несла на штыках наполеоновских солдат. По мнению Наполеона, немцы должны были с энтузиазмом и благодарностью воспринять новшества, которые будут вводиться на территории Вестфальского королевства⁸¹. Известные строки письма, которое Наполеон отправил брату, спешившему занять королевский дворец в Касселе, содержали указание продемонстрировать жителям королевства преимущества свободы и равенства – «благ, доселе неизвестных немецкому народу»⁸².

Оптимизма Наполеону хватило ненадолго. Вскоре император стал свидетелем крушения своих надежд на создание «образцового государства». Он увидел, как со скрипом проворачиваются и замирают реформы, терпят неудачу попытки «морального» завоевания Германии⁸³, как под воздействием того, что историки немецкой школы назовут позднее «французским игом», на нет сходит эффект положительных преобразовательных начал в экономике и административном управлении⁸⁴.

На наш взгляд, несостоятельность Вестфалии объясняется амбивалентным характером политики Наполеона по отношению к этому королевству – меры по строительству «образцового государства» император совмещал с жесткой эксплуатацией его ресурсов. Конфликт между социально-реформаторскими течениями в политике Наполеона и его стремлением сохранить и расширить доминирование Франции в Европе, расшатывал идеологический фундамент, на котором создавалось Вестфальское королевство, потому впереди его ждала незавидная участь.

В отечественной историографии специальные исследования, посвященные историческому опыту Вестфалии, встречаются нечасто. Наиболее известные – труды К. И. Раткевич и С. Н. Исколю⁸⁵ – не затрагивали проблемы создания боеспособных частей. Ряд интересных работ опубликовал самарский исследователь А. И. Попов⁸⁶. Историк провел глубокую работу с документами военного ведомства Вестфалии и офицерскими полевыми дневниками, однако предметом его исследования были действия вестфальских частей в походе Наполеона на

⁸¹ Severin-Barboutie 1997: 181–203.

⁸² Napoléon T. 16. №13361, 13362: 166–167.

⁸³ Owzar 2016: 70.

⁸⁴ Todorov 2012: 173.

⁸⁵ Раткевич 1938; Исколь 2007.

⁸⁶ Попов 2006.

Россию. Мы заострим внимание на особенностях и специфике формирования вооруженных сил Вестфалии

Естественными функциями вестфальской армии были обеспечение безопасности и защита интересов государства. Кроме того, армия, как социальный организм, несла в себе потенциальную возможность сделаться средством поиска идентичности для молодых представителей разобщенных немецких субэтнотетов, в одночасье ставших подданными короля Жерома. Положительный ответ на вопрос «Бы ли успешным опыт создания вестфальской армии?» создает благоприятные возможности для дальнейшего изучения истории Вестфальского королевства с позиций поиска альтернативного пути исторического развития Германии.

С первого дня существования королевства пятая статья Конституции, «дарованной» Наполеоном, легла тяжелой ношей на плечи подданных короля Жерома. В соответствии со статьей, Вестфалия, как член Рейнского союза, обязывалось в кратчайшие сроки поставить под ружье 25 тыс. человек: линейной и легкой пехоты – 20 тыс., легкой и тяжелой кавалерии – 3,5 тыс. и 1,5 тыс. человек для обслуживания артиллерийского парка. В документе оговаривалась возможность в течение первого года вооружить лишь часть армии, предоставив в распоряжение французского командования 10 тыс. солдат регулярной пехоты, 2 тыс. кавалеристов и полтысячи артиллеристов⁸⁷. Остальные 12,5 тыс. солдат и офицеров Вестфальской армии на первое время предоставлялись из числа французских оккупационных войск, которые получили приказ занять отнятую у Пруссии крепость Магдебург. Однако в состав армии эти отряды входили лишь на бумаге – они не подчинялись военному министерству Вестфалии, но деньги на их содержание выплачивала королевская казна⁸⁸.

Королевский указ от 25 апреля 1808 г. обязал всякого взрослого мужчину «встать на защиту Отечества с оружием в руках, когда к тому призовет король»⁸⁹. На территорию Вестфалии распространялось действие закона Журдана-Дельбреля о конскрипции – все граждане мужского пола в возрасте от 20 до 25 лет включительно объявлялись военнообязанными. Военнообязанных разделили на пять классов, в зависимости от возраста, а первым призыву подлежали те, кому было от 20 лет до 21 года⁹⁰. Вестфальская система конскрипций копировала французскую во всех мелочах, однако обязательства перед Наполеоном требовали от правительства Вестфалии как можно быстрее сверстать

⁸⁷ Bulletin des lois. Т. 1: 8–10.

⁸⁸ Gill 2011: 414–415.

⁸⁹ Op. cit.: Bulletin des lois. Т. 1: 700–702.

⁹⁰ Соколов 1999: 50.

боеспособную армию, поэтому к проведению первого воинского призыва дошли иначе, нежели в Империи.

В июле 1808 г. Государственный совет постановил призвать на службу 12 тыс. конскриптов. Одновременно были призваны конскрипты всех пяти классов. Из первых двух (молодых) классов на службу призвали $\frac{3}{10}$ от общего числа конскриптов, из среднего – $\frac{2}{10}$, из двух старших – по $\frac{1}{10}$ для каждого класса. Правительство предприняло ряд усилий, чтобы продемонстрировать обществу важность проведения призывной кампании. Все постановления и новости о ходе призыва публиковались в официальном государственном бюллетене *Westfälischer Moniteur*. Для призывников и их семей были отпечатаны специальные буклеты (*Anleitung für Conscribirte und ihre Eltern*), в которых доступно разъяснялись правила системы конскрипции и ее преимущества⁹¹. Прошедший через конскрипцию мужчина пользовался всей полнотой гражданских прав, допускался к общественной службе и имел право вступить в управление наследством. Уклонение от воинской обязанности каралось штрафом (до 2 тыс. франков) и последующим наказанием. Уклонистом (*refracteur*) считался всякий призывник, который не прибыл в распоряжение своей части в течение трех месяцев.⁹² На родителей уклониста налагали штраф. Пойманного беглеца отправляли в специальные депо на два года принудительных работ (строительство мостов и дорог, обслуживание конюшен и т.п.), не считывавшихся за основной срок службы⁹³. В каждом крупном департаменте было создано по несколько таких депо⁹⁴.

Чтобы понять, как обстояло дело с уклонением от службы в вестфальской армии в первый год ее создания, обратимся к цифрам. В конце июля 1808 г. *Westfälischer Moniteur* сообщил, что в департаменте Верра на службу призвали 590 человек. В течение следующего года 62 человека были арестованы за дезертирство и неявку в часть⁹⁵ – около 10% от общего числа призывников. В 1808 г. схожая картина наблюдается и в остальных семи департаментах. Среднее число уклонистов и дезертиров в Вестфальском королевстве до 1813 г. составляло порядка 15%⁹⁶. Для сравнения: по данным А.-А. Аржанвиля, в период с 1799 по 1805 гг. в некоторых департаментах южной Франции это число превышало 30%⁹⁷! С 1806 по 1810 г. уклонисты и дезертиры составляли примерно 13% от общего числа призывников⁹⁸. В марте 1806 г. пре-

⁹¹ *Conscription* 2014: 140–141.

⁹² *Ibid.*: 141.

⁹³ Kleinschmidt 1893: 115.

⁹⁴ *Bulletin des lois*. Т. 3: 258–270.

⁹⁵ *Conscription* 2014: 141–143.

⁹⁶ *Ibid.*: 143.

⁹⁷ Lentz 2007: 656.

⁹⁸ *Ibid.*: 654.

фект одного из французских департаментов сообщал, что сразу 72 конскрипта сбежали по дороге на сборный пункт. Под угрозой ареста родителей, некоторые из них все-таки явились на службу⁹⁹. Невысокий уровень дезертирства среди вестфальских призывников дает нам основания говорить о сравнительно безболезненном опыте введения французской системы конскрипции.

Стоит упомянуть об одной любопытной мере, принятой правительством для удовлетворения мобилизационного плана. 1 августа 1808 г. истек срок всеобщей амнистии для военнослужащих тех государств, которые вошли в состав Вестфальского королевства. Этим офицерам и солдатам – даже если они находились за пределами Вестфалии – предлагалось вернуться на королевскую службу, в противном случае их собственность подлежала безвозвратной конфискации¹⁰⁰. Действие амнистии не распространялось лишь на офицеров, состоявших ранее на британской службе.

Эта мера во многом поспособствовала тому, что офицерский корпус был в основном сформирован уже к концу 1808 г. Среди офицеров, влившихся в состав вестфальской армии, подавляющее большинство (до 50%) ранее служили в войсках гессенского курфюрста, еще 25% – в армиях Пруссии и Брауншвейга¹⁰¹. Это были опытные военнослужащие, многие из которых имели за плечами опыт участия в революционных войнах. Некоторые, как будущий командир вестфальских пехотных дивизий Grande Armée барон Адам фон Охс, успели отличиться еще в годы войны в Северной Америке. По воспоминаниям гвардейского егеря Генриха фон Майбома, многие «вестфальцы» восприняли воззвание короля с «величайшим ликованием»¹⁰².

Тем не менее, военное министерство отказало в возвращении на службу многим бывшим офицерам и солдатам. Некоторые из этих несчастных, лишенных средств к существованию, не имея возможности сменить профессию, сбивались в организованные группы и принимались за разбой. «Организация армии, – писал голландский посол в Касселе барон Дедем де Гельдер, – в настоящее время, по-видимому, является наиболее значимой для Его Величества целью, ради достижения которой прибегают к различным мерам. Мерой, приведшей многих людей в недовольство, является увольнение в отставку всех женатых ранее солдат. <...> почти 3000 человек, в настоящее время обречены на нищенское существование. Некоторые из них уже собрались в банды, которые беспокоят окрестности Марбурга, Геттингена и Па-

⁹⁹ Ibid.: 655.

¹⁰⁰ Kleinschmidt 1893: 111.

¹⁰¹ Gill 2011: 420.

¹⁰² Ibid.: 423.

дерборна. Предполагается, что эти места они выбрали неслучайно, а в надежде найти помощь недовольных»¹⁰³.

Летом того же 1808 г. в Касселе прошел первый королевский смотр вестфальской армии. На смотре присутствовали сам король и его супруга, королевская свита и наблюдатели от Наполеона. В тот день торжественную присягу на верность Жерому принесли: 1800 солдат гвардии, четыре полка линейной и батальон легкой пехоты, четыре артиллерийских роты и один королевский кирасирский полк. Под торжественные возгласы «Да здравствует король!», Жером передал офицерам бело-голубые знамена и призвал войска к храбрости и преданности королевской семье¹⁰⁴. Общая численность войск к этому моменту не превышала 12 тыс. человек¹⁰⁵ – вдвое меньше того, что требовала пятая статья Конституции.

Наполеон сетовал на медлительность своего брата, раздражался тому, что Жером не внял рекомендациям вестфальскую гвардию небольшой (около 1200 человек) и отказаться от формирования дорогой кирасирской кавалерии. Он потребовал распустить кирасирский полк, однако Жером ответил, что роспуск едва созданного полка вызовет недовольствие солдат и не лучшим образом скажется на репутации самого вестфальского короля. Похожая ситуация обстояла и с лейб-гвардией *Garde du Corps* – Наполеон считал большим расточительством содержать подобное подразделение и периодически напоминал об этом брату. «Мне известно, – сообщал он Жерому, – что Ваша казна в плачевном состоянии. Это результат того, что Ваш двор живет на широкую ногу. Каждое Ваше действие несет в себе отпечаток легкомыслия»¹⁰⁶. Французский император, впрочем, забыл упомянуть о контрибуции в 26 млн франков и 20 млн долга прежних владык Гессена и Брауншвейга, выплату которых он возложил на казну Вестфалии¹⁰⁷. К этому стоит прибавить и расходы на содержание магдебургского гарнизона. Дефицит бюджета, ежегодно возраставший на несколько сотен тысяч франков, обесмысливал экономию на стальных кирасах и гвардейских лошадях.

Отметим также, что создание вестфальской гвардии не было продиктовано исключительно прихотью Жерома. Службу в частях королевской гвардии мог нести любой представитель разночинства, обладавший рвением и соответствующими физическими параметрами. Например, егерь-карабинерский батальон гвардии комплектовался рослыми охотниками и лесничими, знавшими жизнь в лесах Падерборна и горах Гарца. Более метких стрелков невозможно было сыскать

¹⁰³ Op. cit.: Dedem 1900: 113–114.

¹⁰⁴ Kleinschmidt 1893: 122.

¹⁰⁵ Gill 2011: 415, 456; Kleinschmidt 1893: 122.

¹⁰⁶ Op. cit.: Napoléon Bonaparte: 46.

¹⁰⁷ Rambaud 1897: 241.

во всей Вестфалии. Гвардейцы тщательно блюли дисциплину и внешний вид. Однажды командиру гвардии генералу Шаберу поступило донесение от шефа гвардейских егерей с требованием уволить рядового Шумбурга, поскольку тот неловок, мал ростом и имеет неопрятный вид¹⁰⁸. Гвардия была кузницей офицерских кадров для остальной армии. Рядовой лейб-гвардеец со временем имел возможность перейти в кадровую армию в чине офицера и продолжить свою службу там. Это был еще один маркер масштабности социальных трансформаций, имевших место в Вестфальском королевстве.

Принять боевое крещение вестфальским солдатам предстояло весной-летом 1809 г. в ходе кампании против Испании. Для войны с испанцами и их английскими союзниками Наполеон решил мобилизовать силы вассальных государств. Он потребовал от вестфальского короля послать в Испанию военный контингент. Подготовкой руководил военный министр фаворит короля Жозеф-Антуан Морио. Морио был талантливым специалистом по фортификациям, в свое время отличился в рядах Рейнской армии генерала Моро и в битве при Маренго. Однако пост военного министра оказался ему не по плечу – Морио, немало сделавший для организации складов и госпиталей, вовремя организовать подготовку экспедиционной дивизии не сумел. Нерасторопность военного министра вызвала презрение Наполеона к нему¹⁰⁹.

В марте 1809 г. 6-тысячная вестфальская дивизия была, наконец, отправлена в Испанию. В ожесточенных боях с герильясами дивизия за семь месяцев боев потеряла почти 75% личного состава! Непривычные климатические условия, неважное обеспечение и упорная борьба, которую вели испанцы, день за днем «косили» вестфальцев. В письме к Наполеону 10 октября 1809 г. король Жером просил брата вернуть уцелевших 1400 человек на родину¹¹⁰. Королю было известно, что достойно и умело сражавшиеся войска оказались не готовы к условиям «малой войны». Даже генерал Морио не вынес тягот испанской войны и, сославшись на здоровье, вернулся во Францию. За это император обвинил Морио в трусости и в дальнейшем постоянно подвергал того критике, называя неспособным командиром, который в его армии не дослужился бы и до капрала¹¹¹.

Первые бои вестфальским солдатам пришлось принять в самом разгаре процесса создания и подготовки армии. Лишь к концу лета 1809 г. были сформированы еще два пехотных полка и полк легкой кавалерии, но даже тогда численность армии не превышала 16 тыс. человек. Из-за ограниченности ресурсов и необходимости содержать

¹⁰⁸ РНБ. Ф. 993. Оп. 8. Д. 435.

¹⁰⁹ Napoléon Bonaparte: 46.

¹¹⁰ Rambaud 1897: 254.

¹¹¹ Napoléon T. 23. № 18341: 104.

французский гарнизон в Магдебурге, военное министерство Вестфалии не могло обеспечить быстрый прирост численности, в результате чего на создание отдельных подразделений уходили целые месяцы.

Тем не менее, ряд фактов убеждает нас в том, что попытку сформировать боеспособную и лояльную армию можно считать успешной. Система конскрипции вводилась сравнительно мягко и не вызвала резкого сопротивления у населения. Многие солдаты и офицеры получили возможность вновь вернуться в строй. Сохранившие верность присяге в суматохе событий 1809 г., вестфальские солдаты пронесли ее вплоть до самого падения королевства в 1813 г.

Список источников и литературы

- Искюль 2007** – Искюль С. Н. Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). – М.: Индрик, 2007.
- Попов 2006** – Попов А. И. Действия вестфальского корпуса под Смоленском // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII научной конференции. – М.: Полиграф сервис, 2006. – С. 178-215.
- Раткевич 1938** – Раткевич К. И. Война 1812 года и общественное мнение в Вестфальском королевстве // Учебные записки ЛГУ. – 1938. – №19. 4. – С. 125-130.
- РНБ Ф. 993** – Российская Национальная Библиотека. Ф. 993. (Собрание П. К. Сухтелена «Вестфальский архив»). Оп. 8. Д. 345.
- Соколов 1999** – Соколов О. В. Армия Наполеона. – СПб.: Империя, 1999.
- Bulletin des lois T. I** – Bulletin des lois et décrets du Royaume de Westphalie. T. 1. Ed. 2. – Cassel: de l'imprimerie royal, 1810.
- Bulletin des lois T. III** – Bulletin des lois et décrets du Royaume de Westphalie. T. III. Ed. 1. – Cassel: de l'imprimerie royal, 1809.
- Conscription 2014** – Conscription I the Napoleonic Era: A Revolution in Military Affairs? / ed. by D. Stoker, H. D. Blanton, F. C. Schneid. – London: Routledge, 2014.
- Dedem 1900** – Mémoires du général baron de Dedem de Gelder (1774–1825). Un général hollandais sous le Premier Empire / éd. par E. Plon. – P.: Plon, 1900.
- Gill 2011** – Gill J. H. With eagle to glory: Napoleon and His German Allies in the 1809 Campaign. – Barnsley: Pen & Sword Books Ltd., 2011.
- Kleinschmidt 1893** – Kleinschmidt A. Geschichte des Königreichs Westfalen / ed. F. A. Perthes. – Gotha, 1893.
- Lentz 2007** – Lentz T. Nouvelle histoire du Premier Empire: La France et l'Europe de Napoléon 1804–1814. – P.: Fayard, 2007.
- Napoléon T. 16** – Correspondance de Napoléon I. – P., 1865.

- Napoléon T. 23** – Correspondance de Napoléon I. – P., 1868.
- Napoléon Bonaparte** – Correspondance générale de Napoléon Bonaparte. Wagram. Février 1809–février 1810. T. 9. – P.: Fayard, 2013.
- Owzar 2016** – Owzar A. Liberty in Times of Occupation: The Napoleonic Era in German Central Europe // Napoleon's Empire. European Politics in Global / ed. U. Planert. – London: Pallgrave Macmillan, 2016. – P. 67-83.
- Rambaud 1897** – Rambaud A. La Domination française en Allemagne. L'Allemagne sous Napoléon Ier (1804-1811) / éd. par E. Perrin. – Ed. 3. – P., 1897. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6364915c/f259.texte.r=millions> (дата обращения: 14.04.2016).
- Severin-Barboutie 1997** – Severin-Barboutie B. Modellstaatspolitik im rheinbündischen Deutschland, Berg, Westfalen und Frankfurt im Vergleich // Francia. – 1997. – № 24. 2. – P. 181–203.
- Todorov 2012** – Todorov N. P. The Napoleonic Administrative System in the Kingdom of Westphalia // The Napoleonic Empire and the New European Political Culture / ed. by M. Broers, P. Hicks, A. Guimera. – London: Pallgrave Macmillan UK, 2012. – P. 173-185.

Timur M. Esenbaev

"THE BLOOD TAX": THE EXPERIENCE OF THE CREATION OF THE ARMY IN THE WESTFALISH KINGDOM

This article is devoted to the analysis of the formation of the army Kingdom of Westphalia during 1807-1809. This subject is still little-studied, despite the fact that Napoleonic period has a long tradition in Russian historiography in general. With help of the act materials and special research papers of the history of the Kingdom of Westphalia, the author tries to reconstruct the original composition of the Westphalian army. Documents of the official letters of Napoleon (Correspondance) fix the dissatisfaction of the French emperor with the independence with which Jerome and his minister of war come to the process of forming separate units. In the author's opinion, by the summer of 1809 the government of the Kingdom had created combat-ready and skillful units, notwithstanding the financial difficulties of the state and Napoleon's demands to speed up the preparations. Analyzing the course of the first recruitment campaign, the author comes to the conclusion about small level desertion and evasion of military service. It contradicts the traditional views that the difficulties of the formation of the army were caused by German's unwillingness to serve under the French regime.

Keywords: Kingdom of Westphalia, napoleonic wars, army, Jerome Bonaparte, conscription.

ПАПА ИОАНН XXIII КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕФОРМАТОР

Статья посвящена анализу идей наиболее выдающегося римского папы XX века – Иоанна XXIII. Ему удалось не только удачно реформировать римско-католическую церковь организационно, но и приспособить ее к условиям быстро изменяющегося мира XX в. Также он выдвинул оригинальную программу социальных реформ, адресовав ее в первую очередь Италии, но не исключая ее применения в других развитых странах Запада. В статье исследуются наиболее важные энциклики папы Иоанна XXIII, прослеживается их связь с другими идейными течениями современности. В условиях кризиса католической церкви на Западе (как и всего мирового христианства) идеи папы, укрепившего католицизм после двух мировых войн, не могут не представлять интереса.

Ключевые слова: Италия, религия, католицизм, папство, социальное реформаторство.

Время, которое мы переживаем, является периодом кризиса мировоззрения западного общества. Долгое время основой мировоззрения западного человека было христианство католического толка. С начала XVI века влияние католицизма начало неуклонно падать и в XX веке оно нашло отражение в знаменитом вопросе, заданном И.В. Сталиным: «А сколько у римского папы дивизий?». Конечно, Сталин был достаточно осведомлен о количестве адептов римско-католической церкви, финансовой и политической роли Ватикана. Тем не менее, исламизация западного мира ставит вопрос о самом существовании римско-католической церкви, некогда бывшей важнейшим спонсором западной культуры. Исламизация Запада, представляющаяся ныне неостановимой, в любом случае рано или поздно вызовет негативную ответную реакцию и рехристианизацию западного мира. Эта рехристианизация едва ли произойдет на основе протестантизма. Скорее всего, интеллектуальный мир Запада обратится к традиционным религиозным корням.

В этой связи особый интерес вызывает фигура папы Иоанна XXIII и его идейное наследие. Анджело Джузеппе Ронкалли (таково его мирское имя) пользуется ныне наибольшим уважением среди пап Нового и Но-

Замов Эдуард Александрович, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. Первого президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51), кандидат исторических наук, доцент.

Eduard A. Zamov, associate professor of the Department of orientalism of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-32. Электронная почта/E-mail: ZamovEA@yandex.ru

© Замов Э. А., 2017

вейшего времени. Впрочем, это относится почти исключительно к Италии. В глазах всего мира его фигура заслонена Иоанном Павлом II, который на деле является лишь продолжателем дела Иоанна XXIII и умелым саморекламистом. Тем не менее, даже центральный печатный орган Итальянской коммунистической партии на смерть папы Иоанна XXIII отозвался словами: «Умер великий папа». Советский специалист И. Р. Григулевич, в целом высоко оценивший деятельность Иоанна XXIII, тем не менее в своем анализе энциклики «Матер эт магистра» («Мать и наставница») акцентировал внимание лишь на антиколониальном пафосе этого самого интересного сочинения папы, а к социальной программе энциклики интереса не проявил: «Наиболее радикальный раздел энциклики посвящен отношениям между развитыми и слаборазвитыми странами. В нем содержится недвусмысленное осуждение неокOLONIALИЗМА. Это был явный реверанс в сторону народов, сбросивших с себя колониальный гнет. Папа желал показать им, что католическая церковь порывает свои связи с колонизаторами»¹¹². В целом Западный мир ждет клерикально-консервативная реакция на моральный хаос современности и интерес к идеям Иоанна XXIII представляется оправданным.

Наибольший интерес из написанного Иоанном представляет энциклика «Матер эт магистра» («Мать и наставница»), опубликованная 15 мая 1961 года. В самом начале энциклики папа подчеркивает: «Христианство стоит на стыке земли и неба. Оно претендует на всего человека, на его тело и душу, интеллект и волю, заставляя его поднять голову над меняющимися условиями данного ему земного существования и устремиться вверх для вечной жизни на небо, где в один прекрасный день он найдет неизменное счастье и покой»¹¹³. Примечательно, что даже средневековый католицизм предоставлял индивиду возможность выбирать между раем и адом. Папа Иоанн претендует на абсолютную власть католической церкви над индивидом, причем его слова вполне могут быть истолкованы и как притязание на светскую власть над всеми адептами церкви. Впрочем, эти утверждения папы не являются проявлением стремления установить тотальный контроль над индивидом, но продиктованы отрывом экономики от морали: «Огромные богатства были накоплены в руках немногих, в то время как большое число рабочих оказались в условиях все возрастающей нужды. Заработная плата недостаточна настолько, что она грозила рабочему голодом, и условия труда часто вредили здоровью, нравственности и религиозной вере. Особенно бесчеловечными были условия работы женщин и детей. Существуют также постоянная угроза безработицы и постепенное разрушение семейной жизни. Естественным следствием всего этого является дух возмущения и открытый протест со стороны рабочего, и распространилась тенденция популяризации экстремистских теорий, ко-

¹¹² Григулевич 1986: 370.

¹¹³ Mater et magistra 1961.

торые гораздо хуже по своим последствиям, нежели то зло, на защиту от которого они претендовали»¹¹⁴. Эти слова являются негативной реакцией на триумф либерализма в экономике в XIX веке, провозглашение идей свободного рынка, торжество личной выгоды.

Социальные требования папы в энциклике «Мать и наставница» сводятся к следующему. Иоанн утверждает: христианские принципы реконструкции общества «...касаются прежде всего вопроса о труде, который должен рассматриваться не только как товар, но как специфически человеческая деятельность. В большинстве случаев труд человека является его единственным средством к существованию. Его оплата, следовательно, не может быть произведена в зависимости от состояния рынка. Она должна быть определена по законам справедливости и равенства. Любая другая процедура будет явным нарушением правосудия, даже в соответствии с контрактом, свободно заключенным обеими сторонами»¹¹⁵. Идея ценности человеческого труда в данном случае не отличается новизной; она была всегда присуща христианскому вероучению и отличала его от мировоззрения древних римлян, особенно на последнем этапе существования античного Рима. В то же время идея оплаты труда вне зависимости от состояния рынка представляется исходящей из принципов ментальности аграрного батрака и диктуется интересами аутсайдеров общества. Идея оплачивать труд на основе идей справедливости и равенства является смешением экономических и моральных понятий и не является конкретной, и представляется продиктованной необходимостью придать концепции внешнюю привлекательность. Сократ определял справедливость как воздаяние каждому должного, но все попытки привести идею справедливости в экономику не носили конкретного характера. Так же неконкретны и попытки папы определить конкретные принципы начисления заработной платы: «Поэтому мы считаем своим долгом подтвердить, что вознаграждение за труд не то, что можно отдать на откуп законам рынка, ни оставлять решение на волю более сильного. Оно должно быть определено в соответствии со справедливостью и беспристрастностью, что означает, что работники должны получать зарплату, которая позволяет им жить по-настоящему человеческой жизнью и исполнять свои семейные обязанности достойно. Другие факторы также должны быть включены в оценку справедливой заработной платы, а именно: эффективный вклад, который каждый человек вносит в экономические силы и финансовое состояние предприятия, на котором он работает, требования общего блага в конкретной стране, учитывая общий уровень занятости рабочей силы в стране в целом — и, наконец, требования общего блага вселенской семьи народов... Указанные выше принципы действуют всегда и везде. Так гораздо понятней. Но степень их применимости в кон-

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Mater et magistra 1961.

кретных случаях должна учитывать количество и качество имеющихся ресурсов...»¹¹⁶. Папа не конкретизирует, что же в действительности является «человеческой жизнью». В сущности, Иоанн XXIII как политик являлся не консерватором, а скорее умеренным социал-демократом.

Социал-демократические по сути своей воззрения папа высказывал еще в начале своего понтификата в энциклике «К кафедре Петра»: «На самом деле сегодня очень сокращена дистанция между классами, отношения между которыми больше не могут характеризоваться дуализмом противоположных блоков, противостоянием, основанным исключительно на отношениях капитала и труда. Вместо того, наблюдается все большее возникновение групп внутри самих групп, рост окон, в рамках которых наиболее подготовленные и наиболее подходящие имеют возможность получить доступ к более высоким позициям»¹¹⁷. Взгляды Иоанна XXIII не претерпевали существенных изменений в течение всего понтификата, он всегда был сторонником соглашения между классами, не отрицая существования таковых.

Впрочем, со временем папа все более эволюционировал влево, хотя и медленно. В упоминавшейся выше энциклике «К кафедре Петра» Иоанн требовал: «Настоятельно призываем затем всех тех, на которых возложены большие обязанности внутри предприятий, и от которых иногда зависит даже жизнь работников, не оценивать работника только с экономической точки зрения, не просто признавать его права в расчете на хорошую работу, но уважать также достоинство его личности и рассматривать его скорее как брата. Вы должны стремиться также, чтобы рабочие, участвуя во все большей степени в плодах предпринимательства, чувствовали себя не чужими на предприятии, но были бы заинтересованы в его жизни и его развитии»¹¹⁸. В начале понтификата Иоанн ограничивался моральной проповедью к предпринимателям, но затем в энциклике «Мать и наставница» стал высказывать более конкретные и радикальные идеи.

Папа допускал приобретение работниками акций предприятий, на которых они работают: «Мы считаем, что работникам должны быть выделены доли в фирмах, на которых они работают, особенно когда им платят не более чем минимальную заработную плату»¹¹⁹. Подобно мыслителям Востока, идеал папы не развитие само по себе, а социальная гармония, обеспечение выживания всех членов общества. Развитие нужно именно для обеспечения социальной гармонии. Однако в достижении социальной гармонии папа уповал не столько на государство, сколько на помощь частной благотворительности: «Трагические

¹¹⁶ Ibidem.

¹¹⁷ Ad Petri Cathedram 1959.

¹¹⁸ Ad Petri Cathedram 1959.

¹¹⁹ Mater et magistra 1961.

ситуации и актуальные проблемы интимного и личного характера постоянно возникают, причем государство со всеми его механизмами не может в данном случае что-то исправить или чем-нибудь помочь. Всегда остается, таким образом, обширное поле для реализации человеческого сочувствия и христианского милосердия людей. Мы хотели бы заметить, наконец, что усилия отдельных людей или групп частных лиц, являются, безусловно, более эффективными в деле продвижения духовных ценностей, нежели деятельность органа публичной власти».

Об институте частной собственности папа Иоанн говорит так: «...частная собственность, в том числе на средства производства, является естественным правом, которое государство не может подавлять. Но это, естественно, влечет за собой социальные обязательства. Это право, которое должно осуществляться не только ради своего личного блага, но и на благо других»¹²⁰. Попытка снабдить частную собственность социальной функцией не отличается новизной. Еще Веймарская конституция Германии 1919 г. закрепила принцип «собственность обязывает», хотя и не наполнила этот принцип конкретным содержанием. В то же время показательна апелляция папы к просвещенческой теории естественных прав, связывавшей происхождение прав человека не с Богом, а с природой. В сущности получается, что воззрения папы Иоанна в полной мере не были воззрениями католика.

Роль государства Иоанн определил следующим образом: «Что касается государства, то весь смысл его существования заключается в реализации общего блага... Поэтому оно не может держаться в стороне от экономических вопросов. Наоборот, оно должно делать все от него зависящее, чтобы обеспечивать производство достаточного количества материальных благ, применение которых необходимо... Оно также обязано защищать права всех людей, а особенно своих слабых членов, рабочих, женщин и детей. Никогда не может быть признано право государства уклоняться от своей обязанности активно работать для улучшения состояния трудящихся. Кроме того, обязанность государства обеспечивать условия труда должна регулироваться в соответствии со справедливостью и равенством, а также оно должно защищать человеческое достоинство работников, убедившись, что они не обязаны работать в условиях, которые могут оказаться вредными для их материальных и духовных интересов»¹²¹. В сущности, папа ограничил вмешательство государства в экономику только требованием сохранения института частной собственности: «Государство и другие учреждения публичного права не должны расширять свои владения сверх того, что явно диктуется соображениями общего блага, правильно понятыми... В противном случае частная собственность может

¹²⁰ Ibidem.

¹²¹ Mater et magistra 1961.

быть уменьшена сверх меры, или, еще хуже, полностью разрушена»¹²². В остальном это вмешательство должно быть безграничным.

Провозглашенный понтификом принцип «общего блага» не является только реверансом в сторону республиканских идей. Концепция общего блага в неявном виде провозглашалась еще в средние века в виде солидарности трех классов – воюющих, молящихся и работающих, и была сохранена даже в концепции непримиримого врага католицизма М. Лютера. Стремление отстаивать права аутсайдеров общества было зафиксировано в концепции радикального либерализма Д. Ллойд-Джорджа и У. Черчилля (это относится к политической деятельности этих двух политиков лишь в начале XX века). Не следует говорить о заимствовании папой взглядов именно этих политиков; эти идеи и так носились в воздухе, будучи осознанным умонастроением части элиты. Примечательно, что из французской республиканской триады «свобода, равенство, братство» понтифик активно использует лишь последние два элемента (он говорит о церкви как о христианском братстве), но и принцип свободы не исключает.

Любопытно, что свободу человека папа понимал примерно так же, как его понимали Б. Спиноза, Г.В.Ф. Гегель и К. Маркс. То есть как осознанную необходимость: «На самом деле... в социальной жизни человек не является продуктом природных сил, являющихся как бы слепым импульсом. Это, как мы видим, существо, которое свободно и автономно по своей природе – хотя мы должны, конечно, признать, что люди в каком-то смысле подчиняются законам экономического развития и социального прогресса, и мы не можем полностью уйти от давления окружающей среды»¹²³. В данной концепции даже не остается места для Божественного промысла.

Например, свободу ассоциаций понтифик считает «естественным правом трудящегося вступать в ассоциацию со своими товарищами. Такие ассоциации могут состоять либо из работников, либо из работников и работодателей, и должны быть структурированы так, чтобы наилучшим образом обеспечить защиту законных профессиональных интересов работников. И мы признаем естественное право рабочих работать без помех, свободно, и по собственной инициативе в рамках этих объединений для достижения этих целей»¹²⁴. Эклектика папы здесь доходит до того, что он не исключает создание совместных профессиональных организаций из работников и предпринимателей. Здесь налицо влияние фашистского корпоративизма, а не только стремление к созданию компанийских профсоюзов.

¹²² Ibidem.

¹²³ Mater et magistra 1961.

¹²⁴ Ibidem.

Правда, свобода профсоюзной деятельности рабочих в энциклике все же ограничена: «Наконец, как работники, так и работодатели должны регулировать свои взаимные отношения в соответствии с принципом человеческой солидарности и христианского братства. Свободная конкуренция в либеральном смысле, а также марксистское вероучение классовой борьбы явно противоречат христианскому учению и природе человека»¹²⁵. В данном случае папа воспроизводит исторический опыт фашистской Италии и США времен «нового курса». Идея коллективного договора, провозглашенная и отстаиваемая такими разными людьми, как Б. Муссолини и Ф. Д. Рузвельт, вполне разделяется папой. Идея возрастания солидарности в обществе исходит в мировоззрении папы из кантовского позитивизма.

Принцип свободы папа впоследствии перенес и в международные отношения, правда, в своеобразной трактовке кантовского категорического императива: «Кроме того, отношения между государствами должны регулироваться принципом свободы. Это означает, что ни одна страна не имеет права предпринимать какие-либо действия, которые представляли бы собой несправедливое притеснение других стран, или неоправданное вмешательство в их дела»¹²⁶. Здесь понтифик снабжает свои утверждения массой оговорок, допускающих растяжимые толкования.

Основной принцип христианской социальной доктрины папа определяет так: «Это учение опирается на один простой принцип: люди являются основой, причиной и целью каждого социального института. Это обязательно так, ибо люди по своей природе социальные существа»¹²⁷. Данные слова понтифика происходят из античных философских воззрений, в частности от Протагора с его утверждением, что человек есть мера всех вещей, и от Платона и Аристотеля с их учением о социальной природе человека. В полном смысле слова папа Иоанн не был христианином, а скорее неоязычником.

Отношения католиков с некатоликами Иоанн XXIII рассматривал в чисто иезуитском ключе: «В экономической и социальной деятельности, католики часто контактируют с людьми, не разделяющими их взгляды на жизнь. В таких обстоятельствах они должны, конечно, вести себя как католики и не делать ничего, чтобы скомпрометировать религию и мораль. В то же время они должны показать себя воодушевленными идеей взаимопонимания и бескорыстия, готовыми добросовестно сотрудничать в реализации проектов, которые хороши сами по себе, или могут быть сделаны хорошими. Излишне говорить, что, когда иерархия приняла решение по любому вопросу, католики обязаны подчиняться ее

¹²⁵ Ibidem.

¹²⁶ Pacem in terris 1963.

¹²⁷ Mater et magistra 1961.

указаниям»¹²⁸. Абсолютная диктатура церкви над личностью человека, таким образом, сохраняется, и католики обязаны подавать себя в качестве бескорыстных людей даже в экономической сфере.

Тем не менее на закате жизни в энциклике «Пацем ин террис» («Мир на земле») понтифик занял более терпимую позицию: «Человек, впавший в заблуждение, не перестает быть человеком. Он никогда не теряет личного достоинства; и это то, что всегда должно нами учитываться. Кроме того, в самой природе человека заложена бессмертная способность преодолевать барьеры ошибки и искать пути к истине»¹²⁹. Иоанн XXIII всегда позиционировал себя в качестве бескомпромиссного противника коммунизма, но его критика коммунизма носила в целом абстрактный характер.

Как О. Конт понимал прогресс общества в росте солидарности между людьми, так и папа видит причину неразвитости общества именно в недостатке солидарности: «По правде сказать, мы не видим в современном мире проблему, связанную с диспропорцией между ростом населения и производством продовольствия. Аргументы на этот счет основаны на таких ненадежных и противоречивых данных, что они могут быть признаны очень неопределенными. Кроме того, ресурсы, которые Бог в своей благодати и премудрости вложил в природу, практически неисчерпаемы, и он в то же время дал человеку интеллект, чтобы найти пути и способы использования этих ресурсов для собственной выгоды и собственных средств к существованию. Следовательно, реальное решение проблемы заключается не в способах, которые нарушают богоустановленный нравственный порядок и которые нападают на человеческую жизнь в самом ее источнике, но в новых научных и технических усилиях со стороны человека, чтобы углубить и расширить свое господство над природой. Прогресс науки и техники, уже достигнутый, открывает практически безграничные горизонты в этом отношении. Что касается проблем, с которыми сталкиваются более бедные нации в различных частях света, мы признаем их реальными. Они обусловлены, чаще всего, недостаточным уровнем экономической и социальной организации, который не предполагает условий жизни, пропорциональных увеличению населения. Они обусловлены, кроме того, отсутствием эффективной солидарности таких народов»¹³⁰. Экономический прогресс папа однозначно рассматривает как благодеяние, а историю как линейный прогрессивный процесс. Правда, придерживаясь контовского позитивизма, папа исключает из него главный элемент – агностицизм.

¹²⁸ Ibidem.

¹²⁹ Pacem in terris 1963.

¹³⁰ Mater et magistra 1961.

Крестьянский сын на папском престоле сожалел об ухудшении состояния сельского хозяйства: «Мы знаем, что по мере развития экономики количество людей, занятых в сельском хозяйстве, снижается, а доля занятых в промышленности и в сфере услуг растет. Тем не менее, мы считаем, что очень часто это движение населения от земледелия к промышленности имеет другие причины, кроме тех, которые зависят от экономического роста. Среди них – желание вырваться из ограниченно-го окружения, предлагающего мало шансов на более комфортный образ жизни. Есть соблазн новизны и приключений, который сильно влияет на нынешнее поколение, привлекательная перспектива легких денег, свободы и удовольствия от всех соблазнов города и городской жизни. Но одной из причин этого движения подальше от деревни, несомненно, является то, что сельское хозяйство находится в подавленном состоянии. Оно неадекватно как в отношении эффективности производства, так в отношении и уровня жизни, который оно обеспечивает»¹³¹. Папа Иоанн стремился задержать сельское население в деревне, очевидно желая сохранить клиентелу для католической церкви. Сокращение сельского населения он считал экономической диспропорцией, которую следует преодолевать экономическими методами.

В политэкономической сфере папа был кейнсианцем: «В первую очередь, значительное внимание должно быть уделено, особенно органами государственной власти, к соответствующему развитию ключевых мощностей в таких областях, как строительство дорог; транспорт; средства связи; питьевая вода; строительство домов; медицинские услуги; техническое и профессиональное образование; религиозные и рекреационные объекты; и поставка современных установок и мебели для усадеб»¹³². Папа считал необходимыми налоговые и кредитные льготы для сельхозпроизводителей, поддержание государством высоких цен на сельхозпродукты, развитие социального страхования крестьян. При этом идеалом Иоанна XXIII является мелкое крестьянское хозяйство: «Невозможно определить априори, какой должна быть структура фермы, поскольку условия ведения сельского хозяйства сильно отличаются в разных местах и странах по всему миру. Но если мы возлагаем на человека христианскую концепцию человека и семьи, мы обязаны рассматривать как идеал форму предприятия, которая разработана на основе сообщества лиц, работающих вместе для продвижения взаимных интересов в соответствии с принципами справедливости и христианского учения. Мы обязаны прежде всего рассматривать как идеальный вид ферму, которая принадлежит и управляется семьей. Необходимо сделать все возможное в сложившихся условиях для эффективной поддержки сельскохозяйственных предприятий такого рода»¹³³. Примечательно, что

¹³¹ Ibidem.

¹³² Ibidem.

¹³³ Ibidem.

папа не говорит об использовании в таком хозяйстве наемного труда. Его идеал – свободный человек на свободной земле. Всю свою жизнь папа был по мировоззрению батраком, мечтающим о собственном хозяйстве.

Папа был далек от понимания роли государства в экономике как ночного сторожа: «Оправданием всех действий власти является общее благо. Органы публичной власти, таким образом, должны иметь в виду интересы государства как целого, что означает, что они должны развивать все три направления производства – сельское хозяйство, промышленность и услуги – одновременно и равномерно. Все должно быть сделано для того, чтобы граждане в менее развитых районах рассматривались как ответственные люди, сыграли бы важную роль в достижении своего экономического, социального и культурного развития. Частные предприятия тоже должны вносить свой вклад в экономическое и социальное равновесие в различных областях политического сообщества. Действительно, в соответствии с принципом вспомогательной функции, органы государственной власти должны поощрять и поддерживать частные предприятия, доверив им, по возможности, продвижение экономического развития»¹³⁴. В сущности, папа стремится за счет остальных отраслей экономики спонсировать сохранение мелкого крестьянского хозяйства, законсервировав его. Если город рассматривается папой как вместилище соблазнов, то крестьянский труд понтифик идеализирует: «В работе на ферме человеческая личность находит все стимулы для самовыражения, саморазвития и духовного роста. Это работа, которую следует рассматривать как призвание, данное Богом задание, ответ на призыв Бога, чтобы дать жизнь его провиденциальному плану спасения в истории. Надо рассматривать такую работу, наконец, как благородную задачу, решаемую с целью поднятия себя и других на более высокую ступень цивилизации»¹³⁵. Папа Иоанн был сторонником первостепенного развития мелких и средних предприятий, причем государство должно было поддерживать их развитие (как отмечалось выше, помощь отдельным гражданам с точки зрения понтифика должна была исходить главным образом от частной благотворительности). Единственное требование к крупным концернам, выдвигаемое главой католической церкви, состояло в заключении коллективного договора. В этом просматривается влияние фашистского корпоративизма.

Список источников и литературы

Григулевич 1986 – Григулевич И.Р. Папство после Пия IX // Лозинский С.Г. История папства. – М.: Политиздат, 1986.

¹³⁴ Ibidem.

¹³⁵ Ibidem.

Ad Petri Cathedram 1959 – Ad Petri Cathedram [Electronic resource]. URL: http://w2.vatican.va/content/john-xxiii/it/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_29061959_ad-petri.html (assessed: 09.06.17.)

Mater et magistra 1961 – Mater et magistra [Electronic resource]. URL: http://w2.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_15051961_mater.html (assessed: 09.06.17.)

Pacem in terris 1963 – Pacem in terris [Electronic resource]. URL: http://w2.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem.html (assessed: 09.06.17.)

Eduard A. Zamov

POPE JOHN XIII AS A SOCIAL REFORMER

The article analyzes the ideas of the most outstanding Pope of the twentieth century – John XXIII. Not only was he able to successfully reform the Roman Catholic Church organizationally, but also to adapt it to the rapidly changing world of the twentieth century he also put forward original program of social reform, sending it in the first place Italy, but not excluding its use in other developed countries of the West. The article examines the most important Encyclical of Pope John XXIII, traced their connection with other ideological currents of our time. In the crisis of the Catholic Church in the West (and the entire world of Christianity), the idea of the Pope that strengthened Catholicism after the two world wars cannot fail to be of interest.

Keywords: Italy, religion, Roman Catholicism, papacy, social reforms.

УДК 94(474.5)"1812"
Код ВАК 07.00.03

В.Н. Земцов

ЛИТВА ПРИ НАПОЛЕОНЕ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО*

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); доктор исторических наук, профессор

Vladimir N. Zemtsov, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Av., 26); Professor of the Chair of Modern and Current History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenin Av., 51); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7(343)235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

В статье сделана попытка на основе обширной документальной базы осветить деятельность временного правительства великого княжества Литовского в 1812 г. Автор пришел к выводу об исключительно прагматической цели, которую преследовал Наполеон применительно к Литве. На этом фоне деятельность комиссии временного правительства предстает как самоотверженный акт части польско-литовской элиты, поддавшейся иллюзорным надеждам на обретение Литвой независимости. Однако тяготы войны, соединенные с постепенной утратой иллюзий литовским дворянством в отношении целей и действий Наполеона, привели к взаимному разочарованию между временным руководством Литвы и администрацией Великой армии. Межкультурная гармония между чинами Великой армии и местным населением Литвы, в перспективу которой к началу военных действий верило наполеоновское руководство и часть патриотически настроенного населения Литвы, оказалась, в конечном итоге, невозможна. Приход Наполеона в Литву постепенно стал восприниматься как вражеская оккупация.

Ключевые слова: Литва в 1812 г., Наполеон, межкультурная коммуникация.

Тем нескольким месяцам 1812 г., когда Литва¹³⁶ оказалась под контролем войск и администрации французского императора, посвящена обширная историография. Наиболее интересные исследования стали появляться в начале XX в. Они принадлежали польскому историку Я. Ивашкевичу и российским авторам К.А. Военскому, Ю.В. Татищеву, А. Вруцевичу, Ф.А. Кудринскому и Н.Н. Бернацкому¹³⁷. В межвоенный период польский военный историк М. Кукель и литовский исследователь Б. Дундулис обозначили новый этап в исследовании проблем «наполеоновской Литвы», не только введя в оборот обширный пласт документов, но и попытавшись вписать литовские события в широкий исторический контекст 1812 года¹³⁸. Наконец, на рубеже XX-XXI вв. в связи с серьезными геополитическими сдвигами в регионе Центрально-Восточной Европы и попытками переосмысления событий 1812 г., появились исследования таких авторов, как А.И. Попова и К.Б. Жучкова (Россия), А.М. Лукашевича (Беларусь), В.В. Ададунова и С.В. Потрашкова (Украина), В. Пугачаускаса (Литва)¹³⁹ и др. Наиболее основательным исследованием стала хорошо фундированная монография польского историка Д. Наврота¹⁴⁰. Дея-

© Земцов В. Н., 2017

¹³⁶ Мы используем политоним «Литва» применительно к ситуации начала XIX в., имея ввиду Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии.

¹³⁷ Iwaszkiewicz 1912; [Военский] 1909; [Татишев] 1913; Вруцевич 1912; Кудринский 1912; Бернацкий 1912; Бориславский 1903; и др.

¹³⁸ Kukiel 1937; Dundulis 1940.

¹³⁹ Попов 2002; Жучков 2015; Лукашевич 2009; Ададунов 2010; Потрашков 2009; Pugačiauskas 1998; Пугачаускас 2014.

¹⁴⁰ Nawrot 2008.

тельность А. Жомини на посту военного губернатора Вильно затронул американский историк Э. Вовси¹⁴¹. Наконец, проблемы еврейского населения Вильно нашли отражение в публикациях В. Лукина¹⁴².

В сущности, все авторы, обращавшиеся к теме Литвы 1812 года, пытались ответить на вопрос о причинах, обусловивших слабую результативность деятельности пронаполеоновской администрации великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Задача, стоящая перед нами, будет во многом иной. На основе обращения к уже известным ранее документам¹⁴³ и введением в научный оборот неопубликованных материалов из французских¹⁴⁴ и австрийских¹⁴⁵ архивохранилищ мы попытаемся уточнить ряд важных моментов в деятельности временно-го правительства ВКЛ (далее – ВП ВКЛ) с тем, чтобы в дальнейшем выйти на раскрытие проблем социальной жизни и межкультурных контактов в Литве в эпоху 1812 года.

Земли, составлявшие «русскую Литву», на территории которой в 1812 г. на несколько месяцев появилось ВКЛ, вошли в состав Российской империи только в 1795 г. в результате третьего раздела Речи Посполитой. К 1812 г. они были разделены на Литовско-Виленскую, Литовско-Гродненскую и Минскую губернии. Помимо них в состав ВКЛ вошла и Белостокская область.

Материалы, которые отложились в Архиве Исторической службы министерства обороны и в Архиве министерства иностранных дел Франции¹⁴⁶, свидетельствуют, что французское командование имело возможность накануне открытия военных действий представить общую картину ситуации в Литве. Однако эта картина была далеко не всегда точной. Вполне можно согласиться с львовским исследователем В.В. Ададуровым, который сделал вывод об информационной фрагментарности и идейной стереотипности представлений наполеоновского командования о России, что и предопределило линию поведения французских властей в западных губерниях Российской империи периода оккупации¹⁴⁷. Французское командование и администрация последовательно отбирали, главным образом, ту информацию, которая соответствовала изначальным, нередко даже фантастическим представлениям о Литве. «Говорят, что собственно русские считают казаков братьями поляков, но не москвитов, тем более что казаки долгое время были с поляками вместе под одним скипетром и имели одно

¹⁴¹ Vovsi 2012.

¹⁴² Лукин 2012а; Лукин 2012б.

¹⁴³ Акты 1909; Акты 1912; Акты 1913.

¹⁴⁴ AN; AMAE 18; AMAE 26; SHD.

¹⁴⁵ Hof, Haus- und Staats-Archiv.

¹⁴⁶ Lithuanie. Gouvernement de Wilna // SHD. 1M 1489; Tableaux de la population des conquêtes de la Russie. Janvier 1812 // AMAE 26.

¹⁴⁷ Ададуров 2010.

правительство. Глупые московитские законы привели к тому, что указ Екатерины 1775 г. перенес их места обитания на Днепр, а также определил местом их пребывания Кубань, Кавказские горы и Сибирь. Это говорит о том, что казаки сильно страдали от московитов, и готовы против них сражаться»¹⁴⁸. Эта, и подобные ей, выдержки из переписки литовских поляков тщательно собирались и «анализировались» информаторами армии вторжения.

16 (28) июня¹⁴⁹, в воскресенье, в полдень, в Вильно вступили части наполеоновской армии. «Весь город был на улице, все окрестные горы сплошь были покрыты людьми, чающими первыми увидеть французов. Многие с этой целью полезли на крыши домов, башни церквей и колокольни. Огромные толпы побежали за ковенскою заставу, откуда ожидались французы. Всё это бежало, сталкивалось, галдело, напоминая собою в общем один громадный дом сумасшедших», – вспоминал Михаил Лавринович, францисканский монах¹⁵⁰. «Народ веселился на улицах, на площадях крича виват и пускаясь к реке подбирать оружие, которое русские, отступая, там побросали. Муниципалитет с распущенными знаменами вышел подносить императору Наполеону ключи от города», – вспоминала С. Шуазель-Гуфье, урожденная графиня Тизенгаузен¹⁵¹. «Полк князя Радзивилла¹⁵² прошел по нашей улице, – вспоминала она, – то были польские уланы в своих прелестных мундирах со значками из польских цветов. Я стояла на балконе замка. Они с улыбкой отдавали мне честь. И в первый раз в жизни я увидела поляков! Слезы восторга и радости полились из моих глаз; я осознавала себя полькой! И эта минута была восхитительна, но как она была коротка!»¹⁵³

Действительно, минута восторга была коротка. «Войска сии, заняв окрестности города, – вспоминал виленский помещик И. Эйсмонт, – истребили тотчас прилегающие к оному обывательские дачи, а в числе оных и мою, близ города состоящую, Маркуци называемую, забирая всякую находившуюся в оной провизию, скот, лошадей, всякое движимое имущество, истребляя двери, окошки и мебель, находившиеся в строениях; а для совершения крайнего разорения, кавалерия, запасшаяся хозяйственными косами, скосила всякого рода дворовый и крестьянский хлеб для корма лошадей; и таким образом, в продолжение

¹⁴⁸ Hof, Haus- und Staats-Archiv. F. 42.

¹⁴⁹ Даты даны либо по новому стилю, либо указываются оба стиля.

¹⁵⁰ Кудринский 1912: 27. Сноска 8.

¹⁵¹ Шуазель-Гуфье 1879: 46-47.

¹⁵² 8-й польский уланский полк из 1-й легко-кавалерийской дивизии Брюйера 1-го резервного кавалерийского корпуса.

¹⁵³ Шуазель-Гуфье 1879: 26-47.

одного часа, лишился я всего...»¹⁵⁴ «Между тем, – вторит Эйсмонту Шуазель-Гуфье, – начался грабеж. Вне города и по деревням совершались неслыханные бесчинства: церкви были ограблены, священные сосуды осквернены; даже кладбища не были пощажены, несчастные женщины оскорблены! Самые прискорбные рассказы так и сыпались»¹⁵⁵. Подобных свидетельств, относящихся уже к началу пребывания наполеоновских войск в Вильно, имеется немало.

В чем была причина подобных эксцессов? Многие авторы, обращавшиеся к событиям 1812 г. в Литве, отмечали пагубную роль, которую оказал бюллетень Великой армии и воззвание, продиктованное Наполеоном 23 июня в Вильковишках, о начале 2-й польской войны¹⁵⁶. Войска, изнуренные походом, восприняли это воззвание как факт вступления на неприятельскую территорию и предались мародерству.

Однако только лишь изнуренностью войск и их «ошибками» в интерпретации наполеоновского возвания в Вильковишках вряд ли следует объяснить размах грабежей и насилий, с которыми солдаты обрушились на Вильно и его окрестности. Ключевая проблема заключалась в том, какую роль отводил Литве в своих планах Наполеон, и как это влияло на его решения и его действия в ходе событий 1812 г. Целый ряд документов и обстоятельств достаточно ясно проясняют планы Наполеона. Так, 28 мая, еще находясь в Дрездене, император продиктовал обширные инструкции для Д.Ж.Ф. Прадта, отправлявшегося в качестве французского резидента в Варшаву. Прадт должен был направить деятельность варшавского правительства на обеспечение Великой армии всеми возможными ресурсами герцогства, держать в курсе дела императора и Главный штаб, способствовать росту патриотических настроений, в особенности, в отношении тех польских провинций, которые «фактически оккупированы Россией», для чего созвать сейм и создать общепольскую конфедерацию как своего рода верховный совет вооруженной нации, а также следить за тем, чтобы патриотическая активность не вредила Пруссии и Австрии¹⁵⁷. Еще более явно роль Литвы в проектах Наполеона была очерчена 11 июля в его ответе на речь сенатора Ю. Выбицкого, который возглавлял делегацию польского сейма, прибывшую в Вильно, дабы от имени гене-

¹⁵⁴ Письмо виленского помещика Эйсмонта о пребывании Наполеона в Вильне в 1812 году // Акты 1909: 416. Эйсмонт отправил своего управляющего «с просьбою к Наполеону, но не удостоился счастья получить резолюцию». Эйсмонт отмечает, что в то же время его «шинкарка», также подвергшаяся разорению. Получила от Наполеона 200 франков. Эйсмонт полагает, что Наполеон, «видя, что невозможно награждать неисчислимых убытков, войсками его принимаемых, наделял только одних неимущих» (Там же: 417).

¹⁵⁵ Шуазель-Гуфье 1879: 48.

¹⁵⁶ Napoléon. № 18855: 618-619; Caulaincourt 1933: 354; [Татищев] 1913: 23; Nawrot. 2008: 374; и др.

¹⁵⁷ Napoléon. № 18734: 441-447; Bignon 1864: 238.

ральной конфедерации просить французского императора поддержать решение о возрождении Речи Посполитой. Слова Наполеона были следующими: «Если старания ваши будут единодушны, можете питать надежду заставить врагов признать права ваши; но только от единодушных усилий всех жителей можете ожидать успеха. <...> Пусть Литва, Самогития, Витебск, Полоцк, Могилев, Волынь, Украина и Подолия одушевятся тем же духом, который встретил я в Великой Польше, и Провидение увенчает успехом святое ваше дело»¹⁵⁸.

Ю.В. Татищев в свое время справедливо обратил внимание на странности в организации власти в провозглашенном ВКЛ, которые противоречили «основным принципам юридической конструкции всякого государства», а именно, что «верховная власть не принадлежала императору Наполеону», и «еще менее принадлежала она временной правительственной комиссии, так как рядом с нею, а в некоторых отношениях и под нею действовала власть французского генерал-губернатора»¹⁵⁹.

В целом, очевидно, что Наполеон, намекая литовской элите на возможность то ли возрождения Речи Посполитой, то ли на обретение Литвой независимости как самостоятельного политического образования, стремился воспользоваться людскими и материальными ресурсами последней исключительно в целях достижения военного успеха в борьбе с русским императором. Нам представляется, что и серьезные трения, которые проявились между военным губернатором Вильно генералом А. Жомини и генерал-губернатором Литвы Т. Гогендорпом, а, с другой стороны, между представителями наполеоновской администрации и Комиссией ВП ВКЛ, также имели своим источником сознательно созданную Наполеоном ситуацию неопределенности в столице «русской Польши».

Напомним, что 1 июля Наполеон создал Комиссию ВП ВКЛ, в которую первоначально вошли С. Солтан, К. Прозор, Ю. Сераковский, А. Сапега, Ф. Ельский, А. Потоцкий, Я. Снядецкий, и которая должна была представлять высшую гражданскую власть в Литве. Само же ВКЛ должно было состоять из четырех департаментов, охватывая территорию, главным образом, Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области. В городах княжества учреждались муниципалитеты. В главном городе – Вильно – президентом (мэром) стал М. Ромер (с 16 сентября – Я. Хорайн). Помимо президента, в руководящий состав муниципалитета входили четыре его помощника и 12 членов муниципального совета. Несмотря на видимый «демократизм» при формировании органов гражданской власти ВКЛ, когда на все административные должности были назначены представители местной элиты (естественно, польско-литовского происхождения), контроль за ними должны были осуществлять лица, принадлежавшие к французской военной и гражданской адми-

¹⁵⁸ Цит. по: Акты 1912: VIII.

¹⁵⁹ [Татищев] 1913: 27-28.

нистрации. Комиссаром при комиссии ВП ВКЛ стал Л.П.Э. Биньон, ранее осуществлявший подобные функции при правительстве великого герцогства Варшавского (на этом посту его сменил Прадт). В каждом департаменте, где гражданскую власть должна была осуществлять административная комиссия из трех человек, имелся французский интендант, который контролировал ее деятельность.

Военная власть в Литве должна была быть сосредоточена в руках генерал-губернатора (на эту должность 8 июля был назначен генерал граф Т. ван Гогендорп). В каждом департаменте был свой военный губернатор. В Виленском департаменте им вначале был генерал А. Жомини, а затем (официально с 4 октября) генерал Р. Годар. При этом, хотя поиск средств и сама организация вооруженных сил, жандармерии и национальной гвардии была возложена на собственно литовское руководство, реальная военная власть была исключительно в руках французского командования¹⁶⁰. Это обстоятельство, в сущности, и стало причиной серьезного конфликта, имевшего место между Жомини и Гогендорпом. Внешне это выглядело как результат исключительно взаимной личностной неприязни двух генералов – «пустого и самоуверенного» (слова Гогендорпа) швейцарца Жомини и подобного «трости капрала» (слова Жомини) голландца Гогендорпа¹⁶¹. Однако, сопоставляя деятельность Жомини в качестве военного губернатора Виленского департамента и Гогендорпа как генерал-губернатора Литвы, становится понятным, что швейцарец на французской службе, в отличие от Гогендорпа, не был готов к тем, в сущности, жестоким мерам, которых требовал Наполеон в отношении Литовского края с целью обеспечения нужд Великой армии всевозможными ресурсами. Сам Гогендорп писал о своем появлении в Вильно так: «Члены временного литовского правительства отнеслись ко мне чрезвычайно холодно и, вероятно, были восставлены против меня. Они не сделали мне визита, утверждая, что я должен был посетить их первый. Со своей стороны, я совсем не вмешивался в дела их внутреннего управления, но считал необходимым обратить свое внимание на военную часть, особенно на продовольствие и комплектование прибывавших и проходивших французских войск. Я

¹⁶⁰ Биньон, комментируя инструкции, врученные от имени Наполеона Прадту, подчеркивал, что внешняя самостоятельность польского правительства должна была опираться «исключительно на силу нашей армии». Кроме того, характер войны с Россией должен был быть «обычным», не предполагавшим создание «посполитого рушения», когда вооружались и господа, и крестьяне (Bignon 1864: 231). Подобными намерениями, как отмечал Биньон, Наполеон руководствовался и в отношении Литвы (Ibid.: 239).

¹⁶¹ Конкретные обстоятельства конфликта изложила только одна сторона – Гогендорп (Hogendorp 1887; Военский 1912). Современный американский автор Э. Вовси попытался взглянуть на события глазами Жомини (Vovsi 2012: 51-53). Одним из пунктов, по которым Гогендорп критиковал Жомини, было стремление последнего укрепить Замковую гору. Действительно, хотя такого рода укрепления имели небольшую ценность из-за господства высот левого берега р. Вилии, но приказ о их возведении был отдан самим Наполеоном.

считал это важнейшей своею обязанностью, зная, что император придаст этому особенное значение»¹⁶². Наполеон, находясь уже в Смоленске, 24 августа известил Гогендорпа о его назначении председателем Комиссии ВП ВКЛ и о возложении на него обязанностей по организации литовской армии¹⁶³. Члены Комиссии ВП ВКЛ были, по словам Гогендорпа, «столь же недовольны, как и удивлены». Князь Сапега в знак протеста подал в отставку и был заменен графом И. Тизенгаузенем¹⁶⁴. Совершенно очевидно: литовское правительство не могло радоваться тому, что край, из которого были уже выкачаны чуть ли не все ресурсы, теперь должен был быть окончательно разорен, причем без каких-либо ясных гарантий на обретение независимости.

Как в этих условиях действовала литовская администрация, оказавшаяся фактически в заложниках цинично-прагматических интересов французского императора? Попытаемся нарисовать эту картину, обратившись к главным проблемам, которые должна была решать Комиссия ВП ВКЛ. Начать следует с вопроса о формировании вооруженных сил Литвы.

Вплоть до конца июля Наполеон считал возможным формировать вооруженные силы княжества на основе принципа добровольчества, а решение проблемы финансирования – за счет ресурсов края, рассчитывая, прежде всего, на патриотизм и самопожертвование местной знати. Уже в 4-м бюллетене Великой армии, помеченном 30 июня, утверждалось, что сразу по вступлении в Вильно французов «четыре или пять сотен молодых людей из Университета, которым едва за 18 лет, и которые принадлежат к лучшим фамилиям, потребовали сформировать из них полк»¹⁶⁵.

1 июля в приказе по организации ВП ВКЛ Наполеон распорядился сформировать в Вильно Национальную гвардию¹⁶⁶ из двух батальонов по 6 рот в каждом; численность двух батальонов была определена в 1450 человек. Командующим виленской Национальной гвардией стал К. Козельский, командирами батальонов – А. Францессон и С. Закржевский. Кроме того, было приказано создать в каждом из четы-

¹⁶² [Военский] 1909: 16.

¹⁶³ Наполеон – Маре. 24 августа 1812 г. // *Napoléon Bonaparte*. № 31592-31593: 1039-1040; Военский 1912: 17. В ночь на 25 августа Наполеон покинул Смоленск и двинулся вслед за русской армией к Москве. Литва, по мысли императора, должна была «быстро и эффективно» решать конкретные задачи тылового обеспечения и формирования новых армейских частей в условиях решающей фазы военной кампании.

¹⁶⁴ Из текста мемуаров Гогендорпа можно понять, что его отношения с Биньоном, «опекавшим» Комиссию ВП ВКЛ, во все время его, Гогендорпа, деятельности сохранялись ровными (Военский 1912: 17-18). Однако сам Биньон свидетельствовал об обратном (Bignon. 1864: 240).

¹⁶⁵ *Bulletins*: 71.

¹⁶⁶ В русских документах эти формирования чаще называются Народной гвардией благодаря буквальному переводу с польского «*gwardya narodowa*».

рех департаментов жандармерию во главе с полковником, и в каждом из уездов было предписано расположить роту жандармерии. Командиром жандармерии Виленского департамента стал Антоний Храповицкий, а отдельными начальниками – князь Стефан Гедройц и Станислав Радзишевский¹⁶⁷. Весьма своеобразно был обозначен принцип формирования жандармерии: «Офицеры, унтер-офицеры и волонтеры жандармерии будут избираться из среды дворян, уездных землевладельцев. *Отказываться от назначения никто не имеет права* (выделено мной – В.З.)»¹⁶⁸. В заключение приказа Наполеона говорилось так: «Начальнику Главного штаба назначить старшего офицера или командира отдельной части, француза или поляка, состоявшего в армии, комендантом всего департамента. Ему будут подчинены Национальная гвардия, жандармерия и местные войска»¹⁶⁹.

23 июля Комиссия постановила, что офицеры жандармерии, выбранные «всеобщим голосованием» из городских обывателей и землевладельцев, служат бесплатно; каждый рядовой жандармерии будет получать по одному золотому в день. Жандарм должен был обмундироваться за собственный счет и иметь собственного коня. В Виленском департаменте предполагалось сформировать корпус жандармерии в 550 человек¹⁷⁰.

5 июля, вслед за распоряжением о создании Национальной гвардии, последовал приказ о формировании 5 полков линейной пехоты (в составе 3-х батальонов, в каждом по 6 рот) и 4 полков линейной кавалерии (по 4 эскадрона, в каждом по 2 роты), которые должны были стать частью Войска польского¹⁷¹. Эта нелегкая задача была снова возложена на литовское правительство, а именно, на Военный комитет под председательством А. Сапеги и его помощника полковника А. Ходкевича. Предполагалось, что лошади будут предоставляться местными помещиками в зависимости от количества их деревень, а экипировку обеспечат главные города княжества¹⁷².

В этой ситуации Виленский муниципалитет проявил явную растерянность. Он уведомил Административную комиссию Виленского департамента, что город Вильно должен поставить 119 рекрутов, но вся «польская городская молодежь», назначенная к набору, уже добровольно поступила на военную службу. Русская же молодежь, жившая

¹⁶⁷ В Вильне должна была быть сформирована также Почетная гвардия во главе с Гавриилом Огинским. М. Марбо утверждал, что г. Вильно и Виленский округ «смогли дать лишь двадцать человек в почетный караул Наполеона» (Марбо 2005: 523).

¹⁶⁸ Акты 1909: 134-135; Акты 1912: II.

¹⁶⁹ Акты 1909: 136-137.

¹⁷⁰ Там же: 211-213. 6 октября воззвание о наборе в жандармерию было повторено (Там же: 228-229).

¹⁷¹ Iwaszkiewicz 1912: 158-162; Попов 2002: 79.

¹⁷² Napoléon. № 18902, 18955, 18962, 19001, 19053; Kukiel 1937. Т. 1: 371; Notice historique... // Акты 1909: 419-421; Попов 2002: 79; и др.

ранее в городе, также была взята на службу по набору, произведенному до вступления в Вильно французов. Таким образом, как заявлял муниципалитет, среди населения совсем нет молодых людей, и набор рекрут является невозможным. Как единственное средство, было предложено искать добровольцев¹⁷³.

По мнению А.И. Попова, к концу июля удалось сформировать только первый батальон 18-го полка линейной пехоты, да и то благодаря тому, что 18 июля для его укомплектования французское командование передало 354 пленных поляков¹⁷⁴.

Было очевидным, что на энтузиазм местного населения уповать не стоило. Результатом этого стало решение прибегнуть к рекрутскому набору, апробированному в период российского господства. 25 июля было издано распоряжение Временного правительства «о наборе кантонистов». Виленский департамент должен был поставить 3 тыс. рекрутов. Набору подлежали лица от 18 до 34 лет ростом не менее 2 локтей и 12 вершков «литовской меры». Срок службы устанавливался в 6 лет, время на реализацию рекрутского набора – с 6 по 30 августа. При отказе помещиков от поставки рекрут к ним должна была быть применена военная сила. В случае отсутствия у помещиков для поставки рекрут должного числа крепостных уплачивалась 1 тыс. польских злотых. Что до представителей того населения, на которое рекрутская повинность не распространялась (евреи, караимы и др.), то они уплачивали за каждого рекрута по 2 тыс. злотых. Наконец, определялось, что рекрут должен был быть снабжен помещиком двумя рубахами, двумя парами панталон и башмаков, шапкой и сермяжной курткой¹⁷⁵.

Увещевая крестьян, которые были явно не в восторге от перспектив рекрутчины, Комиссия ВП издала 1 августа специальное воззвание, в котором, в частности, говорилось следующее: «При прошлом правительстве нужно было сынов ваших в окопах препровождать в войско. Вы теряли их навсегда, служба их продолжалась до конца

¹⁷³ Выдержки из протоколов заседания муниципалитета г. Вильно // Акты 1909: 241.

¹⁷⁴ Попов 2002: 80-81. Между тем, «Курьер Литовский» 29 июля сообщал, что в 18-м линейном полку было уже 600 человек (Kur. Lit. № 59).

¹⁷⁵ Акты 1909: 213-215; Акты 1909: 223-224. Комиссия ВП ВКЛ на своем заседании 4 августа приняла решение обеспечить каждого кантониста перед выступлением еще и суммой в 7 рублей. Сбор денег предполагалось осуществить за счет «патриотизма граждан» (Выписка за журнала заседаний Комиссии. 4 августа 1812 г. // AN. 1650. F. 125). Гогендорп в своих воспоминаниях назвал принятие литовским правительством русской системы рекрутского набора грубой ошибкой, так как «дворянство (*les seigneurs*) естественно избавлялось от наиболее худших из своих крестьян (*vassaux*); и было трудно распределить их по полкам, которые старались перепахнуть их один другому подобный человеческий хлам, военная подготовка которого занимала долгое время» (Hogendorp: 215-216). К этому стоит добавить, что русские власти предусмотрительно постарались вывезти все документы, которые могли бы облегчить наполеоновской администрации осуществление рекрутского набора.

жизни, их посылали в отдаленные края за реками и за морями. Теперь совсем иные условия службы: только на шесть лет сыновья ваши удалятся из домов родителей, будут служить в своем крае, в своей провинции, офицеры будут обращаться с ними ласково, отечество щедро им заплатит, а по окончании службы они возвратятся домой к своим земледельческим занятиям». Впрочем, такого рода ласковые увещевания сопровождалась угрозой «суровой военной кары»¹⁷⁶.

Одновременно с подобным воззванием Комиссия ВП ВКЛ издала предписание о формировании четырех полков кавалерии (в отношении создания которых Наполеон отдал приказ еще 5 июля) на основе рекрутского набора. Один всадник с конем и снаряжением должен был быть поставлен от 75 дворов. На Виленский департамент пришлась поставка 1327 всадников. Мелкопоместные владельцы, не имевшие 75 дворов, уплачивали 1 тыс. злотых за всадника и 500 злотых за коня¹⁷⁷.

Исключительно на добровольной основе шло формирование 3-го полка шеволежеров Императорской гвардии. По-видимому, сразу после вступления Наполеона в Вильно в этот полк и записались те самые «четыре или пять сотен молодых людей», о которых было сообщено в 4-м бюллетене Великой армии. Между тем, 21 июля генерал А. Красинский, командующий полком польских улан Императорской гвардии, отправил И. Тизенгаузену, члену Административной комиссии, письмо, в котором сообщил о приказе Наполеона принять в полк Старой гвардии «тысячу молодых литовских дворян». Условием зачисления были: дворянское происхождение, пристойное поведение, возраст от 18 до 32 лет, наличие коня и мундира¹⁷⁸. 4 августа по этому поводу вышло распоряжение Комиссии литовского правительства¹⁷⁹. Наконец, 12 августа официально был объявлен набор «тысячи добровольцев»¹⁸⁰. Судя по всему, набор этот шел достаточно медленно. Согласно бумагам А.И. Михайловского-Данилевского, в Виленском департаменте охотников вступить в этот полк нашлось только 33 человека¹⁸¹. По-видимому, это действительно было так, поскольку 25 ноября в «Курьере Литовском» было вторично опубликовано воззвание Красинского. В комментарии к нему говорилось: «Мы, литовский генерал-губернатор, дивизионный генерал граф Гогендорп, предписываем всем гражданским властям опубликовать настоящее воззвание в подведомственных им округах для сведения всех

¹⁷⁶ Акты 1909: 245.

¹⁷⁷ Акты 1909: 216-220; Акты 1912: 246-248.

¹⁷⁸ Акты 1909: 209-210.

¹⁷⁹ Там же. С. 222-223; Выписка из журнала заседания Комиссии, 4 августа 1812 г. // AN 1650. Ф. 126.

¹⁸⁰ Акты 1912: 285-286.

¹⁸¹ Акты 1909: 210.

жителей Литвы. Оно было уже раз опубликовано, но по непредвиденным обстоятельствам не имело желаемого успеха»¹⁸².

Одновременно с объявлением о наборе «тысячи добровольцев», 12 августа комиссия сообщила, что «недостаток средств задерживает образование линейного войска, жандармерии и Национальной гвардии, а настоятельная необходимость требует постоянного присутствия военных команд, как для поимки шаек беглецов из войска, так и для поддержания порядка в стране», и поэтому объявила о формировании шести временных батальонов из лесников, егерей и старших лесничих¹⁸³. Однако реализация и этого набора пошла очень медленно. 13 сентября Гогендорп вторично запросил литовские власти о результатах призыва, отметив, что у него до сих пор не было на этот счет никаких сведений¹⁸⁴.

Были под угрозой провала и все попытки организовать рекрутский набор в пехотные и кавалерийские полки, с трудом шло комплектование и корпуса жандармерии. 3 октября срок поставки рекрут был продлен до 26 октября¹⁸⁵, а 7 октября были несколько изменены правила комплектования жандармерии – теперь туда набирали людей в возрасте от 18 до 50 лет. Снова уведомяли о плате рядовым по одному злотому в день¹⁸⁶.

Между тем, в сентябре и октябре стали предприниматься усилия по формированию еще двух полков – конно-егерского и конного полка из литовских татар. Идея создания конно-егерского полка появилась благодаря тому, что два литовских магната Игнатий Монюшко и Абрамович выразили намерение сделать большие пожертвования на формирование полка (оба сразу получили чины полковника и майора). 22 сентября было объявлено о добровольном вступлении «литовской молодежи» в этот конно-егерский полк¹⁸⁷. 3 и 7 октября воззвание с призывом вступить в этот полк было дважды напечатано в «Курьере Литовском».

Воззвание Военного комитета ВП ВКЛ к литовским татарам о вступлении в вооруженные силы великого княжества было обнародовано еще 2 августа¹⁸⁸. Позже возникла идея сформировать из татар от-

¹⁸² Там же: 224-225.

¹⁸³ Там же: 223-224; Акты 1912: 223-224; Fabry: 532-533.

¹⁸⁴ Акты 1909: 225-227.

¹⁸⁵ Акты 1912: 423-424.

¹⁸⁶ Акты 1909: 228-229; Акты 1912: 430-432.

¹⁸⁷ Акты 1909: 227-228. Полк получил 21-й номер (напомним, что в Войске польском полки имели «сквозные» номера). В этом возвании было заявлено, что 5 полков пехоты и 4 полка кавалерии уже почти укомплектованы. Гогендорп пишет, что «один молодой польский дворянин» (это был, как полагаем, И. Монюшко) взялся набрать и снарядить за свой счет полк легкой кавалерии, если его сделают полковником. Так как у молодого человека были наличные деньги, Гогендорп принял это предложение без колебаний (Hogendorp: 319).

¹⁸⁸ Kur. Lit. № 60; Акты 1909: 220-221; Выписка из журнала заседаний комиссии. 2 августа 1812 г. // AN. 1650. F. 123.

дельную часть, и 23 октября «Курьер Литовский» опубликовал воззвание подполковника польской службы Мустафы Мирзы Ахматовича, в котором тот объявил, что готов принять всех желающих вступить в полк, даже если у них нет «мундира, вооружения и лошади»¹⁸⁹. В конечном итоге удалось укомплектовать только один эскадрон (формирование происходило в Варшаве), который в дальнейшем вошел в качестве разведчиков в 1-й полк шеволежеров Императорской гвардии.

Наконец, на средства Рудольфа Тизенгаузена в Вильно формировалась и конно-артиллерийская рота, которая в 1813 г. вошла в состав армии великого герцогства Варшавского¹⁹⁰.

Что касается Национальной гвардии, представлявшей собой милиционные формирования, она должна была быть создана из городских обывателей христианского вероисповедания – владельцев домов, купцов, ремесленников и их подмастерьев. Большая часть гвардейцев должна была обмундировываться за собственный счет, а меньшая часть – за счет муниципалитетов, точнее – за счет еврейского кагала и христиан, которые не несли этой повинности «натурой» (старше 50 лет, лица духовного звания и т.д.)¹⁹¹. Национальная гвардия в Вильно должна была состоять из двух батальонов и иметь численность в 1450 человек. Однако, несмотря на то, что «Курьер Литовский» без устали восхвалял внешний вид национальных гвардейцев г. Вильно, боевая их подготовка, да и численность оставляли желать много лучшего. Уже к августу стало очевидным, что набрать в Национальную гвардию нужное число людей не удастся. Командир одного из батальонов подполковник Антон (Антуан) Францессон в полной растерянности писал министру иностранных дел Ю.Б. Маре, герцогу Бассано, который, расположившись в Вильно, исполнял роль главного администратора тылов Великой армии, что для формирования предписанной численности Национальной гвардии просто нет достаточного количества населения¹⁹². Реальная цифра Национальной гвардии в Вильно, по сведениям возвратившихся в конце 1812 г. русских властей, была не более 826 человек, которые, к тому же, как указывалось в документах, «не все они несли службу»¹⁹³. Многие из национальных гвардейцев часто ска-

¹⁸⁹ Акты 1909: 231-232. Гогендорп вспоминал, что к нему приходило много татар, которые просили принять их на службу с условием сформировать из них отдельную часть. Он, Гогендорп, сформировал из них один эскадрон, обещая, если их число увеличится, развернуть его в полк (Hogendorp: 319).

¹⁹⁰ Notice historique... // Акты 1909: 423.

¹⁹¹ Акты 1913: 79, 91.

¹⁹² Францессон – Бассано. Вильно, август 1812 г. // AN. 1650. F. 151-152.

¹⁹³ Акты 1913: 91. Были примеры того, что Виленский муниципалитет, «в противность воле Наполеона и расположения комиссии (имеется ввиду Комиссия ВП ВКЛ – В.З.)», принудил православный виленский Свято-Духов монастырь «поставить натурой трех человек в гвардию». Любопытно, что архимандрит этого монастыря Тимофей, прося в

зывались большими¹⁹⁴. Когда в декабре 1812 г. в Вильно возвратились российские власти, они вначале распорядились о том, чтобы национальные гвардейцы продолжали нести свою службу, и только в марте 1813 г. Национальная гвардия была распущена¹⁹⁵.

Насколько успешными были действия по формированию вооруженных сил ВКЛ? В исторической литературе на этот счет нет однозначного ответа. Если в отечественных публикациях вплоть до конца XX в.¹⁹⁶ преобладало мнение, чуть ли не о провале попыток создать Литовским княжеством свою армию, то в зарубежной литературе (Я. Ивашкевич, М. Кукель, Д. Наврот) преобладало противоположное мнение. Найти «золотую середину» в этом вопросе попытался в 2002 г. А.И. Попов¹⁹⁷. По его мнению, проблемы были связаны не с отсутствием нужного числа добровольцев и рекрутов, а с вопросами финансирования и военной подготовки. Наше обращение к документам этот тезис, в основном, подтверждает.

Действительно, Комиссия ВП ВКЛ уже с первых дней своего существования столкнулась с острой проблемой отсутствия денежных средств. Во-первых, российские власти, в целом, успешно организовали вывоз денежной наличности из западных губерний. Осталась только медная монета¹⁹⁸. Во-вторых, активные, и даже несколько суетливые, попытки организовать добровольные пожертвования имели весьма ограниченный успех¹⁹⁹. В-третьих, наладить эффективный «сбор

конце 1812 г. фельдмаршала М.И. Кутузова отменить это решение, ссылаясь на «волю Наполеона» (Акты 1913: 86-87).

¹⁹⁴ Весьма характерно прошение жителя г. Вильно музыканта Иосифа Дещинского на имя фельдмаршала М.И. Кутузова, помеченное декабрем 1812 г. Дещинский сообщал, что, «не имея никаких к тому (к воинской службе – В.З.) способностей, занимаясь целую жизнь одними фортепьянами», был, между тем, по вступлении в город французов «вовлечен насильственным образом принцем Бассано национальной гвардии в звании капитана»; однако избегал «исправления должности болезнию» (Акты 1913: 88).

¹⁹⁵ Акты 1913: 96. Любопытно на этот счет прошение, поданное в марте 1813 г. на имя российского виленского гражданского губернатора «от имени Виленской городской гвардии капитанов купеческой роты Антония Гастля и ремесленной Максима Макса» на предмет того, что в связи со службой в гвардии христианского населения Вильно «все промыслы, рукоделия и коммерции» «в руки еврейские со всеми прибылями перешли и перейдут» (Акты 1913: 93-96).

¹⁹⁶ Полагаем, что первым, кто в отечественной литературе нарушил эту традицию, был И.Ю. Кудряшов (Кудряшов а; Кудряшов б).

¹⁹⁷ Попов 2002: 79-82.

¹⁹⁸ В эпоху «наполеоновского присутствия» в Литве ходила самая разнообразная монета. Литовское правительство предприняло усилия с целью хоть как-то упорядочить денежный оборот. Было установлено, к примеру, что русский серебряный рубль равнялся 6 польским золотым и 20 грошам, французский наполеондор в 40 франков равнялся 64 золотым, французский франк – 1 золотому и 18 грошам (См.: Сравнительная таблица денежного курса монет иностранных государств // Акты 1913: 100-101; Акты 1912: XXXI-XXXII; Акты 1913: 100-101).

¹⁹⁹ См.: Акты 1912: XXVIII-XXXIX.

повинностей» на основе прежней, российской, системы также не удалось по причине как отсутствия большей части документации, вывезенной русскими, так и явного нежелания местного населения в условиях военной неразберихи расставаться со своими средствами²⁰⁰. Четвертых, проведение люстрации, то есть фактической конфискации имущества, оставленного русскими владельцами²⁰¹, также не могло дать серьезных результатов, тем более в виде денежных поступлений в ближайшее время.

Если принять во внимание, что с самого вхождения войск Наполеона в Вильно здесь обосновалось множество госпиталей, расположились и беспрестанно проходили воинские команды, широкое распространение как в городе, но особенно в его окрестностях и, в целом, в Виленском уезде, приобрели акты «самозахвата», а то и открытого мародерства и даже разбоя, можно представить, в каком положении в отношении денежных средств оказался Комитет ВП и муниципалитет города. Даже самые патриотичные порывы части польско-литовской шляхты, выражавшей готовность к пожертвованию своими именьями и доходами с них, наталкивались на невозможность получить свободные деньги, да еще и в короткий срок. Поставщики (главным образом, из еврейской среды) не спешили открывать кредит кому бы то ни было.

В этой ситуации и произошло назначение 24 августа Гогендорпа председателем Комиссии ВП ВКЛ. Гогендорп немедленно отправил Наполеону (возможно, через Бассано) запрос на получение значительной суммы на покрытие текущих расходов. Общая сумма, выделенная Наполеоном, равнялась 500 тыс. франков. Эта цифра фигурирует в большинстве исторических сочинений. Указана она и в мемуарах самого Гогендорпа²⁰². Однако очевидно, что далеко не вся эта сумма была предназначена для формирования армии ВКЛ, а также частей, которые должны были войти в состав французской армии (3-й полк шеволежеров Императорской гвардии и татарский эскадрон). Обращение к фондам Национального архива Франции и Архива исторической службы министерства обороны Франции помогло внести в вопрос об использовании этих 500 тыс. франков ясность.

Во-первых, очевидно, что большую заинтересованность в выделении императором значительной суммы для литовского правительства проявил Бассано. 29 августа он подготовил письмо к генерал-интенданту Великой армии М. Дюма, в котором попытался обосновать необходимость ассигнования 400 тыс. франков, прежде всего, для сна-

²⁰⁰ Тем не менее, согласно «Исторической записке...», составленной впоследствии виленским гражданским губернатором Д. Н. Бантыш-Каменским, с частных пожертвований и собранных налогов поступило 2159566 злотых и 2 ½ гроша (Акты 1909: 396).

²⁰¹ См. Предписание Комиссии ВП ВКЛ от 25 июля 1812 г. (Акты 1912. № 422).

²⁰² Hogendorp: 318.

ряжения литовских полков²⁰³. Во-вторых, необходимые расходы для экипировки литовских частей вряд ли могли составить огромную сумму в 500 тыс. франков²⁰⁴. В-третьих, согласно официальным бумагам, оформившим декрет о выделении кредита в 500 тыс. франков на функционирование «различных служб в Вильно», деньги были отпущены на следующие цели: 29 августа – в распоряжение ординатора для закупки муки – 250 тыс. франков; 3 сентября – в распоряжение того же лица для расходов на литовские полки – 30 тыс. франков; 29 сентября – в распоряжение генерала Ф.А.Л. Бурсье, начальника депо кавалерийского ремонта, для закупки лошадей – 308 тыс. франков; 24 сентября – в распоряжение ординатора для обеспечения мясом – 12 тыс. франков. Итого: 500 тыс. франков²⁰⁵. Несмотря на то, что декрет был официально оформлен только 18 октября, когда французская армия уже выходила из Москвы, решение Наполеона о выделении 500 тыс. было принято еще в начале сентября, о чем Гогендорп был сразу уведомлен. 10 сентября он сообщил об этом в приказе г-ну Канонну (Canonne), плательщику (payeur) армии в Вильно (в приказе говорилось об общей сумме в 500 тыс. франков, выделенных «с целью выполнения приказов»)²⁰⁶.

Трудно сказать, когда именно было доставлено в Вильно 100 опломбированных бочонков, в каждом из которых было по 5 тыс. франков в пятифранковых монетах²⁰⁷. Полагаем, что достаточно быстро. Но сыграли ли эти деньги решающую роль в формировании литовской армии?

Документы Архива исторической службы министерства обороны Франции определенно свидетельствуют, что расходование 500 тыс. франков происходило исключительно по тем позициям и в тех суммах, которые были определены декретом от 18 октября²⁰⁸. Генерал Р. Годар,

²⁰³ Бассано – Дюма. Вильна, 29 августа 1812 г. Черновик. // SHD. 2C 121. F. 32-33. К тем же дням – 28 и 29 августа – относятся два письма от Бассано к Гедройцу, в которых обсуждались вопросы формирования литовских частей (Ibid. F. 31-31verso; 34).

²⁰⁴ В бумагах Бассано сохранились подсчеты расходов на формирование 5-и полков пехоты и 4-х полков кавалерии. Сумма составила около 11 тыс. франков (AN. 1650. F. 134).

²⁰⁵ Выписка из материалов заседания государственного секретаря. В императорской квартире в Москве, 18 октября 1812 г. // SHD. 2C 121. F. 176-179.

²⁰⁶ Приказ генерала Гогендорпа г-ну Канонну, плательщику в Вильно. Вильна, 10 сентября 1812 г. // SHD. 2 C121. F. 44.

²⁰⁷ Письмо виленского помещика Эйсмонта о пребывании Наполеона в Вильне в 1812 г. // Акты 1909: 417. Иосифу Эйсмонту, как он сам пишет, было «поручено управление главной казною, состоящею первоначально из пожалованных Наполеоном в пособие на сформирование литовских полков 500000 франков и впоследствии сбор разного рода податей». Бочонки с 500 тыс. франков Эйсмонт «под предлогом находившихся при бочонках пломб» должен был принять деньги «без счета». По его словам, в дальнейшем оказалась нехватка только «нескольких талеров» (Там же).

²⁰⁸ См.: Бассано (?) – Бертомёфу, ординатору. Вильна, 29 октября 1812 г. Копия // SHD. 2C 121. F. 191 (о закупке муки на 150 тыс. франков); Бассано (?) – Канонну, плательщику армии в Вильно. Копия. Вильна, 29 октября 1812 г. // Ibid. F. 194 (также о закупке

сменивший Жомини на посту военного губернатора, свидетельствовал, что в начале ноября в городе находились 4 «польских пехотных полка», состоявших из «необмундированных и невооруженных рекрут. Пришлось забрать всё, что было возможно в госпиталях и магазинах, и в течение 24 часов все были более или менее одеты и вооружены»²⁰⁹.

Полагаем, что расходование суммы в 500 тыс. франков шло при полном контроле со стороны французской администрации в лице Бассано, Гогендорпа, Биньона, ординатора Бертомёфа (Berthomoeuf) и плательщика Канонна. Литовское правительство, в лучшем случае, могло рассчитывать на суммы, собранные в виде добровольных пожертвований, налогов и различных поборов с населения. Но и в этом случае Гогендорп, как председатель Комиссии, эти расходы контролировал. Вполне естественно, что французы, прежде всего, были заинтересованы в удовлетворении неотложных нужд своей армии и продолжали уповать на готовность к самопожертвованию со стороны литовцев.

Как бы то ни было, кредит, предоставленный Наполеоном, позволил активизировать евреев-поставщиков, имевших склады в Кенигсберге, Данциге и других местах²¹⁰. «Наконец, – вспоминал Гогендорп, – все пошло настолько быстро, что я решился уведомить императора, что к началу января 1813 г. армия Литвы будет организована, обмундирована и может приступить к активной службе как только это позволит время года»²¹¹. Действительно, имеется немало свидетельств тому, что к концу ноября линейные пехотные и кавалерийские части, жандармерия и даже «лесничие» батальоны литовского войска были в основном укомплектованы и, хотя и плохо, но обмундированы и даже вооружены. Общая численность литовского войска (из расчета 18 батальонов, 15 эскадронов и 1 артиллерийской роты) вместе с жандармерией обычно оценивается в 19 тыс. человек²¹².

К началу декабря большая часть средств, ассигнованных Наполеоном, была уже реализована. 5 декабря Канонн представил Бассано доклад, из которого следовало, что в кассе осталось чуть более 3750 франков в золоте и около 4800 франков в серебре. С учетом 940 франков, предназначавшихся для обслуживания виленского гарнизона, было чуть более 9 тыс. 488 франков²¹³.

муки на 150 тыс. франков); Бассано (?) – Канонну, плательщику армии в Вильно. Копия. Вильна, 9 ноября 1812 г. //Ibid. F. 58 (о расходах на собственно полки 30 тыс. франков).

²⁰⁹ Военский 1912: 34.

²¹⁰ Hogenдорп: 318. Комиссия ВП ВКЛ еще 11 августа приняла решение о реквизиции всего сукна по всем четырем департаментам Литвы для скорейшего обмундирования формируемых частей (Выписка из журнала заседания комиссии. 11 августа 1812 г. // AN 1650. F. 160-161). Однако результативность такого решения, по-видимому, оказалась мала.

²¹¹ Hogenдорп: 318-319.

²¹² Notice historique... // Акты 1909: 424; Там же: 408; Кудряшов а; Кудряшов б; и др.

²¹³ Рапорт Канонна. Вильна, 5 декабря 1812 г. // AN. 1649. II. F. 152. Канонн высказал предположение на предмет количества повозок и лошадей, необходимых для транспор-

И все же вряд ли можно говорить о том, что литовские вооруженные силы ко времени приближения русской армии к Вильно были готовы продемонстрировать не то что высокую, но хотя бы какую-то боеспособность. Достаточно верно об этих солдатах написала Шуазель-Гуфье, которая в 1812 г. была еще совсем молодой особой: «...все эти приготовления, самоё обучение и вооружение происходили весьма медленно; да иначе и быть не могло; не было недостатка в людях, но только прежде чем давать им оружие в руки, следовало их обучить с ним обращаться»²¹⁴.

Помимо денежных сборов в связи с рекрутским набором, содержанием жандармерии и Национальной гвардии казна «наполеоновской Литвы» пополнялась и за счет великого множества иных поступлений. При этом остается не до конца ясным, были ли эти поступления результатом деятельности единой системы по всей Литве, либо нередко являлись результатом инициативы местных властей. В целом, представляется, что существовала поголовная подать в 1 р. 42 коп. (около 9 злотых) с души; сбор на военные издержки по 60 коп. с дома; по 15 коп. с дома же на «экстренные внутренние потребности»²¹⁵; сбор на дрова, свечи на лазареты для французских войск по 7 злотых и 16 грошей с дома; значительные суммы на лечение больных и раненых Великой армии²¹⁶; 22 августа вышло постановление о сборе «личного единовременного пожертвования» на основе разделения жителей Литвы на 11 разрядов (от 15 грошей с человека для 1-го разряда, 500 злотых с людей, отнесенных к 10-му разряду (владельцев или арендаторов имений свыше 1 тыс. дворов) и до «налога с капиталистов в расчете 1/7 части доходов» – для 11 разряда²¹⁷. Был установлен также единовременный налог с лиц духовного звания в виде а) так называемого гербового сбора с каждого разряда духовенства (вне зависимости от принадлежности к той или иной церкви); б) процентного сбора в 5 % «с четырехлетнего дохода» с занимаемых этими лицами должностей²¹⁸.

Все эти денежные сборы шли тяжело. По свидетельству И. Эйсмонта, с 3 августа по 9 декабря 1812 г. в главное казначейство по-

тировки денег, а также отметил, что 16 ноября из Данцига в Вильно вышел конвой с суммой в 1 тыс. 200 франков, который должен прибыть 7 или 8 декабря.

²¹⁴ Шуазель-Гуфье 1879: 81.

²¹⁵ Акты 1913: 41.

²¹⁶ Точные суммы в этом плане установить вряд ли возможно. Так, по Вильно было решено собрать 600 тыс. злотых для потребностей нового госпиталя на 6 тыс. мест; 2/3 из этой суммы должен был предоставить Виленский муниципалитет, а 1/3 – Виленский кагал. Однако, судя по обращению кагала на имя фельдмаршала М.И. Кутузова от 19 декабря 1812 г., евреев заставили внести значительно большую сумму (Акты 1913: 44; 69-70). Согласно тексту этого прошения, распределение расходов было «против христиан и самого магистрата» несправедливым.

²¹⁷ Акты 1909:170-177.

²¹⁸ Акты 1913: 42.

ступило: российскими ассигнациями – 43110 р., медной монетой – 161 р. 91 коп. В целом, считая с серебряной и золотой монетой, общий приход составил в пересчете на польские злотые 2 млн 159 тыс. 566 злотых 2 ½ грошей²¹⁹.

Кроме денежных поборов на жителей Литвы была распространена, согласно указу Наполеона от 2 октября, реквизиция лошадей (на Вильно пришлось по раскладке 76 лошадей); поставка лекарств, доставка корпии (в Вильно с каждого одноэтажного дома – полфунта корпии, с двухэтажного – 1 фунт, с трехэтажного – полтора фунта; помимо этого, согласно вторичному распоряжению, «состоятельные жильцы» должны были доставить еще фунт корпии, а бедные – по полфунта)²²⁰.

И все же наиболее тяжелой повинностью для жителей Литвы оказалась поставка продовольствия²²¹. В первые дни по вступлении Наполеона в Литву со стороны его войск царил открытый грабеж²²², что было предопределено, в частности, и тем, что армейская служба снабжения оказалась расстроенной еще до перехода армии через р. Неман. «Три дня в армии не было хлеба. – Вспоминала Шуазель-Гуфье. – Русские повсюду на пути французов сожгли хлебные запасы и мельницы». «В Вильне солдатам выдавался хлеб из столь дурной муки и так дурно испеченный, вроде лепешек, что если бросить в стену, то он прилеплялся к ней»²²³. «В кавалерии не было фуража, – продолжает Шуазель-Гуфье, – и для прокормления лошадей в конце июня снимали с полей хлеб. Несчастные животные мерли как мухи, и их трупы бросали в реку»²²⁴.

В этой ситуации французское командование, с одной стороны, попыталось ускорить доставку продовольствия из Ковно, куда начали по Неману прибывать барки с хлебом, установило более жесткий контроль за распределением продовольствия, стремясь к обеспечению, прежде всего, Императорской гвардии²²⁵, а с другой стороны – стремилось возложить главные тяготы в решении этого вопроса на только что сформированную Комиссию ВП ВКЛ. По первоначальному предположению, Вильно должен был поставить (с уезда) 100 тыс. центнеров ржи, 500 тыс. центнеров овса, 4500 центнеров сена и 4500 центне-

²¹⁹ Письмо Эйсмонта // Акты 1909: 419.

²²⁰ Кудринский 1912: 74.

²²¹ Мы не включили в рассмотрение такие повинности, как дорожная и подводная, а также организацию почты.

²²² Полностью была уничтожена «дача» Эйсмонта, находившаяся возле Вильно. Солдаты забрали всю провизию, скот, лошадей; кавалеристы скопили весь хлеб на корню для корма лошадей (Акты 1909: 416).

²²³ Шуазель-Гуфье 1879: 49. О проблемах с обеспечением частей Великой армии хлебом уже в день вступления в Вильно говорят и документы, опубликованные Г. Фабри (Fabry 1900: 46).

²²⁴ Шуазель-Гуфье 1879: 49.

²²⁵ См.: Дюма – Наполеону. Вильно, 5 июля 1812 г. // AN IV. 1646. III. F. 126-127.

ров соломы, а всего с Виленского департамента – 200 тыс. центнеров ржи, 2000000 центнеров овса, 18 тыс. центнеров соломы²²⁶. Предполагались и значительные поставки крупного рогатого скота. Так, Виленский департамент должен был поставить для нужд армии не менее 500 быков²²⁷. Есть сведения, что только Виленский еврейский кагал обязан был осуществить поставки 300 волов²²⁸.

Обеспечение поставок продовольствия и фуража должно было происходить по «официальным» каналам двумя путями. Во-первых, путем реквизиций (при этом бывшим владельцам реквизируемой собственности выдавались боны (квитанции) с обязательством дальнейшей денежной компенсации по твёрдо установленным расценкам). По части этих бонов выплаты были произведены, но значительное их количество превратилось в пустые бумажки. О ходе реквизиций дает представление письмо от 6 августа, адресованное к Бассано от французского военного чиновника, отправленного в Самогитию с целью поставки 2 тыс. лошадей, зерна и овощей. Отмечая большие трудности в выполнении задачи, он, прежде всего, констатировал, что край был разорен вначале русскими, а затем прусской армией. С трех дискриктов ему удалось собрать разного зерна 74 тыс. 144 квинтала²²⁹. Помимо реквизиций, чиновники обратились к системе подрядов, которые брали преимущественно богатые евреи²³⁰. Но и в этом случае не все шло гладко. Евреи-поставщики использовали всяческие уловки, чтобы оттянуть доставку продовольствия или фуража, из-за чего между литовским правительством и администрацией виленского департамента возникали трения²³¹.

Вскоре Комиссия ВП ВКЛ решила прибегнуть к еще одному средству для поступления провианта и фуража – к призывам осуществить «добровольные» пожертвования, которые, судя по тексту документов, в реальности были обязательными. Первое распоряжение Комиссии подобного рода состоялось 8 августа. Оно требовало: 1. Устроить в четырех главных городах департаментов значительные, а в уездных – «поменьше, запасные магазины, а также провиантские этапы в Мерече и Олите. 2. Назначить администрацию магазинов. 3. Все землевладельцы должны были пожертвовать: с каждой недвижимости – 2 осьмины ржи, 2 осьмины овса, 2 гарнца крупы ячменной или гречне-

²²⁶ Акты 1909: 201.

²²⁷ Выписка из журнала заседаний комиссии. 30 июля и 1 августа 1812 г. // AN 1650. F. 113, 117.

²²⁸ Акты 1909: 236. К 24 июля эти поставки все еще не были осуществлены.

²²⁹ Жозеф [?] - Бассано. Вильно, 6 августа 1812 г. // AN. 1649. I. F. 132-133.

²³⁰ См., например: ? – Бертомёфу, главному ординатору Литвы. Вильно, 25 августа 1812 г. // SHD. 2C 121. F. 26. Согласно этому документу, поставщиками были Симон Морнус (?), Абрам Симфор (?), Соломон Хейман и Давид из Лиды.

²³¹ Акты 1913: 38.

вой, 2 гарнца гороха, 80 фунтов сена и 80 фунтов соломы. Срок был означен до 1 октября²³².

При этом ситуация с продовольствием в самом Вильно была не блестящей. 15 августа военный комиссар докладывал Бассано о запасах, имевшихся в магазинах Вильно. К утру 14 августа в наличии было 65 бычков и коров, 2 тыс. 99 квинталов ржаного зерна и 1 тыс. 273 квинтала ржаной муки. При этом военный комиссар был озабочен, главным образом, тем, чтобы обеспечить продовольствием виленские госпитали²³³.

Городским обывателям Вильно в этот период приходилось не менее тяжело. «Голод в Вильно постоянно давал себя чувствовать», – вспоминала Шуазель-Гуфье²³⁴. По ее же свидетельству, всех городских булочников обязали поставлять хлеб в войска, и даже семейство Тизенгаузен, к которому принадлежала мемуаристка (напомним, что глава семейства граф Игнатий Тизенгаузен входил в Административную комиссию Виленского департамента), питалось очень плохо и недоедало. В конце августа голодающими были разбиты и разграблены две еврейские хлебопекарни²³⁵. Мало того, что львиная доля продовольствия шла на нужды французской армии, караулы, стоявшие у городских ворот, вымогали взятки за провоз продуктов в город²³⁶.

К концу августа – началу сентября Гогендорп начал предпринимать решительные меры как для обеспечения французской армии продовольствием, так и с целью создания значительных его запасов. Ключевую роль в этих усилиях сыграл главный ординатор Литвы Бертомёф. 2 октября он докладывал Дюма, что все предшествующие усилия в плане организации реквизиций дали ничтожный результат. К 12 сентября в магазинах Вильно оказалось от 1500 до 1600 квинталов ржи и плохой муки. Бертомёф отметил также, что в ходе реквизиций возникают трения французских властей с Литовским правительством. Общую ситуацию с продовольствием главный ординатор расценивал как критическую, о чем он сообщал и Гогендорпу²³⁷. Очевидно, что вплоть до конца сентября литовские власти не проявляли какой-либо чрезвычайной активности в целях сбора продовольственных ресурсов²³⁸. Да и

²³² Акты 1909: 166-168; Акты 1913: 39.

²³³ Военный комиссар ? – Бассано. Вильно, 15 августа 1812 г. // AN.1649. Pl. 4. F. 427-432. Напомним, что 1 парижский квинтал равнялся 48,95 кг.

²³⁴ Шуазель-Гуфье 1879: 58.

²³⁵ Кудринский 1912. 88. Вместе с тем, в записке А. Хрептовича, члена администрации Виленского департамента, составленной в 1839 г., говорилось, что «несмотря на все притеснения жители не испытывали голода» в связи с небывалым урожаем в 1812 г. (Акты 1909: 409).

²³⁶ Постановление административной комиссии Виленского муниципалитета. 6 сентября 1812 г. // Акты 1909: 239.

²³⁷ Бертомёф – Дюма. Вильно, 2 октября 1812 г. // AN 1649. I. F. 138-141.

²³⁸ Характерен ответ Ф. Рейзера, советника виленского муниципалитета, на запрос кн. Пузына, директора продовольственных магазинов, по поводу непоставки 125 волов

могло ли быть иначе? В течение нескольких месяцев край систематически подвергался разорению. Реквизиции волов, быков и лошадей вначале русскими, затем наполеоновскими войсками, обрекли многих поселян на голодную смерть²³⁹. Военный чиновник (Раймон?) докладывал Бассано, что крестьяне по дороге, «по которой идут наши конвои», покинули места своего проживания и угнали свой скот в леса, и гражданская администрация бессильна провести «реквизиции, многочисленные банды, созданные местными помещиками (par les Barons), евреями и прочими», останавливают отдельных проезжающих французов, грабят, отбирают лошадей и повозки, бьют, и были случаи, что до смерти»²⁴⁰.

Только под давлением французов, в особенности Гогендорпа (Бассано, по-видимому, пытался сохранить до известной степени доверительные отношения с литовской администрацией), литовское правительство было вынуждено перейти к более решительным действиям. 18 сентября комиссия ВП ВКЛ обязало своих чиновников, дабы «путем реквизиции или при помощи контрактов» обеспечить поставки провианта и фуража «без малейшего замедления»²⁴¹.

К концу октября, когда Великая армия уже покинула Москву и начала отступление, деятельность по наполнению «запасных магазинов» в Литве еще более ускорило. 29 октября комиссия ВП ВКЛ распорядилась в целях быстрее создания «запасного магазина» Виленского департамента разослать отряды солдат и жандармов, при которых будут обремененные доверием местных властей литовские дворяне. Причем, в распоряжении комиссии по этому поводу сообщалось, что французские власти потребовали, дабы наряду с литовскими смотрителями в «запасных магазинах» были и смотрители из числа французов²⁴².

Гораздо сложнее, чем обеспечение отступающей армии хлебом и фуражом, оказалось решить проблему мясных рационов. Еще 1 сентября французское командование распорядилось начать на территории Литвы поставку волов, которые выполняли не только роль тягловой силы, но и «живого» запаса свежего мяса. Виленский департамент должен был поставить 10 тыс. волов, причем вес каждого должен был быть не менее 4 центнеров²⁴³.

Судя по французским документам, огромные гурты быков в 10 тыс. действительно удалось собрать и сконцентрировать их в рай-

виленским кагалом. Из документа следует, что кагал просто игнорировал все предписания муниципалитета, и поэтому советник Рейзер не нашел ничего лучшего, как предложить кн. Пузыну самому обратиться к кагалным старостам (Рейзер – кн. Пузыну. Вильно, 5 сентября 1812 г. // Акты 1909: 238-239).

²³⁹ Nawrot 2008: 352-354.

²⁴⁰ Раймон (Raymond) ? – Бассано. Глубокое, 21 октября 1812 г. // AN 1650. F. 39-41.

²⁴¹ Акты 1909: 193.

²⁴² Там же: 199-201.

²⁴³ Там же: 202; ? – Биньону. Б.м., б.д. // AN 1649. I. F. 156-157.

оне Меречи, а 8 рот 21-го и 23-го батальонов обоза должны были перегнать их к Вильно. Однако тяжелые условия перехода и начавшиеся холода привели к тому, что многие быки пали, не добравшись до Вильно. Здесь оставшихся быков распределили на две категории – часть решили использовать в госпитальном деле для перевозки больных, а другую часть уже к середине ноября забили на мясо²⁴⁴.

Несмотря на все сложности, французская и литовская администрации смогли к началу декабря создать в Вильно огромные запасы продовольствия. 4 декабря Бертомёф докладывал Бассано, что только в Вильно отступающая армия может располагать 3.350.000 рационами²⁴⁵.

Эта цифра серьезно отличается от данных, содержащихся в докладе Биньону мэра (президента) Вильно Яна Непомука Хорайна. По словам последнего, в магазинах Вильно на 5 декабря содержалось 100 тыс. рационов водки, 260 тыс. рационов в зерне, 320 тыс. рационов в муке и 300 тыс. рационов соли. Хорайн отмечал, что ожидалось еще поставки за счет реквизиции, и что завтра он будет иметь честь об этом доложить²⁴⁶. Гогендорп доложил Наполеону (по-видимому, также 5 декабря), что в Вильно имеются запасы на три месяца на 100 тыс. человек. Р. Годар писал о запасах продовольствия на 36 дней на 12 тыс. человек²⁴⁷. В любом случае, очевидно, что запасы продовольствия в Вильно были значительными, и созданы были как за счет безжалостного ограбления «союзной» Наполеону территории, так и бла-

²⁴⁴ В бумагах Бассано сохранилась переписка, относящаяся к этой истории с быками: Инспектор обозных экипажей командир батальона Латье (?) – Бертомёфу. Вильно, 14 ноября 1812 г. // SHD. 2C 121. F. 69-70; Директор службы по обеспечению мясом Шабрю (?) – Бертомёфу. Вильно, 15 ноября 1812 г. // Ibid. F. 71-71verso; Бертомёф – Бассано. Вильно, 16 ноября 1812 г. // Ibid. F. 72-73verso.

²⁴⁵ Бертомёф – Бассано. Б.м., 4 декабря 1812 г. // AN 1649. I. F. 146-148. Напомним, что дневной рацион французского солдата должен был состоять из: хлеба – 1 ½ фунта, мяса – ½ фунта, круп – 1/8 фунта, соли – 1/30 фунта, водки – ½ «кватерки» (кварты); на лошадь – 2 ¾ гарнца овса, сена и соломы – по 10 фунтов (Акты 1912: XXII).

²⁴⁶ Хорайн – Биньону. Вильно, 5 декабря 1812 г. // AN. 1649. Pl. 1. F. 154.

²⁴⁷ Военский 1912: 24, 35. По мнению К.Б. Жучкова, который попытался подсчитать общее количество рационов, сосредоточенных или могущих быть сосредоточенными к началу – середине декабря в Вильно, на складах города было «17.482.743 рациона свежего хлеба (при подсчете муки и зерна на печеный хлеб при том, что местные мощности помола позволяли производить 88 тыс. рационов в день, а Г. Маре рассчитывал довести ее до 100 тыс.), 298.485 рационов овса и 102.026 рационов сена и соломы». К этим цифрам Жучков прибавляет 2.863.023 рациона крупы, 673.267 рационов гороха, 974.474 рациона пшеницы, 307.064 рациона ячменя, 46.299 рационов мяса, 36.400 бутылок вина и других алкогольных напитков, 45.497 порций соли, 7.831.148 рационов сухарей. Всего наличного хлеба, по его мнению, имелось 25.313.891 рацион, то есть хлеба хватало для питания 100 тыс. человек на 252 дня. Объединив все крупы (в том числе гороха, пшеницы и ячменя), получилось в наличии на складах 4.790.829 порций, достаточных для питания 100 тыс. человек в течение 47 дней. Что касается фуража, то в различном виде его было на 10 тыс. лошадей на 39,8 дня (на 29,8 дня овса и на 10 дней соломы и сена) (Жучков 2015: 125).

В отношении «живого мяса» материал для подсчета более фрагментарный и не дает возможности строить какие-либо предположения.

годаря воле патриотически настроенной части польско-литовского населения. Гипотетически это позволяло армии Наполеона не только закрепиться в Литве на краткий срок для перегруппировки, но и остаться на зимовку.

Тяжелым бременем легло на жителей Литвы и Вильно в частности содержание госпиталей. Ко времени вступления войск Наполеона в Вильно в городе было, по разным данным, от 6 до 9 «воинских лазаретов»²⁴⁸. Однако такого количества госпиталей для размещения больных и раненых Великой армии явно было недостаточно. Французское военное командование сразу приняло меры к увеличению их числа. Возле зданий, которые могли стать пристанищем для больных и раненых, была выставлена охрана, а главный хирург Великой армии А.Ю. Иван вместе с медиками виленского университета осмотрел городские монастыри. Помимо этого, инспектор санитарной службы Великой армии Р.Н.Д. Деженет рекомендовал с той же целью осмотреть церкви и воинские казармы. Было высказано мнение и о размещении госпиталей в окрестностях города. Наконец, стал обсуждаться вариант использования под госпитали университетских зданий (университетский коллеж Св. Иоанна, библиотеку, астрономическую обсерваторию, физический, математический, минералогический, художественный и гравировальный кабинеты, архив, типографию, аптеку), где можно было бы, по предварительным прикидкам, разместить до 1500 больных. Это позволило бы, как полагала администрация французской армии, избавить ряд монастырей от печальной участи превращения их в лазареты, а тем самым удовлетворить многочисленные жалобы, поступавшие от монастырских общин. Ординатор Буало (Boilleau) вместе с отрядом солдат уже было приступил к захвату университетских зданий, но осуществить это намерение (по крайней мере, в том виде, как он планировал) ему не удалось. Ректор университета Я. Снядецкий преградил Буало и его солдатам дорогу, не пустил их в здания университета, а 7 августа представил Бассано обширную записку с описанием сложившейся ситуации. По его словам, идея с размещением в зданиях университета госпиталей не поддерживается литовским правительством, и в Вильно вполне достаточно зданий, помимо университетских, для содержания больных и раненых солдат. К началу августа уже до 4 тыс. больных было размещено в местных церквях, в гимназии, в клинике, в доме Лабовского (Labowski ?), в базилианском монастыре, в «русском госпитале», «дворце Сапеги», во францисканском монасты-

²⁴⁸ В рапорте виленской городской думы от 31 мая 1812 г. названы 9 лазаретов, в то время как Кудринский, ссылаясь на тот же документ, пишет о 6.

ре²⁴⁹. Несмотря на усилия Снядецкого, ряд университетских зданий в конечном итоге оказался занят больными и ранеными солдатами²⁵⁰.

Общее количество госпиталей быстро увеличилось до 16²⁵¹. Множество раненых были размещены где попало по домам обывателей²⁵².

Трудно сказать определенно, на какое общее количество мест оказались в конечном итоге рассчитаны виленские госпитали. В документах чаще всего фигурирует цифра в 6 тыс.²⁵³ Помимо помещения для госпиталя каждого большого надо было обеспечить матрасом, набитым сеном («сенником»), подушкой из перьев с наволочкой, двумя полотняными простынями и суконным одеялом, подшитым простыней. Наконец, требовалось оборудовать каждый лазарет необходимой мебелью и иными предметами на сумму не менее чем на 60 тыс. польских злотых²⁵⁴. Несмотря на то, что в дальнейшем, согласно декрету Наполеона от 18 октября, на госпитали в Вильно было выделено 30 тыс. франков²⁵⁵, основные тяготы по материальному обеспечению госпиталей легли на виленский муниципалитет и Комиссию ВП ВКЛ. Когда в сентябре аптекари Вильно отказались отпускать лекарства в долг, Комиссии ВП ВКЛ пришлось обязать их это делать на условиях, согласованных с главным ординатором Литвы Бертомёфом. Более того, комитет взял на себя гарантирование уплаты за поставляемые лекарства²⁵⁶.

²⁴⁹ Ян Снядецкий – Бассано (?). Вильно, 7 августа 1812 г. // AN 1650. F. 143-146. Одним из примеров того, во что превращались прекрасные строения Вильно при размещении в них госпиталя, является поместье Закрет. Об этом написала Шуазель-Гуфье: «Померанцевые деревья были опрокинуты и поломаны; здания, меблированные самым изысканным образом, были окончательно опустошены; превосходные оранжереи, наполненные экзотическими растениями, разрушены и расхищены <...> Одним словом, Закрет был осужден превратиться в военный госпиталь» (Шуазель-Гуфье 1879: 73-74). О разгромленном Закрете см. также: [Brandt H.] 1877: 238.

²⁵⁰ Из документов видно, что два университетских здания – «клинический» и «гимназический» – были заняты под госпитали еще русскими властями до начала военных действий (Акты 1913: 69).

²⁵¹ Военский 1912: 33.

²⁵² Военный чиновник Ж. Банговски прибыл в Вильно в ноябре месяце. Улицы Вильно «были полны ранеными, мертвыми и умирающими», всюду лежали конские трупы. Банговски смог разместиться только в подвале у одного еврея, где уже жило 4 офицера, больных и с ампутированными конечностями, пытающихся хоть как-то укрыться от холода (Bangofsky 1905: 297). Конечно, те раненые, которые были в больших чинах, устроились неплохо. Маршал Н. Удино, например, который прибыл в Вильно для лечения 26 августа, был размещен во дворце епископа; его навещали Бассано, Гогендорп и даже приехала жена (Pils 1895: 127-129).

²⁵³ Записка А. Хрептовича // Акты 1909: 406; Записка К. Даниловича о действиях Наполеона в Вильне // Там же: 412; Акты 1913: 69-70.

²⁵⁴ Акты 1912: XXXII.

²⁵⁵ Бассано – Бертомёфу. Вильна, 3 ноября 1812 г. // SHD. 2C 121. f. 197-198; Бассано – Канонну, плательщику армии в Вильно. Вильно, 3 ноября 1812 г. // Ibid. F. 199.

²⁵⁶ Акты 1909: 193.

Не меньшие сложности были с обеспечением госпиталей медицинским персоналом²⁵⁷, продовольствием и корпией²⁵⁸.

Но даже не огромные материальные расходы по содержанию госпиталей, а тем более, не заготовка корпии особенно удручали вильенских жителей. Скопление огромного количества больных и раненых в Вильно способствовало распространению в городе тяжелейших болезней. Уже в первые недели пребывания в Вильно наполеоновских войск многие жители стали страдать «кровоавыми поносами», что, по всей видимости, было связано с заболеванием дизентерией. В особенности много случаев подобного заболевания, нередко со смертельным исходом, было отмечено среди еврейского населения. Вслед за дизентерией началась эпидемия сыпного тифа («гнилая горячка», «госпитальная горячка»). Распространению эпидемии способствовали солдаты и еврейские перекупщики, которые продавали одежду, оставшуюся от умерших от тифа. Я. Снядецкий, искавший способы борьбы с сыпным тифом, объяснял его плохими санитарными условиями, дурным питанием, нравственными тяготами, а также сосредоточением в одном месте людей, «принадлежащих к разным народностям»²⁵⁹.

В ноябре эпидемиологическая ситуация в Вильно еще более ухудшилась. Из Москвы и из других городов, находившихся на главной коммуникационной линии Великой армии, стали прибывать новые партии больных и раненых. Трупы умерших людей и животных уже не только не хоронили, но даже не выносили из зданий²⁶⁰.

10 декабря 1812 г. в Вильно вошли части русской армии. Генерал И.Е. Чаплиц, командовавший авангардом, «был встречен от дворянства от магистрата кагалу и мещанства с восклицаниями Да здравствует Император Александр и войско его и да будем счастливы с ним»²⁶¹. 12 декабря в Вильно прибыл М.И. Кутузов. В полусгоревшем городе, заваленном трупами и умирающими, на театральной сцене «благородные жители» теперь водрузили транспарант с изображением

²⁵⁷ См., например: [Военский] 1909: 241.

²⁵⁸ ВП ВКЛ дважды обращался с возванием в отношении поставок корпии, помимо того, что с каждого одноэтажного дома следовало поставить полфунта корпии, с двухэтажного – фунт, с трехэтажного – полтора фунта, а «состоятельные жильцы» сверх того были обязаны выдать еще по полтора фунта, «беднейшие» – по полфунта. Шуазель-Гуфье вспоминала, как вечера она обыкновенно проводила за щипанием корпии. Причем, нередко участие в этих занятиях принимал и герцог Бассано (Шуазель-Гуфье 1879: 86). По ее словам, госпитали находились в тяжелейшем положении «вследствие алчности и небрежности французских распорядителей. Всю присылавшуюся из Франции корпию они продавали на бумажные фабрики, и раненых перевязывали сеном и шерстью» (Там же: 87).

²⁵⁹ Кудринский 1912: 70-71.

²⁶⁰ См., например, страшное своей реалистичностью описание госпиталя в базилианском монастыре в Вильно (Загорский 1896: 42-43).

²⁶¹ Цит. по: Жучков 2015: 150.

Кутузова и надписью «Спасителю Отечества». Еще более торжественно Вильно отметил прибытие русского императора – парадом, балом, иллюминацией и новым транспарантом, теперь уже прославлявшим не Наполеона и польско-литовскую свободу, но российского монарха и возвращение под его скипетр.

Подведем итоги. Выводы большинства наших предшественников, изучавших события, имевшие место в Вильно в 1812 г., об исключительно прагматической цели, которую преследовал Наполеон применительно к Литве, вполне подтверждаются на основе нового прочтения ранее известных документов и обращения к архивным материалам, впервые вводимым в научный оборот. На этом фоне деятельность Комиссии ВП ВКЛ предстает как самоотверженный акт части польско-литовской элиты, поддавшейся иллюзорным надеждам на обретение Литвой независимости (либо в составе возрожденной Речи Посполитой, либо в качестве самостоятельного государственного образования). Однако тяготы войны, соединенные с постепенной утратой иллюзий литовским дворянством в отношении целей и действий Наполеона, привели к взаимному разочарованию между временным руководством Литвы и администрацией Великой армии.

Межкультурная гармония между чинами Великой армии и местным населением Литвы, в перспективу которой к началу военных действий верило и наполеоновское руководство и, еще более, часть патриотически настроенного населения Литвы, оказалась, в конечном итоге, невозможна. Приход Наполеона в Литву постепенно стал восприниматься все более как вражеская оккупация.

Список источников и литературы

- Ададуrow 2010** – Ададуrow В.В. Между шляхтой и крестьянством: отношение французских государственных и военных деятелей к крестьянскому вопросу в западных губерниях Российской империи во время войны 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов (Труды Государственного исторического музея. Вып. 183). – М.: Государственный исторический музей, 2010. – С. 118-140.
- Акты 1909** – Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. – СПб.: Типография А.Ф. Штольценбург, 1909. – Т. 1.
- Акты 1913** – Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812-1813 гг. (Виленский временник. Кн. 5). – Вильна: 1913. – Ч. 2.

- Акты 1912** – Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. – Вильна, 1912. Т. 37. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 года.
- Ан-ский (Раппопорт) 1912** – Анский (Раппопорт) С.А. Отечественная война и евреи // Известия Общества распространения правильных сведений о евреях и еврействе. – М., 1912. – № 1. – С. 53-84.
- Бернацкий 1912** – Бернацкий Н.Н. События в Вильне во время Отечественной войны 1812 г. – Вильна: Изд-во Вилен. Кружка Ревнителюв памяти старины 1812 г., 1912.
- Бориславский 1903** – Бориславский Г.А. События в Вильно в 1812 г. // Военный сборник. – 1903. – Июнь. – С. 38-71.
- [Военский] 1909** – [Военский К.А.] [Предисловие] // Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. – СПб.: Типография Ф.Ф. Штольценбурга, 1909.
- Военский 1912** – Военский К.А. Вильна в 1812 году. Из воспоминаний французских генералов графа Гогендорпа и Рох-Годара. – СПб.: Типография «Сельского вестника», 1912.
- Вруцевич 1912** – Вруцевич А. Предисловие // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. – Вильна, 1912. – Т. 37. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. С. I-L.
- Гинзбург 1912** – Гинзбург С.М. Отечественная война 1812 года и русские евреи. – СПб.: Разум, 1912.
- Жучков 2015** – Жучков К.Б. Взятие русскими войсками Вильно в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов. – М.: Кучково поле, 2015. – С. 121-161.
- Загорский 1896** – Загорский В.Б. Императорское виленское медицинское общество. 1805-1895. – Вильно, 1896.
- Коленкур 1943** – Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1943.
- Кудринский 1912** – Кудринский Ф. А. Вильна в 1812 году. – Вильна: Управление Виленского учебного округа, 1912.
- Кудряшов а** – Кудряшов И.Ю. Вооруженные силы Литовского княжества 1812 г. // Старый барабанщик. – № 1. – С. 20-27.
- Кудряшов б** – Кудряшов И.Ю. Призрак Великой Литвы. Об одной малоизвестной странице войны // Родина. – 1992. – № 6-7. С. 32-35.
- Лукашевич 2009** – Лукашевич А.М. Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале Отечественной войны 1812 года в оценке российских служб разведки // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. 9-11 сентября 2008 г. – Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2009. – С. 54-70.

- Лукин 2012a** – Лукин В. Война 1812 года в коллективной памяти российского еврейства // 1812 год. Россия и евреи. – М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2012. – С. 7-58.
- Лукин 2012б** – Лукин В. Участие российских евреев в войне 1812 года: заметки архивиста // 1812 год. Россия и евреи. – М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2012. – С. 249-292.
- Марбо 2005** – Марбо М. Мемуары генерала барона Марбо. – М.: ЭКСМО, 2005.
- Пасторе 1900** – Пасторе. Записки маркиза Пасторе о 1812 году // Русский архив. – 1900. – № 12. – С. 481-548.
- Попов 2002** – Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. – Самара: Изд-во «НТЦ», 2002.
- Потрашков 2009** – Потрашков С.В. Чужая война: нашествие Наполеона и еврейское население запада и юго-запада Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV международной научной конференции. – Можайск, 2009. – С. 229-238.
- Пугачаускас 2014** – Пугачаускас В. Литва в войне 1812 года // Россия и Балтия. – М.: Ин-т всеобщей истории, 2014. – Вып. 7. Памятные даты и историческая память. – С. 52-63.
- [Татишев] 1913** – [Татишев Ю.В.] [Предисловие] // Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812-1813 гг. (Виленский временник. Кн. 5). – Вильна, 1913. – Ч. 2.
- Шуазель-Гуфье 1879** – Шуазель-Гуфье С. Воспоминания об императоре Александра I и императоре Наполеоне I. – СПб.: Типография В.И. Грацианского, [1879].
- АМАЕ 26** – Archives du Ministère des affaires étrangères, Paris. Série MD. Sous-série «Russie». Vol. 26.
- АМАЕ 18** – Série Mémoires et documents. Sous-série Pologne. Vol. 18.
- AN** – Archives Nationales, Paris, AN IV. Vol. 1649, 1650.
- Bangofsky 1905** – Bangofsky G. Extraits de son journal de campagnes // Mémoires de l'Académie de Stanislas. 6-e Série. – Nancy: Berger-Levrault, 1905. Т. 2.
- Bignon 1864** – Bignon. Souvenirs d'un diplomate la Pologne. – P.: E. Dentu, 1864.
- [Brandt H.] 1877** – [Brandt H.] Souvenirs d'un officier polonaise. 1808-1812. – P.: G. Charpentier, 1877.
- Bulletins** – Pieces officielles et bulletins de la Grande-Armée. Année 1812. – Paris: l'imprimrie de H. Agasse, s.a.
- Caulaincourt 1933** – Caulaincourt A.-A.-L. Mémoires. – P., 1933. – Т. 1.
- Chlapowski 1908** – Chlapowski D. Mémoires sur les Guerres de Napoléon. 1806-1813. – P.: Plon, 1908.

- Denniée 1842** – Denniée P.-P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. – P., 1842.
- Dundulis 1981** – Dundulis B. Lietuva Napoleono agresijos metais 1807-1812. – Vilnius, 1981.
- Dundulis 1940** – Dundulis B. Napoléon et la Lituanie en 1812. – P., 1940.
- Fabry 1900** – Fabry G. Campagne de Russie 1812: Operations militaires. – P., 1900. – T. 1.
- Fabry 1903** – Fabry G. Campagne de Russie 1812: Operations militaires. – P., 1903. – T. 3.
- Hogendorp 1887** – Hogendorp Dirk, van. Mémoires. – P., 1887.
- Hof, Haus- und Staats-Archiv** – Hof, Haus- und Staats-Archiv, Wien. Polen V. 1 Berichte, Weisungen, Varia 1807-1820. Warschau. Varia 1807-1820.
- Iwaskiewicz 1912** – Iwaskiewicz J. Litwa w roku 1812. – Krakow, 1912.
- Kukiel 1937** – Kukiel M. Wojna 1812 roku. – Krakow, 1937. – T. 1-2.
- Kur. Lit.** – Kurjer Litewski. 1812.
- Napoléon** – Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. – P., 1868. – T. 23.
- Napoléon Bonaparte** – Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. – P.: Fayard, 2012. T. 12.
- Nawrot 2008** – Nawrot D. Litwa I Napoleon w 1812 roku. – Katowice, 2008.
- Pils 1895** – Pils F. Journal de marche du grenadier Pils. 1804-1814. – P.: Paul Ollendorff, 1895.
- Pugačiauskas 1998** – Pugačiauskas V. Napoleono administracija Lietuvoje. – Vilnius, 1998.
- SHD** – Service historiques de la Défense. 1M 1489; 2C 121.
- 1812 metų** – 1812 metų Lietuvos laikinosios vyriausybės komisijos posėdžių protokolai / Lietuvos istorijos institutas; parengė Virgilijus Pugačiauskas. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2012.
- Vovsi 2012** – Vovsi E. An Unsuitable Job for a Historian : Autoine-Henri Jomini's Governorship. Lithuania, 1812 // Journal of Baltic Studies. – Vol. 43. – Issue 4 (October 2012). – P. 479-494.

Vladimir N. Zemtsov

**LITHUANIA UNDER NAPOLEON: THE ACTIVITIES
OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA**

In the article an attempt is made on the basis of extensive documentary base covering the activities of the provisional government of the Grand Duchy of Lithuania in 1812. The Author came to the conclusion about the exclusively pragmatic goals pursued by Napoleon with regard to Lithuania. Against this background, the Commission's Interim government is presented as a selfless act of the Polish-Lithuanian elite, succumbed to the illusory hopes of gaining the independence of

Lithuania. However, the hardships of war, coupled with the gradual loss of illusions Lithuanian nobility in relation to the objectives and actions of Napoleon, led to mutual frustration between the temporary leadership of Lithuania and the administration of the Grand Army. Intercultural harmony among the ranks of the great army and local population of Lithuania in the future which the outbreak of hostilities believed Napoleon's leadership and the patriotic part of the population of Lithuania was, in the end, impossible. The arrival of Napoleon in Lithuania gradually became perceived as an enemy occupation.

Keywords: Lithuania in 1812, Napoleon, intercultural communication.

УДК 94(575.2):37(28)"18"

Код ВАК 07.00.03

Б.Б. Зулуюев

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕДРЕСЕ АЛЫМБЕКА ДАТКИ

Статья посвящена организации мусульманского образования в г. Ош в XIX в. в связи с активностью известного государственного деятеля Кокандского ханства Алымбека Датки. Алымбек Датка, осознавая необходимость развития образования, уделял особое внимание нуждам медресе в г. Ош, которая стала центром учености и просвещения.

Ключевые слова: Ош, Алымбек Датка, медресе, вакуф, религиозный ученый-аалым.

Опекуны Ак-Медресе Алымбека Датки²⁶², или её финансовое обеспечение.

Прежде всего, отметим, что о деятельности медресе заботились, выражаясь современным языком, Совет по опеке и спонсоры. Все, что принадлежало медресе – участки земли, вода, недвижимость – это являлось вакуфом²⁶³. Благодаря этому никто не мог совершить хищения или воровства, поскольку это имущество свято чтили. Вакуф – это религиозный фонд, казна. Правительство не требовало с них ни налога, продавать и покупать его было нельзя по закону. Все средства использовались только в интересах медресе. Согласно законам шариата, недвижимости вакуфа никто не мог забрать даже тогда, когда Алымбек

Зулуюев Бекмурза Бекболотович, к.п.н., доцент, Ошский гуманитарно-педагогический институт, 723504 Кыргызская Республика. г.Ош. ул. Н. Исанова, 73.

Zuluev Bekmurza Bekbolotovich, PhD., assistant professor, Oshskiy humanitarian-pedagogical institute, 723504 Kyrgyzskaya Respublika. g.Osh. str. N. Isanova, 73.

E-mail: zuluev@mail.ru

© Зулуюев Б. Б., 2017

²⁶² Алымбек Датка (1799/1800 – 1862 или 1863), известный кокандский политический деятель XIX в. Имел почетное прозвище Датка, то есть «Справедливый правитель».

²⁶³ Вакуф – в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные нужды.

вступил во враждебные отношения с Кокандским ханом, и даже после отправления его на каторгу, и после его смерти, и после повешения его детей солдатами русского царя.

В 1859 году Алымбек Датка по специальному решению на основе вакуфа-намэ Кокандского хана Шаха Мурада получила право на владение земельным участком в качестве вакуфа с территорией на 10 000 та-напа (мера измерения площадью около гектара), т.е. равным 1660 десятинам или 1825 гектарам земли. Эту землю, несколько торговых лавок и мастерских, свой скот Алымбек Датка передал в виде вакуфа во владение медресе. Половина земли была орошаемой, и с нее можно было получать урожай. Эти участки земли находились не только в окрестностях города Ош (в кишлаке Чын-Абад, позже переименованным в «Алымбекчек»), но и у подножия гор – в Папане, в Кок-Беле. Если в 1877 году при медресе была 71 торговая точка и мастерская, то в 1906-1907 годах их количество составило 120. Таким образом, видно, что медресе постоянно укрепляла и развивала свое хозяйство.

На Ак-Бууре и на других каналах было построено девять мельниц и маслобоен майжуваз, выжимающих масло из хлопка, а также акжуваз, выдавливающих рис от его шелухи. Все они работали на нужды медресе. Во владении медресе находились также еще мастерские, которые производили и перерабатывали шелк, шерсть, хлопок и кожу.

Мударисы²⁶⁴ и талабы²⁶⁵ должны были потреблять чистое, разрешенное шариатом (халяльное), мясо и молоко; для этого они и вели соответствующее хозяйство. Ввиду того, что во многих городах, таких как Бухара, Коканд, Кашкар, у Датки действовали десятки торговых точек и мастерских, а также учитывая факт доставки товара караванщиками в эти города и существование у него многочисленных загонов для скота, есть основания считать, что для существования медресе было выделено достаточно средств. По некоторым данным считается, что годовой расход составлял 1500 сомов. По мерам того времени это была цена 600-700 овец. Вакуф был распределен следующим образом:

50% – использовано на существование медресе; 20% – израсходовано на талабов; 15% – получены мударисами (заработная плата, коммунальные услуги, на семейные нужды и др.); 5% – мутавали²⁶⁶; 5% – имаму; 5% – читающему азан²⁶⁷ и сторожу.

Талабам рассмотрена и стипендиальная система: учащимся первой группы, которые учились 3 года – по 5 сомов, учащимся второй группы – по 10 сомов, учащимся третьей группы – по 5 сомов. Наряду с этим за счет этих средств в месяце рамадан расходовали на угощение

²⁶⁴ Мударис – преподаватель высшей мусульманской школы.

²⁶⁵ Талаб – исследователь, ученый, студент.

²⁶⁶ К мутавали (штату мечети) относились мулла, муэдзин и секретарь-казначей.

²⁶⁷ Азан – призыв к обязательной молитве.

людям, которые держали пост, оказывали милосердие сиротам, брошенным детям, бедным людям.

Выпускников-отличников медресе отправляла учиться в такие крупные города, как Бухара, Самарканд, Ташкент, Коканд, Тегеран, Дамаск, Багдад, Стамбул, Кашкар, Мекке, Каир; рассматривался даже вопрос об обеспечении их учебы. В этой медресе, которая функционировала около семидесяти лет (1850-1920), в год училось от 50 до 120 учащихся. Осталась, к примеру, запись, что в 1880 году училось 75 талабов. Если посчитать, что в среднем за год оканчивали медресе 30 учеников, то значит, более 2000 учеников получили образование и воспитание в этой медресе.

Наряду с данной медресе, во времена Алымбека Датки и его сыновей в городе Ош, а также для обеспечения чистой водой других мечетей и медресе, были вырыты арыки - Тюлейкен-Арык, Жоош-Арык, Жапалак-Арык, Баргы-Арык, Увам-Арык, Сабай-Арык, Андижан-Арык, Коңурат-Арык, Кыдырша-Арык, Жаннат-Арык; из Ак-Бууры была выпущена вода. Жаннат-Арык вливал свои воды в озеро Айдың-Көл, которое было расположено на южной стороне Сулейман-горы. Говорят, что в нем плавали белые лебеди, утки и гуси. Основные дороги города и дороги, ведущие из города в сторону Андижана, Нооката, Кара-Суу, Алая, Аравана, были проложены камнями, на обочине сделаны тротуары. На берегу реки Ак-Буура был основан парк (сегодня это парк имени Токтогула).

Все это говорит о том, что были созданы хорошие условия для отдыха талабов медресе.

Одним из основных факторов открытия медресе в городе Ош является то, что из этой местности вышли многие исламские аалымы-ученые.

В средние века в этом городе жили великие люди и распространяли среди населения религию. Ими были: муфтий всей Ферганской долины, религиозный ученый, исламский правовед Шейх-уль-ислам Насуриддин Абу Мухаммед бин Сулейман аль Оши; Али ибн Осман бин Мухаммед ибн Сулейман аль Телий аль Оший; Омар ибн Муса аль Оши; Мансур аль Оши; анын балдары Имран жана Масуд; Мухаммад ибн Али ибн Хамид Абу Абдаллах аль Оши и другие. Усман аль Оший, Сулайман бин Оший, Масуд бин Мансур Оший достигли высокой степени исламских ученых, стояли на высоких ступенях наук фикх и акыда. У Али ибн Османа, жившего в XII веке, в Багдаде сохранилась рукопись под названием «Фетави Сиражите» или «Фатва Сиражуддина», которая была вначале издана в 1827 году в Калькутте, а во второй раз в Англии 1915 году. По акиде²⁶⁸ «Ахлю-с-Сунна Валь-Джама'а», согласно матуриддическому понятию «Акыда Амали» (Бад'

²⁶⁸ Акида (акыда) – своеобразный фонд догматов в исламе.

аль-амали) – это большой труд, написанный в форме стиха. В свое время эта книга была очень популярной, но, однако, и до сегодняшних дней в медресе Турции, в странах Ближнего Востока учат и рассказывают из нее стихи. Она была переведена на татарский язык шейхулем-Исламом Хамидианом, вошла в учебную программу старых татарских медресе и изучалась в обязательном порядке. После толкования книги Мухаммад ибн Сулейман Халыби написал свой труд «Нухбатуль-Ля-али ли бад-иль амали», а Али ибн Султан Мухаммад написал «Дау-ульмаали ли бадильамали». Абу Ахмед аль Казани прокомментировал ее на русском языке по Интернету²⁶⁹.

Мухаммад ибн Ахмад ибн Али ибн Хамид Абу Абдаллах аль Оши тоже был многосторонним алымом-ученым, жил в Багдаде, работал мударисом религиозных учебных заведений.

Шейх уль-Ислам Насуриддин Абу Мухаммед бин Сулайман аль Оши нам известен своим 4-х томным трудом «Фетава».

В свое время Омор ибн Муса аль Оши (аль Хамави) получил образование в городах Мисир, Багдад, Мекке. По географии, истории, религии, культуре, литературе, фольклористике, этнологии и по другим научным областям составил энциклопедический словарь.

Знакомый всему мусульманскому миру, известный турецкий ученый и правовед Абу Бакр Мухамед бин Абу Сахл Ахмед аль-Сарахси (Имам Сарахси) родился в 1009 году в городе Сарахс (расположенный в государстве Караханидов между городами Марв и Нишапур, на левом берегу реки Теженд, по которой в наше время проходит граница с Ираном), жил в Узгене, занимался наукой и до конца своих дней (до 1090 года) поддерживал тесную связь с ошскими учеными. Он был не только имамом, но и фикским правоведом, написавший известные труды «Дни имамов» (Шамсул-аимма), Ханафийские права, глубоко знал келамскую науку и распространял ее среди народа. Он владел глубокими знаниями по математике, логике, философии, поэтике и, находясь в заточении 14 лет, продиктовал ученикам такие произведения, как «Ал Мабсут», «Усуулун Фикх», «Шархус Сиярул Кабиир», «Зиядатуз Зиядат», «Шарху Жамиис Сагиир», «Шарху Жамиил Кабиир». С почтением и уважением говорится о том, что он оставил более 30 томов по толкованию Корана и шариата.

Эти 30 томов были переведены с арабского языка на турецкий язык профессором, доктором Мустафой Жеват Акшитом и изданы отдельной книгой.

Недавно, в конце XX века, на большом конкурсе по переводу Корана на узбекский язык первое место занял Кара-Суйский шейх Алоудин Мансур. Его перевод был опубликован в журнале «Шарк юл-

²⁶⁹ Алляма Сираджуддин Абуль-Хасан Али ибн Усман аль-Оши Акыда Амалии.

дузи», а позже издан отдельной книгой. Эта книга, в свою очередь, была переведена на другие тюркские языки, в том числе и на кыргызский язык. В городе Кара-Суу он открыл центр-музей Корана. А в городе Ош, благодаря тому, что здесь существовала такая большая школа религиозного направления во времена Алымбека Датки, было решено построить крупное медресе для всего Туркестана.

Напомним, что Алымбек Датка – это Алымбек сын Асан-бия (1799/1800 – 1862 или 1863) – видный государственный деятель кыргызского народа, вышедший из рода Баргы племени Адигине Алайского народа. Его отец Асан-бий был крупным торговцем всей Центральной Азии. Как только его сын достиг совершеннолетия, он стал брать его с собой в караван, благодаря чему удалось увидеть такие города, как Коканд, Ташкент, Жаркен, Самарканд, Бухару, Кабул, Стамбул, познакомиться с различными народами и странами. С ранних лет Алымбек учился, сначала у муллы, а потом получил образование в медресе. С 27 лет он был принят на службу к Кокандскому хану Мадали и стал его парваначы²⁷⁰. В Кокандском ханстве парваначы считался самой высокой должностью, его утверждал сам хан. Содержание парваначы финансировалось средствами специального счета, как член ханского совета, парваначы имел решающий голос, у него была своя печать. Он не входил в число рядовых вазиров, а находился всегда рядом с ханом, и считался в ханстве вторым человеком. В 32 года он получил звание ханского датки. Это был 1831 год. Это звание ему было присвоено в соответствии с системой исламского шариата того времени в качестве священной фатвы²⁷¹ Бухары-и Шарифа шайх-уль-Ислама. В переводе с фарского языка слово «датка» означает «справедливость»; это звание присваивалось крупному религиозному деятелю, который вместе с этим имел право каждый год получать из казны ханства по 10 тыс. тенге в качестве зарплаты или 200 батманов урожая. В этой связи можно предположить, что у Алымбека уже в достаточно юном возрасте получил высокое религиозное образование. Когда ему исполнилось 32 года, его отправляют в Андижанский вилайет в качестве правителя-бека. В то время в его распоряжении находились: в Узбекистане – Андижан, в Кыргызстане – Ош, Джалал-Абад, Баткенская область, в Нарынской области – территории районов Ак-Талаа, Джумгал, Тогуз-Торо. Важно отметить, что в то время Андижан был стратегически важным объектом Кокандской орды, поскольку, вопервых, на этой территории большинство населения было не совсем лояльным по отношению к Кокандскому ханству, во-вторых, помимо забот по управлению кыргызами Кетмен-Тобе, Кок-Арта, Алая, что

²⁷⁰ Слово «парвана» происходит от названия бабочки, которая кружится вокруг лампы. Парваначы означает человека, близкого к хану.

²⁷¹ Фатва – правовая позиция или решение в шариате.

происходило без особых проблем, и ведения дел по сбору пошлин и налогов, расширения границ земель ханства, был также разработан тайный план присоединить территории Нарына, Иссык-Куля, Кашкара, Сары-Кола. Следуя поставленной цели, Алымбек Датка в начале 40-х годов XIX века переводит столицу Андижанского вилайета в город Ош. Там, на возвышенностях берега реки Ак-Буура, у подножия Сулейман-горы, примерно на месте современного общежития Ошского гуманитарного университета, гостиницы Алай, Шейит-Добо, Тешик-Таш, филармонии им. Р. Абдыкадырова, расположили городок из юрт и построили Ак-Ордо. Городок состоял из 40 юрт. На самой центральной возвышенности, откуда были видны дороги, ведущие в сторону Алая, Андижана, Кара-Суу, была поставлена белая юрта Алымбека Датки с 12-ю полотнищами. Алымбек Датка, в последующем Абдылдабек, Курманжан Датка и другие его потомки здесь принимали послов, государственных деятелей и простой народ.

В связи с этим архитектурный, инфраструктурный, ирригационный облик города Ош изменился. На реке Ак-Буура были построены 9 мостов, соединяющие два берега, расширились и улучшились торговые места, постоянные дворы, построены мечети, медресе. В конце 50-х и в начале 60-х годов XIX века его деятельность высоко оценили не только андижанские и алайские люди, но и северные, кашкарские кыргызы, которые отправляли к его медресе в городе Ош своих детей на учебу.

Алымбек с юношеских лет стал беком Алая, акимом Андижана, вазиром Кокандского ханства, достиг его особых степеней – парваначы и датка. Когда началось давление со стороны царской России, он собрал войско из 12 000 человек. Как главный лидер Ферганской долины, он большое значение придавал образованию. Мы должны высоко оценить его место в истории, в особенности как талантливого просветителя 2-ой половины XIX века, большого организатора сферы образования, называя его на современном языке меценатом и менеджером.

Список источников и литературы

Аллыяма Сираджуддин Абуль-Хасан Али ибн Усман аль-Оши Акыда Амали – Аллыяма Сираджуддин Абуль-Хасан Али ибн Усман аль-Оши Акыда Амали. URL: <http://www.azan.kz/kutub/view/akyida-amali-317>.

B. Suloev

FINANCIAL SUPPORT OF MADRASSAH OF ALYMBEK DATKA

The article is devoted to the organization of Muslim education in Osh in the XIX century in connection with the activity of the famous statesman of the Kokand khanate of Alymbek Datka. Alymbek Datka, realizing the need of education devel-

opment, paid special attention to the needs of the madrasah in Osh, which became the center of learning and education.

Keywords: Osh, Alymbek Datka, madrasah, Waqf, a religious scholar aalim.

УДК 316.722(420)

Код ВАК 07.00.07; 07.00.03

Д.Н. Караваяева

BRITISHNESS VS МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ*

В статье представлены результаты исследования мультикультурализма в контексте национальной идентичности на территории современной Великобритании (1990-2010-е гг.). Мультикультурализм рассматривается не как политика или интеграционная стратегия, но имеющий свои возможности и ограничители общественный дискурс национальной идентичности (Britishness). Работа основана на историографических, политических, музейных, медийных источниках, а также полевых этнографических материалах.

Ключевые слова: Великобритания, мультикультурализм, иммиграция, исламо/мигранто-фобия, национальная идентичность, британскость, Britishness.

В 2005 г. был переиздан викторианский шовинистический путеводитель по странам мира середины XIX в. Ф.Л. Мортимер (дамы, писавшей о «самых негодных народах Европы», «бездельниках-мексиканцах», «зловонных индусах» и т.д.)²⁷², вызвавший большой интерес и волну саморефлексии на тему отношения ко всему иностранному в английской культуре. Представители мультикультурного сообщества Британии посчитали ее высказывания отражением настроений викторианских умов («синдром миссис Мортимер»), до сих пор присущих белым британцам и создающих дополнительные сложности для формирования некой комфортной для многоэтничного населения современной Британии межрасовой парадигмы национальной идентичности²⁷³.

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ № 16-31-01106 (рук. Д.Н. Караваяева).

Караваяева Дина Николаевна, научный сотрудник сектора этноистории Института истории и археологии Уральского Отделения РАН (620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16)

Dina N. Karavaeva, researcher in Ethnohistory department, Institute of History and Archaeology (Ural Branch of the Russian Academy of Science), 620142 Russia, Ekaterinburg, Kovalevskaya Str., 16.

Телефон/Phone: +7 9120306922. Электронная почта/E-mail: dina_fedorova@bk.ru
Блог/Web: dinakaravaeva.wordpress.com

© Караваяева Д. Н., 2017

²⁷² Mortimer, Pruzan 2006.

²⁷³ См. Pendlebury 2007.

Как известно, распад империи в середине XX в. и другие политические и культурные процессы в Великобритании привели к тому, что символы, объединявшие жителей страны, утратили действенность. Это спровоцировало в Британии диверсификацию прежде «англизированной» понятия британской идентичности, начавшей дробиться на английскую, шотландскую, валлийскую, ирландскую и «иммигрантскую» составляющие²⁷⁴. Исследователи заговорили о масштабной национальной дезинтеграции²⁷⁵. Хотя, безусловно, при рассмотрении британскости как гражданской идентичности поликультурного и многоэтнической нации Соединенного Королевства разговором только лишь о мультикультурализме ограничиться сложно, однако именно «мультикультурный фокус» открывает множество сопоставительных возможностей.

Британцы, как и все европейцы, вынуждены принимать культурный плюрализм как основу государственного строя, благодаря чему общины в Великобритании пользуются широкими правами. Однако на деле это приводит к закреплению принадлежности лиц с иммигрантскими корнями к определенным группам, хотя они в действительности могли иметь мало общего с ними, обвинениям с их стороны в инверсивности мультикультурализма белому расизму и национализму, к формированию определенных взглядов у коренного населения. Для них, для коренного населения, слово «иммиграция» сегодня нередко ассоциируются с исламским терроризмом, криминальностью, безработицей, беспорядками в районах компактного проживания мигрантов, а «мультикультурализм» – не только с надеждой на существование культурного равенства, но и с геттоизацией²⁷⁶.

Север Англии в силу расположения здесь больших анклавов иммигрантов оказался в центре иммиграционных и расовых проблем и дебатов о мультикультурализме. Отчеты местных комиссий и полицейских служб в Олдеме Большого Манчестера по поводу беспорядков 2005–2011 г., данные архива муниципального совета и материалы полевых исследований подтверждают факт сегрегации в регионе, обусловленной рядом причин. Иммигранты из Пакистана и Бангладеш, прибывавшие сюда в 1960–1970 гг. в качестве рабочих ночных смен фабрик (куда местные жители не хотели идти работать), вместо того, чтобы ждать строительства муниципальных домов для своих семей, строили дешевое жилье в отдельных районах (где им разрешало правительство). Население росло за счет высокой рождаемости и иммиграции, и в результате возникли густонаселенные этнические «гетто». Затем, когда в 1980–90-х гг. фабрики закрылись, иммигранты не смогли переселиться в другие места, поскольку уже привыкли к прожива-

²⁷⁴ Bryant 2010: 34.

²⁷⁵ См.: Липкин 2007; Parekh 2000.

²⁷⁶ См.: Petley, Richardson 2011.

нию здесь, не имели другой квалификации и достаточных знаний языка (особенно жены, которых они привезли из своих стран). Эти дома никто не покупал из-за их некомфортабельности и близости к мусульманским общинам (несмотря на отдельные попытки городского совета модернизировать жилье)²⁷⁷.

В академических исследованиях 1990-х гг., например Д. Хоровитца, мультикультурализм по-британски – это относительно гибкая и эффективная политика, а также возможность сохранения этнической идентичности и территориальной автономии и отсутствия давления, принуждающего подчиниться стандартной модели гражданского общества²⁷⁸. Как указывает Э. Фэрвэлл, британские концепции и теории мультикультурализма оказались сами по себе политизированы и поддерживали миф об успешности британского мультикультурализма по сравнению с европейским опытом²⁷⁹. В 2000-е гг. все больше интеллектуалов высказываются против разделения страны по этническому и религиозному принципу, существующего как между британцами и пришлым населением, так и между самими коренными британцами. В работах М. Фелдблума отмечается, что «англо-саксонская модель мультикультурализма» приводит к социальной дезинтеграции и геттоизации групп меньшинств²⁸⁰. К. Малик замечает, что идеология мультикультурализма есть результат европейского Просвещения и имеет одни и те же корни с расизмом. Поэтому не удивительно, что неевропейский по духу ислам подсознательно искажает эту идеологию²⁸¹. Я. Алибай-Браун отмечает, что белыми гражданами Британии мультикультурализм расценивается как политика, созданная для «любого рода меньшинств»²⁸². С. Фиш указывают, что интеграцию затрудняют скорее не масштабы иммиграции, но нежелание интегрироваться как иммигрантов (в том числе из-за количества усилий по образованию, которые надо приложить), так и «коренных» британцев, покидающих города с «этногетто» из-за преступности и межрасовой розни, а также желания жить в сообществе себе подобных²⁸³. «Иммигрантский вопрос», несомненно, является одним из факторов, определяющих национальную, религиозную и другие идентичности страны.

Итак, последние десятилетия в Британии прошли под знаком поиска единой национальной идеи, способной создать гармоничное пространство для разноликого населения и его исторических предубеждений. И пускай концепция британскости (*Britishness*) видится во многом искус-

²⁷⁷ См.: Oldham Beyond 2004.

²⁷⁸ Horowitz 1998: 320.

²⁷⁹ Цит. по: Антонова 2003: 214.

²⁸⁰ Feldblum 1993: 52–74.

²⁸¹ См.: Malik 2002.

²⁸² Alibhai-Brown 2001: 10-11.

²⁸³ Fish 1998: 69.

ственным конструктом, призванным объединить нацию перед лицом внутренних и внешних проблем (деволюция, евроинтеграция, мультикультурализм, взаимоотношения с США и др.), в период 1990–2000-х гг. существовали различные подходы к ее интерпретации.

В эпоху консерваторов (1979–1997), по мнению С. Райт, тэтчеристы пытались возродить «викторианскую мораль» в семье и школе, «восстановить» традиционные, «типично британские» (читай – английские) ценности и гражданские институты, что только лишь усугубило ситуацию²⁸⁴. Д. Кэннадайн указывает, что к середине 1990-х гг. главенствующая вигская интерпретация идентичности Британии (как идентичности, чьей движущей силой является парламентское управление, общее право, англиканская церковь, прогресс, демократия, стремление избежать революций и пр.) оказалась неактуальной; и поэтому вигские истории принялись доказывать неповторимость английскости и британскости, а также подчеркивать мимолетный характер британскости относительно долгой истории взаимоотношений «четырёх наций»²⁸⁵ англичан, шотландцев, валлийцев, ирландцев²⁸⁶. Британскость как политическая инициатива и концепция, включающая в себя идентичности не только англичан, стала претворяться в жизнь с приходом к власти лейбористов. Ряд первых инициатив кабинета Э. Блэра был связан с деятельностью института *Demos*. М. Леонард выдвинул концепцию британскости в части внешнего имиджа: Британия как пространство инновации и глобализации, пространство коммерческого духа, уникальная в отношении науки и культуры островная территория, «плавильный котел» множества этнических групп. Британцы должны были пониматься не как единая нация, а мультикультурный союз²⁸⁷.

В ходе данной кампании было также принято решение о пересмотре Национальной программы по истории (1998, 2000 гг.)²⁸⁸. В 1970–90 гг. в качестве основы «общей идентичности» выдвигалась приверженность к британскому (английскому, по сути) политическому строю как идеальному. Эта идея исходит из того, что британский национальный характер исторически формировался на основе комплекса универсальных христианских и правовых идей. В 1988 г. правительством М. Тэтчер была проведена первая в истории Великобритании централизованная реформа по госстандартизации школьного образования, явно проанглийская, что сразу вызвало общественные

²⁸⁴ Wright 1998: 7-15.

²⁸⁵ По отношению к каждому британскому региону – Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия и Англия – исследователи и общественность зачастую употребляют термин «нация» на основании наличия там исторически сложившихся общностей, единой территории, языка и политических институтов. См. Bryant 2010: 19-22.

²⁸⁶ См.: Cannadine 1995: 12-31.

²⁸⁷ См.: Aughey 2007: 171.

²⁸⁸ См. National History Curriculum 1988; National History Curriculum 2000.

дебаты и стало одним из факторов кризиса идеологии мультикультурализма. Главной же целью исторического образования с конца 1990-х до 2010 гг. становилось воспитание гражданина, члена политического, а не этнокультурного объединения; в программу были включены блоки по истории народов и цивилизаций Африки, Азии, Америки²⁸⁹.

Под патронажем Британского Совета в 2006–2007 гг. реализовался проект «Новые национальные идентичности Соединенного Королевства», посвященный исследованию того, как понимается концепт британскости различными слоями населения. По итогам проекта вышла монография В. Уор, которая посчитала, что сохранение целостности Британии возможно только лишь в случае окончательного пересмотра концепта британскости: отделения его от концепции культурной идентичности, вбирающей в себя символы английскости, в пользу концепции мультикультурной, сугубо политической идентичности²⁹⁰. Однако среди общественности в это время все чаще звучат высказывания о том, что явления «британская нация» (в отличие от «наций Британии» во множественном числе) не существует. К. Брайант в этой связи пишет, что «дни Британии, с учетом осознаваемых разностей Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии в плане национальной идентичности, этнического состава, экономических интересов, политических ценностей и культурных форм, сочтены»²⁹¹. По мнению М. Уора, Лондон в пределах Британии – «единственное возможное и даже идеальное место для исследования британской принадлежности», тогда как другие территории страны тяготеют к более локальной, собственной идентичности²⁹². Британскость – нечто обращенное в прошлое и возвращенное на прошлом, особенно имперском. И основная «аудитория» данного концепта – это не столько «коренные» британцы (которые считают, что попытки сформулировать базовые характеристики британскости – политическая игра и манипуляция, а не реально существующая идентичность населения Великобритании), сколько жители и выходцы из ее бывших колоний. И, несомненно, данный термин заново изобретен на рубеже веков для интеграции иммигрантского сообщества²⁹³.

Правительство Г. Брауна (2007–2010) продолжило проводить ряд мер по созданию новой концепции британскости. Основные идеи политики премьера были озвучены в 2004 г.: «Возьмите деволюцию и национализм. Великобритания всегда была государством четырех наций и четырех идентичностей, но главным вопросом остается то, говорим ли мы о концепции идентичности XIX в. («кровь, раса и тер-

²⁸⁹ См.: Nash et al. 1997: 142.

²⁹⁰ См. Ware 2007.

²⁹¹ Bryant 2010: 7.

²⁹² Ware 2007: 5.

²⁹³ Ware 2007: 3-4.

ритория») или же мы в состоянии обращаться к британскости большей, чем идентичности суммы ее частей. Британскости как объединению, сильному благодаря своим общим ценностям и институтам, прошедшим сквозь историю»²⁹⁴. Критики назвали «концепцию ценностей» еще более расплывчатой и скудной, чем все, что было прежде. Как пишут А. Гэмбл и Т. Райт, «новая идея британскости Брауна основывалась на экономическом успехе страны за последнее десятилетие (на это он делал упор в своей речи по бюджету страны), но и это обстоятельство стало спорным после банковского кризиса 2008 г.»²⁹⁵.

Попытки Г. Брауна собрать в единую концепцию разностороннее понимание британской идентичности положили начало дискуссиям в ряде публикаций – например, в издании «Быть британцем» под редакцией М. Д'Анкона²⁹⁶. Здесь широко представлены экспертные мнения руководителей этнокультурных общин (среди которых генеральный секретарь Мусульманского совета Великобритании М.А. Бари, архиепископ Кентербери 1991–2002 гг. Дж. Карей и др.)²⁹⁷. Авторы видят в «британскости» термины, отягощенные империализмом и колониализмом и являющиеся символом расовых, политических и экономических противоречий страны, – в отличие от названия «Соединенное Королевство», в силу своей «политкорректности» выходящего на первый план²⁹⁸.

В сборнике под редакцией А. Гэмбла и Т. Райта «Британскость. Перспективы» приняли участие такие значимые исследователи, как Л. Коллей, М. Кенни, Б. Парех и др., проанализировавшие историю употребления термина «британский» (от Римской империи до современности), отношение к империи, мультикультурализму и пр. – с позиций Лондона и националистических элит Шотландии, Ирландии и Уэльса. По мнению Гэмбла и Райта, постимперская Британия и ее идентичность переживают куда более сложные времена, чем даже было в эпоху римских завоеваний, так как концепт британскости сегодня гораздо более эфемерная и политизированная структура, нежели в прошлом. Согласно опросам общественного мнения, британская идентичность является либо второй по приоритету, либо вовсе отрицаемой для жителей островов (на первом месте шотландская, валлийская, бангладешская, региональная английская и пр.). Сегодня термин «британский» ассоциируется со многими историческими неудачами, что затрудняет принятие общей

²⁹⁴ Brown 2004.

²⁹⁵ Gamble, Wright 2009: 4.

²⁹⁶ Being British 2009.

²⁹⁷ Среди них также знаменитый писатель С. Фрай, историк из Кембриджа и Белфаста К. Бейкер, банкир В. Бланк, премьер-министр Г. Браун, профессор психологии Т. Байрон, журналисты Д. Джонс и Дж. Кэмпфер, музыкант Дж. Мартин, политический деятель Т. Хэймс, полисмен из Шотланд-Ярда А. Блер и многие другие.

²⁹⁸ Clark 2009: 136.

идентичности под его эгидой. Вера Брауна в то, что объединение может существовать только в том случае, если каждый примет новую британскую идентичность, игнорирует тот факт, что многие ценности британцев настолько общие, что не являются чем-то специфически британским. Однако, как пишут Гэмбл и Райт, они «пребывают в составе объединения из своих прагматических соображений, одновременно оставаясь различными в своих политических и культурных предпочтениях»²⁹⁹. Д. Виллетс же считает, что у британскости есть «чудесная открытость», но в культурном смысле эта идентичность гораздо слабее, чем английская или шотландская, поэтому следует британскую идентичность рассматривать как идентичность политическую, представленную рядом политических институтов³⁰⁰.

П. Келлнер уверен, что британскость для разных людей значит совершенно разные вещи, и в этом ее контрпродуктивность³⁰¹. Например, Дж. Эдмундс и Б. Тернер считают, что с мультикультурным, космополитичным «типом» британскости идентифицирует себя в основном «послевоенное поколение женщин высшего света»³⁰². Такого рода национализм, по их мнению, неопасен ввиду своей открытости (например, по отношению к шотландскому, английскому и валлийскому национализмам), космополитичности (открытость по отношению к ЕС), ироничности (осведомленность о конструируемости и изменчивости идентичности), феминности и пацифистского характера, креативности (вынуждены приспособлять британскость к новым реалиям). Для сравнения: традиционная британскость пагубна из-за своей закрытости (отрицание шотландского / валлийского и тем более «иммигрантского» национализма), тяготения к островной замкнутости (против союза с ЕС), маскулинности (агрессивности), реакционности (ностальгическая борьба за традиционную английскость)³⁰³.

Ж. Куртис и Э. Хет на основании социологических опросов, по данным которых большинство британского населения спокойно восприняло шотландскую и валлийскую деволюции, утверждают, что космополитичность и открытость естественна для британцев³⁰⁴. Это проявляется также в присутствии на территории Англии огромного количества иностранных компаний, ресторанов, магазинов, в поп-культуре (телевизионной, музыкальной и т. д.), кухне (наиболее популярной кухней среди англичан является не английская, а индийская, тайская, китайская и пр.), в организации быта (душ вместо ванн, сме-

²⁹⁹ Gamble, Wright 2009: 4-5.

³⁰⁰ См.: Willetts 2009.

³⁰¹ Kellner 2009: 62-71.

³⁰² Edmunds, Turner 2001: 83.

³⁰³ Ibid: 93.

³⁰⁴ См. Curtice, Heath 2000.

сители вместо отдельных кранов), спорте (в клубах Британии, сборной Англии играют игроки из разных стран) и т. д.

И, наконец, обращаясь к политике по идентичности лидеров консерваторов Д. Кэмерона или Т. Мэй, следует заметить, что ее суть и последствия еще не вполне очевидны, однако уже сейчас обозреватели связывают поворот британской идентичности в сторону традиционализма (точнее, тэтчеристской модели британскости)³⁰⁵. В то же время события лета 2016 г. (референдум о членстве в ЕС *Brexit*) показали, что, несмотря на некие заигрывания с избирателями по поводу проведения референдума, консерваторы видят Великобританию и Англию не страной «с островным менталитетом», а открытой миру экономически успешной и политически глобализированной страной³⁰⁶.

Современная концепция мультикультурной Британии дает более сложные ответы и на вызовы иммиграции. Р. Виндер в своей работе «Проклятые иностранцы» пишет о том, что всегда существовали группы британцев, особенно англичан, которые были уверены в том, что иммигранты забирают их работу, создают криминогенную обстановку, разрушают английскую культуру, способствуют сегрегации и экстремизму. Однако на протяжении истории жители Англии и всей Британии получали множество преимуществ от иммиграции (французские гугеноты, немцы, евреи, итальянцы, ирландцы, китайцы, поляки, индийцы, пакистанцы, бенгальцы, западные африканцы, американцы и др.), обогатившей их экономику, культуру и политику³⁰⁷.

Участники дискурса указывают на ограничения модели. В частности, в пределах мультикультурной Британии (говоря словами Б. Пареха, этого «сообщества сообществ»)³⁰⁸ каждый обязан владеть основами английской культуры (англичане и шотландцы владеть основами индийской культуры, например, не обязаны): уметь говорить по-английски, уважать верховенство британского закона, признавать равенство мужчин и женщин и т. д. Культурное разнообразие должно соотноситься с общей культурой — английской, и, таким образом, как пишет К. Брайант, данная идентичность предполагает наличие «пограничных» идентичностей, носители которых обладают двойными лояльностями, как и двойным гражданством (Британия одна из редких стран, признающая это юридически). Брайант пишет также о сложности мультикультурализма как идеологии, требующей взаимной ассимиляции («мы» должны стать такими, как «они») и самобытности

³⁰⁵ См.: Roberts 2008: 4.

³⁰⁶ См.: Mardell 2016.

³⁰⁷ Winder 2004.

³⁰⁸ Parekh 2000.

(«мы» ничего не можем сделать с «ними»), что в реальных условиях труднодостижимо³⁰⁹.

На наш взгляд, концепция мультикультурной, космополитичной Британии является в той же мере утопией, как и все остальные, в первую очередь из-за того, что она аккумулирует больше различий, чем может усвоить, и больше сообществ, чем умений жить вместе. Наряду с открытостью по отношению к другим, эта модель невнимательна к «коренному» населению и его культурным ценностям и традициям (поэтому существуют обширные группы, например, «этнических» англичан, выступающих против такого рода культурной «косилки»). Таблица о национальных константах, основанная на авторских данных опросов и интервьюирования в Англии, отчасти иллюстрирует это. Опросы проводились на основании методики приписывания качеств, предложенной Д. Кацом и К. Бейли, по которой из 80 предложенных черт (список черт формировался в ходе экспедиций) англичанам нужно было выбрать наиболее характерные для англичан и различных групп мусульман.³¹⁰

Национальные константы англичан в противопоставлении с константами Другого, 2009–2012 гг.

Ассоциативный ряд в отношении мусульман у англичан	Национальные константы англичан
Агрессивность, наглость поведения по отношению к британцам, низкий уровень культуры	Скромность и дипломатичное поведение в отношении других культур, воспитанность, сдержанность
Сегрегация мужчин и женщин	Свободное отношение к мужчинам и женщинам, общее обучение
Сексизм в отношении женщин	Гендерное равноправие
Патриархальность	Уважение традиций, но и модернизационность
Отсутствие личной свободы, коллективизм	Личная свобода, индивидуализм
Религиозный консерватизм	Религиозный плюрализм
Исламский мессианизм и стремление обратить в свою веру (джихад)	Цивилизаторский потенциал, мессианизм общечеловеческих ценностей, имперскость
Нежелание учить язык	Знание нескольких языков — обычное дело для истинного британца
Социальный изоляционизм	Социальная открытость

³⁰⁹ Bryant 2010: 193.

³¹⁰ См.: Баранова 1994: 202–237.

Ассоциативный ряд в отношении мусульман у англичан	Национальные константы англичан
(проживание в общинах)	
Религиозность образования и власти	Светскость образования и власти
Нежелание интегрироваться	Стремление помочь другим народам в интеграции
Теократизм, тотализм	Христианский гуманизм, либерализм
Необразованность или примитивное образование	Высокий уровень культуры британцев
Общинное право	Конституционное право (один из идеалов — казуальное)
Авторитаризм	Демократические права и свободы
Неконтролируемые и незаконные иммигрантские потоки	Способность к интеграции в разумных пределах
Терроризм, воинственность, фанатичность, дикость	Гуманизм, цивилизованность, толерантность
Бедность, социальная напряженность, рост преступности, СПИД, туберкулез	Государство всеобщего благоденствия
Экономическое бремя, иждивенчество (оттягивание социальных выплат)	Экономический упадок
Закрытая консервативная одежда	Демократичное самовыражение в одежде
Склонность к зомбированию, подверженность социальному гипнозу	Здравый смысл
Хитрость, жажда выгоды, лицемерие	Смелость, достоинство, честность
Кульм смерти	Страх смерти
Угроза британскому величию и этничности англичан за счет кросс-культурных браков	Демократия — ловушка
Желание выполнять черную работу	Белоручки, нежелание заниматься простым трудом
Изоляционизм	Высокомерие, дистанцирование
Итого: 24 негативных ассоциации, 2 – положительных	Итого: 24 положительных ассоциации, 2 – негативных

Итак, для современной Британии задачей становится поиск адекватной для мультикультурного сообщества межрасовой парадиг-

мы. В ходе дебатов о мультикультурализме поднимается вопрос о его жизнеспособности как идеологии и основы «новой британскости», отторгаемой не только иммигрантами, но и коренными жителями. Существующие сегодня социально-политические стратегии не преуспели в вопросах установления взаимных позитивных взглядов между белыми британцами и членами сообществ этнических меньшинств. Несмотря на то, что большинство аналитиков в Великобритании оценивают британский опыт мультикультурализма в качестве позитивного, мусульманское население в целом остается не полностью интегрируемым в британскую культуру.

Список источников и литературы

- Антонова 2003** – Антонова В.К. Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1. – №2. – С. 213-230.
- Липкин 2007** – Липкин М. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Изд-во «Наука», 2007. – С. 122-143.
- Alibhai-Brown 2001** – Alibhai-Brown Y. Imagining the New Britain / Y. Alibhai-Brown. – L.: Routledge, 2001.
- Aughey 2007** – Aughey A. The Politics of Englishness. Manchester and N.-Y.: Manchester University Press, 2007.
- Being British 2009** – Being British. The Search for the Values that Bind the Nation / M. D`Ancona (ed.). – Edinburgh: Mainstream, 2009.
- Bryant 2010** – Bryant C. The Nations of Britain. – Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Cannadine 1995** – Cannadine D. British History as a “New Subject”: Politics, Perspectives // Uniting the Kingdom? The Making of British History / A. Grant, K.G. Stinger (eds.). – L., N.-Y.: Routledge, 1995. – P. 12-31.
- Clark 2009** – Clark J.C.D. National Identity and the historians // Being British. The Search for the Values that Bind the Nation / M. D`Ancona (ed.). Edinburgh, – L.: Mainstream, 2009. – P. 131-140.
- Curtice, Heath 2000** – Curtice J., Heath A. Is the English Lion about to Roar? Nation Identity after Devolution // British Social Attitudes, 17th Report: Focusing on Diversity / Jowell et al. (eds.). – L.: Sage, 2000. – P. 155-174.

- Edmunds, Turner 2001** – Edmunds J., Turner B.S. The Re-invention of a National Identity? Women and “Cosmopolitan” Englishness // *Ethnicities*. – 2001. – Vol. 1. – No 1. – P. 83-108.
- Feldblum 1993** – Feldblum M. Paradoxes of Ethnic Politics: The Case of Franco-Maghrebins in France // *Ethnic and Racial Studies*. – 1993. – Vol. 16. – Issue 1. – P. 52-74.
- Fish 1998** – Fish S. Boutique Multiculturalism // *Multiculturalism and American Democracy* / A. Melzer, J. Weinberger and M. R. Zinman (eds.). – Lawrence: University Press of Kansas, 1998. – P. 69-88.
- Gamble, Wright 2009** – Gamble A., Wright T. Introduction: The Britishness Question // *Britishness: Perspectives on the British Question* / A. Gamble, T. Wright (eds). – Oxford: Political Quarterly Wiley-Blackwell, 2009. – P. 1-9.
- Horowitz 1998** – Horowitz D. Immigration and Group Relations in France and America // *The Immigration Reader: America in a Multidisciplinary Perspective* / D. Jacobson (ed.). – Malden, MA: Blackwell, 1998. – P. 320-328.
- Immigration Law 2008** – *Immigration Law and Practice* / D. Jackson, G. Warr, J. Onslow, C. Middleton (eds.). – Bloomsbury: Tottel Publishing, 2008.
- Kellner 2009** – Kellner P. What Britishness Means to the British // *Britishness: Perspectives on the British Question* / A. Gamble, T. Wright (eds). – Oxford: Political Quarterly Wiley-Blackwell, 2009. – P. 62-71.
- Malik 2002** – Malik K. Can Multiculturalism Work? The paper presented at the Attention Seeking: Multiculturalism and the politics of recognition: *Institute Française*. – L., 2002.
- Mardell 2016** – Mardell M. Brexit: The story of an island apart [Электронный ресурс] // *BBC News*. 2016, June 25. URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-36620426> (дата обращения: 20.08.2017).
- Mortimer, Pruzan 2006** – Mortimer F.L., Pruzan T. The Clumsiest People in Europe or, Mrs. Mortimer`s Bad-tempered Guide to Victorian World. – N.-Y.: Bloomsbury, 2006.
- Nash et al. 1997** – Nash G., Grabtree Ch., Dunn R. *History on Trial. Culture Wars and the Teaching of History*. – N.-Y., 1997.
- National History Curriculum 1998** – *National History Curriculum*. [Электронный ресурс]. 1988. URL: www.edu.dudley.gov.uk/ict/curriculum/nc1988/sublink1.doc (дата обращения: 20.08.2017).
- National History Curriculum 2000** – *National History Curriculum*. [Электронный ресурс]. – 2000. URL: www.edu.dudley.gov.uk/ict/curriculum/nc2000/sublink1.doc (дата обращения: 20.08.2017).

- Oldham Beyond 2004** – Oldham Beyond: a Vision for the Borough. A Report for Oldham Local Strategic Partnership and Northwest. – Manchester: Northwest Development Agency, 2004.
- Parekh 2000** – Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000.
- Pendlebury 2007** – Pendlebury R. The Mad World of Mrs Mortimer – the un-PC Travel Guides of a Victorian Lady [Электронный ресурс] // Daily Mail. – 19 July. – 2007. URL: <http://www.dailymail.co.uk/femail/article-469669/The-mad-world-Mrs-Mortimer--PC-travel-guides-Victorian-lady.html#ixzz4YZNVFdvw> (дата обращения: 20.08.2017).
- Petley, Richardson 2011** – Petley J., Richardson R. Pointing the Finger: Islam and Muslims in the British Media Paperback. – L.: Oneworld Publications, 2011.
- Roberts 2008** – Roberts B. David Cameron: I Want to be the New Thatcher // The Daily Mirror. – 2008. – 20 May. – P. 4.
- Ware 2007** – Ware V. Who Cares about Britishness? A Global View of the National Identity Debate. – L.: Arcadia Books, 2007.
- Willetts 2009** – Willetts D. England and Britain, Europe and Anglosphere // Britishness: Perspectives on the British Question / A. Gamble, T. Wright (eds.). – Oxford: Political Quarterly Wiley-Blackwell, 2009. – P. 54-61.
- Winder 2004** – Winder R. Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain. – L.: Little, Brown, 2004.
- Wright 1998** – Wright S. The Politization of «Culture» // Anthropology Today. – 1998. – Vol. 14. – No 1. – P. 7-15.

D. Karavaeva
**BRITISHNESS VS MULTUCULTURALISM
 IN CONTEMPORARY UK**

The paper presents the results of the research of multiculturalism in the context of national identity in the contemporary Britain (1990-2010s.). Multiculturalism is viewed here not as a politician or integration strategy, but the public discourse of national identity (Britishness). The work is based on historiography, political, museum, media sources and author's field data.

Keywords: Britain, multiculturalism, immigration, Islam / migrant-phobia, national identity, Britishness

Л.В. Коробицына

ОБРАЗ ВРАГА В ТВОРЧЕСТВЕ А.ДЖ.П. ТЕЙЛОРА. ПУТЬ К МИРОВЫМ ВОЙНАМ

Статья посвящена образу Германии и немецкого народа, представленному в работах английского историка XX в. А.Дж.П. Тейлора. Концепция, сформулированная ученым, отразила социальный стресс, переживаемый британским обществом в первой половине XX в. в связи с двумя мировыми войнами.

Ключевые слова: история Германии, Вторая мировая война, А. Дж. П. Тейлор, происхождение Второй мировой войны, британская историография.

Социальный стресс, сопряженный с Первой и Второй мировыми войнами, определил трансформацию образа немецкого народа в сознании британского общества. Интеллектуалы, в особенности, историки создавали образ врага в своих научных и публицистических работах, в которых источником зла становился то отдельный человек – А. Гитлер, то узкая группа лидеров – первые лица Третьего рейха, то более абстрактная масса – нацисты, а зачастую – весь немецкий народ. Крупнейший британский историк XX в., автор книги «Происхождение Второй мировой войны»³¹², определившей развитие английской историографии на десятилетия вперед, А.Дж.П. Тейлор создал яркий образ врага, прошедшей красной нитью через все творчество ученого.

Будучи в начале профессионального академического пути Тейлор проявил особый интерес к Германии и европейской дипломатической истории XIX в., что нашло отражение в одной из первых публикаций «Германия 1884 – 1885: первый рывок к завоеванию колоний» (1938). Работа, изначально задуманная как статья, была по совету Л. Немира³¹³ доработана до небольшой книги, посвященной очень конкретной и узкой проблеме колониальной политики Бисмарка в 1884-1885 гг.

На основе источников, собранных Тейлором в венских, лондонских и частично парижских архивах в 1930-х гг., он пришел к выводу, что в своей основе колониальная политика Бисмарка была нацелена на стаби-

Коробицына Луиза Владимировна, аспирант 3-го года обучения кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (Россия, 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Luiza V. Korobitcyna, 3d year postgraduate student of the General history chair of Ural State Pedagogical University (Russia, 620017, Yekaterinburg, Kosmonavtov, av., 26).

Телефон / Phone: +7 (343) 235 76 34. Электронная почта / e-mail: luizakorobitcyna@mail.ru
© Коробицына Л. В., 2017

³¹¹ Taylor 1961.

³¹³ Л.Б. Немир – знаменитый английский историк польско-еврейского происхождения, коллега и наставник А.Дж.П. Тейлора в годы его работы в университете Манчестера (1930 - 1938).

лизацию отношений в Европе. Франция проиграла Германии в войне 1870-71 гг., потеряла Эльзас и Лотарингию, тем самым ее позиции на международной арене значительно ослабли. Сознывая тот факт, что Париж нуждается в поддержке и ищет союзников среди держав, Бисмарк понимал: достижение баланса в Европе требует дружеских отношений с французами, ключом к которым могли стать только напряженные отношения с Англией. Идеальным поводом для этого было присоединение земель, граничащих с существующими британскими колониями или стратегически важными для Англии территориями, чье значение, однако, не достаточно велико для развязывания войны. Таким образом, «немецкие колонии [в Западной Африке (Ангра Пекена), Камеруне, Новой Гвинее и Восточной Африке – Л.К.] были случайным побочным продуктом неудавшегося франко-германского союза»³¹⁴.

Если политика Бисмарка базировалась на сложной и красивой внешнеполитической игре, то широкая общественность находила гораздо более упрощенные формы трактовки колониальной экспансии. Тейлор полагает, что Германская империя как новое «рукотворное» государство не обладала своей политической традицией, была вынуждена подражать другим, в том числе, и в вопросе создания заморских владений³¹⁵.

Колонии виделись немцам неисчерпаемым источником благ; «многие писатели того времени, в том числе и не немецкие, утверждали, что протяженность и процветание Великобритании проистекало из существования ее империи», следовательно, стоит только «дать Германии колонии и немецкая нация станет такой же процветающей, как и английская»³¹⁶. В этом ракурсе, политические приемники Бисмарка рассматривали присоединение новых территорий как самоцель и самоценность, а не способ стабилизации ситуации внутри Европы, – так немецкой нацией была сформулирована идея о поиске «места под солнцем», которая вылилась в два крупнейших конфликта XX в.

Книга «Германия 1884 – 1885: первый рыбок к завоеванию колоний» опубликованная в 1938 г. была крайне позитивно принята академическим сообществом и политическими кругами. Умиротворители во главе с Н. Чемберленом в конце 1930-х гг. активно муссировали тему возвращения немецких колоний, а их оппоненты, пришедшие к власти в 1939 г., использовали тот же самый материал для критики предшественников. Таким образом, исследование органично вписалась в социально-политическую обстановку предвоенного и военного времени.

В 1943 г., будучи профессором Оксфордского университета, Тейлор получил приглашение от Дирекции по делам военной политики (PWE – Political Warfare Executive), организованной для создания

³¹⁴ Taylor 1970: 6.

³¹⁵ Ibid.: 7.

³¹⁶ Taylor 1970: 3-4.

черной и белой пропаганды в странах, оккупированных Германией в годы Второй мировой войны. Группа интеллектуалов, отобранных британским правительством, работала, в том числе, над изучением национальных, социально-психологических и исторических особенностей немецкого народа. Тейлор получил задание написать главу о Веймарской республике (1919 – 1922), которая по замыслу должна была стать частью крупного исследования по истории Германии.

Проделанную Тейлором работу признали слишком дискуссионной, депрессивной и непригодной для распространения среди военнослужащих; согласно официальной британской пропаганде демократическая Германия была измощена под гнетом тирании Третьего рейха, что шло в разрез с ключевым тезисом, заявленным Тейлором: «Германия никогда не была в прямом смысле слова демократической страной даже в Веймарские времена, а гитлеризм не только не являлся помрачением рассудка, но логически вырос из предшествующей истории народа»³¹⁷. Фиаско привело к неожиданному успеху: по совету Дэниса Брэгана, коллеги Тейлора по Би-Би-Си, ученый написал свой первый бестселлер «Курс истории Германии» (1945), частью которого стала упомянутая выше глава о Веймарской республике.

Со времен существования Священной римской империи до конца 1930-х гг. немецкий народ прошел долгий путь, который предстал в работе английского ученого в виде ярких, саркастичных сюжетов, зачастую не лишенных изрядной толики германофобии. В сущности, книга «Курс истории Германии» была не столько нацелена на понимание событий прошлого, сколько стремилась найти логическое объяснение тому, что в цивилизованной европейской стране стало возможно проявление массового насилия, жестокости и пренебрежения к ценности человеческой жизни. Главный тезис, заявленный Тейлором и тесно связавший все его творчество, заключался в наличии континуитета в немецкой истории, в рамках которого феномен Гитлера и нацизма выступает одним из наиболее экстремистских вариантов борьбы Германии за господство в Центральной и Восточной Европе.

Размышления о природе немецкого характера, который возник в условиях децентрализации, обширности территорий и противопоставления себя как Западной, так и Восточной Европе³¹⁸, никогда не покидали Тейлора. В 1973 г. в письме к венгерскому историку Еве Харасти он писал: «Город [Флоренция – Л.К.] был полон немцами, многие из которых были в возрасте. Они выглядели такими добропорядочными, цивилизованными, сдержанными. Тем временем, лучшие годы их жизни пришлось на времена Гитлера, а большая часть из них были нацистами. Ты думаешь, что тот человек – вполне достойный ученый, а между тем, он веро-

³¹⁷ Taylor 1984: 223.

³¹⁸ Taylor 2001: 2-4.

ятнее всего был немецким офицером, безжалостно уничтожившим русских военнопленных. А эта седоволосая дама. Она вне всяких сомнений была членом Союза немецких девушек, а затем смотрительницей в концентрационном лагере. Как эти простые люди могли быть так паразитально жестоки? Это остается за пределами моего понимания»³¹⁹.

Работы Тейлора по истории Германии, к числу которых относятся упомянутые выше «Германия 1884 – 1885: первый рывок к завоеванию колоний» и «Курс истории Германии», а также «Габсбургская монархия 1809 – 1918»³²⁰, «Первая мировая война»³²¹, «Вторая мировая война»³²² и, безусловно, «Происхождение Второй мировой войны», представляют собой довольно необычный феномен изучения зарубежной истории. В статье «Склонность к неудачам, или что произошло потом» историк признал, что он всегда был склонен оценивать немецкий народ частично с позиции англичанина и частично с позиции австрийца³²³, что довольно логично для исследователя, чьи ранние годы профессионального становления проходили под руководством венского ученого А. Прибрама. В сущности, сама по себе Германия и ее культура, мало волновали Тейлора, – две поездки, совершенные в Берлин в 1924 и 1928 гг., путешествие в Верхнюю Баварию в 1932 г. оставили его, мягко говоря, равнодушным,³²⁴ – он ни в коей мере не являлся германистом, скорее наоборот, ярким германофобом, не скрывавшим своего негативного отношения ко всей немецкой нации.

Что же тогда побуждало английского историка раз за разом обращаться к прошлому ненавистной ему страны? Очевидно, оставаясь в первую очередь исследователем европейской дипломатии, А.Дж.П. Тейлор стремился понять природу и истоки двух крупнейших конфликтов XX в., которые зародились, как ему виделось, в XIX в. в связи с созданием единой Германии. Образ врага, красной нитью прошедший через все творчество ученого, представляет собой отражение социального стресса, пережитого британским обществом в первой половине XX в. Страх перед опасностью, подстерегающей цивилизацию в самом сердце Европы, как в зеркале отражался в многочисленных исследованиях интеллектуалов, которые, пережив события Первой и Второй мировых войн искали ответы на вопросы, терзающие их в частности и все европейское общество в целом.

Список источников и литературы

Taylor 1948 – Taylor A.J.P. Habsburg monarchy 1809 – 1918. – London, 1948.

³¹⁹ Taylor 1991: 124.

³²⁰ Taylor 1948.

³²¹ Taylor 1963.

³²² Taylor 1975.

³²³ Taylor 1977.

³²⁴ Wrigley 1994.

- Taylor 1961** – Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. – London, 1961.
- Taylor 1963** – Taylor A.J.P. The First World War. – London, 1963.
- Taylor 1970** – Taylor A.J.P. Germany's First Bid for Colonies 1884 – 1885. A move in Bismarck's policy. – New York, 1970.
- Taylor 1975** – Taylor A.J.P. The Second World War. – London, 1975.
- Taylor 1977** – Taylor A.J.P. Accident Prone, or What Happened Next / The Journal of Modern History. – 1977. – Vol. 49. – № 1.
- Taylor 1984** – Taylor A.J.P. A personal history. Hodder and Stoughton, 1984.
- Taylor 1991** – Taylor A.J.P. Letters to Eva. – London, 1991.
- Taylor 2001** – Taylor A.J.P. The Course of German History. – London, 2001.
- Wrigley 1994** – Wrigley Ch. A.J.P. Taylor: a nonconforming radical historian // Contemporary European History, 3, I. – 1994. – P. 1-18.

Luiza V. Korobitcyna

THE IMAGE OF THE ENEMY IN THE A.J.P. TAYLOR'S WORKS. THE WAY TO THE WORLD WARS

The article is devoted to image of Germany and the German people presented in the works of English historian A.J.P. Taylor. The concept formulated by scholar reflected the social stress which British society was going through the first half of the XXth century during First and Second World Wars.

Key words: German history, the Second World War, A.J.P. Taylor, the origins of the Second World War, British historiography.

УДК 94(532):94(55):930.85

Код ВАК 07.00.03

В.А. Кузьмин, Н.В. Соколов

СПЕЦИФИКА АРАБО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Кузьмин Вадим Александрович, заведующий кафедрой востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); доктор исторических наук, профессор.

Vadim A. Kuzmin, Head of the Sub-Department of Oriental Studies at the Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Yekaterinburg, Lenin Ave., 51); Doctor of History, Professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 389-94-27. Электронная почта/E-mail: kuzmin16@yandex.ru

Соколов Николай Владимирович, директор Центра арабского языка и культуры ООО «РУСАРА Интернэшнл» (623100, Россия, Свердловская область, г. Первоуральск, переулок Школьный, 2)

Nicholas V. Sokolov, Director of the Center of the Arab language and culture at the «RUSARA International» (623100, Russia, Sverdlovsk Region, Pervouralsk, Shkolny Lane, 2)
Телефон/Phone: +7 (343) 389-94-27. Электронная почта/E-mail: sokolov@rusara-international.com

В течение долгого периода на Ближнем Востоке проявляется острое соперничество в борьбе за лидерство между Саудовской Аравией и Ираном. В статье сквозь призму цивилизационного подхода рассматриваются этнополитические, религиозные и культурные факторы, которые оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на соперничество двух стран в прошлом и настоящем.

Ключевые слова: арабы, персы, ислам, язык, Саудовская Аравия, Иран.

Борьба за лидерство в ближневосточном регионе, которую в течение многих лет ведут между собой Королевство Саудовская Аравия и Исламская Республика Иран, является результатом давних противоречий и конфликтов между арабами и персами. Существует ряд позиций, по которым эти народы являются непримиримыми соперниками на протяжении всей истории их существования. Сегодняшняя борьба за лидерство на Ближнем Востоке между Саудовской Аравией и Ираном в немалой степени обусловлена исторической памятью об ушедших эпохах и событиях, в которых были задействованы обе стороны. Иракский историк Али Адиб констатирует тот факт, что «и арабы, и иранцы всё еще живут прошлой историей гораздо дольше, чем это должно было быть»³²⁵. Его иранский коллега Мохаммад Али Ислами Надушан говорит, что «...иранцы не могут забыть того, что около тысячи лет они сами правили страной. Память об этом сидит в иранцах как заноза и не покидает их ни на минуту»³²⁶.

В контексте цивилизационного подхода к арабо-персидским отношениям можно выделить следующие факторы, которые привели к противостоянию арабов и иранцев:

• ***Этнополитический фактор***

В доисламский период Персидская империя владела большей частью Древнего Востока, в том числе и землями, на которых проживали арабские племена, переселившиеся туда из центральных районов Аравийского полуострова. В 570 г. была завоевана Южная Аравия, ставшая одной из сатрапий Сасанидской Персии. В Северной Аравии в это же время существовало арабское княжество Лахмидов, являвшееся персидским вассалом и использовавшееся персами для охраны своих границ и ведения войн с Византией. Таким образом, отношения между арабами и персами в то время были отношениями вассала и господина. При этом персы вели имперскую политику, при необходимости сменяя своих арабских ставленников или совершая походы в их владения.

Арабы до сих пор помнят о том, как персы унижали их, захватывали земли, которые они считали своими, убивали людей, ведя себя жестоко

© Кузьмин В. А., Соколов Н. В., 2017

³²⁵ Адиб: (10.02.2016)

³²⁶ Надушан 2007: 44.

и высокомерно. Так, в 241 г. персидский царь Шапур I захватил город-государство Хатра, населенный арабами, и полностью уничтожил его, а царь Шапур II в 325 г. н.э. вторгся на Аравийский полуостров в районе Хаджар и убил тысячи людей из местных арабских племен³²⁷.

Иранцы вспоминают о тех временах как о расцвете великой империи и называют арабов не иначе как «примитивные племена кочевников»³²⁸ и особо подчеркивают тот факт, что «территории их проживания находились под властью Великой Персидской империи. Даже правитель Химьяра Сейф бин зу Язан считался ставленником персидских царей»³²⁹.

С появлением и началом распространения ислама началась борьба за лидерство между новой верой и идеологией и многовековыми традициями Персидской империи.

Трагическое поражение персов в битве с арабами при Кадисии в 634 г. является одной из самых болезненных тем для иранцев. Арабы осознают, что иранцы «...глубже и сильнее, чем любой другой народ, переживают гибель Персидской империи»³³⁰. То был сильный удар по самолюбию и величию нации, и даже сейчас эта тема для иранцев «как тлеющие угли, которые могут превратиться в пламя при любом удобном случае»³³¹.

Арабы считают, что образ мыслей иранцев направлен на память о славе и мощи Сасанидской империи, и у них до сих пор существует представление о том, что Иран (Персия) и сейчас мог бы быть великой державой, если бы не было вторжения бедуинов из глубин Аравийской пустыни³³². По мнению арабов, даже несмотря на принятие ислама, персы все так же были враждебны к ним, а их политической целью была борьба с арабским народом и принижение его роли в великих исламских завоеваниях.

Однако самую сильную неприязнь арабов к иранцам вызывает период правления Сефевидов – шиитской династии, правившей с 1501 по 1736 гг. Для арабов сефевидская эпоха – это время гонений на мусульман-суннитов и насильственного принуждения к принятию шиизма. Арабы уверены в том, что именно Сефевиды начали сеять межрелигиозную рознь и распространять нововведения в исламе. Помимо этого, политика Сефевидов привела к гибели и изгнанию множества суннитов со своих земель. Арабы обвиняют Сефевидов в ненависти ко всем не-шиитам, союзах с неисламскими странами против суннитов, захвате арабских земель и религиозном фанатизме, добавляя при этом, что все эти качества и сегодня присущи большинству иранцев. В 1508 г. шах Ирана Исмаил I оккупировал Багдад, а затем, заключив союз с Португалией, напал на Бахрейн

³²⁷ Аш-Шейбани: (21.09.2015)

³²⁸ Фирузджои: (22.09.2015)

³²⁹ Фирузджои: (22.09.2015)

³³⁰ Адиб: (10.02.2016)

³³¹ Зибокалям: (23.09.2015)

³³² Адиб: (10.02.2016)

и аль-Катиф. Последующие сефевидские шахи также вторгались в Ирак в 1623 г. (шах Аббас), в 1733-1743 гг. (Надир-шах), «оставляя руины после себя и порабощая его жителей»³³³.

Иранцы же говорят, что, находясь в составе арабского халифата и в последующие эпохи средних веков, они всеми силами стремились к независимости от арабов. Во времена правления Омейядов, которые, в основном, опирались на арабские племена, персы, как неарабы, считались подчиненными-вассалами арабов, которые называли их «мавали» (подопечные) и смотрели на них с презрением³³⁴. Это очень сильно оскорбляло иранцев в те времена и задевает их и сейчас. Начиная с правления Аббасидов и с каждой последующей правящей династией, персы становились все более независимыми от арабов в политическом и в религиозном плане³³⁵. А сельджукское и монгольское завоевания их территорий, по мнению персов, привели к тому, что «даже с формальным господством арабов в Иране было покончено»³³⁶.

Что касается эпохи сефевидов, то именно шах Исмаил Сефевид в XVI в. сделал шиитский ислам официальной религией Ирана. Иранцы говорят, что после этого они обрели свою национальную идентичность и религию, но в то же самое время у них усилилась конкуренция с арабами-суннитами во всех сферах жизни.

В XIX в. начался процесс формирования арабских стран на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Арабы старались обрести свою независимость от Османской империи и освободиться от влияния Персии, которую они обвиняют в агрессивности и захватнической политике.

Иранцы отмечают, что в начале XX в. особенно заметно стал проявляться арабский национализм, хотя его истоки были заложены еще во времена раннего ислама. Так, в исторических преданиях арабы всегда гордились своими племенами и войнами, которые они вели. Эта точка зрения стала поводом для национальной гордости арабов по отношению к себе и для чувства превосходства по отношению к другим национальностям, и для ощущения себя в качестве лучших людей³³⁷. Именно тогда родилось такое понятие как «арабская нация» («аль-умма аль-арабийя») в значении самосознания арабов как особой общности, иной по отношению к мусульманам неарабского корня³³⁸.

В 1932 г. было образовано Королевство Саудовская Аравия. Начиная с этого момента отношения между Ираном и Саудовской Аравией можно разделить на два этапа – монархический (до 1979 г.) и современный (после победы Исламской революции в Иране в феврале

³³³ Аш-Шейбани: (21.09.2015).

³³⁴ Ша'бани 2008: 156.

³³⁵ Фирузджои 2011.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Фирузджои: (22.09.2015)

³³⁸ Труевцев 2003: 105.

1979 г.). Когда в обоих государствах была монархическая система правления, их отношения колебались от очень мирных до довольно напряженных. Так, в 1943 г., после казни иранского паломника в Саудовской Аравии, были разорваны дипломатические отношения, восстановленные только через год.

В начале 50-х годов XX в. саудовско-иранские отношения снова ухудшились из-за нелестного высказывания шаха Мохаммеда Реза Пехлеви о короле Сауде, а также вследствие споров о названии залива, разделяющего Иран и Саудовскую Аравию. Арабы называют этот залив Арабским, иранцы – Персидским. Тогда король Сауд бен Абдель-Азиз издал указ, запрещающий иранцам и гражданам Бахрейна иранского происхождения въезд на территорию королевства³³⁹.

В 1960-е годы происходит сближение Саудовской Аравии и Ирана в политическом взаимодействии в плане противостояния распространению арабского социализма, вызванного революцией в Египте в 1952 г., и последовавших за ней идей панарабизма. Кроме того, обе монархии выступали против военных операций Египта в Йемене на стороне республиканских сил в 1962-1967 гг. В конце 1960-х – начале 1970-х годов саудовско-иранские отношения вновь обострились из-за Бахрейна, который, с одной стороны, стремился к независимости, а с другой, был объектом притязаний, как Саудовской Аравии, так и Ирана. Иран настаивал на военном вторжении в Бахрейн и обеспечении мест для бахрейнцев в своем парламенте, а Саудовская Аравия поддерживала идею его независимости, после провозглашения которой в 1971 г. Иран оккупировал три острова в Персидском заливе, принадлежащие Объединенным Арабским Эмиратам. В это же время обострилось противостояние и по вопросу поставки Ираном нефти Израилю, в то время как Саудовская Аравия поставляла нефть арабским странам, воевавшим с Израилем. Все эти политические и экономические вопросы в отношениях двух стран оставались очень острыми до самой смерти саудовского короля Фейсала в 1975 г.

• Религиозный фактор

Главный фактор в отношениях Саудовской Аравии и Ирана – это суннитско-шиитские противоречия и конфликты. Именно с появлением шиитского направления в исламе и с принятием его в качестве официальной религии Ирана связывают все противостояния арабов и персов. При этом суннитско-шиитский вопрос уже давно перерос чисто религиозный контекст и стал всеобъемлющим, комплексным фактором в саудовско-иранских отношениях.

Арабы-сунниты отзываются о шиитском исламе и шиитах в очень широком диапазоне – от обвинений в осквернении истинного ислама до желаний Ирана занять свое, более высокое положение по

³³⁹ Шахадат: (24.09.2015)

отношению к арабам, даже находясь в рамках одной религии. Как полагают сунниты, несмотря на то, что арабы дали персам ислам, последние использовали его для того, чтобы «приспособить его под свои нужды и обстоятельства»³⁴⁰.

По мнению саудовских арабов, иранцы навязывают всем мусульманам свое прочтение ислама, так как считают его единственно правильным, и что только оно должно быть представлено во всем мире. Иранцы пользуются этим утверждением для того, чтобы «разорвать порочный круг связи с арабами»³⁴¹. Согласно арабской точке зрения, несмотря на то, что арабы принесли ислам в Персию, завоевав ее, иранцы якобы понимают его лучше и правильнее и более соответствуют ему. Таким образом, иранцы, с одной стороны, являются мусульманами, а с другой, исторически ненавидят арабов как захватчиков. В пример тому часто приводится эпоха Сефевидов как время, когда «злоба и ненависть были направлены против всех суннитов, кем бы они ни были»³⁴².

Арабы обвиняют Сефевидов в союзах с «неверной» Европой против суннитской Османской империи, оккупации арабских территорий под предлогом политической борьбы с османами, а также проводят параллели с современными действиями Ирана на Ближнем Востоке, приписывая Ирану «союз с Америкой против Афганистана и Ирака»³⁴³, утверждая, что Тегеран использует военные операции американских вооруженных сил в этих странах для усиления своего влияния.

По этой причине Саудовская Аравия всеми силами пытается предотвратить экспансию шиитского ислама на Аравийском полуострове и в других арабских странах. В арабском мире последние 20-25 лет говорят об эпохе «новых сефевидов» в Иране, цель которых – «распространение шиитских идей и расширение пределов своего государства»³⁴⁴.

Тем более важен тот факт, что в самой Саудовской Аравии официальным религиозным течением считается ваххабизм, зародившийся еще в XVIII в. на Аравийском полуострове. Основными идеями ваххабизма является «очищение» ислама, приведение его к «изначальному» состоянию, бывшему во времена пророка Мухаммеда без всех тех нововведений и усовершенствований, которые появились после него. Данный факт еще больше обостряет суннитско-шиитский конфликт и саудовско-иранские отношения. По мнению саудовцев, Иран, стремясь к распространению шиитского ислама по всему арабскому миру, усиливает свое влияние в тех странах, где проживают мусульмане-шииты. Более того, в настоящее время многие сунниты не уделяют должного

³⁴⁰ Фадель: (20.09.2015)

³⁴¹ Адиб: (10.02.2016)

³⁴² Абдуль-Азиз 2012: 37.

³⁴³ Там же: 40.

³⁴⁴ Там же: 39.

внимания данной проблеме и преуменьшают роль шиитов в этом вопросе. Даже такие радикальные партии и группировки как, «Братья-мусульмане», «Хизб ут-тахрир», приверженцы салафитского ислама больше заняты своими внутренними проблемами и борьбой за «чистый» суннитский ислам, не представляя себе, что для иранского («сефевидского») шиизма все они – «...преступники, общее преступление которых состоит в том, что они – сунниты, хотя они того или нет»³⁴⁵.

В наши дни саудовские арабы уверены в том, что во времена правления суннитов те очень терпимо относились к представителям самых разных религиозных конфессий как исламских, так и неисламских, в отличие от шиитов-сефевидов, которые «уродовали... убивали... и... изгоняли их из родных мест»³⁴⁶. Современный же Иран, убеждены саудовцы, и сегодня хочет поступить точно также со всем исламским миром. Поэтому, даже сейчас «...суннитское большинство смотрит на Иран с тем же самым недоверием и подозрительностью, с какими смотрели на него Османы»³⁴⁷. О самих шиитах арабы-сунниты имеют разные мнения, простирающиеся от недоверия до откровенной ненависти. В целом, шииты для них – чужие и далекие люди, несмотря на приверженность одной религии.

Для иранцев шиизм – это не просто религия, а часть национального самосознания и позиционирования в мире. Исторически, по мнению иранцев, между суннитами и шиитами никогда не было войн по религиозному признаку, за исключением ряда локальных столкновений. Иранцы утверждают, что во времена Османской империи войны велись не против суннитов, а исключительно за геополитические интересы, хотя религиозный фактор также имел место³⁴⁸.

Со своей стороны, иранцы обличают ваххабитов, особенно в Саудовской Аравии в том, что они сеют антишиитские настроения. Тем не менее, ваххабиты не составляют большинство мусульман-суннитов, поэтому сунниты и шииты вполне могут жить в мире. Кроме того, иранцы особо подчеркивают, что во всех странах Ближнего Востока сами шииты сильно рассредоточены и составляют «ущемленное в правах меньшинство, находясь под постоянным давлением»³⁴⁹. Однако иранцы отвергают все обвинения арабов в распространении и усилении шиитского влияния с целью создания так называемого «шиитского полумесяца» – единой оси ближневосточных стран с шиитским населением. По утверждению иранцев, все эти обвинения были сформированы под действием политического фактора. Более того, это

³⁴⁵ Там же: 42

³⁴⁶ Там же: 43

³⁴⁷ Адиб: (10.02.2016)

³⁴⁸ Фирузджои: (22.09.2015)

³⁴⁹ Там же.

увеличивает риск для самих шиитов и Ирана. Необходимо учитывать и тот факт, что все шииты даже в наши дни очень сильно переживают и воспринимают как личную трагедию исторические события в Кербеле, случившиеся в 680 г., когда от рук суннитов был убит почитаемый шиитами имам Хуссейн и его сподвижники³⁵⁰. По мнению иранцев, мирному сосуществованию суннитов и шиитов, а также единству мусульман очень сильно мешает арабский национализм, который во времена расцвета баасизма в Ираке или насеризма в Египте относил ислам к чисто арабской религии.

В настоящее время иранцы обвиняют суннитов в ведении войн и боевых действий на шиитских территориях и выступают как главные защитники шиитов по всему миру. Действия арабов-суннитов в странах с шиитским населением иранцы воспринимают как потенциальную опасность для всего шиитского мира и иранской нации.

• **Культурный фактор**

Помимо этнополитического и религиозного факторов, обуславливающих давнее противостояние арабов и иранцев, немаловажное значение играет и культурный фактор. Культура Персидской империи насчитывала тысячелетнюю историю, имела богатые традиции и большое влияние на соседние регионы. Арабы к началу исламских завоеваний только начинали формировать собственные культурные ценности, которые они стремились донести до своих соседей на острие новой веры. Столкновение двух культур – традиционной и новой, было неизбежно, и последствия такого взаимного проникновения и арабы, и иранцы ощущают и в наше время.

Большинство ближневосточных арабов считают, что персы всегда имели целью принизить значимость арабской цивилизации и арабского культурного наследия для того, чтобы возродить свою, древнеперсидскую культуру, возвысив её над тем, что принесли арабы. Между тем арабы убеждены, что именно они как носители истинной веры максимально обогатили традиционную персидскую культуру мусульманской тягой к знаниям с развитием науки и искусств по всему арабскому халифату. В период расцвета арабо-мусульманской культуры большое количество ученых, мыслителей, писателей персидского происхождения внесло огромный вклад в копилку исламских культурных ценностей. Все они, как и многие другие, стали важной частью арабского культурного наследия, доказав тем самым, что «граждане» арабо-мусульманского государства достигли такой степени единения, что смогли выйти за узкие национальные рамки.

Иранцы говорят, что ислам пришел к ним «через сердца», после чего «люди толпами принимали ислам»³⁵¹. Действительно, в первые

³⁵⁰ Арабы и Иран 2010: 58.

³⁵¹ Заблуждения: (30.09.2015)

века ислама многие иранцы преуспели как в арабском языке, так и в познании исламского богословия. Вместе с тем, отношение к арабам через призму культуры у иранцев совсем иное. Яркое подтверждение тому можно найти в персидской литературе, где образ араба зачастую преподносится как «другой», «чужой», а не как «брат» или «сосед»³⁵².

Оставив в стороне ислам, многие иранские писатели и философы сокрушаются по поводу того, что их великая Сасанидская империя была уничтожена «дикарями-кочевниками». Они говорят, что «благородная арийская нация» была разбита «живущими в пустыне голыми и босыми, поедающими ящериц» семитами³⁵³. Соответственно, иранцы и слышать не хотят о великих арабских полководцах и исламских завоевателях. Ведь эти арабы все испортили в их жизни: религию, литературу, историю, нарушили существовавшую веками систему государственной деятельности, препятствовали прогрессу и всячески пытались деформировать персидскую идентичность, которая складывалась на протяжении тысячелетий³⁵⁴. Надо сказать, что иранцы, относясь с уважением к исламу, всегда смотрели неодобрительно на его проводников и сторонников арабизации – арабов и тюрков. По сути, ислам стал для персов средством выживания и сохранения своего «иранского начала», т.е. всей той древней культуры с глубокими корнями вместе с учением и культурой ислама³⁵⁵.

Противоречия между арабами и иранцами существуют даже в области языков – арабского и персидского.

Арабы по праву считают свой язык языком религии и политики, на котором общались между собой все покоренные ими народы. По их мнению, «арабский язык бессмертен, так как на нем был ниспослан Священный Коран»³⁵⁶. Арабский язык – предмет особой гордости для каждого мусульманина, который может говорить на нем и читать религиозную литературу. Вместе с исламом арабы принесли персам и свой язык, который, встретившись с персидским языком, в очень сильной степени повлиял на его развитие. Арабы считают, что они вообще дали персам новый язык – арабскую графику вместо символов языка пехлеви, множество арабских слов, обогативших язык персов, возможность читать Коран в оригинале, писать на арабском языке литературные произведения и государственные документы.

Иранцы же рассматривают арабский язык лишь как предмет национальной гордости самих арабов и источник арабского национализма. На самом деле, по мнению иранцев, арабов объединяет не

³⁵² Са'д 2007: 27.

³⁵³ Там же: 59.

³⁵⁴ Фадель: (20.09.2015)

³⁵⁵ Надушан 2007: 46

³⁵⁶ Отношения: (30.09.2015)

нация, не религия, а только лишь арабский язык. Сати Аль-Хусри, один из теоретиков арабского национализма, считал, что национальное единство арабов – в арабском языке. Он говорил, что «все арабы различаются по странам и религиозным течениям, но объединяет их арабский язык»³⁵⁷. Кроме того, иранцы полагают, что арабы засорили персидский язык большим количеством арабизмов и ненужных графических символов, обозначающих несуществующие звуки.

В заключение следует констатировать, что существующие на протяжении веков этнополитические, религиозные и культурные противоречия между арабами и иранцами сохраняют свою актуальность, они в значительной степени объясняют причины противостояния Саудовской Аравии и Ирана в борьбе за региональное лидерство в настоящее время.

Список источников и литературы

- Абдуль-Азиз** – Абдуль-Азиз ибн Салих аль-Махмуд. Возвращение Сефевидов. – М.; 2012.
- Надушан** – Надушан Мохаммадали Ислами. Ирану есть, что сказать миру! – Алматы; 2007..
- Труевцев** – Труевцев К.М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи // Полития. – 2003. – № 3.
- Ша‘бани** – Ша‘бани Риза. Краткая история Ирана. – СПб.; 2008.
- Адиб** – مشاركة وعاء العرب والإيرانيون: قرب وكره، مشاركة وعاء (Адиб Али. Арабы и иранцы: близость и ненависть, сотрудничество и вражда). URL: <http://bit.ly/1OTplay>.
- Арабы и Иран** – العرب و ایران. مراجعة في التريخ و السياسة. // Арабы и Иран. Справочник по истории и политике. – Доха: Центр политических исследований, 2010.
- Аш-Шейбани** – ابو احمد الشيباني. الصراع العربي الفارسي... أحداث وأسباب (Аш-Шейбани Абу Ахмад. Арабо-персидское противостояние... события и причины). URL: <http://www.dd-sunnah.net/forum/showthread.php?t=142804>.
- Заблуждения** – شبهات حول العلاقات العربية الإيرانية في العصر العباسي (Заблуждения об арабо-персидских отношениях в аббасидский период) / Министерство культуры и исламской ориентации ИРИ. URL: <http://www.farhang.gov.ir/ar/cultural/cultura14>.

³⁵⁷ Фирузджои: (22.09.2015)

- Зибокалям** – صادق زيباكلام. مفكر إيراني بارز: "نكره العرب ويسببهم نلعن أهل السنة.. ولا ننسى لهم القادسية" (Зибокалям С. Мы ненавидим арабов, клянем суннитов...и не забываем им Кадисию) / Аль-арабия. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/10/05/170349.html>.
- Отношения** – العلاقة بين اللغة العربية واللغة الفارسية – (Отношения между арабским и персидским языками) / Пояснения к Корану. URL: <http://arabic.tebyan.net/QuranIndex.aspx?pid=43293>.
- Са'д** – صورة العرب في الأدب الفارسي الحديث. قدمس للنشر والتوزيع – سوريا جوييا بلندل / سعد. – Дамаск, 2007.
- Фадель** – جهاد فاضل. العرب كما يراهم الفرس (Фадель Д. Как иранцы видят арабов) / Аль-Арабия. URL:<http://www.alarabiya.net/views/2011/05/15/149122.htm>.
- Фирузджои** – عباس نجفی فیروزجایی چرا نگاه اعراب به ایران بدبینانه است؟ (Фирузджои А.Н. Почему арабы смотрят на Иран пессимистично?). URL: <http://bit.ly/1VXbqSA>.
- Шахадат** – بسام شحاتات. في تاريخ العلاقات السعودية الإيرانية (Шахадат Б. Из истории саудовско-иранских отношений). URL: <http://www.noonpost.net/content/2802>.

Vadim A. Kuzmin, Nicholas V. Sokolov

SPECIFICITY OF THE ARAB-IRANIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE CIVILIZATIONAL APPROACH

For a long period in the Middle East, there is a sharp rivalry in the struggle for leadership between Saudi Arabia and Iran. In the article, ethno-political, religious and cultural factors that have and continue to exert a significant influence on the above-mentioned rivalry between the two countries in the past and present are considered through the prism of the civilizational approach.

Keywords: Arabs, Persians, Islam, Language, Saudi Arabia, Iran.

УДК 94(575.2):37(28)(091)

Код ВАК 07.00.03

А.Ж. Муратов, Б.Б. Зулугев

КЫРГЫЗСКИЕ МЕДРЕСЕ ВО ВРЕМЕНА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

В статье предлагается материал по истории создания и функционирования медресе эпохи Кокандского ханства, прежде всего, в г. Ош. Особое внимание уделено учебному и воспитательному процессам в медресе, а также биографиям выдающихся деятелей кыргызского народа, преподававшим и получившим в них образование.

Ключевые слова: медресе, религиозное мусульманское образование, мударис, мутабали, ислам.

Понятие медресе среди нашего народа появилось через исламскую религию. Так назывались мусульманские религиозные образовательные учебные заведения. В эпосе «Манас» (по варианту Сагымбая Орозбакова) встречаются такие выражения, как «медресе полностью заполнено», «При медресе построена крепкая мечеть». Трудно определить, когда существовали эти учебные заведения: в эпоху Манаса или были после занесены автором в книгу.

Корень слова «медресе» произошло от арабского слова «мад-раса», что в переводе означает «изучить», «узнать о чём-либо». В VIII-XI вв. видим, что в арабских странах с образованием исламской религии появились школы и медресе, началось их активное участие в мировой образовательной системе. Они внесли большой вклад в мировую образовательную систему. Если школы были начальными образовательными учебными заведениями, то в некоторых странах медресе, как среднее и высшее образовательное конфессиональное мусульманское учебное заведение, готовило мул, богословов-кадиев, имамов-мударисов. Выпускниками этих учебных заведений были не только религиозные работники, но и другие специалисты философы, поэты, писатели, ученые, лекари и т.д.

В VII-XI вв. в мусульманском мире особой известностью пользовались медресе «Аль-Азхар» в Каире, «Кааба» в Мекке, «Багдад» в Багдаде, а основанная в X веке медресе города Бухара, стало знаменитым в истории, благодаря своей очень богатой библиотеке.

В XV-XVI вв. огромный вклад в распространении исламской грамоты в Центральной Азии внесли медресе «Улукбек» в Самарканде и «Мир-Араб» в Бухаре. Среди учащихся подобных учебных заведений можно назвать известных миру энциклопедистов-аалымов (ученых), известных поэтов, математиков и астрономов, вышедших из Центральной Азии, таких как Улукбек и Ферганий, Ал-Мухаммед Фарабий, Абу-

Муратов Абдыкерим Жаркынбаевич, д.пед. н., профессор, Кыргызский государственный университет имени И.Арабаева 720023 Кыргызская Республика г. Бишкек, ул. Т. Саманчина,10.

Muratov Abdykerim Zharkynbaevich, Doctor of Pedagogical Science, Professor, Kyrgyzskiy state university of the name I.ARABAEVA 720023 Kyrgyzskaya Republic Bishkek, str. T. Samanchina,10.

E-mail : bashredaktor@mail.ru

Зулуев Бекмурза Бекболотович, к.пед.н., доцент, Ошский гуманитарно-педагогический институт, 723504 Кыргызская Республика. г.Ош. ул. Н. Исанова, 73.

Zuluev Bekmurza Bekbolotovich, PhD, assistant professor, Oshskiy humanitarian-pedagogical institute, 723504 Kyrgyzskaya Respublika. g.Osh. str. N. Isanova, 73.

E-mail: zuluev@mail.ru

© Муратов А. Ж., Зулуев Б. Б., 2017

Али Райхан Бируний, Абу-Али ибн-Сина, Мухаммед ибн-Муса Хорезмий, Алишер Навои. Известными кыргызами, получившими образование в медресе Ферганской долины были: 1. Алымкулалатык (Мулла Алымкул сын Асан-Бия) (1829-1865), который сначала учился в школе Баткена, затем в медресе Андижана, Коканда. Позже достиг звания полководца войск Кокандского ханства. 2. Молдо Нияз сын Эрназара (1823-1896) – поэт, просветитель. Он окончил медресе в Кашгаре. 3. Молдо Багыш сын Сарыбая (1886-1937) – поэт, учился в медресе султанов села Шоркен, расположенный вблизи Намангана. 4. Абдираим Шама (1892-1953) – поэт-писарь, общественный деятель. Получил образование в Ноо, в медресе города Кожент. 5. Зиябидин Максым (Магзуни) – управляющий делами Кокандского ханства, также учился в медресе.

Образование в медресе велось в трёх ступенях, длилось от трёх до двадцати лет. Первая ступень называлась адио (нижняя); вторая ступень – аусот (средняя); третья ступень – агло (высшая). Во всех трёх ступенях были свои мударисы, учебники, учебные пособия. А религиозное образование специалистов определялось по окончании какой-либо степени этих ступеней. В этих медресе не было единого устава. Обычно составлялись инструкции о правах старших мударисов (учителей). Принятые учебные программы в медресе, в основном, были составлены в X-XII вв. Учебный год начинался в октябре месяце и заканчивался в апреле.

В медресе среднего типа преподавались следующие предметы: арабский и персидский языки, наука о мусульманской религии, законоведение, логика, философия (по источникам древней Греции), диалектика, метафизика, математика. Изучались также география, астрономия, медицина (по источникам древних арабов, греков и индийцев).

В медресе особое внимание уделяли воспитанию учащихся в соответствии с внешними традициями общества, соблюдению законов и правил вековых традиций и обычаев. Поэтому основную часть воспитательной системы в медресе, составляли вежливость, молчаливость и доброта, умение вести приятный разговор с людьми, использование литературного языка, цитат известных авторов. В 30-е годы XIX века английский путешественник Дж. Вуд написал о том, что видел на берегу одного из заливов реки Оксус, у истоков современной реки Амударья, как в юрте учились кыргызские дети. Они, как в школе, сидели по рядам и учили Коран. В этом занятии принял участие и сам путешественник³⁵⁸. Его путешественника привлекло то, что эти памирские кыргызы, сидя перед старым муллою, учили и пересказывали аяты Корана.

Во второй половине XIX века – начале XX века количество жителей кыргызской народности в Ферганской долине составило 362 тыс. человек, из них 57% были оседлыми, а остальные находились в состоянии частичной оседлости. В 1917 г по статистическим данным народ-

³⁵⁸ Ишкеев 1994: 10.

ной регистрации этого региона в общей сложности было 486 кишлаков. Оседлая жизнь в специально построенных домах кишлаков стало причиной общественного народного объединения.

После становления общины здесь назначили руководителей: биев, манапов, кадиев, создали своё войско и т.д. Ими были разработаны свои жизненные законы и порядки, которых они должны были придерживаться. Всё это привело к потребности создания образовательной системы, обучения детей грамоте. Самой гибкой формой этой системы было открытие медресе. Организаторами и частными владельцами медресе были крупные торговцы, религиозные ученые, муллы, беки, манапы, начальники войск и богатые люди, которые беспокоились о своей загробной жизни.

Медресе были названы именами либо построивших их людей, либо в честь их родителей, учителей или религиозных учёных. Иногда медресе открывали группа людей. Первыми условиями для открытия медресе были: подготовка помещений для учёбы и проживания мальчиков (девочек). После этого отбирались лучшие мударисы, мутева, потом принимались талабы (ученики). Помимо хозяина медресе, продуктами питания помогали родители учеников, милосердные люди; им выделялись орозобитир, зекет (определённая часть от имущества, сбережений тех людей, которые искали благодарность от бога).

Чтобы открыть самое крупное медресе, требовалось разрешение Кокандского ханства или руководителей от их местных управлений. Вот некоторые из медресе, открытые в XIX веке:

Таблица 1.

Место расположения медресе	Год открытия
В селе Жаңы-Ноокат	1820
В городе Ош	1826
В селе, расположенном вблизи к городу Ош	1841
В городе Узген	1841
В селе Эски-Ноокат	1843
В городе Ош	1850
В кишлаке Исфана	1855
В кишлаке Сузак	1860
В Кара-Суу	1862

На юге Кыргызстана в городе Ош самые крупные и известные медресе были и раньше. Они продолжали существовать и во времена Советской власти в 20-е годы XX века; там продолжали обучать детей тайно. К их числу можно отнести: медресе Алымбека-датки, медресе Исы-датки, медресе Калмурзы, медресе религиозного учителя Азирети Мухаммед Сыдык Ахун Аглам, медресе Мухаммед Турк Хал Муратбаева, медресе Алымкула.

Эти медресе вели свою работу при крупных коллективных мечетях. В Айт- и пятничных намазах они переполнялись народом, сюда ходили молиться люди не только из близ расположенных кишлаков, но и из Алая, Папана, Нооката, Узгена... Медресе были при жами-мечетях Шейит-Добо (Шайык-Добо), Абдуллахан Рават, Ача-Мазар, Садыкбай. При этих мечетях организовались частные медресе, талабы оказывали услуги приходившим туда людям. В день Айт-намаза в Оше, который считался «второй Меккой», количество людей, собиравшихся молиться, составляло несколько тысяч. Например, в одно и то же время в жами-мечети Шайит-Добо (расположена на Севере Оша; произносят как Шайык-Добо) могли читать намаз 5 тыс. человек. В 1909 году была построена ещё одна крупная мечеть Мухаммедом-Жусупом сыном Байкожо. В 70-х годах XIX века художник по имени Тэйлор начертил и оставил в Оше литографию мечети Абдырахмана-аптабачы.

В то время крупные медресе работали в Узгене (медресе Арапбая, Жаныбека и его брата Алимбека, Фахруддинамолдо), в Куршабе (Жусупбека-кадия, Эраалы-минбашы), в Кара-Суу (Али-Кули Хасанбия), в Джалал-Абаде (Мырзакула-болуша).

Основным фактором, предопределившим открытие медресе в городе Ош, было появление в нем местных исламских аалымов-учёных. В средние века в этом городе жили великие учёные люди, которые распространяли религию людям по всей Ферганской долине. Такими людьми были: религиозный учёный, исламский правовед Шейх-уль-ислам аль Оши, Али ибн Осман бин Мухаммед ибн Сулейман аль Телий аль Оший, Омар ибн Муса аль Оши, Мансур аль Оши, его дети - Имран и Масуд, Мухаммад ибн Али ибн Хамид Абу Абдаллах аль Оши и др. Усман аль Оший, Сулайман бин Оший, Масуд бин Мансур Оший поднялись до высокой степени исламского учения, стояли на степени фикх и акыда наук. У Али ибн Османа, жившего в XII веке (его называли «Луч веры ислама» и он был известен под псевдонимом Сиражиддин) в Багдаде, сохранилась рукопись «Фетавн Сиражите» или «Фатва религии Сиражуддина», которая была издана в 1827 году в Калькуттах (второе издание вышло в 1915 году в Англии). Согласно матурридскому определению «Акыда Амали» (Бад аль-амали) по акыде «Ахлюс Сунна Валь-Джамаа», считается весомой работой, и написана в стихотворной форме. В своё время эта книга была популярна среди всех мировых ханафиттов, и не только тогда, но и до наших дней в медресе Турции, в медресе Ближневосточных стран учат и рассказывают его стихи. Она вошла в учебную программу старых татарских медресе и изучалась в обязательном порядке. На татарский язык она была переведена шейхуль-Ислам Хамидианом. Книгу разъясняют в своих трудах «Нухбатуль Ля-али ли бад-иль амали» Мухаммад

ибн Сулейман Халляби, «Дау-ульмаали ли либадильамали». Абу Ахмед аль Казани в интернете прокомментировал ее на русском языке³⁵⁹.

Мухаммад ибн Ахмад ибн Али ибн Хамид Абу Абдаллах аль Оши также был разносторонним учёным. Он жил в Багдаде, там работал в качестве мудариса в учебных заведениях.

Шейх уль-Ислам Насуриддин Абу Мухаммед бин Сулайман аль Оши известен нам своим 4-х томным трудом «Фетава».

Омор (Хамави) в свое время получил знания в городах Мисив, Багдад, Мекка и, как бы сегодня сказали, составил энциклопедический словарь по географии, истории, религии, культуре, литературе, фольклористике, этнологии и по другим научным направлениям.

Известный всему мусульманскому миру турецкий религиозный учёный Абу Бакр Мухаммед бин Абу Сахл Ахмед аль Сарахси (Имам Сарахси) родился в городе Сарахс (в Караханидском государстве между городами Марв и Нишапур; в настоящее время он расположен на левом берегу реки Теженд на границе с Ираном) в 1909 году. Он жил и занимался наукой и до конца жизни (до 1090 года), поддержал связи с ошскими учёными. Он был удостоен не только степени «имам» «Дни имамов» (Шамсул-аимма), но и фикха (правоведа Фикхи, написавшего право Ханафин); он хорошо знал келамскую науку и распространял её среди народа; хорошо понимал математику, логику, философию, поэтику. Будучи в заточении, он четырнадцать лет устно рассказывал об этих науках своим ученикам. Они из его уст написали такие произведения, как «Ал Мабсут», «Усуулун Фикх», «Шархус Сияруул Кабиир», «Зиядатуз Зиядат», «Шарху Жамиис Сагиир», «Шарху Жамиил Кабиир». Он оставил после себя более 30 томов труда, в котором разъяснял Коран и шариат. Эти книги были переведены с арабского языка на турецкий профессором, доктором Муштафой Жеват Акшиит и изданы отдельными книгами.

Недавно, в конце XX века, был объявлен конкурс на лучший перевод Корана с арабского языка на узбекский язык, где первое место занял Кара-Суйский шейх Алоудин Мансур. Его перевод был опубликован в журнале «Шарк юлдузи», потом вышло книгой. На основе этой книги переводы были сделаны и на другие тюркские языки, в том числе и на киргизский язык. В городе Кара-Суу он открыл музей-центр Корана.

Существование такой большой религиозной школы учёных в городе Ош вдохновило Алымбека-Датку построить именно здесь, в этом городе, крупное медресе для всего Туркестана.

Список источников и литературы

Алляма Сираджуддин Абуль-Хасан Али ибн Усман аль-Оши –
Алляма Сираджуддин Абуль-Хасан Али ибн Усман аль-Оши.

³⁵⁹ Алляма Сираджуддин Абуль-Хасан Али ибн Усман аль-Оши.

Акыда Амали. URL: <http://www.azan.kz/kutub/view/akyida-amali-317>.

Ишекеев 1994 – Ишекеев Н. Кыргыз адабиятын мектептерде окутуунун тарыхы. – Б.: КМУ, 1994.

A. Muratov, B. Zuluyev

KYRGYZSK MEDRESE AT THE TIME OF KOKAND KHANATE

The article offers material on the history of the creation and functioning of madrassas of the Kokand Khanate era, first of all, in Osh. Particular attention is paid to the educational and educational processes in the madrasah, as well as biographies of outstanding figures of the Kyrgyz people who taught and received their education.

Keywords: medrese, religious Muslim education, mudaris, mutabali, Islam.

УДК 94(470.5):94(450)

Код ВАК 07.00.02

Е.П. Пирогова

НАСЛЕДНИКИ И НАСЛЕДИЕ УРАЛЬСКОГО ЗАВОДЧИКА ТУРЧАНИНОВА В ИТАЛИИ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

В статье рассказывается о том, как потомки известного уральского промышленника XVIII в., владельца Сысертского горного округа А.Ф. Турчанинова (дипломат Н.А. Кокошкин и государственный деятель А.А. Зубов) и их дети оказались в Италии, заложив основы семейных и межкультурных связей нескольких русских дворянских и аристократических итальянских фамилий. Статья знакомит с богатым культурным наследием в виде личных архивов, фамильных портретов, акварелей, семейных альбомов с фотографиями, рисунками, гравюрами и ценной библиотеки, которое хранится сегодня в Италии, делается вывод о необходимости введения этого наследия в научный и культурный оборот двух стран.

Ключевые слова: Демидовы, Турчаниновы, Кокошкины, Зубовы, итальянские потомки, культурное наследие, Россия и Италия.

Культурное взаимодействие между Россией и Италией имеет почти 300-летнюю яркую, насыщенную фактами, событиями и людьми

Пирогова Елена Павловна, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11); кандидат исторических наук, доцент.

Elena P. Pirogova, associate professor of the Department of documentation, history, and legal support of Russian State Professional Pedagogical University (620012, Russia, Yekaterinburg, Mashinostroiteley str., 11); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-88-78. Электронная почта/E-mail: eppirogova@yandex.ru

© Пирогова Е. П., 2017

историю. Достаточно вспомнить академическую серию «Россия и Италия», в рамках которой в 2003 г. вышел сборник «Русская эмиграция в Италии в XX в.», подготовленный совместно с итальянскими учеными. В ноябре следующего года в Москве под эгидой Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» и Института всеобщей истории РАН была проведена международная научная конференция, а вслед за ней вышел и сборник «Русские в Италии: культурное наследие эмиграции»³⁶⁰. Говоря о культурных связях российского дворянства с Италией, нельзя не вспомнить о Демидовых, много этим связям способствовавших. В 1992 г. в Екатеринбурге создан и с того времени ведет активную издательскую и научную деятельность Демидовский институт. Тогда же был основан Международный Демидовский фонд, вышло четыре выпуска его «Альманахов». Фондом организовано и проведено девять Демидовских ассамблей, последняя из которых состоялась в 2009 г. во Флоренции. В 2013 г. совместно с итальянскими учеными вышло на русском и итальянском языках издание под названием «Демидовы в России и в Италии: Опыт взаимного влияния российской и европейской культур в XVIII – XX вв.»³⁶¹.

Научной общественности в рамках «круглого стола» состоявшегося в УрГПУ 14 апреля 2017 г., нами были представлены неизвестные страницы из истории русско-итальянского «взаимного влияния», связанные с потомками владельца Сысертского горного округа А.Ф. Турчанинова. Удивляет тот факт, что у Алексея Федоровича и его современника Никиты Акинфиевича Демидова было много общего: оба успешные промышленники-предприниматели; будучи незнатного происхождения, оба вынуждены были страдать от презрительного высокомерия столичной знати; превратившись в «новых дворян» и стремясь соответствовать «светским» требованиям, они много сил и средств отдавали на повышение своего культурного уровня, были увлеченными коллекционерами. Они даже умерли в один год. И вдруг нашлись связи Турчанинова с Италией! Правда, в отличие от Никиты Акинфиевича, Алексей Федорович, по-видимому, не посещал Италии и уж точно не оставил записок об этом, подобных «Журналу путешествия...» Н.А. Демидова. Но, как удалось выяснить, в его коллекции живописи были подлинные работы Рафаэля Санти и его ученика и современника Бенвенуто Тизи да Гарофало. Эти сведения получены из уникального для истории уральского дворянства источника – Описи 1789 г., составленной после смерти А.Ф. Турчанинова³⁶². О первой в Описи сказано так: «древний образ славного иконописца Рафаила Богоматерь с фамилией в резных золоченых рамах которой за великую

³⁶⁰ Русские в Италии 2006.

³⁶¹ Демидовы в России и в Италии 2013; I Demidov fra Russia e Italia 2013.

³⁶² См.: Пирогова Новый источник 2015; Пирогова 2017.

редкость почитать должно». Запись о второй гласит: «образ Божия Матери с пречечным младенцем и с предстоящими на коленях великомученицами Екатериной и Варварой в резных золоченых рамах»³⁶³. Из более позднего источника стало известно, что на второй картине имелась пластинка с текстом о том, что она была написана «в Италии мастером Бенефенутом Графолло славного живописца Рафаэля учеником 1516 года...»³⁶⁴ Надо сказать, что Рафаэлю высоко ценили в России уже с петровского времени и едва ли не больше самого Рафаэля. Турчанинов приобрел эту картину (в качестве иконы) для своей церкви имени святых Симеона и Анны в Сысертских заводах, где она и провисела вплоть до Революции 1917 г. После национализации и последовавшего закрытия церковей эта икона (или живописная картина) оказалась в Екатеринбургском музее изобразительных искусств, где и находится сегодня³⁶⁵.

Здесь уместно напомнить, что в XX в. уже было сделано подобное сенсационное открытие. Речь идет о знаменитой «Мадонне де Пополо» Рафаэля из Нижнего Тагила, которая была обнаружена в 1924 г. на чердаке бывшего господского дома, до революции принадлежавшего Демидовым. На ней сохранилась надпись: «Рафаэль Урбинас, писавший в 1509 году». Реставрация и тщательное изучение удивительной находки проводились тогда в Москве И.Э. Грабарем. Его вывод был поразителен: «тагильская Мадонна» – не копия (их много), а оригинал, «который находился некогда в Римской церкви Санта Мария дель Пополо»³⁶⁶. Сегодня знаменитое полотно хранится в Нижнетагильском музее изобразительных искусств³⁶⁷.

Прочные связи Турчаниновых с Италией установились (как и у Демидовых) в начале XIX в. Но до недавнего времени об этом ничего не было известно. Как удалось выяснить, внук Алексея Федоровича, Николай Александрович Кокошкин (1791–1873), был русским дипломатом и явно незаурядной личностью, увлекался поэзией, делал переводы, например, с английского³⁶⁸. Свою дипломатическую карьеру Н.А. Кокошкин начал в 1814 г. в Лондоне, где находилось одно из трех российских посольств (были еще миссии и консульства) тогда существовавших. Дипломатические представительства России в зарубежных странах играли важную роль в осуществлении внешнеполитических задач страны, особенно в условиях, когда влияние России на международную политику продолжало расти. В период наполеоновских войн за господство над Европой Россия стала главным, самым

³⁶³ ГАСО Ф. 59. Оп.7. Д. 2531. Т.1. Л.54 об.

³⁶⁴ Приходы и церкви 1902: 104.

³⁶⁵ См.: Булавин 1983: 45.

³⁶⁶ Грабарь 1928: 6.

³⁶⁷ См.: Агеева 2013.

³⁶⁸ Выявлен один из таких переводов Байрона 1814 г.: ОР РГБ. Ф. 133. Карт. 31. Д. 9. Л. 2.

могущественным противником Франции. Победа России в 1812 г. над Наполеоном имела огромное международное значение: владычество наполеоновской империи в Европе завершалось. В 1824 г. Н.А. Кокошкин состоял при миссии в Австрии и при посольстве в Париже, в 1829–33 гг. был советником посольств во Франции и снова в Великобритании. А с 1833 г. и вплоть до 1860 г. находился в составе российской дипломатической миссии в разных итальянских государствах.

В этот период в Европе сложилась система международных отношений, закреплённая актами Венского конгресса 1815 г., которая просуществовала несколько десятилетий. Российская дипломатия приложила большие усилия для поддержания создавшегося баланса сил на европейской арене. Конгресс закрепил политическую раздробленность Италии, узаконив существование на Апеннинском полуострове 8-ми государств: двух королевств (Сардинское, или Пьемонт, и Неаполитанское, или Королевство обеих Сицилий), Ломбардии и Венеции (австрийские владения), четырех герцогств (Пармское, Моденское, Тосканское, Лукка) и Папского государства. Сначала Н.А. Кокошкин был поверенным в делах в Тоскане и Лукке. 29 сентября 1839 г. назначен посланником в Сардинском королевстве (столица Турин). В этот день он вручил свои верительные грамоты королю Сардинскому Карлу-Альберту. Точную дату, а также некоторые подробности существования дипмиссии в Турине, известны благодаря тому факту, что незадолго до прибытия в нее Кокошкина там служил Ф.И. Тютчев – сначала секретарем при миссии, а в 1838 г. – в должности поверенного в делах. В одном из писем родителям от 1(13) ноября 1837 г. поэт так описал свою жизнь в королевстве: «... Как место службы, словом, как средство к существованию – Турин, несомненно, один из лучших служебных постов. Во-первых, что касается дел, то их нет... Но как местопребывание, можно считать, что Турин – один из самых унылых и угрюмых городов, сотворенных Богом. Никакого общества. Дипломатический корпус малочислен, не объединен и, вопреки всем его усилиям, совершенно отчужден от местных жителей...»³⁶⁹. В 1853 г. Н.А. Кокошкин получил новое назначение в качестве посланника при Неаполитанском дворе, а через три года он уже стал чрезвычайным и полномочным министром этого двора³⁷⁰. Где-то в 1859 г. Н.А. Кокошкин приехал в Санкт-Петербург, где получил новое и последнее свое назначение в МИДе – посланником в Саксонию (1860–1864).

В Отделе рукописей РГБ находится интересное дело под названием «Флорентийская елка». Это коллекция Ивана Бецкого – библиофила, переводчика, собирателя автографов государственных деятелей

³⁶⁹ Цит. по: Экштут 2003: 9.

³⁷⁰ Этот период дипломатической деятельности Н.А. Кокошкина нашел отражение в сохранившихся документах архива МИД в Неаполе, которые еще предстоит изучить.

и деятелей культуры. Несколько листов в коллекции посвящено Кокошкину: здесь его фото, письма Бецкому и записки. Под его портретом рукой Бецкого написано карандашом: «Н.А. Кокошкин скончался в Париже 13/25 января 1873, был русским министром в Неаполе, в Турине, был добр, умен, и дипломат, и поэт»³⁷¹. По нашему мнению, необходимо восстановить биографию Н.А. Кокошкина – этого яркого представителя не только политической, но и культурной дипломатии имперской России первой половины XIX в. Благодаря таким деятелям дипломатические представительства России того времени сыграли свою роль в развитии культурных зарубежных связей³⁷².

Связи потомков А.Ф. Турчанинова с Италией еще более укрепились через дочь Н.А. Кокошкина Марию Николаевну (1841–1917), которая вышла замуж за своего троюродного брата, Алексея Алексеевича Зубова (1838–1904), как и она сама, приходившегося правнуком Алексею Федоровичу. А.А. Зубов сумел за свою жизнь сделать две карьеры: военную (дослужился до чина генерал-майора) и гражданскую (чин действительного тайного советника), став в конечном итоге крупным чиновником царской России. В 1880 г. А.А. Зубов был назначен сначала вице-губернатором в Екатеринославской губернии, а с 1881 по 1887 гг. находился в должности саратовского губернатора, получив звание почетного гражданина города Саратова³⁷³. Семья Зубовых часто ездила в Италию, благодаря тестю и отцу-дипломату имела недвижимость во Флоренции, все три дочери Зубовых жили за границей. Старшая Александра (1860–1945) вышла замуж за представителя древнейшего рода из Перуджа графа Конестабиле. С этим родом связана история еще одной «Мадонны» Рафаэля. Дело в том, что отец жениха (Джованни Карло делла Стаффа Конестабиле) получил в наследство прекрасный палаццо с ценнейшими произведениями искусства, среди которых была «Мадонна с книгой», как тогда именовали эту работу. В 1871 г. картина была выкуплена императором Александром II и поступила в Эрмитаж. Так Россия обрела шедевр Рафаэля, а картина – новое название в честь своего бывшего владельца – «Мадонна Конестабиле».

Средняя дочь Мария (1861–1913) родилась в Екатеринбурге, вышла замуж за представителя известной аристократической семьи Пьемонта Карло Эмилио Николис ди Робиланд. Их потомки унаследовали старинный фамильный замок Робелла, в котором до сих пор бережно хранится богатое культурное наследие семьи Кокошкиных – Зубовых в виде портретной галереи (например, неизвестный в России живописный портрет самого А.Ф. Турчанинова XVIII в.), семейных

³⁷¹ ОР РГБ. Ф. 32. Карт. 11. Д. 1. Л. 878.

³⁷² См.: Пирогова Культурное наследие 2015.

³⁷³ См.: Пирогова 2016.

альбомов с фотографиями, рисунками, гравюрами, дневников, богатой библиотеки. Часть фамильных портретов и альбомов, а также редкие акварели середины XIX в. с изображением русского посольства в Неаполе находятся во Флоренции, в доме одного из наследников, профессора Сиенского университета Маурицио Котто.

Несомненно, что находящееся ныне в Италии культурное наследие потомков уральского заводчика А.Ф. Турчанинова, полтора столетия назад породнившихся с итальянскими аристократическими фамилиями, должно стать достоянием общественности обеих стран, быть введено в научный и культурный оборот. Заинтересованность и поддержка итальянской стороны в этом вопросе имеется. По любезному приглашению профессора Котто автору уже удалось лично познакомиться с семейным архивом, описать русскую часть библиотеки. Некоторые полученные материалы частично опубликованы, другие требуют дополнительного изучения и перевода. Необходимо сделать все возможное, чтобы эта работа была продолжена, а значит, заполнена еще одна страница в истории межкультурных связей России и Италии.

Список источников и литературы

- Агеева 2013** – Агеева М.В. Святое семейство или Мадонна дель Пополо, т.н. «тагильская Мадонна», приписываемая кисти Рафаэля Санти // Музейно-выставочная программа «Аве Мария»: каталог / сост. А. Гамлицкий, В. Карпов, О. Коптеева. – Ирбит: Ирбитский гос. музей изобразительных искусств, 2013. – С. 9-14.
- Булавин 1983** – Булавин В. С. Свердловская картинная галерея. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области.
- Грабарь 1928** – Грабарь И.Э. Мадонна del Popolo Рафаэля и Мадонна из Нижнего Тагила // Вопросы реставрации. – М.: Изд. Центральных гос. реставрационных мастерских, 1928.
- Демидовы в России и в Италии 2013** – Демидовы в России и в Италии: Опыт взаимного влияния российской и европейской культур в XVIII – XX вв. на примере нескольких поколений семьи Демидовых. – М.: Издат. Центр «Концепт-Медиа», 2013.
- ОРРНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Пирогова 2016** – Пирогова Е.П. Государственный деятель царской России А.А. Зубов – потомок уральского заводчика А.Ф. Турчанинова: служебная карьера и личность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2016. – Т. 16. – Вып. 3. – С. 282-287.
- Пирогова Культурное наследие 2015** – Пирогова Е.П. Культурное наследие русского дипломата XIX в., потомка уральского завод-

чика Турчанинова, в Италии // Гуманитарная дипломатия: личность, социум, мир, права человека. Мат-лы Международного конвента 4–6 декабря 2014 года. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. – С. 253-261.

Пирогова Новый источник 2015 – Пирогова Е.П. Новый источник изучения имущественного положения уральского заводчика А.Ф. Турчанинова: аналитический обзор описи 1789 г. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (142). – С.131-143.

Пирогова 2017 – Пирогова Е.П. Описание имущества А.Ф. Турчанинова 1789 г. как источник изучения культурно-бытовых традиций уральского дворянства // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2017. – Т.19. – № 1. – С. 146-159.

Приходы и церкви 1902 – Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. – Екатеринбург, 1902.

Русские в Италии 2006 – Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: Межд. науч. конф. / сост., науч. ред. М.Г. Талалая. – М.: Русский путь, 2006. (Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Материалы и исследования. Вып.7).

Экштут 2003 – Экштут С.А. Тайный советник и камергер. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.

I Demidov fra Russia 2013 – I Demidov fra Russia e Italia. Gusto e prestigio di una grande famiglia in Europa dal XVIII al XX secolo / a cura di Lucia Tonini. – Firenze: L. Olschki, 2013.

Elena P. Pirogova

THE HEIRS AND THE LEGACY OF URAL TURCHANINOV IN ITALY: INTERCULTURAL RELATIONS

The article describes how the descendants of the well-known Urals industrialist of the 18th century, the owner of the Sysert mountain district, A.F. Turchaninov (one diplomat NA Kokoshkin, and another – statesman AA Zubov) and their children found themselves in Italy, laying the foundations of family and intercultural ties of several Russian noble and aristocratic Italian families. The article introduces the rich cultural heritage in the form of archives, family portraits, watercolors, family albums with photographs, drawings, engravings and a valuable library, which is stored today in Italy, concludes that this heritage should be introduced into the scientific and cultural circulation of the two countries.

Keywords: Demidovs, Turchaninovs, Kokoshkins, Zubovs, Italian descendants, cultural heritage, Russia and Italy.

А.И. Попович

ЯЗЫЧЕСКИЙ СУБСТРАТ В КУЛЬТЕ СВЯТЫХ БОРИСА И ГЛЕБА: ВЕКТОР ХРИСТИАНСКОЙ ПЕРЕКОДИРОВКИ

Становление культа Бориса и Глеба рассматривается в контексте сосуществования язычества и христианства в Древней Руси. Ранние памятники Борисоглебского цикла выступают источником концептов, языческих в генезисе, подвергшихся переосмыслению в системе христианского культа и обновлению семантики.

Ключевые слова: святые Борис и Глеб, Борисоглебский культ, язычество, христианство, двоеверие, диалог культур.

Процесс взаимодействия существует не только для географически различных культур, но и для культур, сменяющих друг друга на оси времени. В любой национальной культуре есть временные отрезки, когда уход одной культурной составляющей в тень прошлого вызывается активностью новообразований, вытесняющих устаревшее, хотя и привычное моделирование мира, и форм художественного воплощения аксиологии творимого мифа. Для русской культуры одним из таких периодов было время принятия христианства в качестве государственной религии и формирования на новой основе государственной идеологии (XI–XII вв.). Доминантой противоречивого процесса становится формирование почитания святых Бориса и Глеба, одних из первых потомков Рюрика, вошедших в русскую иеротопию³⁷⁴.

Многогранные исследования культа Бориса и Глеба, неоднократно проводившееся учеными разной специализации, дали важные, но зачастую противоречивые наблюдения, касающиеся религиозного сознания людей того времени, получившего определение двоеверия. Уже наличие этого термина позволяет поставить проблему типов межкультурной коммуникации. Вопрос о сути проблемы, ее характеристике в парадигме двоеверия требует дополнительной системной аргу-

Попович Алексей Игоревич, студент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51), кафедра русской и зарубежной литературы.

Alexey I. Popovich, student of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51), the Department of Russian and Foreign Literature.

Телефон/Phone: +7 (904) 383-66-09. Электронная почта/E-mail: alexeyropowich@mail.ru.

© Попович А. И., 2017

³⁷⁴ Строго говоря, русские князья не были первыми русским святыми, но такого развернутого и подробного культа со всеми составляющими, предусмотренными канонизацией, никто, кроме них, не имел.

ментации. Принятие христианства, его взаимодействие с предшествующими верованиями до сих пор остается не до конца изученным явлением первых веков христианства на Руси.

Важнейшими информативно насыщенными для культа времени XI–XII вв. являются разножанровые тексты памятников Борисоглебского цикла, создававшиеся, когда контакты между язычеством и христианством имели наиболее устойчивый характер. Их текстовые свидетельства являются результатом сложного взаимодействия разного типа культур, определивших историко-семантические ориентиры культа русских святых.

В ранних памятниках древнерусской литературы наблюдается отражение как минимум двух тенденций взаимодействия христианства и язычества. Первая – условно «поэтическая» – представлена практически единственным в своем роде произведением – «Словом о Полку Игореве». Осмысление язычества как системы должно было происходить в русле противоположной тенденции – обличительной. Однако исследователи поучений против язычества указывают на то, что их авторы не всегда хорошо представляли себе предмет обличения – то, что часто называлось ими двоеверием – и его содержание³⁷⁵. Обличители, хотя и обращались к язычеству, не ставили перед собой задачу выяснения смысла упоминаемых обрядов.

Промежуточное положение между указанными тенденциями занимали книжники, преследовавшие другие цели (таковых было большинство), например, установление почитания святых. Их обращение к язычеству не было намеренным. Наоборот, житийный канон, предполагая обращение к христианским ценностям и понятиям, имел в виду сознательный отказ от использования художественной образности, сформированной в рамках иного мировоззрения. Поэтому говорить об обличении и о поэтических приемах чаще всего не приходится. Тем сложнее объяснить свидетельства текстов, элементы художественной структуры которых имеют явно нехристианскую природу.

Памятники Борисоглебского цикла зафиксировали в себе ряд фольклорно-мифологических мотивов³⁷⁶. Традиционно к ним относятся мотив соперничества старшего и младшего братьев, растительная семантика в образе Глеба, соотнесение отдельных элементов культа с земледельческой обрядностью, описание погребальных действий, мотив огня и огненных столпов на могиле святых. Список этот не полон, а включение в него отдельных пунктов очень спорно. Для настоящего исследования важен сам факт существования подобных упоминаний.

Во всех указанных случаях перед исследователем должны вставать следующие вопросы: из каких соображений автор обращается к этим мо-

³⁷⁵ См.: Аничков 2009; Гальковский 1916; Мансика 2005.

³⁷⁶ См., напр., многочисленные наблюдения в кн.: Топоров 1995: 490–506, 549–566.

тивам? что этому способствует? как происходит наполнение новым смысловым содержанием предшествующих концептов описания мира, каков механизм их встраивания в новый проблемный контекст?

Последний вопрос представляется наиболее важным, поскольку должен выяснить движение мысли книжников. Представить это движение можно, хотя и с осторожностью, между двумя «полюсами» культуры средневековой Руси: язычеством и христианством. Объединяют эти мировоззрения два типа отношений: внешние (проявляются в исторической динамике, деятельности общественных институтов, ритуалах и быте), которые, скорее всего, и позволили говорить о проблеме двоеверия и стали причиной для составления поучений против язычества, и внутренние (оказывают влияние на памятники литературы, утверждающийся канон, символику и мировосприятие).

Отдельной проблемой остается «диалогичность» таких отношений, особенно второго типа, отчасти обусловленная дуальностью русской культуры (строго говоря, не только русской)³⁷⁷ и отчасти остающаяся закавыченной. И дело даже не в возможности диалога (в том или ином виде он должен был присутствовать), а в позиционной несамостоятельности каждого из «полюсов». В отдельных аспектах эта проблема только затронута³⁷⁸ и явно не может быть решена в ближайшее время. Ограничимся лишь одним гипотетическим замечанием: равно как языческим воззрениям было необходимо христианство, христианской «проповеди» было необходимо язычество. В оценках языческого субстрата русской культуры, который неизбежно составлял ее национальную основу в первых веках христианства, присутствует определенная снисходительно-критическая оценка языческих постулатов, заданная в Средневековье и пролонгированная в построениях ученых последующего времени.

Утверждение, что языческая культура выступила как «необходимое условие культуры как таковой»³⁷⁹ нуждается в уточнении, что становлению новой (христианской) культуры способствовало скорее не заданное противопоставление язычеству, а своеобразная открытость, готовность к межкультурному диалогу, возможность видения в язычестве готового материала для компоновки новой структуры. Диалог этот осуществлялся вопреки стремлениям условных язычников и христиан, в силу объективных факторов, заложенных в обеих культурах. Однако с утверждением Б.А. Рыбакова о том, что «отмиранию язычества не содействовало то, что существенных, принципиальных отличий нового от старого не было»³⁸⁰, трудно согласиться. Отличия

³⁷⁷ Лотман и Успенский 1996. Ср.: Золотарев 1964; Иванов и Топоров 1965.

³⁷⁸ Живов 2002; Иванов 2009; Петрухин 2000; Толстой 1995.

³⁷⁹ Лотман и Успенский 1996: 347.

³⁸⁰ Рыбаков 1987: 774.

были, и довольно существенные. Так же вряд ли справедливо мнение О.М. Рапова об определяющей роли православной церкви в выборе компонентов, которые могли быть заимствованы из язычества³⁸¹. Заимствования эти имели мало общего с деятельностью социально-политических институтов, что станет понятно ниже.

Формирование культа Бориса и Глеба в условиях постепенного утверждения христианства требовало новых семантических идей, подкрепленных устойчивыми ассоциативными рядами. Поиски книжников лучше всего иллюстрирует следующее место «Лѣтописной повѣсти о убіеніи свв. мучениковъ Бориса и Глѣба»: **«Темъ же вась какъ по достоинію въсхвалимъ? Ангела вась нареку, язь въскорѣ обрѣтается близъ скръбящихъ? Но плотьни еста. Мученика ли? Но и новоначалници святому крещенію, яко апостоли. Царя ли или князя? Но смѣреніе паче челоувѣкъ имѣста, стяжастѣ високаа. Поистиннѣ вы царя царемъ, и князи наши вашимъ именемъ противныя плѣкы побеждають. Вы бо тѣломъ и намъ забрала, и земли Русѣи утврѣженіе. Вы бо еста земнаа ангела и небеснаа челоувѣка»**³⁸².

На заключительном примирительном утверждении, выстроенном на противоположности и двухстороннем заимствовании (для современных ораторов – банальная речевая фигура), может быть, отразился сам характер культуры того времени. Книжнику словно тесно в предлагаемых ему христианских формулировках святости, он стремится задать собственный вектор в определении подвига Бориса и Глеба, но одновременно своими рассуждениями он выводит события на новый уровень, считая необходимым подчеркнуть значение святых для русского народа и Руси в целом.

Формулировка **«тѣломъ ... забрала, и ... утврѣженіе»** заставляет верующего, особенно неопита того времени обратиться к теме жертвенности. В той же летописной повести автор придает гибели Бориса и Глеба в самом деле «новоначальное» значение: **«земля Руская благословися ваю кровью, и мощми положениемъ въ церкви»**³⁸³. Уточним, что, на наш взгляд, разработка концепта жертвы была одним из главных достижений языческой системы корреляции человека и окружающего мира. Жертвой снимались противоречия между возможностями и желаниями человека, жертвой устанавливались гарантии правилам общежития, обряд жертвоприношения компенсировал страх перед будущим и позволял сохранять необходимую для выживания веру в помощь высших сил. Иными словами, именно жертва была в центре структурирования языческого мифа, определяя положение

³⁸¹ Рапов 1988.

³⁸² Абрамович 1916: 89.

³⁸³ Там же: 77.

человека во взаимоотношениях с силами высшего порядка. В концептуальной драматургии жертвоприношения были свои обязательные акторы, тип поведения жертвы и действия жертвоприносителей. Использование этого обряда с семантикой кровавого жертвоприношения легло в описание убийства Глеба: **«поваръ же Глѣбовъ, именовъ Търчинъ, вынъзъ ножъ, зарѣза господина своего. Акы агня непорочно, принесся на жертву Богови, въ воню благоухания»**³⁸⁴, **«оканьный же поваръ ... уподобися Июдѣ предателю: изволкъ ножъ свой и ять святого Глѣба за честную главу, хотя и заклати»**³⁸⁵. В реальности именно поварам отводилась роль творца жертвы, и «заклание» отличается от простого убийства не результатом (смерть героя), а процессом и его семантикой. Этим же определяется выбор места убийства Глеба – река, ладья, в прошлом служившая и местом упокоения перед отправкой по реке в мир предков, в соединении с другими атрибутами: «ножь», удержание за «главу», вплоть до называния «именем».

С явлением жертвы происходят изменения, сходные с описанным В.Н. Топоровым процессом углубления смысла и расширения круга соответствующих лексем святости: «новая христианская святость утверждается не в стороне от языческой “святости”, но именно на ней, в самой ее сердцевине»³⁸⁶.

Автор переосмысливает ситуацию таким образом, что жертвоприношение становится преступлением, более страшным оттого, что это братоубийство, участники ритуала (о которых помнит автор) превращаются в преступников, которых за их грехи накажет Господь, надо только назвать всех по именам.

Идея языческой жертвы и круг представлений о ней были знакомы книжникам из дохристианской традиции, но не распространялись на жертву во имя государственного благополучия. Отсюда парадоксальное смешение вольной жертвы Христа и кровавого жертвоприношения, концептуально обращенных к одной цели – процветанию новой веры и благополучию русского народа.

Книжник часто оказывался в ситуации выбора, тем показательнее, как нелегко ему дается освоение христианской жертвенности. Так, в ряде списков Исторических паремийных чтений Святополк именуется «Поганополком», книжники обыграли полярное изменение значения: от святого сражения – к языческому (поганому) выступлению, а о воплощении замысла убийства братьев сказано: **«братъмъ своимъ прѣдана на убийство, нъ драгою крѣвию, яко агница непорочна и**

³⁸⁴ Там же: 97.

³⁸⁵ Там же: 13.

³⁸⁶ Топоров 1995: 489.

прѣчиста, приведостася своему Владыцѣ»³⁸⁷. Автор этого памятника чуть было не последовал обличительной тенденции, обвинив «язычника» Святополка в желании принести жертву христианскому богу (ср. жертвоприношение Авраама).

Мы помним, что идея мученичества не стала доминирующей в Борисоглебском культе, самим книжникам пришлось подбирать другие определения для характеристики подвига святых. Строго говоря, Святополк также был христианином, поэтому мучениками братья становятся в христианском государстве от рук единого по вере брата. Именно поэтому действия Святополка традиционно расцениваются как преступление и проявление греховности, а не как поступки язычника, Борис и Глеб же именуются страстотерпцами.

Важно, что преступление Святополка – сознательный выбор, а не проявление злого рока – оказывается необходимым книжникам, именно на нем акцентируется внимание читателя или слушателя (в случае церковной службы), оно в итоге обеспечивает новый миропорядок, способствующий благополучию Руси. С другой стороны, Святополк как бы поддается воздействию внешних сил: **«нѣ ту абие вѣниде вѣ срьдце его сотона и начаты и пострѣкати вящша и горьша съдѣяти, и множайша убиства»**³⁸⁸. Очень похожим образом в архаичной мифологии использовался образ трикстера. Во многом из этого типа вышел и образ антигероя.

Можно привести всего один из множества примеров из службы в день перенесения мощей святых – 2 мая: **«о, велие чудо! како своєю брату не пощадѣ оканьный убица, смѣвыи, зависти ради, пославѣ злыя слугы, всеблаженнаго страстотѣрца Романа уязвиша, тѣмъ и Давыда заклаша, яко агня незлобиво приведесе на жертву, и восприяста вѣнца вѣчныя отъ Христа Бога, Его же и възлюбиста, възненавидѣвша мирьскыхъ красоты»**³⁸⁹.

Автор переводит в политико-этический план замысел преступления: «зависти ради», «ради единовластия». В памятниках нет противостояния христианству как вероисповеданию, только отторжение ценностей святости: кротости, смирения, терпения и братолюбия – и утверждение «гордыни».

Показателен сам способ создания антигероя, освоенный христианской книжной традицией сразу в двух направлениях: с одной стороны, преступник Святополк противопоставит святым Борису и Глебу, с другой – он же противопоставит Ярославу как эпический злодей, антигерой. Описание битвы на Альте 1018 г. присутствует практически во всех нарративных памятниках Борисоглебского цикла. Причем оба

³⁸⁷ Абрамович 1916: 118.

³⁸⁸ Там же: 38.

³⁸⁹ Там же: 176.

приема сосуществуют в единстве. В роли культурных героев Борис и Глеб выступают в украинских народных легендах: они выковывают первый плуг и побеждают Змея, впрягая его в этот же плуг³⁹⁰. Народное сознание трансформировало подвиг Бориса и Глеба, оставив, однако, идею противоположного (в данном случае – мифологически) начала – Змея, сопоставимого в ассоциативном ряду со Святополком.

Развивая процитированную выше мысль В.Н. Топорова, можно попытаться определить, каким именно образом христианское начало утверждается, видя на горизонте языческие образы жизни. Скорее всего, мы имеем дело не просто с христианским замещением, возможным благодаря соответствующим предпосылкам (языковым, культурным, мировоззренческим) в исходной культуре³⁹¹, а с какой-то вторичной концептуализацией важнейшего для дальнейшего укрепления государственности языческого сюжетно-образного комплекса.

Жители Древней Руси (новоявленные христиане), оперировавшие ограниченным и содержательно определенным набором концептов, должны были освоить новую систему, предложенную христианством. Внешний декларируемый отказ от старой культуры не означал действительного окончательного разрыва, тем более полного противопоставления: «развитие культуры, как и акт творческого сознания, есть акт обмена и постоянно подразумевает “другого” – партнера в осуществлении этого акта»³⁹².

Так, говоря о смысле того или иного слова, важно помнить, что зачастую происходит расширение его исходного значения, изменение контекста времени, погашение или наведение одних и актуализация других тем. С явлением действительности, которое стоит за тем или иным словом («концептом» в их единстве), как правило, происходят похожие изменения.

Тексты памятников зафиксировали, что концепты принесения жертвы, эпического воинского подвига, противостояния героя и антигероя, и даже самой парности Бориса и Глеба (связь с близнецным мифом), и молодости героев, будучи наделены христианской семантикой, имели соответствующие воспроизводимые при ближайшем рассмотрении аналогии в дохристианских верованиях. Их вторичная концептуализация происходила внутри новой культуры по принципу переосмысления или перекодировки фрагментов старой.

Данное явление начинает привлекать внимание исследователей древнерусской культуры³⁹³. То, что отголоски старых верований не

³⁹⁰ Потебня 1865: 8–11.

³⁹¹ Ср.: Успенский 1982: образ св. Николая включает в себе предпосылки к ассоциациям с языческим богом Волосом (Велесом), медведем и др.

³⁹² Лотман 2002: 205.

³⁹³ Петров 2014.

только сохранились в памятниках христианской литературы, но и активно использовались для выражения новых идей, говорит о напряженной мысленной работе книжников, об определенном изменении как их сознания, так и сознания широкого круга людей того времени³⁹⁴.

Надо полагать, происходила постепенная рефлексия самой культуры, необходимое ей самоосознание, позволившее осуществить своеобразный отбор представлений для последующего переосмысления, не всегда удачный и потому заслуживавший упрека в двоеверии, но продуктивный настолько, насколько прогрессивной была культура того времени. Едва ли кто-либо из книжников сознательно способствовал языческо-христианскому взаимодействию, но нельзя, например, не учитывать их профессионального умения при утверждении культа святых использовать продуктивные повороты от прежних представлений о кровавой жертве к драматической новой семантике жертвенности как спасения.

«Освоение» и «приспособление» Борисоглебского культа могло происходить в рамках выведенной схемы взаимодействия язычества и христианства, названной здесь «вторичной концептуализацией». С другой стороны, помня о большой вероятности раннего почитания Бориса и Глеба в качестве местночтимых святых³⁹⁵, можно предположить и обратное влияние, когда сама схема только создается, во многом подстраиваясь под новый культ, становясь таким образом более гибкой и устойчивой по отношению к последующим культурным взаимодействиям. Именно поэтому настоящие рассуждения, хотя и претендуют на возможность обобщений, требуют дальнейших уточнений и расширений использованных источников.

Список источников и литературы

- Абрамович 1916** – Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. – Пг.: Отделение рус. яз. и словесности Акад. наук, 1916.
- Аничков 2009** – Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. – М.: Академический проект, 2009.
- Вагнер 1995** – Вагнер Г. К. К вопросу о новом сознании Киевской Руси X-XII веков // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. – М.: «Наследие», 1995. – С. 16-23.
- Гальковский 1916** – Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. – Харьков: Епархиальная типография, 1916.

³⁹⁴ См., напр.: Вагнер 1995.

³⁹⁵ См., напр.: Поппэ 1995.

- Живов 2002** – Живов В. М. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // Разыскания в области истории и предис-
тории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры,
2002. – С. 306-318.
- Золотарев 1964** – Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная ми-
фология. – М.: Наука, 1964.
- Иванов 2009** – Иванов В. В. О выборе веры в Восточной Европе // Из-
бранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифо-
логия и фольклор. – М.: Знак, 2009. – С. 286-298.
- Иванов и Топоров 1965** – Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские
языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука,
1965.
- Лотман 2002** – Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия
культур (семиотический аспект) // Статьи по семиотике культуры и
искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 192-211.
- Лотман и Успенский 1996** – Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль
дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца
XVIII века) // Избранные труды, том 1. Семиотика истории. Се-
миотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки
русской культуры», 1996. – С. 338-380.
- Мансикка 2005** – Мансикка В. Й. Религия восточных славян. – М.:
ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2005.
- Петров 2014** – Петров А. В. Новгородские юродивые Николай Кочанов
и Федор и их «распря» // Древняя Русь: во времени, в личностях,
в идеях. Альманах, вып. 2. – СПб.; Казань, 2014. – С. 58-73.
- Петрухин 2000** – Петрухин В. Я. «Боги и бесы» русского средневековья:
род, рожаницы и проблема древнерусского двоеверия // Славян-
ский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2000. – С. 314-343.
- Поппэ 1995** – Поппэ А. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о
посвященных им произведениях // *Russia mediaevalis*. –
München: WilhelmFink, 1995. – Т. VIII, 1. – С. 21-68.
- Потебня 1865** – Потебня А. А. О мифическом значении некоторых
обрядов и поверий. – М.: Университетская типография, 1865.
- Рапов 1988** – Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в.
Принятие христианства. – М.: «Русская панорама», 1988.
- Рыбаков 1987** – Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука,
1987.
- Толстой 1995** – Толстой Н. И. Проблемы реконструкции древнесла-
вянской духовной культуры // Язык и народная культура: Очер-
ки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик,
1995. – С. 41-62.

Топоров 1995 – Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. – М.: «Гнозис»; Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 1.

Успенский 1982 – Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М.: Изд. Московского ун-та, 1982.

Alexey I. Popovich

PAGAN SUBSTRATUM IN THE CULT OF SAINTS BORIS AND GLEB: A VECTOR OF CHRISTIAN TRANSCRIPTION

The formation of the cult of Boris and Gleb is given in the context of the co-existence of paganism and Christianity in Ancient Russia. Early literary monuments are a source of concepts that are pagan in genesis and have been reinterpreted and filled with new semantics in the Christian cult system.

Keywords: saints Boris and Gleb; the cult of Boris and Gleb; Paganism; Christianity; Dvoeverie (“Dual-Faith”); Dialogue of Cultures.

УДК 94(476-25)"1812"

Код ВАК 07.00.03

А.А. Постникова

МИНСК В 1812 ГОДУ: МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ *

Минский департамент в период русской кампании 1812 года играл одну из ключевых ролей в планах Наполеона. Французы полагали, что местные жители, жаждущие освобождения от гнета русских, поддержат Великую армию. В начале русской кампании французское руководство создало некую иллюзию, считая, что поляки готовы пойти на любые жертвы ради свободы своего Отечества. На данном представлении основывалась вся политика французо-польской администрации. Несмотря на то, что в действиях Минской комиссии проявилось стремление заручиться поддержкой местного польского населения, оно, в свою очередь, рассчитывало на более спокойную жизнь без налогов и жертв во имя Наполеона. Французо-польское руководство, ориентируясь исключительно на интересы поляков, не предполагало, насколько глубокими были межкультурные и социальные противоречия в белорусском обществе. Руководство Минского департамента, демонстрируя честность и эффективность в установлении порядка на данной территории, столкнулось с множеством препятствий, которые, несмотря на все усилия, ему не удалось преодолеть.

Ключевые слова: русская кампания 1812 года, оккупация, межкультурное взаимодействие, Великая армия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

Постникова Алена Александровна, старший научный сотрудник Уральского федерального университета, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного

Минский департамент в период русской кампании 1812 года играл одну из ключевых ролей в планах Наполеона. Французы полагали, что местные жители, жаждущие освобождения от гнета русских, поддержат Великую армию. Подобные представления в начале русской кампании подкреплялись разнообразными описаниями западных губерний Российской империи.

Основная часть этих описаний сводится к идее о том, что французы представляли Белоруссию как территорию, населенную исключительно польским населением, которое тяготится навязыванием православной религии³⁹⁶. Подобные представления, во многом, объясняют последующие действия французов в данном регионе, ориентированные на поддержку исключительно польского населения и католической церкви.

В начале войны периодическая печать продолжала утверждать в сознании французской публики образ угнетенных поляков, жаждущих свободы. В основном, приводились примеры жестокого обращения русских властей с поляками, негативного влияния правительства Санкт-Петербурга на экономическое и политическое развитие этой территории³⁹⁷. Так, в VI бюллетене Великой армии в очередной раз была высказана мысль о том, что жители Литвы, выражающие ненависть к русским, объята желанием возродить свое независимое государство: «Народ Польши возмущен ограничениями русского правительства. Все общество желает независимости их страны»³⁹⁸.

Первые события войны на западной территории России отчасти оправдали ожидания французов. В начале военных действий местное польское население активно оказывало помощь французским войскам. Командование Великой армии в своих рапортах неоднократно отмечало, что именно поляки предоставляют информацию о позициях русских³⁹⁹. Известны многочисленные случаи, когда поляки стремились проявить солидарность и по отношению к французским властям. Один

го педагогического университета (620017; Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26), кандидат исторических наук, доцент.

Alena A. Postnikova, senior research associate of the Ural Federal University, associate professor of the chair of general history of the Ural State Pedagogical University (620017; Russia, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave. 26), PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7(343)235-76-34. Электронная почта/E-mail: alina33_07_87@mail.ru

© Постникова А. А., 2017

³⁹⁶ «Белая Русь составная часть Польши, является провинцией России. Русское правительство коварно злоупотребляет своими полномочиями, что для поляков противоестественно. Русское правительство пытается покорить их национальный дух, что противоречит представлениям о свободе» (Описание Белоруссии // Archives Nationales: Vol. 1646; «Главное занятие жителей – сельское хозяйство. Минская губерния входит в состав Литвы под названием Белая Русь» // Service historiques: 1 м 1489; Abrégé de toutes les sciences: 203; Service historiques: 1M 1486.

³⁹⁷ Le Journal de l'Empire: 7 juillet.

³⁹⁸ Ibid.: 6 aout.

³⁹⁹ Fabry 1903: 138, 208.

из таких примеров, который позже «Минская газета» назовет «подвигом обывателя Мозырского уезда», свидетельствует о том, что поляки при приближении французов отказывались подчиняться российским властям. Так, два польских помещика Богуш и Митарновский, назначенные для сопровождения русского транспорта, состоявшего из 72 волов и 30 бочек водки, узнав о приближении французского отряда недалеко от Слуцка, доставили свой груз французам⁴⁰⁰.

Подобные настроения могли свидетельствовать о том, что поляки готовы идти на контакт с Великой армией. Поэтому неслучайно, что первые действия французов в Минске преследовали цель установить тесные отношения с польским населением. Когда маршал Л.Н. Даву занял Минск, он в своем обращении к жителям подчеркнул, что французская армия стремится к освобождению Отечества поляков. Эта идея фигурировала почти в каждом выпуске «Минской газеты», которая предоставляла жителям профранцузскую версию событий русской кампании. К примеру, день вхождения Великой армии в Минск в газете был описан в следующих строках: «Этот исторический день освободил нашу провинцию от невольничьего ярма и возвратил нас Отчизне»⁴⁰¹.

Первые действия французов создавали впечатление у местных жителей, будто политика Наполеона действительно направлена на возрождение Польши. Так, структура управления Минском и его окрестностями была сформирована преимущественно из поляков. Губернатором города был назначен генерал Н. Брониковский. Об этом событии «Минская газета» написала: «Сего числа прибыл в наш город известный своей доблестью, дарованиями и любовью к Отечеству генерал французской службы и губернатор Минской провинции Брониковский. Сердца поляков преисполнены радостью, слыша, что их правитель говорит на родном им языке, которого они не слыхали около двадцати лет»⁴⁰².

«Минская газета» почти в каждом выпуске отмечала вклад французов в восстановление экономики, культуры поляков: «Французские войска в провинции наладили сельское хозяйство. Урожай ожидается чрезвычайный. Помещики, хуторяне и рабочие благословляют Провидение, которое, как бы ради наших избавителей, послало такое изобилие на нашу землю, истощенную прошлогодним неурожаем и опустошениями, произведенными москалями»⁴⁰³. Французское руководство, стремясь продемонстрировать солидарность с местными жителями, давало понять, что оно будет строго наказывать зачинателей беспорядков. Так, 28 июля Даву приказал расстрелять тринадцать кирасир за то, что они избили и ограбили еврейского торговца.

⁴⁰⁰ Tycz. Gaz. Mińska: № 7.

⁴⁰¹ Tynicz. Gaz. Mińska: № 1.

⁴⁰² Tycz. Gaz. Mińska: № 2.

⁴⁰³ Tycz. Gaz. Mińska: № 2.

Главную проблему профранцузскому правительству создавали крестьяне, воспользовавшиеся сменой власти для выражения неповиновения польским помещикам. С первых же дней существования Минская комиссия активно взялась за решение данного вопроса. Так, 17 июля вышел приказ о содействии местным жителям в случае неповиновения крестьян⁴⁰⁴. По всей видимости, в первые же два месяца оккупации произошло множество подобных случаев, и по Минску и его окрестностям прокатилась волна арестов крестьян. К примеру, 18 июля крестьяне деревни Кузевич отказались работать на помещика Янковского; они были арестованы⁴⁰⁵.

Французско-польское правительство использовало разные способы демонстрации своей солидарности, прежде всего, с польским населением. Но, стремясь защитить поляков, оно явно ожидало от них ответных жестов, убеждающих в верности Великой армии. На страницах «Минской газеты» публицисты, пытаясь создать иллюзию эффективности франко-польского союза, в течение июля приводили примеры того, как все поляки активно вносят пожертвования и вступают в ряды Великой армии. Неоднократное упоминание в газете об участии поляков в русской кампании и о том, что Наполеон освободил их Отечество, по всей видимости, преследовало цель вызвать у местных жителей чувство сопричастности к судьбам солдат Великой армии. В связи с этим, в обращениях к местным жителям, опубликованных на страницах газеты, слова об освобождении поляков сопровождалась просьбами о пожертвовании: «Французские войска освободили вашу землю от русской армии, благодаря гению великого Наполеона. Главная задача заключается в необходимости материального обеспечения армии освободителей. Поляки! Орлы великого императора Наполеона, пришедшего на нашу провинцию. Это эпоха нашего расцвета. Объявляется сбор во французские магазины продовольствия, французы гарантируют сопровождение от дома до магазина»⁴⁰⁶.

Политика нового правительства, стремящегося завоевать расположение поляков, в течение июля создавала атмосферу спокойствия и «вечного праздника». 19 июля в местном Кафедральном костеле было отправлено богослужение. Губернатор генерал Брониковский присутствовал на нем со всем своим штабом и Временной Правительственной Комиссией⁴⁰⁷. Конечно, богослужение было устроено для того, чтобы обеспечить поддержку местного католического населения. По поручению губернатора минский епископ Я. Дедерко после богослужения про-

⁴⁰⁴ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею: 204.

⁴⁰⁵ Там же: 206.

⁴⁰⁶ Беларусь и война 1812 года: 201.

⁴⁰⁷ Тумcz. Gaz. Mińska: № 2.

изнес краткую речь, прославляя власть Наполеона: «Уже порваны московские цепи, мы вступаем под власть императора Наполеона»⁴⁰⁸.

Помимо слов о возрождении Польши, в речах официальных лиц также звучал призыв защитить национальные интересы поляков, выступив под знаменами Великой армии против России. Однако в течение июля и августа эти призывы со стороны нового правительства были связаны лишь со стремлением обострить чувства ненависти к русским. Так, в одном из воззваний комиссии Временного правительства Великого княжества Литовского к гражданам Белой Руси ярко прослеживается цель поднять национальный дух именно поляков: «Все поляки – белорусские и литовские граждане – родственники и должны быть воодушевлены одними и теми же благородными и высокими чувствами. Надеемся вскоре увидеть Вас достойными ваших предков»⁴⁰⁹.

Идея национального возрождения поляков была ярко выражена в мероприятиях, проведенных 15 августа в честь Дня рождения Наполеона. Особенно стоит упомянуть спектакль, поставленный по пьесе писателя Яна Ходзько: «Освобождение Литвы, или переправа через Неман 23 июня». Основная идея произведения сводилась к тому, что это событие стало поворотным в истории Польши, открыло значимый этап в истории свободного государства. Спектакль был наполнен множеством символов: эпоха нахождения поляков в составе России изображалась в виде гроба, Польша представлялась в образе женщины, ожидавшей освобождения, Наполеон – это Гений разума, который вызволил женщину из оков мрака. Заключительная сцена спектакля символизировала франко-польскую дружбу: «Под солнцем, в белоснежных облаках уносятся два орла, Французский и Польский; в клювах они держат свиток с надписью “Polonia restaurata”»⁴¹⁰; ниже их – густые тучи, из которых блистают молнии». На фоне этой торжественной сцены виднелись трупы русских вместе с азиатами. По всей видимости, спектакль предлагал обратить внимание на цивилизационные отличия русских и поляков, что имело целью утвердить в сознании местных жителей мысль о том, что Польша благодаря своим историческим корням должна продолжить свое движение под эгидой Запада. Заключительные слова спектакля, обращенные к Наполеону, должны были стать символом верности поляков Франции:

Ты, осененный золотыми орлами,
Возвращаешь нам родные стены.
Поляки стремятся за твоими орлами туда,
Где тобою назначен им предел...⁴¹¹

⁴⁰⁸ Краснянский: 10.

⁴⁰⁹ Воззвание комиссии Временного правительства Великого княжества Литовского к гражданам Белой Руси, 21 июля 1812 // Беларусь и война 1812 года: 107.

⁴¹⁰ Польша восстановлена (лат.).

⁴¹¹ Tумcz. Gaz. Mińska: № 2.

В организации спектакля активное участие приняли польские аристократы, явно стремившиеся убедить общественность Минска в необходимости пойти за Наполеоном и, если будет необходимо, отдать за него свои жизни. Вняли ли местные жители призыву «Родины» со сцены, и насколько искренне звучали слова «поляки стремятся за твоими орлами...»? Ответы на эти вопросы дают многочисленные примеры из жизни Минска в последующие месяцы французской оккупации.

На первый взгляд кажется, что эта идиллия, восторги поляков по поводу возрождения Отечества, давали основание профранцузскому правительству считать, что жители Минска примут активное участие в военных действиях и в обеспечении армии продовольствием. Однако, после празднований Дня рождения Наполеона период восторгов и празднеств подошел к своему завершению. 17 августа Временное правительство выпустило распоряжение о наборе рекрутов: «Виленский департамент – 3 тыс. рекрутов, Минский – 3 тыс. рекрутов, Гродненский – 2.500, Белостокский – 1.500. Небольшие имения, не имеющие того количества душ, с которого должен быть представлен рекрут, обязаны внести денежную плату в 1000 польских золотых. Евреи, которые не подлежат рекрутскому набору, должны платить 2000»⁴¹².

Следующим последовал указ о сборе налогов; 24 комиссара из поляков должны были собирать налоги с населения: «Жители Минской губернии, кроме всех сделанных ими поставок в натуре, обязаны были уплатить по 9,5 золотых (1 р. 42 коп.) с души, что составило около 539 тысяч рублей серебром, и внести в течение семи дней все недоимки, должные ими русскому правительству». Все подати и долги русскому правительству необходимо было выплатить до 15 августа, в противном случае должники оказались бы под арестом⁴¹³.

По всей видимости, местные жители стремились найти возможность не выполнять эти требования. Довольно точно поведение поляков на территории Белоруссии в период французской оккупации охарактеризовал витебский интендант Пасторе: «Нельзя было не заметить резкого противоречия между их речами и поступками. Стоило заговорить с ними о причинах и событиях войны, слова: победа, возрождение, свобода, самопожертвование не сходили с их уст. Но как только доходило дело до того, чтобы действительно принести какую-либо жертву, эти недавно еще столь пылкие люди оказывались глухи на все просьбы или отвечали извинениями, так как просто отказать у них не хватало смелости... исполняли только тогда, когда к этому их принуждали силою оружия»⁴¹⁴.

⁴¹² Беларусь и война 1812 года: 213.

⁴¹³ 23 июля постановление о сборе податей и недоимок // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею: 217.

⁴¹⁴ Pastoret: 232.

С одной стороны, французское командование рассчитывало на готовность поляков внести свой вклад в победу Великой армии. С другой стороны, поляки рассчитывали на бескровное возрождение своего Отечества. Данное противоречие в восприятии смысла французской оккупации прекрасно проявилось в истории Минской гимназии в 1812 году.

Педагогический персонал учебного заведения возлагал определенные надежды на установление власти французов. Основная часть из них принимала активное участие в деятельности франко-польской администрации, надеясь, что тяготы войны их не затронут. Однако вскоре им пришлось разочароваться в своих надеждах.

Несмотря на изначальные уверения профранцузского правительства в том, что обучение будет продолжено, в середине июля в гимназию был назначен постой в количестве 600-700 солдат. «Все классы, залы, лестницы были переполнены солдатами и их вещами». От военного поста гимназии удалось освободиться лишь в конце июля. Солдаты были переведены в помещение доминиканского костела. Однако 23 августа поступило следующее предписание: «Здание гимназии необходимо очистить от лиц, там проживающих в 24 часа»⁴¹⁵. Более того, учителям предписывалось покинуть свои квартиры.

Педагогический коллектив, возмущенный действиями профранцузского руководства, направил в разные инстанции просьбы о сохранении здания за гимназией. В итоге, учебное заведение открыли только 5 октября в здании более тесном, в отличие от прежнего. Этот факт возмутил педагогический коллектив. На страницах «Минской газеты» открытие гимназии было представлено как результат действий профранцузского правительства: «Хотя регулярные занятия начались в местной гимназии 20-го сентября сего года, сегодня, согласно академическим обычаям, состоялся публичный акт. В три часа пополудни, в здание гимназии прибыли все военная и гражданские власти, губернатор, интендант, депутаты от Минского департамента Ходзько и Петерсен, члены Административной Комиссии и многие горожане со своими женами. Префект гимназии Бродовский в соответствующей обстоятельствам речи обратился к учащейся молодежи, призывая к любви к возрожденному Отечеству и благодарности нашему избавителю Великому Наполеону»⁴¹⁶.

Публицисты «Минской газеты», описывая разные стороны жизни населения в этот период, создавали идиллическую картину франко-польского союза. Неоднократно отмечалось, что общество принимает активное участие в решении продовольственной проблемы и в устройении магазинов⁴¹⁷. Однако многочисленные документы подтверждают,

⁴¹⁵ Краснянский: 56.

⁴¹⁶ Tумcz. Gaz. Mińska: № 20.

⁴¹⁷ «Его Императорское Величество очень доволен Администрацией Минского Департамента ввиду того, что она, несмотря на прохождение многочисленных корпусов армии,

что местные жители без особого энтузиазма жертвовали на нужды армии. В связи с этим, в округе Минска возникли серьезные проблемы с продовольствием.

Во время сбора продовольствия в Борисове уже в конце июля местные жители отказались принять участие в устройстве магазинов. Минская комиссия 25 июля направила настоятельное требование руководству Борисова использовать все возможные методы для того, чтобы обеспечить армию продовольствием⁴¹⁸. Ответственность за неисполнение данного требования всецело возлагалась на комиссаров. В связи с невозможностью справиться с ситуацией многие комиссары направили в Минскую комиссию просьбы сложить с них полномочия. Поначалу Минская комиссия пыталась убедить их в том, что необходимо проявить верность «защитнику поляков Наполеону»⁴¹⁹. Однако слова о величии гения французского императора и о его заслугах в возрождении Польши не вразумили комиссаров; в начале августа они забросали Минскую комиссию решениями о сложении полномочий.

Наиболее сложная ситуация сложилась в Смоленвичах. Комиссар города Плевака 7 августа направил заявление об увольнении⁴²⁰. Человека, который смог бы взять на себя такие функции, комиссии найти не удалось, поэтому все распоряжения она стала направлять напрямую подкомиссару М. Яновскому. В ответ на это он 9 августа отправил письмо, в котором возмущенно заявил о полной невозможности исполнять возложенные на него обязанности: «...Разве можно на меня одного возлагать такие трудные обязанности по сбору продовольствия, когда местные жители отказываются принимать участие в этом действии»⁴²¹. В подобной ситуации достаточно явно проявились настроения поляков по отношению к нуждам Великой армии. Были случаи, когда человек давал согласие возложить на себя обязанности комиссара на определенных условиях. В основном, они сводились к обеспечению жильем и продовольствием всю его семью⁴²². Как здесь не вспомнить о тех восторженных речах верности Наполеону, которые произносили поляки в первые дни формирования франко-польского правительства...

Минская комиссия продовольственную проблему пыталась решить не только настоятельными требованиями и угрозами ареста, но и спосо-

сумела изыскать способы устроить магазины и снабдить их всем необходимым для армии и главной квартиры» // *Tumcz. Gaz. Mińska*: № 20.

⁴¹⁸ Документ гласит: «Отдел рекомендует Борисовской комиссии, чтобы в подобной ситуации она должна использовать все справедливые и законные методы для того, чтобы обеспечить армию продуктами питания» // *Акты, издаваемые Виленскою комиссиею*: 225.

⁴¹⁹ 28 июля воззвание Временного Минского правительства к обывателям // *Акты, издаваемые Виленскою комиссиею*: 233.

⁴²⁰ *Акты, издаваемые Виленскою комиссиею*: 271.

⁴²¹ Там же: 277.

⁴²² Там же: 276.

бом изъятия всех бывших королевских и иезуитских поместий, если у нынешних владельцев не имелось подтверждений права собственности, зафиксированного в законах Речи Посполитой до ее разделов. В противном случае, эти имения раздавались крестьянам-арендаторам, а за право пользоваться этой землей они должны были платить продовольственный налог⁴²³. Комиссия так и не успела реализовать это распоряжение, остановившись на уровне составления списка владений.

Каждое распоряжение Минской комиссии вызывало сопротивление местных жителей и усугубляло социальные и культурные противоречия внутри общества. Так, указ о наборе трех тысяч рекрутов в Минском департаменте от 4 августа вызвал массовые отказы платить налоги и отдавать продовольствие для нужд армии⁴²⁴. Особое возмущение выражали польские помещики, которым приходилось не только снабжать рекрутов, но еще и платить налоги за своих крепостных крестьян⁴²⁵.

Смена власти в Минском департаменте обострила многие социальные противоречия внутри разнородного белорусского общества. Одна из этих острых проблем была связана с религиозным вопросом. Как уже выше отмечалось, франко-польское правительство проводило прокатолическую политику, руководствуясь интересами поляков. В связи с этим минского католического епископа Я. Дедерку разместили в резиденции православного епископа. Однако, когда Дедерка переселился в этот дом, основная часть ценностей была уже разграблена французами, которые размещались в этом доме до конца июля⁴²⁶. Православные священники, которые сопротивлялись новой религиозной политике, оказались в тюрьмах. К примеру, священник местечка Озаричи Бобруйского

⁴²³ 25 июля вышло распоряжение о немедленной переписи все королевских, иезуитский и других имений, доставшихся России после разделов Польши: «Необходимо описать все королевские, иезуитские и другие имения, установить основания для владения землей. Если основания отсутствуют, либо земли свободные, то передавать их крестьянам-арендаторам...» // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею: 227.

⁴²⁴ Там же: 259.

⁴²⁵ Там же: 267.

⁴²⁶ После переезда Дедерки в дом, он пользовался оставшимся имуществом и после восстановления русской власти в Минске, не спешил его возвращать. В связи с этим было открыто официальное дело «о расхищении во время неприятельского нашествия разными лицами имущества Минского архиерейского дома», а также второе дело «об отыскании трех архиерейских шапок, находящихся у бискупа Дедерки». Из дел минской духовной консистории видно, что всего Дедеркою было присвоено имущество на сумму 5364 рубля. Дедерка не покинул архиерейский дом после занятия Минска русскими. Более того, в сентябре 1813 года он обратился с просьбой к русским властям предоставить архиерейский дом для постоянного места жительства минского католического епископа. Это ходатайство было отклонено. Дедерко утверждал, что, заняв архиерейский дом, он лишь оберегал его и домовую церковь от поругания: устройства там офицерского лазарета или театра. Он затягивал судебное дело. Это дело тянулось 25 лет. Лишь в 1837 году с него были взяты денежные взыскания за имущество архиерейского дома // Краснянский: 9.

повета Николай Борзаковский был захвачен в плен французами и заточен в тюрьму, где он находился в течение двух месяцев⁴²⁷.

Многие из священников для того, чтобы избежать подобной судьбы при приближении французов брили себе бороды, стригли волосы на голове и снимали сутану. Во время следствия после возвращения русского правительства они утверждали, что «сие ими учинено для неприятельского поругания» над внешним видом православных священников; а некоторые заявляли, что их к этому принудили французы⁴²⁸.

Оккупация Минского департамента обострила взаимоотношения крестьян с польскими помещиками. Воспользовавшись периодом междувластия, крестьяне начали громить дома своих хозяев⁴²⁹. Так, крестьяне нескольких деревень Борисовского повета организовали отряды для нападений на хлебные магазины, помещичьи дома. Перепуганные помещики обратились за помощью к военному губернатору г. Борисова генералу Ж. Барбанегру. Он в конце июля направил отряд для усмирения крестьян. Подобная политика франко-польского правительства вызывала еще большее сопротивление со стороны крестьян.

Наибольший резонанс в обществе вызвало убийство крестьянами деревни Тростян Игуменского повета всего семейства помещика Гласко, состоявшего из 12 человек. В соответствии с документами судебного процесса, дело обстояло следующим образом. С приближением французской армии крестьяне скрылись в лесу. Гласко со всей семьей также бежал в лес, где он по-прежнему обременял крестьян непосильной работой. В дальнейшем крестьяне на допросе уже в русском суде заявили, что насилие со стороны помещика заставило их пойти на убийство. Массовые побеги крестьян в лес начались в связи с указом Временного правительства о поставке рекрут от 1 августа⁴³⁰.

Действия крестьян трудно объяснить идеологическими или политическими интересами, скорее всего, они руководствовались необходимостью выжить. Антифранцузские настроения крестьян также были вызваны разнузданным поведением солдат Великой армии, которые не проявляли снисходительности ни по отношению к полякам, ни по отношению к крестьянам, не останавливались перед грабежами поместий и крестьянских домов⁴³¹. В документах Виленской комиссии содержится множество примеров того, как французы отбирали продовольствие у местных жите-

⁴²⁷ Там же: 9.

⁴²⁸ Там же: 10.

⁴²⁹ Gaz. Minska: №7.

⁴³⁰ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею: 245

⁴³¹ В рапорте Витебскому губернскому прокурору от Динабургского уездного стряпчего от 27 июня 1812 читаем: «Казенные крестьяне старства Динабургского донесли мне, что проходящие разные полки делают нападения на крестьянские дома, разграбливают все пожитки крестьянские» // Беларусь и война 1812 года: 52.

лей⁴³². В соответствии с судебными документами того времени, в большинстве случаев местная администрация наказывала грабителей.

Помимо грабежей местного населения, встречались случаи, когда французские солдаты забирали продовольствие из магазинов, предназначенных для пользования Великой армией. Большинство документов по подобным делам относится к грабёжам Докшицкого магазина солдатами под командованием лейтенанта Фонтана. 21 июля комиссар полиции Стефан Ванькович отправил в Минскую комиссию первый рапорт о действиях лейтенанта, отметив, что он взял часть продовольствия для якобы больных, не предоставив никаких документов, «просто силой изъясл»⁴³³.

Однако данная жалоба не повлияла на поведение лейтенанта, и уже 25 июля в Докшицах произошел еще один подобный случай⁴³⁴. Фонтан вместе с французскими солдатами насильно изъясл все запасы зерна у местных жителей, в том числе у больных. 3 августа вновь поступила жалоба о притеснениях докшицких мещан Фонтаном⁴³⁵. В этот же день в Минскую комиссию было направлено сообщение об отказе жителей Докшиц поставлять провиант, вследствие разорения их прежними поборами и французскими войсками. От грабежей французов в большей степени страдали помещики. Наиболее показательным в этом плане является заявление владельца имения Бересневки Гуторовича о разграблении его имущества французами: «Французские солдаты ежедневно посещают двор и деревни моего поместья, насильно изымают продовольствие. Это повторялось в течение нескольких дней, их грабежи довели меня до нищеты»⁴³⁶. Следует отметить, что основная часть подобных жалоб относится к концу июля и началу августа, что свидетельствует о неустойчивом положении нового правительства на оккупированной территории.

Местные власти стремились решать подобные проблемы. 2 августа вышел указ, в котором было обещано повсюду поставить стражу для защиты неприкосновенности личности и собственности каждого жителя. В этот же день комиссия предписала всем землевладельцам

⁴³² 26 июля после отнятия французами провианта у местного жителя, солдаты были взяты под стражу // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею: 206. К 20 июля относится жалоба еврея Вульфа Дворкинды, у которого французы забрали 26 лошадей (Акты, издаваемые Виленскою комиссиею: 211).

⁴³³ Там же: 216.

⁴³⁴ «При приближении французов крестьяне покидали свои дома, а те в свою очередь бесчеловечно грабили их имущество и истязали оставшихся крестьян, жители не возвращаются в свои дома» // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею: 220, 231. См. также документы: 27 июля о грабежах и насилиях, причиняемых французами крестьянам Борисовского повета (Там же: 232); 3 августа о разорении войсками вице-короля Евгения помещиков и крестьян Березинского кантона (Там же: 254); 4 августа заявление Блажевича об опустошении его имений французскими войсками (Там же: 263).

⁴³⁵ Там же: 255.

⁴³⁶ Там же: 240.

вернуть своих крестьян для продолжения занятий земледелием⁴³⁷. Солдат Великой армии, на которых поступали жалобы от местных жителей, допрашивали и, если их вина была доказана, подвергали аресту. К примеру, 3 августа состоялся допрос Фонтана, на которого поступало множество жалоб от местных жителей в грабеже и незаконном сборе налогов. В итоге он был арестован, так как не смог объяснить, на какие нужды изымал продовольствие и деньги⁴³⁸.

В целом, Минская комиссия довольно эффективно для военного времени справлялась со своими функциями по наведению порядка, ожидая ответной реакции от польского населения. В свою очередь, местные жители в начале оккупации уповали на то, что их жизнь станет намного лучше, чем при русском правительстве. Однако многочисленные указы Минской комиссии, требовавшие жертвовать на нужды войны, вызывали разочарование общества в политике французов. В то же время некоторые жители хотели воспользоваться сменой власти в своих корыстных целях, надеясь, что новое правительство заинтересовано в установлении «социальной справедливости». В этом плане, очень много поступало в комиссию доносов на евреев. Так, 3 августа поступила жалоба на еврея квартирмейстера Абрама Замоского от одного из его подчиненных: «Я всегда готов служить власти императора Наполеона. Однако Замоский использует насильственные методы, унижает меня. Когда я ему сделал замечание по этому поводу, то он ответил, что так унижать меня будет всегда»⁴³⁹. Антисемитизм польского общества наиболее остро проявился в вопросе винных откупов, которые чаще всего в этом крае принадлежали евреям. Одновременно с этим, массово стали поступать жалобы польских аристократов на незаконную узурпацию права сбора налогов со стороны отдельных купцов⁴⁴⁰.

Минская комиссия пыталась разрешить конфликтные ситуации, даже наказывала французских солдат за грабежи. Однако решить все острые проблемы, возникающие в процессе межкультурных контактов, не удалось, и поэтому правительство на разных уровнях с середины октября перешло к директивным методам руководства. В районе Минска устанавливались патрули, которые арестовывали бродяг и мародеров⁴⁴¹. С целью предотвращения конфликтных ситуаций между французскими солдатами и евреями торговля между ними была запрещена.

Многочисленные меры, предпринятые франко-польским правительством по наведению порядка, по всей видимости, не достигли наме-

⁴³⁷ Там же: 249.

⁴³⁸ Там же: 273.

⁴³⁹ Там же: 358.

⁴⁴⁰ 31 июля в Минскую комиссию поступило ходатайство борисовского откупщика о расторжении контракта, поскольку минские купцы взяли у него пиво для реализации, но денег не вернули, обосновав это тем, что всю продукцию пришлось отдать французским войскам // Там же: 360.

⁴⁴¹ Tumcz. Gaz. Mińska: № 24.

ченной цели – склонить местных жителей к поддержке французов не только речами, но и конкретными действиями. Так, в конце октября Брониковский выразил сожаление о том, что жители не готовы жертвовать ради победы французов: «С грустью усматриваю, что жители Минской провинции, вверенной моему попечению Его Императорским и Королевским Величеством, запаздывают с доставкой того, что приходится на их долю для армии нашего Избавителя. Подпрефект, князь Пузына, представил мне список лиц которые еще должны доставить в Минский магазин скот, сено и солому. Поэтому я прошу, и как поляк, советую, чтобы все вышеуказанное было доставлено в течение трех дней, для блага самих же обывателей; в противном случае я буду вынужден послать команды солдат за провиантом в те места, где подати еще не внесены. Тогда я не ручаюсь за беспорядок и неурядицы, которые могут произойти от этого, потому что солдат, хотя бы он и вел себя самым спокойным образом, может иногда учинит какую-нибудь неприятность»⁴⁴². Таким образом, Брониковский своим обращением продемонстрировал намерение руководства не оказывать поддержки местным жителям, если они, в свою очередь, не проявят чувства сопричастности к нуждам Великой армии.

Таким образом, французы не смогли установить тесных, доверительных отношений с местными жителями на территории Минского департамента. Надежды двух сторон вступили в противоречие с потребностями тех и других. В начале русской кампании французское руководство тешило себя иллюзией, считая, что поляки готовы пойти на все ради свободы своего Отечества. На данном представлении основывалась вся политика франко-польского правительства. Несмотря на то, что в действиях Минской комиссии проявилось стремление заручиться поддержкой местного польского населения, те, в свою очередь, рассчитывали на более спокойную жизнь без налогов и жертв во имя Наполеона. Франко-польское правительство, ориентируясь исключительно на интересы поляков, не предполагало, насколько глубокими были межкультурные и социальные противоречия в белорусском обществе. Тем самым оно своими мерами вызвало сопротивление большей части населения края. Руководство Минским департаментом, демонстрируя честность и эффективность в установлении порядка на своей территории, столкнулось со множеством препятствий, которые, несмотря на все усилия, ему не удалось преодолеть.

⁴⁴² Объявление губернатора генерала Брониковского о неудовлетворительных поставках продовольствия // Ibidem.

Список источников и литературы

- Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов** – Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. – Вильна, 1912. – Т. 37.
- Беларусь и война 1812 года** – Беларусь и война 1812 года // Сборник документов под ред. А.М. Лукашевича, Д.Л. Яцкевича. – Минск, 2011.
- Краснянский 1902** – Краснянский В.Г. Минский департамент Велико-го княжества Литовского. – СПб., 1902.
- Abrégé de toutes les sciences et géographie à l'usage des enfans** – Abrégé de toutes les sciences et géographie à l'usage des enfans. – P., 1811.
- Archives Nationales** – Archives Nationales. – Paris, Vol. 1646.
- Fabry 1903** – Fabry G. Campagne de Russie (24 juin – 10 aout). – P., 1903.
- Le Journal de l'Empire** – Le Journal de l'Empire. – P., 1812.
- Pastoret 1900** – Pastoret A.D. de. Mémoires sur la Russie // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 5. – Москва: Типография А. И. Ма-монтова, 1900.
- Service historiques de la Défense** – Service historiques de la Défense. Paris, 1 M 1489, 1M 1486.
- Tymcz. Gaz. Mińska** – Tymczasowa Gazeta Mińska. – Mińsk, 1812.

A.A. Postnikova

MINSK IN 1812: BETWEEN RUSSIA AND FRANCE

The Minsk department during the Russian Campaign of 1812 played one of key roles in Napoleon's plans. The French believed that the locals who are eager for release from oppression of Russians will support Great Army. At the beginning of the Russian campaign the French leaders have created a certain illusion, considering that Poles are ready to be ready to do anything for the sake of freedom of the state. All policy of the French-Polish government was based on this representation. In spite of the fact that in actions of the Minsk commission the aspiration was shown will get support of the local Polish population, they, in turn, counted on quieter life without taxes and the victims for the sake of Napoleon. The French-Polish government, being guided only by the interests of Poles, didn't assume how deep were cross-cultural and social contradictions in the Belarusian society.

Keywords: Russian Campaign of 1812, occupation, cross-cultural interaction, Great Army.

А.К. Рахимбекова

СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ: ИХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ И КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Статья посвящена стереотипным представлениям о казахах-кочевниках. Внимание сфокусировано на жизненном опыте казахов-кочевников, сложившемся в определенных условиях и перенимавшийся крестьянами-переселенцами в новых для них условиях.

Ключевые слова: образ, стереотипы, «свой-чужой», заимствования, крестьяне-переселенцы, казахи-кочевники, практика повседневности.

Осознание необходимости изучения разного рода идей, представлений, образов людей ушедших эпох стало сегодня очень популярным. Понятие «образ», презентация и репрезентация образа «другого», «свой-чужой» все чаще звучат в работах исследователей. Данное направление в исследовательской деятельности пришло в историческую науку сравнительно недавно, с тех пор, как появилось понимание, что идеи не только могут как-то влиять на поведение людей, но и напрямую определять это поведение.

Особый интерес вызывает изучение образа колонизованных народов у представителей нации-колонизатора. Образ степняков-кочевников всегда вызывал определенный интерес. Для жителей оседлых земледельческих цивилизаций мир кочевников являлся terra incognita. Загадочный мир кочевника и пугал, и интриговал их одновременно. По всей видимости, не случайно образ степной цивилизации ассоциировался с кентавром – загадочным существом, получеловеком-полулошадью.

В России сформировался образ Змея Горыныча, отражавший страх оседло-земледельческих народов перед непреодолимой мощью кочевников. Одна из общепринятых легенд русского общества – это представление о злых кочевниках, разоривших Русь, и миф об издыхающей России, спасшей Европу от варваров.

Рахимбекова Ажар Кабдуловна, доцент кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева (010008, Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева 2); кандидат исторических наук, доцент.

Azhar K. Rakhimbekova, associate professor of the Department of History of Kazakhstan of Eurasian National University named after L.N.Gumilev (010008, Kazakhstan, Astana, Satpaev Str. 2), PhD, associate professor.

Телефон/ Phone: 8 530 07 74. Электронная почта/E-mail: ajar_60@mail.ru

© Рахимбекова А. К., 2017

Во многом единодушны в оценке образа и действий кочевников и авторы первых трудов, содержащих научное описание их нравов и обычаев: номады – это «божий бич», варвары, несущие разрушение и смерть⁴⁴³.

На осмысление образа кочевников существенное влияние оказывали господствовавшие религиозно-мировоззренческие стереотипы и библейские догмы. Одним из отцов-основателей теории цивилизации Н.Я. Данилевским кочевники отнесены к «негативным творцам истории». А. Тойнби характеризует их факторами «задержки в развитии» и предрекает им последующую гибель, вообще не включая кочевников в реестр цивилизации. В соответствии с историографическими традициями образ кочевника перерастал в образ врага, в науке и воображении внедрялся их негативный образ как злых разорителей и варваров, что не могло не сказаться на формировании идеи о культурном превосходстве оседлых народов над кочевниками.

Культура кочевников воспринималась как аномальное явление, как противоположное, несоответствующее западным стандартам, потому враждебное установленному порядку вещей. В начале XIX века и в среде русской интеллигенции укрепилась мысль о том, что Запад – это культура, а все прочее – бескультурье, точнее, чем восточнее от польской реки Вислы, тем ниже культурный уровень. Впрочем, идеи противопоставления Запада и Востока идут еще от Ф. Бернье и Ш. Монтескье.

Что касается кочевников-казахов, то на протяжении ряда десятилетий считалось и, более того, укоренилось в сознании, что казахи – это кочевники, а значит не располагали перспективами развития вне влияния земледельческих обществ. И эта мысль является доминирующей в дореволюционной, советской и отчасти в постсоветской российской историографии. Чем это вызвано?

Это обусловлено тем, что традиционный взгляд на общество кочевников-казахов не учитывал всего комплекса вызвавших его условий. Не последнюю роль сыграли воззрения дореволюционных ученых при всех их заслугах в изучении истории Казахстана. Так, фундаментальный труд А.И. Левшина, признанный классическим произведением мировой восточноведческой литературы, считал, что казах «по невежеству, грубости, беспечности и порывам страстей, столь близко подходящий к состоянию его естественного человека...»⁴⁴⁴. По мысли Н.И. Красовского, кочевники-казахи до соприкосновения с русскими вели «бродячий образ жизни... в чем дикарь находил для себя настоятельную необходимость»⁴⁴⁵.

Все, что не укладывалось в рамки привычного понятия, вызывало изумление и рассматривалось как природенное свойство архаичного общества казахов-кочевников. Не исключая, что длительная практика

⁴⁴³ Крадин 2005: 17- 43.

⁴⁴⁴ Левшин 1996: 320.

⁴⁴⁵ Красовский 1868: 68.

взаимодействия демонстрировала и выработку рационалистических взглядов на особенности материальной и духовной культуры «чужих» – казахов-кочевников и поиск объяснений природно-климатическими условиями среды обитания, важно отметить, что часто психологические установки и нравственно-эстетические представления порождали одномерные характеристики и поверхностные суждения о жизнедеятельности казахов-кочевников. Авторы исходили из экстроверсивного восприятия формальных внешних признаков, и потому в используемой лексике преобладают отрицательные эпитеты.

Всякий образ – глубоко символическое образование. Он наполнен разного рода смыслами, символами, которые склеивают этот образ в единое целое. Вскрытие содержания этих смыслов и символов становится задачей исследователя.

Интересен опыт исследований российских исследователей. Исследователь О.Е.Сухих рассматривает образ степняков-кочевников, который сложился в русской общественно-политической мысли второй половины XIX века. В качестве примера восприятия автор выбрал представления И.Ф. Бабкова (1827–1905). Данный персонаж представлял интерес в двух аспектах: во-первых, как исследователь казахской степи, имевший возможность составить собственное мнение о казахах; во-вторых, как офицер Генерального штаба и представитель высшей сибирской администрации. В связи с последним обстоятельством, отмечает исследователь, у него наиболее ярко выражен уничижительный взгляд на казахов-кочевников, что, в конечном итоге, должно было стать основанием для продвижения русских в степь с целью завоевания и последующей колонизации этого региона.

Наиболее частые характеристики казахов-кочевников у И.Ф. Бабкова следующие: неискренние, хитрые, вероломные, грубые, дикие, воинственные и т.п. Все эти эпитеты преследуют цель противопоставления русских и казахов. Когда казахи характеризуются подобным образом, предполагается, что в этом их коренное отличие от прямодушных, просвещенных и миролюбивых русских⁴⁴⁶. «Воспоминания» И.Ф. Бабкова пронизаны идеей цивилизаторской миссии России в степи.

В советской историографии также доминировала мысль о значительной отсталости казахского общества и культурном превосходстве русских, что нередко рождало миссионерские размышления о добре и благе, прогрессе и цивилизации. Требуется своего разрешения и вопрос: Обладал ли российский колониализм достаточными возможностями для осуществления хотя бы сколько-нибудь радикальных трансформаций, вопреки претензиям на цивилизаторскую и культурно-мессианскую роль? Метрополия представала такой же докапитали-

⁴⁴⁶ Сухих 2003: 93.

стической периферией, как и ее колонии, а императивы общинно-крестьянской морали определяли бытие более чем 80% ее населения⁴⁴⁷.

В данном случае, стоит обратить внимание на высказывание У. Сандэрлэнда: «Европеизированные русские часто считали русский плебс (народ) таким же «отсталым», как и нерусские инородцы. По мнению некоторых наблюдателей, русские массы были даже гораздо более отсталыми, чем некоторые инородцы»⁴⁴⁸.

Детерминанта стереотипных представлений в отношении казахов-кочевников это, прежде всего, издержки прежних подходов, а именно, формирование идей культурного превосходства оседло-земледельческих народов (русских) над кочевниками (казахами). Идея культурного превосходства и доминирования выработана и имело место, прежде всего, в умах правящей элиты. Какова была практическая реальность? Суровый климат, вековая целина, трудности хозяйственного обустройства – это реальность. Обратимся к повседневным практикам кочевников-казахов и крестьян-переселенцев во второй половине XIX-начале XX вв. Проведенные исследования позволяют говорить, что практика жизни отвергает несостоятельность этих стереотипов в отношении казахов-кочевников.

Сфокусируемся на рассмотрении в практической плоскости взаимоотношений оседлых народов (русских) со степными народами (казахами), используя подходы и методы социальной истории и культурной антропологии. Они дают возможность избрать другой угол зрения и увидеть иную картину взаимоотношений людей разных культур, взглядов, вероисповеданий, образа жизни, а именно: не только конфликтные, но и контактные.

По приходу на избранный участок главной заботой крестьян-переселенцев являлось устройство жилищ в новых условиях жизни. По свидетельству архивных данных, при обустройстве жилья сложилась неприглядная картина: страшная скученность вследствие ничтожных размеров землянок и скопления множества людей и даже животных. К тому же полное отсутствие всякой вентиляции, сырость и холод, вызывающие у человека неприятное ощущение зябкости. («... стены абсолютно непроницаемы и так как окна не отворяются, то вентиляция отсутствует совершенно»⁴⁴⁹). В конечном итоге, – болезни, значительная степень душевного угнетения, а нередко и смерть.

Вся сложившаяся ситуация с устройством жилья крестьян-переселенцев была признана властями неотложной, и было предложено при обустройстве жилищ заимствовать опыт киргизов. Так, Степной генерал-губернатор дает указание Военному губернатору Акмолинской области немедленно, по телеграфу предложить Кокчетавско-

⁴⁴⁷ Масанов, Абылхожин, Ерофеева 2007: 13.

⁴⁴⁸ Сандэрлэнд 2004: 460.

⁴⁴⁹ РГИА.

му, Акмолинскому и Атбасарскому уездным начальникам, а также соответствующим переселенческим чиновникам озаботиться устройством при помощи киргизов обыкновенных киргизских зимовок и принять меры к их улучшению. Архивный документ гласит: «Для улучшения помещений (жилищ), неудовлетворительное состояние которых послужило главной причиной чрезмерного процента смертности и заболеваний... жилища для переселенцев на первое время устроить с помощью киргизов, из дерна, наподобие киргизских зимовок»⁴⁵⁰.

Опыт жизни русских поселений свидетельствует, что крестьяне приспосабливаются к отсутствию леса, используя опыт жизни степняков. Так, в поселках Александровской волости большинство переселенцев живет в избах, сложенных из дерна, необожженного кирпича (самана), даже из дикого камня. Из тех же материалов, а также из талового плетня, камыша и т.п. сложены все помещения для скота. Очевидно, что при осуществлении мер к постройке и улучшению временных жилищ крестьян-переселенцев, там, где это было крайне необходимо, использовался жизненный опыт казахов, вопреки определенным представлениям государственных мужей по поводу степных жителей. Уклад кочевой жизни, многовековая культура, повседневный быт казахов, учитывавший своеобразие экологических условий для хозяйственной деятельности, были примером для пришедших обустроиться в степных просторах.

Топливом, даже у наиболее зажиточных крестьян, служит исключительно кизяк, который изготавливают не знавшие кизяка на родине пермяки, оренбуржцы и т.д. Как известно, в качестве топлива кизяк использовали еще андроновцы. Более того, даже некоторые крестьяне Боровской волости, расположенной среди лесистого пространства, имея возможность заготавливать дрова для топлива, в последние годы начинают делать кизяк. «Едва ли можно сомневаться в том, – отмечает А.Кауфман, – что и будущие водворенцы смогут довольствоваться для отопления кизяком, даже опасаясь того, что это обстоятельство явится впоследствии немаловажным препятствием к распространению уваживания пашен»⁴⁵¹.

Ко многим существенным трудностям и недостаткам переселенцев прибавляется недоедание и однообразная пища, которая состоит из муки, выдаваемой администрацией для зимовавших переселенцев в размерах 1 пуда на взрослого; потому примеры заимствования мы находим и в отношении пищи. Так потребление кумыса крестьянами-переселенцами для лечебных целей упоминается в архивных материалах. В связи со сложившейся сложной ситуацией, на ассигнования министерства внутренних дел была открыта столовая в Архангельском поселке Петропавловского уезда для новоселов, заболевших цингой и другими болезнями. Столовая устро-

⁴⁵⁰ ЦГА РК: Д. 4614, Л. 43.

⁴⁵¹ Кауфман 1896: 73.

ена титулярным советником Станкевичем для слабых и больных переселенцев. В перечне израсходованных продуктов по столовой с 7 июля по 23 сентября среди обычных продуктов, потребляемых переселенцами, значится и кумыс. Было израсходовано: мука – 511 пудов, картофель – 131 пудов, молоко – 2.610 крынки, мясо – 196 пудов, сало – 15 пудов, яйца – 2.021 штук, кумыс – 85 ведер, рыба (сушеная) – 3 пуда, масло топленое – 1 пуд, лук – 6 пудов, соль – 9 пудов⁴⁵².

В одном из путевых заметок рассказывается о русских переселенцах, поселившихся под Казалинском. «...кто решили остаться за стройку, принялись, другие же киргизские кибитки купили, приноровились к труду непривычному. Колодцы рыть начали, глину месить по киргизски с соломой; комья лепили, на солнышке сушили; из комьев и стены выводили, двери из камышовых плетен, окна рамах ладили, камышовые плоские крыши делали. Скоро и зима подошла, холодные ветры задули. Хватились за счет топлива; саксаул, колочку или камыш с лета запасают. Дожди пошли, стройка новая, крыши протекли и стены размывать стало, у кого кибитки, тем лучше было. В начале февраля весна началась. Которые на новых местах остались, у киргизов на посев семена купили, начали плуги ладить...»⁴⁵³.

Самый тяжелый, самый несвойственный, непривычный труд, который выпал на долю русского переселенца в Туркестанском крае, – это искусственное орошение. Можно только удивляться, чего не в состоянии перенести человек в силу необходимости и привычки (под палящим солнцем, в течение целого дня люди раскачивают черпаки).

Имели место и протестные практики. Нельзя исключать и то, что казахи-кочевники оказывали сопротивление заселению крестьян-переселенцев. Они изгоняли землемеров, уничтожали межевые знаки, нападали на крестьянские поселения, поджигали хозяйства, угоняли скот, особенно лошадей. Крестьяне-переселенцы, в свою очередь, нападали на казахские аулы, о чем также свидетельствуют архивные источники. Излишне утверждать об ущемлении прав местного населения при проведении колонизации, связанного, прежде всего, с изъятием плодородных земель, что, безусловно, порождало конфликты. Это доказано предыдущими исследованиями. Нет смысла в повторении изученного. Речь идет о привнесении и наращивании знаний.

Стоит обратить внимание и на практику трудового сотрудничества. Повседневное общение с русским населением в свою очередь убеждало казахов в выгодности оседлой жизни и земледельческого труда. Казахи с большим желанием брались за освоение новых форм хозяйственной деятельности. Ученый-востоковед В.В. Григорьев отмечал: «они постигли уже удобства и пользу жизни оседлой, и стре-

⁴⁵² ЦГА РК: Д. 4614, Л. 118.

⁴⁵³ Родина 1880: 148-161.

мятся к ним быстро: ибо в отделывании земель под посевы все страдные и домашние, и крестьянские работы, свойственные их быту изделия, – знакомы им, не менее, русских»⁴⁵⁴.

«...киргиз охотно перенял от татар и русских употребление самовара, находит эту посудину и красивою, и забавною, и удобною... с этим украшением юрты ни за что не расстанется. Многие из близ-линейных киргизов, побывав в сибирских селениях, завели у себя в юртах утварь наподобие русской: столы, стулья, посудные и платяные шкапы, складные железные кровати, ложки, вилки, ножи, тарелки и т.д.»⁴⁵⁵.

Итак, крестьяне-переселенцы и казахи-кочевники – люди совершенно разные по укладу жизни, культуре, ментальности стали встречаться, заимствовать жизненный опыт, порой сближаться; между ними зарождались и приятельские взаимоотношения. Путь сближения был трудным, беспокойным и долгим. Не сломленные жизненными трудностями, борясь за хлеб насущный, в непривычных условиях «чужой» природы многие из крестьян-переселенцев смогли устроить свой повседневный быт и благодаря жизненному опыту местного населения – казахов-кочевников.

Дореволюционный исследователь А.И. Иванов приводит справедливое высказывание Е.П. Маковецкого в статье «Юрта» о том, что мы, «европейцы, гордые сознанием превосходства своей культуры, свысока относимся к киргизам, считая их дикарями, недостаточными нашего внимания. Эта черта проходит красной полосой во всей истории наших сношений с инородцами и во всей нашей колонизационной политике. Понятно, такое отношение более чем несправедливо. Причины экономического падения киргизского хозяйства местная администрация объясняет крайним земельным стеснением киргиз»⁴⁵⁶.

По мнению представителей русского государства и большинства образованных русских, «отсталые» жители Востока должны были стать более похожими на русских, в то время как русские должны были изменить других, сохранив при этом свой язык, обычаи, религию и свою «русскость». Считалось желательным и вполне естественным, что «инородцы», проживающие в империи, когда-нибудь станут «русскими». Русские не должны были скатываться вниз по шкале цивилизации и становиться «Другими». Ключевым понятием здесь была «шкала». В XVIII веке русские ученые (многие из них были немцами, работавшими в Академии наук), одержимые страстью к составлению всевозможных классификаций, приступили к созданию подробной этнографической таксономии народов империи. Находясь под сильным влиянием идей Просвещения относительно того, какие обычаи лучше, а какие хуже, русские ученые построили примерную иерархию

⁴⁵⁴ Григорьев 1905: 37.

⁴⁵⁵ Красовский 1868: 401-402.

⁴⁵⁶ Иванов 1895: 25.

культур народов империи. На вершине этой иерархии стояли оседлые земледельцы (предпочтительно православные и предпочтительно славяне), далее шли кочующие скотоводы, и последними – различные группы, занимающиеся охотой и собирательством. Однако практика жизни демонстрирует их несостоятельность.

Приложение мыслительных усилий к пониманию, что практика и опыт жизни одних могут заимствоваться другими, и рассмотрение через призму ситуативных практик повседневной жизни с целью жизнеобеспечения позволило увидеть наличие разных сюжетов, связанных, как с колониальными столкновениями, так и контактами, разделяющие барьеры и соединительные звенья. В системе отношений метрополия – колония далеко не все определяли политические и экономические интересы. Значительная роль принадлежала системе идей, представлений, образов, востребованных исторической наукой.

В изучении истории русской крестьянской колонизации в прежних академических исследованиях авторы предпочитали углубляться в хозяйственные подробности жизни крестьян-переселенцев, часто оставляя без внимания восприятие мира, нравственность, социальную психологию и поведенческие стереотипы. Применение подходов социальной истории, культурной антропологии демонстрирует возможность избежать возвращения к стереотипным представлениям и ущербность увлечения лишь этнической доминантой.

Список источников и литературы

- Григорьев 1905** – Григорьев В.В. Несколько заметок о Киргизской степи. – СПб., 1905.
- Иванов 1895** – Иванов А.И. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. – СПб., 1895.
- Крадин 2007** – Крадин Н.Н. Кочевники в мировом историческом процессе // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: Сборник материалов Международной научной конференции / под ред. И.В. Ерофеевой и Л.Е. Масановой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
- Красовский 1868** – Красовский Н.И. Область сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. – СПб., 1868.
- Левшин 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей (под общей редакцией академика М.К. Козыбаева). – Алматы: «Санат», 1996.
- Масанов, Абылхожин, Ерофеева 2007** – Масанов Н.Э., Ж.Б. Абылхожин, Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в со-

временной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 3. Д. 435. Л.300.

Родина 1880 – Родина. – 1880. – № 3. – С.148-161.

Сандэрлэнд 2004 – Сандэрлэнд У. Империя без империализма? Неоднозначный характер колонизации в царской России // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / под редакцией И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. – Казань: «Центр исследований национализма и империи», 2004.

Сухих 2003 – Сухих О.Е. Образ казахов-кочевников в записках русского администратора // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. – Астана; Томск; Омск, 2003. – С.93-96.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 391. Оп. 3.

Azhar Rakhimbekova

STEREOTYPED IMAGES AND REPRESENTATIONS: THEIR INSOLVENCY ON THE EXAMPLE OF THE PRACTICE OF INTERRELATIONS OF KAZAKH-NOMADS AND PEASANTS-SETTLERS

The article dedicated to stereotypical views about kazakhs-nomads prevailing in historiography. Attention focuses on the life experience of kazakhs-nomads in certain climate conditions and borrowing by peasants-settlers in new conditions for them.

Key words: image, stereotypes, “one’s own – alien”, borrowing, kazakhs-nomads, peasants-settlers, practice of daily occurrence.

УДК 902.03:27-67

Код ВАК 07.00.02; 07.00.03

А. И. Романчук

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ: ХЕРСОНЕССКИЙ СВЯТО-ВЛАДИМИРСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ПЕРВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ РАСКОПКАМИ

В публикации рассмотрено влияние объективных и субъективных причин, влиявших на процесс раскопок в Херсонесе. Согласно документам, руководство монастыря полагало, что К.К. Косцюшко-Валюжинич, являясь католиком, неуважительно относится к православным святыням. Но существенным было и то, что его стремление изучить и сохранить памятники препятствовало созданию монастырских хозяйственных служб.

Ключевые слова: базилики, монастырь, разрушение памятников, раскопки, Херсонес.

В названии публикации отражены основные действующие лица последующего обращения к теме. Не упомянут, но подразумевается Херсонес-Херсон-Корсунь – город, который являлся непреходящим объектом внимания летописцев, в последующем – историков и российской общественности еще до вхождения Таврики в состав России. Одно из свидетельств – это сочинение работавшего и на Урале В.Н. Татищева (1686-1750), историка, географа и этнографа, выступавшего на военном, дипломатическом и административном поприщах⁴⁵⁷. Труд его «История Российская»⁴⁵⁸ считается крупнейшим памятником историографии, где на основании Повести временных лет и летописей отражены наиболее ранние отношения Византии и Руси, приведен анализ географических реалий античного времени⁴⁵⁹. Но нас интересуют не столько отзывы о научных штудиях В.Н. Татищева, а наметившаяся еще в XVIII в. связь Урала и далекого от него древнего центра. Продолжением ее стали работы уральских историков в Херсонесе, о котором в часто цитируемом Послании П.С. Уваровой к Императору Александру III сказано: «Древняя святыня земли русской – город Корсунь или Херсон. Здесь на берегу Черного моря равноапостольный князь Владимир венчался и принял Святое Крещение, отсюда свет Христианства распространился по всей России. Святыня эта должна быть дорога всякому русскому сердцу; должна быть известна всей грамотной России; должна служить основанием при изучении русской архитектуры и русского искусства»⁴⁶⁰. В Послании подчеркнуто: «Труден и тернист путь, по которому пойдут первые работники и исследователи испорченного хищениями Херсонеса»⁴⁶¹.

Романчук Алла Ильинична, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51), доктор исторических наук, профессор.

Alla I. Romanchuk, professor of the Department of Ancient world and Middle ages History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (912) 2972043. Электронная почта/E-mail: alrom1@yandex.ru

© Романчук А. И., 2017

⁴⁵⁷ Шапиро 1982: 131-152.

⁴⁵⁸ Татищев 1963-1964.

⁴⁵⁹ Безусловно, для сочинения В.Н. Татищева в силу объективных и субъективных причин характерны неточности, что было отмечено в историографии (Тихомиров 1979: 66-67).

⁴⁶⁰ Уварова 1887: 1.

⁴⁶¹ Там же: 8.

Этот «тернистый путь» предстояло пройти Первому заведующему Херсонесскими раскопками. Но не будем останавливаться на значимости его деятельности⁴⁶². Эти аспекты неоднократно освещались⁴⁶³.

Создание небольшой обители на территории древнего Херсонеса относится к 1850 г. После Крымской войны в пережившем разграбления монастыре началось быстрое возрождение: в 1861 г. он получил статус первоклассного, в том же году заложен (в центральной части городища) величественный собор Св. Равноапостольного князя Владимира⁴⁶⁴. Возведение хозяйственных комплексов, необходимое для развития монастыря, не могло не войти «в противоречие с прошлым», и особенно усилилось, когда в 1888 г. начались систематические раскопки. Одной из причин этих противоречий подчас считают то, что церковное руководство Таврики интересовало христианские древности, а Императорскую археологическую комиссию (далее – ИАК) – античный город⁴⁶⁵. Однако нельзя сводить стремление ИАК только к изучению античного периода, хотя это и подчеркивалось ее руководством («желательно для чести России и русской науки охранять от дальнейшего расхищения классическую Древность – Херсонес, собрать в одно место все, что еще осталось и будет найдено, и производить ученым образом дальнейшие археологические изыскания»⁴⁶⁶). Приоритета Античности не существовало. Председатель ИАК, отмечая заслуги К.К. Косцюшки-Валюжинича, подчеркивал, что он «открыл 20 храмов и часовен-усыпальниц, отчасти с остатками мозаичных полов, кафедральный собор, интереснейший памятник византийского зодчества в России»⁴⁶⁷. Задача «производить ученым образом археологические изыскания» подразумевала прекращение «раскопчной деятельности» монастыря, дистанционного руководства Одесского общества истории и Древностей раскопками, которые контролировались случайными лицами (или доверялись монастырю). А обращение к архивным документам позволяет судить, что монастырское руководство менее всего интересовало история. Главным являлось решение сугубо хозяйственных проблем, что не могло не привести к уничтожению памятников вне зависимости от того, относились они к античному или византийскому периоду: «Распланировка вокруг собора: сад, стена, дом с северной стороны, (...) производство работ, необходимых для благоустройства, (...) повлечет за

⁴⁶² Одна из первых оценок деятельности К.К. Косцюшки-Валюжинича принадлежит Председателю Императорской археологической комиссии А.А. Бобринскому: «Неутомимая Ваша энергия, Ваше терпение и аккуратность привели к результатам, которыми Вы можете по праву гордиться. Никто даже из завязых скептиков – не будет отрицать и сомневаться в важности раскопок в Херсонесе, ни в факте, что открытием этого источника научного света мы всецело обязаны Вам» (Бобринский 1896: 145).

⁴⁶³ Антонова 1999/2000: 29-40; Романчук 2014; Шевченко, Тарасенко 2007: 4-7.

⁴⁶⁴ Лашков 1887: 19-75; Назаревский 1918: 181-185; Шевякова 2003: 106-113.

⁴⁶⁵ Золотарев, Хапаев 2002: 64.

⁴⁶⁶ Делянов 1887: 15.

⁴⁶⁷ Бобринский 1899: 8.

собой уничтожение остатков древних зданий, из коих удалось спасти лишь две базилики, расположенные с южной стороны храма (имеется в виду собор Св. Владимира. – А. Р.) и то лишь при условии оставить только три ряда кладки стен»⁴⁶⁸. Безусловно, объективная причина противоречий – это то, что монастырь был расположен на территории древнего города; и основание монастыря «было возможно в то время, когда о значении Древностей и их величии в Херсонесе еще не подразумевали. <...> Монастырь обычный. <...> Древний город с его прежней жизнью, так неразрывно связанной с жизнью России и постепенно извлекаемый из недр земли, должен составлять нашу гордость»⁴⁶⁹.

Но следует ли объяснять противоречия между монастырем и задачами светской науки только объективными причинами? Чтобы объяснить (показать) суть столкновений в процессе исследований Херсонеса, необходимо учитывать некоторые детали биографии Первого заведующего раскопками. Так, на копии одного документа Карл (Николай) Казимир Косцюшко-Валюжинич (1847-1907), родившийся в родовом имении Новое Село Дрисенского уезда (совр. Верхнедвинский район Витебской области), сделал примечание: «Так как не скрываю своей литовской национальности и римско-католического вероисповедования. К. Косцюшко-Валюжинич»⁴⁷⁰.

Показать, насколько влияли объективные и субъективные причины (работа на территории православного монастыря представителя иной конфессии), т.е. «человеческий фактор», можно на примере некоторых событий. Первым, пожалуй, следует привести послание в ИАК из Херсонеса: «Монастырь самовольно, без уведомления меня о том, по примеру прошлых лет, начал раскопку площади под виноградник, отказавшись даже вначале выдавать» обнаруженные при данных работах находки»⁴⁷¹.

Через некоторое время наступило кажущееся взаимопонимание: «По просьбе херсонеского архимандрита и с разрешения ИАК, я второй месяц провожу самую старательную раскопку той части площади внутри ограды, вокруг нового храма, которая оставалась не раскопанной и представляла собой сплошную кучу сваленного камня. <...> Когда г. архимандрит пожелал перенести хранящиеся при монастыре Древности в новое помещение рядом с собором, я предложил ему опытных рабочих Комиссии и лично руководил размещением предметов. <...> Привожу все это, как доказательство, что мною исполнялись

⁴⁶⁸ Косцюшко-Валюжинич 1895 (а): 127.

⁴⁶⁹ Косцюшко-Валюжинич 1902: 245.

⁴⁷⁰ Точная запись 1899: 127.

⁴⁷¹ Косцюшко-Валюжинич 1895: 149. Далее исследователь подчеркнул: «До вступления в управление нынешнего настоятеля архимандрита Александра, все Высочайше одобренные меры к сохранению херсонесских Древностей исполнялись в точности». Блестящий пример, что даже при различии целей существует возможность избежать противоречий, если существует понимание задач каждой из сторон.

все желания г. архимандрита <...> с единственной целью – работать сообща и в полном согласии для пользы науки. <...> Но видно монастырь никогда не забудет, что археологические раскопки велись когда-то под его наблюдением, и не покидает надежды вернуть эти времена.

Вчера двое рабочих <...> поставлены были мною для расследования до скалы алтарной части двух базилик. <...> Базилики эти открыты в 1861 г. и алтарные части их не были расследованы в свое время. <...> Сегодня утром г. архимандрит прогнал, в буквальном смысле этого слова, двух рабочих, углубившихся внутри алтарной части базилик, причем крича на них, и по моему адресу употребил несколько резких выражений. <...> О. Димитрий, от его имени передал мне, что г. архимандрит, как хозяин в монастыре, не разрешает копать внутри ограды там, где я полагаю, а тем более храмы, причем иеромонах Иоанн добавил, что “храмы эти православные”. И далее К.К. Косцюшко-Валюжинич просит: «Почтить меня разъяснением:

Б) должен ли я <...> преследовать исключительно научные цели, которые, к сожалению, расходятся с целями монастырского начальства, недовольного тем, что <...> по раскопанному городищу неудобно и даже опасно пасти стадо. Забывая в этом случае, что монастырскому начальству не подобает допускать загрязнения его же стадом “православных храмов”»⁴⁷².

В ответ на обвинение монастыря в самоуправстве исследователь разъясняет: «Мое “возмутительное самоуправство” (доследовать открытые в 1861 г. базилики) вынудило монастырское управление запретить начатое “рытье в 2-х храмах”! <...> Обвинив меня в явно недружелюбном отношении вследствие моего “инославного исповедания”»⁴⁷³.

Содержание документов свидетельствует не только о различиях между научными задачами и «удобствами» для монастырских служб, но и искажении исторических реалий: храмы, о которых идет речь выше, были возведены в период, когда еще не произошло разделения церкви на Западную и Восточную. В последующем еще не раз будет вспоминаться «инославию» заведующего раскопками. В данном плане показателен пример с обсуждением вопроса создания специального отделения для хранения христианских Древностей.

Итак, редакционное сообщение газеты «Крым» № 78 от 29.03.1899: «Вчера, 28 марта, представлялся Владыке Николаю заведующий Херсонесскими раскопками г. Косцюшко-Валюжинич и ознакомил Владыку с драгоценностями, открытыми им в последнее время. <...> Владыка обещал свое содействие в деле раскопок, насколько это будет от него зависеть».

⁴⁷² Косцюшко-Валюжинич 1896: 212.

⁴⁷³ Косцюшко-Валюжинич 1896 (а): 21.

О посещении раскопок епископом сообщено в ИАК следующее: «В 8 утра 21 июня епископ Николай осмотрел Склад Древностей, городище и некрополь. <...> В конце визита в Книге посетителей была оставлена запись: “Осматривал музей и скорбел, что при Херсонесском монастыре доселе не сделано отделение для церковных вещей. Отделение можно поместить в нижнем храме”. При этом епископ обещал все не церковные Древности из местного музея монастыря передать в наш. <...> Я передал епископу, что Вы, Ваше Сиятельство, несомненно, разрешите не только устройство при чудном херсонесском храме такого музея, но даже и дальнейшее его ежегодное пополнение, но только с тем условием, чтобы он считался отделением главного Склада и чтобы все Древности его числились на инвентаре последнего»⁴⁷⁴.

К.К. Косцюшко-Валюжинич не подозревал, что этот визит приведет к полемике не только с церковными властями, но и представителями местной печати. Одним из отражений дискуссии и ее содержании является «Ответ на хронику газеты “Крым” № 157, о скорби епископа Николая по поводу разрознения находок, о ковчеге, о небрежности при раскопках храма с ковчегом», в котором К.К. Косцюшко-Валюжинич разъяснял: «Упоминание имени Владыки вынудило предложить редактору опровергнуть после разговора с Преосвященным Николаем “клевету на правительственное учреждение” и разъяснить, что “ученое расхищение”, “раскопки ведутся довольно небрежно” могут быть отнесены только ко времени до 1888 г., до начала деятельности ИАК. <...>

Выражение “скорбел” в записи музея <...> вызвано не скорбью о “небрежных раскопках и ученом расхищении”, а тем, что, благодаря непостижимому равнодушию монастырской администрации к делу раскопок Херсонеса, с которым неразрывно связана история как возникновения, так и дальнейшего процветания монастыря, не было возбуждено в продолжение 11 лет ходатайства об открытии при чудном Херсонесском храме Отделения музея для церковных Древностей. <...>

Редактор продолжает настаивать, что определение “научное расхищение” вполне правильно применимо к такому способу хранения Древностей, благодаря которому все христианские памятники, имеющие громадное научное значение, пересылаются в Императорский Эрмитаж, а не сохраняются в ризнице монастыря.

Неужели редакция думает, что <...> эти сокровища будут более доступны для научного изучения и менее подвержены возможности профанирования их со стороны молодых зрителей – послушников, имеющих ни самонаименование понятия о значении показываемых памятников?

“Дело в том, что для г. Косцюшки-Валюжинича, как истого археолога, причем не православного, находимые в Херсонесе предметы церковно-православного обихода не могут представлять другого инте-

⁴⁷⁴ Косцюшко-Валюжинич 1899 (а): 332.

реса, кроме археологического, для нас же простых смертных, эти вещи прежде всего – родная святыня!”

Беру на себя смелость разочаровать г. редактора, что жители византийского Херсонеса были “просто христианами”, т.к. прискорбное разделение церквей на Восточную и Западную произошло лишь в 1054 г., а потому, чтобы производить раскопки не только в Херсонесе, но и в Византии, Риме, Равенне и остальных центрах древнехристианского мира, совершенно достаточно быть просто христианином. <...>

Г. редактору остается внести проект в греческий парламент и предложить свои услуги организовать новый археологический штат, вместо подлежащих немедленно удалению немецких и английских ученых – кстати, мы стоим на пороге XX века. <...>

“Скорблю”, и, конечно, не менее редакции “Крым” в том, что лишен всякой возможности поддержать и сохранить все открытые при раскопках храмы, часовни, здания, водопроводы, городские стены; короче: весь древний Херсонес, как колоссальный музей»⁴⁷⁵.

Реакция ИАК – это уже не просто полемика, а отсылка к государственным документам: «Вышеуказанным Высочайшим повелением “строго запрещается монахам производить раскопки и продавать найденные вещи”. <...> Учреждение при Херсонесском монастыре особого музея для священных предметов, предполагаемое Преосвященным Николаем, представляло бы значительные неудобства. Не говоря уже о том, что Херсонесский монастырь не располагает научными специально подготовленными силами, которым можно было бы доверить управление музеем без ущерба для науки, нельзя не обратить внимания на то, что если бы в этот музей поступали все предметы церковного обихода в Херсонесе, этим еще сильнее раздроблялись бы находки и в значительной степени затруднялась бы научная их обработка. <...>

Во всяком случае, если и возможно учреждение в Херсонесе особого склада Христианских Древностей, то только в качестве отдельного общего склада ИАК и под единственным непосредственным ведением лица, заведующего раскопками»⁴⁷⁶.

В наши дни Склад местных Древностей, созданный К.К. Косцюшкой-Валюжиничем, стал всемирно известным музеем-заповедником «Херсонес Таврический». Все артефакты из раскопок хранятся в его фондах или же служат основой для экспозиций. Но и в конце XX и в начале XXI в. время от времени возникали идеи возрождения монастыря или же попытки поставить во главе музея-заповедника «Херсонес Таврический» представителей церкви. Это замечание – ответ на возможно возникший вопрос: зачем вспоминать о событиях по истечении уже более века. Дело в том, что подчас забыва-

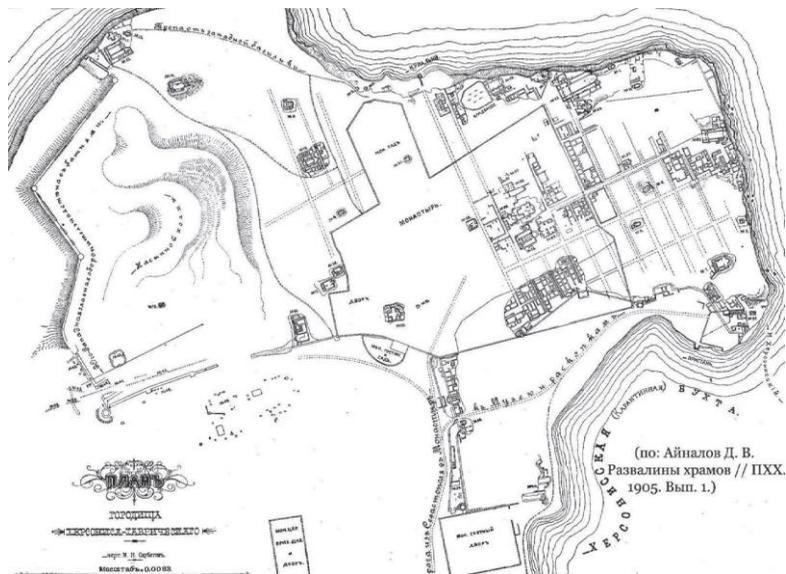
⁴⁷⁵ Косцюшко-Валюжинич 1899: 1.

⁴⁷⁶ Бобринский 1899 (а): 22.

ется, что Херсонес – это цивилизационный центр и, конечно, сакральный и не только для представителей православной конфессии.

Сокращения:

1. ГИАМЗХТ – Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический».
2. ИИМК – Институт истории материальной культуры (Санкт-Петербург).
3. ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.

План городища «Херсонеса-Таврического». 1905 г.

Список источников и литературы

- Антонова 1999/2000** – Антонова И.А. К.К. Косцюшко-Валюжинич – основатель Херсонесского музея // Nomos: Kwartalnik religioznawczy (Kraków). – 1999/2000. – № 28/29. – С. 57-67.
- Бобринский 1896** – Бобринский А.А. – К.К. Косцюшке-Валюжиничу, 06.06.1896 // Архив ГИАМЗХТ. Д. 39. Л. 145.
- Бобринский 1899** – Бобринский А.А. Рапорт от 29.03.1899 Министру Императорского Двора // Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1894. Д. 250. Л. 8-9.
- Бобринский 1899 (а)** – Бобринский А.А. – Канцелярия Императорского Двора, 02.11.1899 // Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1894. Д. 250. Л. 21-22.

- Делянов 1887** – Записка о Херсонесе Министра Народного просвещения статс-секретаря И.Д. Делянова. Петергоф. 12 июня 1887 г // Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1887. Д. 22. Л. 11-15.
- Золотарев, Хапаев 2002** – Золотарев М., Хапаев В. Херсонесские святыни. – Севастополь, 2002. – 154 с.
- Косцюшко-Валюжинич 1895** – Косцюшко-Валюжинич К.К. – ИАК. 04.02.1895 // Архив ГИАМЗХТ. Д. 39. Л. 149-150.
- Косцюшко-Валюжинич 1895 (а)** – Косцюшко-Валюжинич К.К. – ИАК. 08.11.1895 // Архив ГИАМЗХТ. Д. 39. Л. 127.
- Косцюшко-Валюжинич 1896** – Косцюшко-Валюжинич К.К. – А.А. Бобринскому, 17.06.1896 // Архив ГИАМЗХТ. Д. 39. Л. 212.
- Косцюшко-Валюжинич 1896 (а)** – Косцюшко-Валюжинич К.К. – А.А. – Бобринскому. 09.07.1896 // Архив ГИАМЗТХ. Д. 39. Л. 219.
- Косцюшко-Валюжинич 1899** – Косцюшко-Валюжинич К.К. О раскопках в Херсонесе (Письмо в редакцию) // Салгир. 24.07. 1899. № 165. Л. 1, 1об.
- Косцюшко-Валюжинич 1899 (а)** – Косцюшко-Валюжинич К.К. – А.А. Бобринскому, 26.06.1899 // Архив ГИАМЗХТ. Д. 40. Л. 332.
- Косцюшко-Валюжинич 1902** – Косцюшко-Валюжинич К.К. Проект благоустройства Херсонеса, 1902 // Архив ГИАМЗХТ. Д. 40. Л. 239-247.
- Лашков 1887** – Лашков Ф.Ф. Архивные документы, относящиеся к истории сооружения в Херсонесе храма Св. равноапостольного Князя Владимира // ИТУАК. – 1887. – № 5. – С. 19-75.
- Назаревский 1918** – Назаревский А.Г. Страничка из истории сооружения в Херсонесе храма св. равноапостольного Князя Владимира // ИТУАК. – 1918. – № 55. – С. 181-185.
- Романчук 2014** – Романчук А.И. К.К. Косцюшко-Валюжинич. Этюды повседневности. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. – 345 с.
- Татищев 1963–1964** – Татищев В.Н. История Российская. – М.; Л., 1963-1964. – Т. 1-2 (новое изд.: М., 1994).
- Тихомиров 1979** – Тихомиров М.Н. Русское летописание. – М., 1979. – 556 с.
- Точная запись 1899** – Точная запись слов Государя Императора, которыми был осчастливлен Председатель ИАК Бобринский при представлении в Гатчине 01.12.1899 г. // Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1894. Д. 250. Л. 16-17; Копия на бланке Заведующего раскопками и Складом Древностей в Херсонесе, 31.12.1899 // Архив ГИАМЗХТ. Д. 40. Л. 126-127.
- Уварова 1887** – Записка Председателя Московского археологического общества П.С. Уваровой, адресованная Императору Александру III // Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1887. Д. 22. Л. 1-9.

- Шапиро 1982** – Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век: курс лекций. – М., 1982. – 241 с.
- Шевченко, Тарасенко 2007** – Шевченко Т.М., Тарасенко И.Г. Памяти К.К. Косцюшки-Валюжинича – виднейшего исследователя Херсонеса // Археология (Киев). – 2007. – № 3. – С. 3-7.
- Шевякова 2003** – Шевякова Д.П. Роль архиепископа Иннокентия, великого князя Константина Николаевича и контр-адмирала Бутакова в сооружении храма Владимира в Херсонесе // Восток – Запад: Межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. С. 106-113.

A. I. Romanchuk
**CONFESSIONAL CONTRADICTIONS:
CHERSONESOS ST. VLADIMIR MONASTERY,
AND THE FIRST HEAD OF THE EXCAVATIONS**

The publication examines the impact of objective and subjective reasons influencing the process of excavation in Chersonesos. According to the documents, the leadership of the monastery believed that K. K. Kostsyushko-Valyuzhynch, being a Catholic, disrespect to Orthodox shrines. But significant was the fact that his desire to study and preserve the monuments prevented the creation of a monastic economic services.

Keywords: Basilica, cloister, destruction of monuments, excavations of Chersonesos.

УДК 7.071:94(470-571):94(44):94(47)
Код ВАК 07.00.03

Н.П. Таньшина

**ОРАС ВЕРНЕ: ХУДОЖНИК-ДИПЛОМАТ В ДИАЛОГЕ МЕЖДУ
РОССИЕЙ НИКОЛАЯ I И ФРАНЦИЕЙ ЛУИ-ФИЛИППА**

Статья посвящена анализу российско-французских отношений в 1830-1840-е гг. сквозь призму деятельности французского художника-баталиста О. Верне, в 1836 и 1842-1843 гг. побывавшего в России и выполнявшего не только живописные работы, но и осуществлявшего негласные дипломатические функции. Король Луи-Филипп отводил художнику важную роль в деле нормализации двусторонних отношений и активизации межкультурного диалога.

Ключевые слова: О. Верне, император Николай I, король Луи-Филипп Орлеанский, Июльская монархия, русско-французские отношения, межкультурный диалог.

Таньшина Наталия Петровна, профессор кафедры Всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Москва, пр. Вернадского, 82), профессор кафедры новой и новейшей истории Москов-

В 1830-1840-е гг. отношения между Россией и Францией были весьма прохладными, если не сказать напряженными. Это было связано с резко негативным отношением императора Николая I к режиму Июльской монархии (1830-1848) и королю Луи-Филиппу Орлеанскому, получившему трон в ходе революции. Император, ревностный защитник принципа легитимизма и порядков, установленных Венским конгрессом, был вынужден признать режим Июльской монархии, однако «короля баррикад» Луи-Филиппа до конца своих дней считал узурпатором престола. Контакты с Францией были предельно ограничены: Николай опасался проникновения в Россию тлетворного революционного духа.

Франция, однако, была заинтересована в нормализации отношений с Россией. Тем более, было хорошо известно, что Николай I, при всем своем негативном отношении к «фальшивой» Июльской монархии, к Франции как таковой, ее истории и культуре относился с большим уважением. При Николае в России трудилось немало великих французов, самым известным из которых был, пожалуй, Огюст де Монферран, создатель Александрийской колонны, монумента во славу побед русского оружия.

Луи-Филиппу для того, чтобы найти подход к Николаю I, нужен был посол иного рода, нежели дипломат⁴⁷⁷. Таким человеком вполне мог стать художник. Тем более, что в истории уже был замечательный пример: Питер Пауль Рубенс прославился не только как гениальный живописец, но и как непревзойденный дипломат, выполнявший важные миссии в годы Тридцатилетней войны. Рубенсом XIX-го века, как по части живописной, так и дипломатической, вполне можно считать французского художника Ораса Верне (1789-1863). Именно ему выпала роль стать неофициальным представителем короля Луи-Филиппа при дворе императора Николая I.

Выбор был вполне удачным. Начать с того, что имя художественной династии Верне было давно известно в России. Дед художника, пейзажист Жозеф Верне (1714-1789), был одним из любимых живописцев русской аристократии, а его работы коллекционировали императрица Екатерина II, императоры Павел I и Александр I⁴⁷⁸. Кроме того, Луи-Филипп прекрасно знал о трепетном отношении Николая

ского педагогического государственного университета (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 88), доктор исторических наук, профессор

Natalia P. Tanshina, professor of the School of the Advanced Studies in the Humanities, Presidential Academy of National Economy and Public Administration (119571, Russian Federation, Moscow, Vernadskiy pr., 82), professor of Moscow State Pedagogical university (119571, Russian Federation, Moscow, Vernadskiy pr., 82), doctor of Science (History)
Телефон/Phone: 8 (916) 143-34-58 Электронная почта/ E-mail: nata.tanshina@mail.ru

© Тяньшина Н. П., 2017

⁴⁷⁷ В 1835-1841 гг. пост посла Франции в России занимал барон Проспер де Барант.

⁴⁷⁸ Nicoud 2013: 144-145.

ко всему, связанному с военной славой, и о его уважении к имени императора Наполеона I. Поэтому кандидатура Ораса Верне, прославленного художника-баталиста, убежденного наполеониста, обладателя орденов Почетного легиона⁴⁷⁹, вполне подходила для неофициальной дипломатической миссии.

В 1835 г. Верне возвратился во Францию из Рима, где возглавлял Французскую академию живописи. Вернулся, чтобы писать батальные картины для Галереи Славы Версальского музея, детища Луи-Филиппа⁴⁸⁰. В Салоне 1836 г. он выставил четыре свои картины, для которых уже было предусмотрено место в Галерее Славы. Казалось, перед художником открывались блестящие перспективы: он мог стать главным баталистом короля, тем более в условиях набиравшего обороты культа Наполеона. И вдруг неожиданно художник уезжает в Россию⁴⁸¹, разойдясь во взглядах с Луи-Филиппом: Верне не согласился с трактовкой короля сюжета картины «Осада Валансьенна»⁴⁸².

Вероятно, через посла в России Проспера де Баранта, с которым он был знаком со времен пребывания в Риме, (Барант в 1830-1835 г. был послом Франции при короле Сардинии), Верне был осведомлен, что его кисть могла очень пригодиться Николаю I. Тем более, что государь уже давно выражал желание видеть Верне в Петербурге. Незадолго до отъезда художника в Россию об этом министру двора князю П.М. Волконскому писал А.Н. Демидов, парижский меценат с русскими миллионами и итальянским титулом князя Сан-ДоНАТО, состоявший при русском посольстве в Париже. В письме от 16 (28) мая 1836 г., сообщая о принятом Верне решении, он отмечал: «Его Величество Император уже давно говорил маршалу Мезону и г-ну де Баранту о своем желании видеть Ораса Верне в России. После предложений, сделанных ему г-ном Ладурне»⁴⁸³, он вступил с ним в переписку. Убедившись, что его приезд будет приятен Императору, он решил поехать в Петербург...»⁴⁸⁴.

⁴⁷⁹ 7 декабря 1814 г. Верне стал кавалером Ордена Почетного легиона, 11 января 1815 г. – офицером Ордена Почетного легиона; 8 марта 1842 г. – командором Ордена Почетного легиона, 7 декабря 1886 г. – был награжден Крестом высшего офицера Ордена Почетного легиона.

⁴⁸⁰ Луи-Филипп задумал превратить Версаль в национальный музей Франции и создать там Галерею Славы. Торжественное открытие Версаля состоялось 10 июня 1837 г. и было приурочено к свадьбе наследника престола, герцога Фердинанда Орлеанского.

⁴⁸¹ О пребывании О. Верне в России см.: Трескин 1896; Врангель 1911.

⁴⁸² Верне отказался изобразить Людовика XIV во главе штурмовой колонны как искажение исторической правды, поскольку король не принимал участия в осаде. Когда один из придворных заметил: «Король Вам за это платит, делайте то, что хочет король», Верне ответил: «Мне не платят за ложь» // Dayot 1898: 140.

⁴⁸³ Ладурне – ученик Ораса Верне, с 1829 г. проживал в Петербурге, был придворным художником Николая I. Умер в Петербурге в 1856 г.

⁴⁸⁴ Дурьлин 1937: 503.

Французским биографом Верне А. Дайо была подмечена любопытная деталь: коренной парижанин, родившийся в апартаментах деда-художника в Лувре, Верне видел перед своими глазами либо российские степи и заснеженные равнины, либо бескрайние африканские пустыни: «Его привлекали контрасты. В его сердце властвовали Африка и Россия...»⁴⁸⁵.

В Петербурге Верне ожидал блистательный прием, что чрезвычайно поразило посла Баранта, доносившего в Париж 1 августа 1836 г.: «... Небывало радушный прием, оказанный г-ну Орасу Верне, его почти интимные отношения с императорской фамилией, невозможные в какой-либо другой стране, вызывают удивление даже здесь...»⁴⁸⁶. Сам Верне отрицал политическую подоплеку своего путешествия. Поль Лакруа в своей работе о Николае I приводит слова художника: «Я уехал только для того, чтобы показать всем, что, будучи первым живописцем короля, я не умею и не хочу лгать»⁴⁸⁷.

Причем это была, действительно, принципиальная позиция художника. Верне проявил независимость и в отношениях со своим новым щедрым покровителем, когда государь, уже во время второго визита Верне в Россию, предложил ему написать картину на сюжет взятия Варшавы. А мы знаем, какой интерес и симпатию французы демонстрировали к полякам, и какую боль поляки доставляли Николаю. Верне ответил так: «Почему бы и нет, ваше Величество, – разве я не батальный художник? К тому же мне приходилось изображать мучеников, а совсем недавно и страдания самого Христа среди его палачей»⁴⁸⁸.

Император и петербургская знать завалили художника заказами. Николай поручил ему написать картину «Наполеон принимает парад гвардии в Тюильри». При этом государь сказал: «Эта картина останется в моем кабинете. Я хочу всегда иметь перед глазами императорскую гвардию, которая смогла нас разбить»⁴⁸⁹.

Верне сопровождал Николая во время его поездки в Москву, но пробыл там всего несколько дней, вынужденный в конце лета вернуться на родину, где умирал отец. Однако уже в ноябре 1836 г. он получил письмо от одного из своих петербургских знакомых, в котором сообщалось: «Возвращайтесь! Отовсюду я слышу только один вопрос: "Вернется ли Верне?"»⁴⁹⁰.

Однако визит в Россию пришлось отложить: в следующем году живописец устремился в Северную Африку, где французские войска взяли Константинополь, «континентальную столицу» Алжира. Луи-

⁴⁸⁵ Dayot 1898: 141.

⁴⁸⁶ Barante 1895: 449.

⁴⁸⁷ Васильев 2008: 94.

⁴⁸⁸ Там же: 94.

⁴⁸⁹ Dayot 1898: 140-141.

⁴⁹⁰ Durande 1864: 160.

Филипп поручил Верне к 1 января 1842 г. написать несколько эпизодов из истории взятия Константины для Версальского музея⁴⁹¹.

Едва закончив работы, 1 июня 1842 г. Верне сел на корабль в Гавре и через десять дней прибыл в Петербург⁴⁹². Так начался его второй визит в Россию.

О пребывании художника в Петербурге нам известно из его писем супруге Луизе. Впервые письма Ораса Верне появились в печати в 1856 г., очевидно, на волне интереса к России, связанного с Крымской войной. 8 апреля газета «Ла Пресс» предложила своим читателям рассказ о путешествии, опубликованном в виде фельетона, новом жанре, обеспечившем успех этому изданию, основанному Эмилем Жирарденом: «Путешествие Ораса Верне (Институт) в Россию (1842 и 1843)», по мотивам переписки художника с семьей»⁴⁹³. В это издание были включены с большими сокращениями лишь немногие письма. Спустя десять лет письма Верне были опубликованы в книге А. Дюранда «Жозеф, Карл и Орас Верне. Переписка и биографии». В 2008 г. в России был опубликован перевод этих писем Д. Васильевым, дополненный обстоятельной статьей и комментариями.

Содержание переписки является свидетельством особой миссии художника. Это не интимная семейная переписка, а настоящая хроника событий, глубокий и внимательный анализ различных аспектов жизни не только петербургского, но и в целом российского общества, адресованная, вероятно, не только и не столько жене, сколько Луи-Филиппу, или, по крайней мере, его политическому окружению. С учетом того, что переписка подвергалась перлюстрации, и Верне прекрасно знал об этом, вероятно, еще одним адресатом писем являлся сам Николай: таким образом Верне мог донести до государя позицию французского правительства.

Второй визит художника в Россию пришелся на время, когда интересы двух стран представляли поверенные в делах. В конце 1830-х – начале 1840-х гг. отношения между странами обострились из-за Восточного вопроса: 15 июля 1840 г. была заключена Конвенция по делам Востока без участия Франции, и французы не без оснований полагали, что Николай I весьма этому содействовал. 13 июля 1841 г. Франция вернулась в «европейский концерт» и вместе с другими «великими державами» заключила новую конвенцию по урегулированию конфликта между пашой Мухаммедом Али и турецким султаном Абдул-Меджидом, однако отношения между странами не улучшились. Более того, в самом конце 1841 г. в двусторонних отношениях произошел дипломатический инцидент: посол России во Франции граф П.П. Пален в отсутствие старейшины ди-

⁴⁹¹ Ibid.: 156.

⁴⁹² Ibid.: 160-161.

⁴⁹³ Nicoud 2013: 141.

пломатического корпуса австрийского посла графа Р. Аппоньи уклонился от возложенной на него миссии поздравить короля Луи-Филиппа с Новым годом и, ссылаясь на проблемы со здоровьем, покинул Париж. Поверенный в делах Франции в России Казимир Перье получил распоряжение не являться к высочайшему двору 18 декабря 1841 г. в день тезоименитства государя императора⁴⁹⁴. С тех пор послы так и не вернулись к исполнению своих обязанностей, хотя официально отозваны не были, а интересы стран представляли поверенные в делах⁴⁹⁵.

В этих условиях миссия Верне могла приобрести особый характер. К моменту приезда художника поверенный в делах Франции в России Казимир Перье только что отбыл из Петербурга, что, правда, не особенно расстроило Верне: с посольством отношения у него не складывались, как и в целом с французами, проживавшими в Петербурге. Он писал супруге 10 июля 1842 г.: «Я ничуть не огорчен отъездом нашего представителя; мое положение будет менее затруднительным... иное (лучшее. – *Н.Т.*) отношению ко мне, чем к нему, часто ставило меня в неловкое положение»⁴⁹⁶.

Однако едва прибыв в Петербург, Верне был вынужден покинуть Россию: 13 июля 1842 г., в тот самый день, когда художник присутствовал на императорском празднике в Петергофе, в Париже произошла трагедия: погиб старший сын короля, наследник престола, герцог Фердинанд Орлеанский. Верне решил незамедлительно ехать во Францию. В записках художник сообщает о вечере, проведенном им в императорском дворце накануне своего отъезда: «Император, пройдя ко мне через толпу, взял меня за руку, отвел к окну и сказал: „Вашего несчастного короля снова постиг удар, еще более ужасный, чем те, что уже выпадали на его долю. Смерть герцога Орлеанского является огромной потерей не только для его отца и для Франции, но и для всех нас...“ Потом государь добавил: „Если вы увидите короля, заверьте его в том, что я полностью разделяю его несчастье; скажите ему... о моем уважении к его великим добродетелям и твердости его характера“»⁴⁹⁷.

Встреча художника с королем состоялась 9 августа 1842 г. Именно тогда Луи-Филипп решил поручить Верне дипломатическую миссию. Об этой беседе известно из записей самого живописца, сделанных им в тот же день. После того, как Верне передал Луи-Филиппу слова императора, король пустился в дипломатические рассуждения относительно роли, которую живописцу предстояло сыграть в России. Однако Верне ответил, что он хотел бы лишь передать императору ответ короля на слова собо-

⁴⁹⁴ Guizot 1861: 337.

⁴⁹⁵ Подробнее об этом и в целом о русско-французских отношениях этого времени см: Таньшина 2009: 216-218.

⁴⁹⁶ Ibid.: 178-179.

⁴⁹⁷ Ibidem.

лезнования. Король, как писал Верне, согласился с его позицией, добавив: «Передайте императору, что превратности моей жизни, и как обычного человека, и как монарха, приучили меня быть выше неприязни к тем, кто заблуждается относительно моих намерений. Если его представления обо мне изменятся, скажите ему, что я готов ответить ему взаимностью... Пусть он соизволит написать мне... и я отвечу»⁴⁹⁸. Более того, Луи-Филипп, по словам Верне, был готов даже лично встретиться с императором ради нормализации двусторонних отношений. Король сказал художнику: «Если он предпочитает переговоры, скажите, что я готов прибыть, куда ему угодно и сделать все, что может сблизить наши народы, союз между которыми неизбежен, и, если бы такой союз уже существовал, это значительно облегчило бы политику и предотвратило бы прискорбные последствия взаимного непонимания. Император причинил мне много зла, а мой несчастный сын умер с убеждением, что его презирают. Нужны доказательства противного...»⁴⁹⁹.

Таким образом, Орасу Верне предназначалась роль неофициального посланника при особе российского государя. Вскоре он покинул Париж и уже 20 августа был в Копенгагене на пути в российскую столицу, куда прибыл, вероятно, в начале сентября.

Художник писал жене из Петербурга: «Я видел императора, принявшего меня с той же сердечностью. Разговор был короткий. Он спросил меня о королевской фамилии. Интерес к ней у него не охладился, однако я не счел уместным тут же, при князе Волконском, пуститься в подробные объяснения, решив отложить разговор на ближайшее время. К сожалению, такая благоприятная возможность мне может и не представиться. Что тогда делать?»⁵⁰⁰

Верне была оказана непомерная честь для художника: ему было предложено сопровождать императора в путешествии по России в составе его ближайшего окружения, графа Н.А. Орлова и начальника почт генерал-адъютанта В.Ф. Адлерберга. Это также является свидетельством особого отношения Николая к Верне. Накануне поездки художник писал жене: «Предстоящее путешествие весьма для меня интересно. Шесть недель я буду неотступно, буквально каждую минуту, при Великом Человеке, и конечно, не обойдется без частых и продолжительных разговоров о взаимном сближении, которого мы все желаем. Я в это верю, потому что общественное мнение к этому вполне готово, и каждый желает видеть Францию, сблизившуюся с Россией. Надо только убедить императора в том, что его дальнейшее сопротивление будет

⁴⁹⁸ Ibid.: 180-181.

⁴⁹⁹ Ibid.: 181.

⁵⁰⁰ Ibid.: 182.

воспринято всем светом как упрямство. Слова короля, которые я остерегусь предавать сразу, вселяют в меня надежду на успех»⁵⁰¹.

Как видим, здесь Верне прямо говорит о необходимости франко-русского сближения и о готовности к нему российского общества, не разделявшего негативный настрой императора. Понимая, что его письма прочитываются, художник не забывал восторгаться императором: «По отношению ко мне император являет собой образец совершенной доброты. Что я сделал для него? Пока еще совсем ничего, а он обходится со мной так, словно сам обязан мне, да еще и почитает меня равным среди окружающих его персон»⁵⁰².

Однако со временем оптимизма у Верне поубавилось. Посетив французское посольство, он там стал свидетелем антирусских настроений. 29 октября он сообщал жене: «Вчера обедал в посольстве в весьма узком кругу; там радуются статьям против России в *Journal des Débats...*»⁵⁰³. Император также никак не проявлял намерений к сближению: «... судя по тому, что здесь все делается согласно высшей воле, наш добрый король *пошутил* со мной, поручив передать красивые слова»⁵⁰⁴. Более того, 17 ноября он писал: «Здесь только и говорят, что об отъездах во Францию»⁵⁰⁵, имея в виду сложности в двусторонних отношениях. Кстати, французов в это время в Петербурге и в целом в стране было немного, их количество заметно сократилось после Июльской революции.

Однако сам Верне уезжать не собирался; более того, зиму он решил провести в Петербурге. Как отмечал отечественный исследователь Д. Васильев, такой весьма смелый поступок изнеженного француза можно объяснить только личной просьбой короля быть его негласным представителем при Николае, независимым от французского посольства⁵⁰⁶. Верне писал: «Иногда мне хочется взять ноги в руки, ведь, в конце концов, то, чем я здесь занимаюсь, можно делать и в Париже; но оставить так внезапно императора, который так добр ко мне, было бы почти неблагодарностью»⁵⁰⁷. Из прелестей русской зимы Верне нравились только сани, а в целом отношение было таковым: «Черт бы побрал этот Север и этих мужиков!.. У меня только одно желание – вернуться домой»⁵⁰⁸.

Однако зима прошла, световой день увеличился, художник мог много работать, хотя с наступлением белых ночей уже не мог спать. Однако дипломатический климат так и не изменился. Более того, сообщая о французском посольстве в Петербурге, Верне отмечал, что сами диплома-

⁵⁰¹ Ibid.: 184-185.

⁵⁰² Ibid.: 189.

⁵⁰³ Ibid.: 203.

⁵⁰⁴ Ibid.: 203.

⁵⁰⁵ Ibid.: 212.

⁵⁰⁶ Васильев 2013: 105.

⁵⁰⁷ Durande 1864: 215.

⁵⁰⁸ Ibid.: 216.

ты отнюдь не стремились к улучшению отношений и формированию более привлекательного имиджа посольства. В частности, сообщая 3 мая 1843 г. о праздновании Дня Короля (в годы Июльской монархии это был официальный праздник), он писал: «Все ограничилось короткой мессой, отслуженной четырьмя доминиканцами. Никого не было, кроме нескольких французов. Воистину стыдно быть так представленным в такой стране, как Россия. Моя национальная гордость уязвлена»⁵⁰⁹.

Несмотря на щедрые подарки императора, Верне уезжал из России с облегчением. «Нет, нет и тысячу раз нет – никакой цивилизации никогда не будет в этом гнусном месте. Самое большее, она может некоторое время притворяться, будто существует здесь»⁵¹⁰, – такой пессимистичный вывод сделал художник о России.

Последнее письмо Верне помечено 23 июня. Вероятно, в течение месяца после этого он покинул Петербург. С Николаем Верне будет суждено встретиться еще раз в Лондоне, в 1844 г., во время неофициального визита государя к королеве Виктории. И еще однажды Верне окажется в России: в возрасте 63-х лет художник отправился на Крымскую войну и присутствовал при осаде Севастополя.

Итак, Верне-художник оставил Николаю I целую галерею картин, воплощавших апофеоз царской России. За время пребывания в России он создал настоящий «двойной портрет» императора Николая и его окружения. Первый – это портрет живописный; второй – это политический образ Николая I, его семьи, а также в целом России, запечатленный в письмах художника. Выполнил ли свою миссию Верне-дипломат, пусть и неофициальный? Конечно, на самодержца Николая I трудно было оказывать влияние, все решения он всегда принимал единолично. Однако, учитывая, что с середины 1840-х гг. прежняя нетерпимость к «фальшивой» Июльской монархии и Луи-Филиппу лично у Николая Павловича в определенной мере ослабла, а русское общество было настроено в пользу такого сближения, дипломатическая миссия Верне оказалась весьма своевременна и полезна. «*B pendant*», как ска-зали бы на смеси французского с нижегородским...

Список источников и литературы

Васильев 2008 - Васильев Д. Орас Верне, живописец трех императоров // Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга 1842-1843. – М.: РОССПЭН, 2008.

Верне 2008 – Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга 1842-1843. – М.: РОССПЭН, 2008.

⁵⁰⁹ Ibid.: 266.

⁵¹⁰ Ibid.: 273.

- Врангель 1911** – Врангель Н.Н. Иностранцы в России // Старые годы. – 1911. – Июль-сентябрь.
- Дурылин 1937** – Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31/32. Русская культура и Франция. Ч. 2. – М.: Журнально-газетное объединение, 1937.
- Таньшина 2009** – Таньшина Н.П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. – М.: КМК, 2009.
- Траскин 1896** – Трескин Н.Н. Французский художник Орас Верне в гостях у русского императора. – СПб., 1896.
- Barante 1895** – Barante P. de. Souvenirs du Baron de Barante. 1782-1866. Т. 5. – P.: Calmann Lévy, 1895.
- Dayot 1898** – Dayot A. Les Vernet. Joseph, Carle, Horace. – Paris: Armand Magnier éditeur, 1898.
- Durande 1864** – Durande A. Joseph, Charle et Orace Vernet. Correspondance et biographies. – P.: Collection Hetzel, 1864.
- Guizot 1861** – Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Т. 4. – P.: Michel Lévy frères, 1861.
- Nicoud 2013** – Nicoud G. Horas Vernet, un modern Rubens français en Russie? // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. – М. : ИВИ РАН, 2013.

Nataliya P. Tanshina

**HORACE VERNET: ARTIST-DIPLOMAT
IN THE DIALOGUE BETWEEN NICHOLAS' I RUSSIA
AND LOUIS-PHILIPPE'S FRANCE**

The article is devoted to the analysis of Russian-French relations in the 1830s-1840s through the prism of the activities of the French artist-battlesist H. Vernet, who visited Russia in 1836, 1842-1843 and performed not only paintings, but also carried out unspoken diplomatic functions. King Louis Philippe assigned the artist an important role in the normalization of bilateral relations and the intensification of intercultural dialogue.

Keywords: H. Vernet, emperor Nicholas I, King Louis-Philippe d'Orleans, July Monarchy, Russian-French relations, intercultural dialogue.

Е.Ю. Чемякин

СТУДЕНЧЕСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ В XX В. КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ*

Статья посвящена истории студенческой иммиграции из британских колоний (после распада колониальной империи – из бывших колоний) в Великобританию в XX в. Исследуется влияние европейского (в частности британского) образования на возникновение основных положений национально-освободительной идеологии в первой половине XX в. и формирование постколониальной теории в 1970-80-х гг. Делаются выводы о важной роли студенческой иммиграции в создании интеллектуального пространства, объединившего западные философские идеи и культурные традиции развивающихся стран.

Ключевые слова: постколониальная теория, студенческая иммиграция, мультикультурализм, Британская империя.

Одним из краеугольных камней в постколониальной теории является проблема образования. После распада колониальных империй во второй половине XX века именно система образования, созданная европейцами в бывших колониях, рассматривалась многими исследователями как инструмент неокOLONIALИЗМА. В работе 1988 года Майк Моррисси отмечал, что «несмотря на то, что некоторые страны Карибского бассейна свободны уже в течение двадцати пяти лет, ценности и модели британского образования все еще сохранились. Образование – пожалуй, самый коварный и загадочный колониальный пережиток. Старая система теперь перерождается (порой незаметно) в неокOLONIALИЗМную форму»⁵¹¹. На протяжении многих лет через английский язык и европейскую литературу жителям британских колоний прививались основные западные ценности, а вместе с ними и некоторые шаблоны и установки, в том числе восприятие коренного населения этих стран как нецивилизованного, дикого, варварского⁵¹². После получения незави-

Чемякин Евгений Юрьевич, выпускник кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); кандидат исторических наук.

Chemyakin Evgeny, graduate of the Department of Modern and Contemporary History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); PhD.

Телефон/Phone: +7 (904) 984-15-53. Электронная почта/E-mail: johhan@yandex.ru

© Чемякин Е. Ю., 2017

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-31-01106

⁵¹¹ Morrissey 1988: 5.

⁵¹² Post-colonial Studies Reader 1995: 425.

симости избавиться от этих моделей оказалось задачей крайне сложной, учитывая, что система образования во многих странах сохранилась практически в нетронutom виде.

Тем не менее, следует отметить, что западное высшее образование играло в колониальную эпоху важную роль – с его помощью можно было получить хорошо оплачиваемую работу и, как следствие, добиться высокого социального статуса. Помимо обучения в созданных по западным образцам университетах существовала практика студенческой миграции, когда выходцы из колоний приезжали в метрополию для того, чтобы получить образование и диплом европейского университета. На примере Великобритании мы рассмотрим этот процесс и его результаты, одним из которых, на наш взгляд, стало появление такого культурно-исторического феномена, как «постколониальные исследования».

Необходимо сказать, что студенческая миграция из колоний в Лондон во второй половине XIX – начале XX вв. была отчасти спровоцирована условиями получения работы в британских колониях. Существовали некоторые должности, доступ к которым без диплома британских университетов был запрещен. Так, например, одной из самых престижных работ в Британской Индии была Индийская гражданская служба. Но для того, чтобы попасть туда, кандидаты должны были пройти обучение и сдать специальный экзамен, который до 1922 г. принимался исключительно в Лондоне⁵¹³. Поэтому индийцам, претендовавшим на должность, приходилось покидать родную страну на несколько лет в надежде на то, что западное образование откроет им двери в «высшее» общество. Такая позиция была довольно-таки распространенной среди представителей высших каст, следствием чего стало постепенное увеличение числа индийских студентов, обучавшихся в метрополии.

Отношение к западному образованию как к возможности обрести дополнительные перспективы у себя на родине сохранялось во многих колониях вплоть до распада империи в 1940–60-х гг. Аналогичную ситуацию можно наблюдать, например, в африканских колониях, где представители местной элиты отправляли учиться своих детей в английские университеты. «Помимо духовных занятий, многих западноафриканских студентов в Великобритании привлекало медицинское и юридическое образование. В 1950-х гг. военное министерство заплатило за медицинское обучение трех студентов из Сьерра-Леоне с расчетом, чтобы они вернулись в Западную Африку в качестве армейских докторов»⁵¹⁴. Англичане также были заинтересованы в западном воспитании местных кадров, поскольку это давало надежду заручиться их будущей поддержкой.

⁵¹³ Lahiri 2000: 10.

⁵¹⁴ Killingray 1994: 8.

За первую половину XX века количество иностранных студентов в Великобритании значительно выросло. Этому способствовало облегчение въезда в метрополию для подданных из колоний, нехватка или даже отсутствие высших учебных заведений в большинстве колоний, а также необходимость получения европейского диплома для занятия определенных должностей. В колониях в это время можно наблюдать постепенный процесс замещения британских служащих в некоторых административных сферах на местные кадры, получившие западное образование. Многие семьи были готовы пожертвовать многим для того, чтобы послать своих юношей получать западное образование, поскольку это открывало для них дополнительные возможности и перспективы. Согласно статистике, количество индийских студентов в Великобритании выросло с 336 человек в 1900 г. до 1800 человек в 1927 г.⁵¹⁵ В 1947 г. численность африканских студентов в Великобритании составила около 2000 человек⁵¹⁶. Общая численность иностранных студентов в 1946 г. составила около 7000 человек⁵¹⁷. Основными специальностями, на которых обучались студенты из колоний, были административная служба, медицина и юрисдикция.

Во время обучения в Великобритании многие иностранные студенты объединялись в студенческие сообщества и организации, чья деятельность и риторика были направлены не только на защиту своих (мигрантских) интересов, но и на отстаивание политической, экономической и социальной независимости колоний. Среди самых известных и влиятельных западноафриканских сообществ первой половины XX в. можно выделить Африканскую Ассоциацию, Западно-Африканское Студенческое Объединение, Западно-Африканскую Национальную Ассоциацию. Важным достижением этих объединений стала организация нескольких крупных пан-африканских конгрессов, которые, в свою очередь, привлекли внимание европейской общественности к проблемам национального движения в африканских колониях⁵¹⁸. Аналогичные сообщества возникали и среди выходцев из Индии – Общество Свободной Индии, Лондонское Индийское Общество и др. Именно в этих организациях, сформированных в европейской университетской среде, возникли очаги национально-освободительного движения. «Африканцы, которые приехали в Британию за обучением, получили больше чем просто академическое образование. Многие также политически сформировались и обрели опыт, чтобы, вернувшись, играть активную роль в национальном движении и стать будущими лидерами. В какой-то степени, причины, вызвавшие разрушение империи были связаны с языком, юридическими занятиями и политиче-

⁵¹⁵ Lahiri 2000: 10.

⁵¹⁶ Killingray 1994: 9.

⁵¹⁷ Perraton 2014: 99.

⁵¹⁸ Adi 1994: 115.

ской практикой молодых антиколониально настроенных африканцев, обучавшихся в британских институтах и получивших дальнейшее развитие своих навыков в небольших пан-африканских кругах в Лондоне и других городах»⁵¹⁹.

В английских университетах получили образование большинство теоретиков и будущих участников национально-освободительного движения. Среди них – Пиксли Семе (основатель и президент Африканского национального конгресса), Джомо Кениата («Отец кенийской нации»), Кваме Нкрума (первый президент Ганы), Джулиус Ньерере (первый президент Танзании), Ф. Мехта, С. Банерджи, Б. Тиабджи, А. Бос (основатели Индийского национального конгресса), Махатма Ганди, Джавахарлал Неру и др. Западное образование дало им возможность ознакомиться с философским, культурным и политическим наследием Европы, что оказало колоссальное влияние на развитие их собственных национальных идей.

После Второй мировой войны правительство Великобритании, настроенное на быстрое восстановление послевоенной экономики и дальнейшее развитие промышленности, нуждалось в увеличении количества рабочих мест. Образование стало одним из ключевых политических вопросов, тесно связанным с экономическими планами. Особое внимание уделялось воспитанию необходимых для страны кадров. Поэтому, наряду с общим притоком мигрантов, увеличилось и количество выходцев из колоний, получавших образование в британских университетах. Если в 1946 г. иностранных студентов в стране было около 7000, то за последующие тридцать лет их число увеличилось до 34 000⁵²⁰. Кроме того, в отличие от первой половины XX века, иностранные студенты предпочитали поступать не на гуманитарные, а на технические факультеты.

Изменилось и соотношение студентов из разных стран. Так, значительно уменьшилось количество выходцев из Индии (которые традиционно составляли большинство иностранных студентов). Основными причинами стало уменьшение престижа и ценности европейского образования в Индии, а также девальвация рупии, что повлияло на увеличение затрат на западное обучение. Напротив, растущая экономика и развитие собственной системы образования привели к увеличению студентов из Гонконга, Сингапура и Малайзии. Если в 1946 г. на долю этих трех государств приходилось всего 65 студентов, то спустя тридцать лет, в 1976 г. их число достигло 6000 (в том числе 4000 – из Малайзии)⁵²¹. Выросло и количество студентов из Западной Африки.

Как уже говорилось выше, студенческая миграция и западное образование стали одними из ключевых факторов формирования

⁵¹⁹ Killingray 1994: 5.

⁵²⁰ Perraton 2014: 99.

⁵²¹ Ibid. : 104.

национально-освободительной идеологии. Процесс деколонизации, распад Британской колониальной империи в 1940–1960-х гг., повлек за собой образование целого ряда независимых государств, во главе которых встали лидеры освободительного движения. Полученное ими в свое время британское образование сказалось и на дальнейшем развитии новых стран. «В целом, по состоянию на 1990 г., за границей обучалось более двух третей глав правительств развивающихся стран. С учетом такой поразительно высокой доли бывших мигрантов в руководстве маленьких бедных стран чистый эффект миграции окажется однозначно положительным: благодаря миграции эти страны приобрели более образованных вождей»⁵²².

Совсем недавно в западной историографии появились работы, связанные с зависимостью развития демократии в развивающихся государствах от западного образования лидеров этих стран. В частности, хотелось бы обратить внимание на работу Марионы Мерсье «Возвращение блудного сына», в которой она обозначает несколько ключевых моментов: 1) персональный вклад лидеров развивающихся стран в становление демократии; 2) влияние западного образования на формирование личности новых лидеров; 3) формирование новых прозападных элит в развивающихся странах. Изучив биографии 610 политических лидеров новообразованных стран, Мерсье приходит к выводу, что западное обучение повлияло на качество политических институтов в странах, возглавляемых этими лидерами. При этом, что интересно, уровень полученного образования не играет особую роль⁵²³.

Студенческая миграция первой половины XX века характеризуется, как мы показали, политической активностью и участием в формировании национально-освободительной идеологии. В теоретическом обосновании этой идеологии большую роль сыграли идеи западных интеллектуалов: французский экзистенциализм Ж.-П. Сартра и А. Камю, сюрреализм А. Бретона, антиинтеллектуализм Г. Кайзерлинга, интуитивизм А. Бергсона, психоанализ З. Фрейда, «морфология культуры» О. Шпенглера. В свою очередь, работы основных идеологов национального движения во второй половине XX в. легли в основу постколониальных исследований, которые, как культурно-исторический феномен также возникли в университетской среде.

С конца 1970-х гг. в западном обществе начинается новый этап интеллектуального осмысления как колониального прошлого, так и связанных с ним процессов, протекавших в европейских странах в это время. Именно тогда активно идет процесс становления поликультурной идентичности иммигрантов в Великобритании, сгруппировавшихся в уже достаточно большие этно-религиозные общины. К этому времени произо-

⁵²² Коллиер 2016: 262.

⁵²³ Mercier 2012: 31.

шли также важные изменения и в академических исследованиях взаимодействия Запада и Востока колониального периода, связанные как с развитием самого научного знания, так и с накоплением огромного фактического материала о своеобразии неевропейских обществ и самобытности их культур. Кроме того, пришло понимание неоднозначности реалий постколониального развития освободившихся стран Азии и Африки. Попытки «направить» бывшие колонии по пути европейской модернизации не только не гарантировали успешного развития, но зачастую наоборот, вели к дезорганизации, хаосу и гражданским войнам, что, в свою очередь, оборачивалось массовой иммиграцией в бывшие метрополии. Фактор формирования в освободившихся колониях новой государственности и национальной идентичности также являлся непосредственным стимулом развития постколониальных исследований.

В этой ситуации ярко проявился феномен постколониальных исследований – рождение разнообразных текстов, обозначивших новую межкультурную критику Запада и колониальных практик белого человека, и шире – «механизмов господства и подчинения»⁵²⁴. Часть иностранных выпускников британских университетов составили философы, писатели и журналисты, чьи работы были направлены на переосмысление колониального периода истории. Получив европейское образование, они чувствовали моральную ответственность за будущее своей этнической родины, и шире – Востока. Постколониальные авторы использовали накопленные в западной философии знания в качестве теоретической основы для своих размышлений. Развивая в первую очередь постмодернистские идеи, постколониальные авторы смогли интегрировать в единое целое некоторые положения европейской философской мысли и национально-освободительную идеологию некогда колонизированных стран. В британских университетах они ознакомились с трудами классических и современных мыслителей, благодаря чему постколониальные исследования впитали в себя идеи «левой» философии (Маркс, Грамши), психоанализа (Фрейд, Лакан), деконструктивизма и постструктурализма (Фуко, Делез, Деррида). «Некоторые из тех, кто прибыл в Великобританию, или их дети, закончили обучение с активным чувством того, что они прибыли из мест, которые в культурном и политическом отношении считаются маргинальными, периферийными. Они не продолжили поддерживать статус-кво и не ассимилировались в культуру. Вооруженные духом и силой национально-освободительных движений, они обратились к западной истории и западному знанию, и объединили их с триконтинентальным [термин, который Р. Янг использует вместо термина «постколо-

⁵²⁴ Ashcroft 2002: 28.

ниальный» – Е.Ч.] знанием, с формами сопротивления расизму и бесправию, являющихся частью каждодневной жизни иммигранта»⁵²⁵.

Постколониальные исследования развивали идеи современной европейской философии, но в то же время противопоставляли себя существовавшей ранее интеллектуальной традиции колониальной эпохи. В основе новых исследований лежал ряд вопросов, касавшихся взаимоотношений Востока и Запада, восприятия «Другого», саморепрезентации и т.п., на которые постколониальные авторы пытались найти ответы. Поиск свежего взгляда и привел к формированию пространства для широких обсуждений и дискуссий. В этом интеллектуальном поле активно использовались европейские достижения в области истории, философии, психологии и социологии, европейские языки. Постколониальные исследования были локализованы не только в академических и университетских границах, принимая форму научной теории, но и реализовывались через литературное творчество и эссеистскую критику.

Возникновение постколониальных исследований пришлось на время ужесточения политики правительства в отношении иностранных студентов. После прихода к власти Маргарет Тэтчер вводятся лимиты и ограничения на их количество, уменьшается государственное финансирование и выдача грантов. В результате в период 1981–1986 гг. значительно сократились темпы роста числа студентов из-за рубежа (общее количество иностранных студентов за эти пять лет выросло примерно с 34 до 41 тыс. человек). Однако, с конца 1980-х гг. вновь начинается политика поддержки студентов из других стран, и их число возрастает до 160 тыс. человек в 1996 г.⁵²⁶ В конце XX – начале XXI вв. при правительстве лейбористов можно наблюдать новую волну студенческой миграции в Великобританию. Смягчение иммиграционного законодательства облегчило въезд в страну и получение студенческих виз. Общее число иностранных студентов выросло до 365 тыс. человек в 2010 г., что принесло правительству доход в размере 8,3 млрд. фунтов стерлингов⁵²⁷. Интересно отметить, что бизнес и администрирование стали одной из самых популярных специальностей, в которой доля иностранных студентов превысила долю коренных британцев. Среди специальностей, пользующихся большим спросом среди приезжих, можно назвать технические специальности, юриспруденцию, биологию и медицину.

Следует отметить, что официальное провозглашение политики мультикультурализма правительством лейбористов в конце 1990-х гг. привело к оживлению дискуссий, связанных с современным межкультурным диалогом и переосмыслением колониального прошлого. В академической среде наблюдается рост постколониальных исследова-

⁵²⁵ Young 2001: 62.

⁵²⁶ Perraton 2014: 113.

⁵²⁷ Шкунов 2013: 9.

ний, которые стали набирать популярность среди студентов и преподавателей в странах Запада. В 1990-е гг. постколониальная теория стала повсеместно преподаваться в университетах.

Таким образом, мы видим, что студенческая миграция из британских колоний (а после распада колониальной империи – из бывших колоний) в Великобританию на протяжении всего XX в. играла важную роль в развитии межкультурных отношений и формировании нескольких крупных политических, социальных и культурологических теорий. Именно университетская и академическая среда стали тем интеллектуальным пространством, где органично соединились западные философские идеи и культурные традиции развивающихся стран. Данный синтез привел к возникновению основных положений национально-освободительной идеологии в первой половине XX в., а затем и к формированию в 1970–1980-х гг. постколониального дискурса.

Список источников и литературы

- Коллиер 2016** – Коллиер П. Как миграция изменяет наш мир. – М., 2016.
- Шкунов 2013** – Шкунов В.Н. Обучение индийских студентов за рубежом // Актуальные проблемы профессиональной педагогики. – 2013. – № 3.
- Adi 1994** – Adi H. West African Students in Britain (1900-60): Politics of Exile // Africans in Britain. – Essex, 1994.
- Ashcroft 2002** – Ashcroft B. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. – London, N.Y., 2002.
- Killingray 1994** – Killingray D. Africans in Britain. – Essex, 1994.
- Lahiri 2000** – Lahiri S. Indians In Britain: Anglo-Indian encounters, race and identity, 1880-1930. – London, 2000.
- Mercier 2012** – Mercier M. The Return of the Prodigy Son: Do Return Migrants Make Better Leaders? – Paris, 2012.
- Morrissey 1988** – Morrissey M. Images in Print: Bias and Prejudice in Caribbean Textbooks. – Mona, Jamaica, 1988.
- Perraton 2014** – Perraton H. A History of Foreign Students in Britain. – Hampshire, 2014.
- Post-colonial Studies Reader 1995** – Post-colonial Studies Reader / edited by Bill Ashcroft, Gareth Griggiths, Helen Tiffin. – London, 1995.
- Young 2001** – Young R. Postcolonialism: an Historical Introduction. – Oxford, 2001.

Evgeny Yu. Chemyakin
**STUDENT IMMIGRATION TO GREAT BRITAIN
IN THE 20TH CENTURY AS A FACTOR
OF THE POST-COLONIAL THEORY FORMATION**

The article is devoted to the history of student immigration from the British colonies (after the collapse of the colonial empire – from the former colonies) to Great Britain in the 20th century. The influence of European (particularly British) education on the emergence of the basic provisions of the national liberation ideology (in the first half of the 20th century) and the formation of postcolonial theory (in the 1970-80s) is studied. Conclusions about the important role of student immigration in creating an intellectual space that unites Western philosophical ideas and cultural traditions of developing countries are drawn.

Keywords: postcolonial theory, student immigration, multiculturalism, British Empire.

УДК 94(429).05

Код ВАК 07.00.03; 07.00.09

Н.Ф. Шестакова

**ОБРАЗ УЭЛЬСА И ВАЛЛИЙСКОГО НАРОДА В БРИТАНСКОЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ ТЮДОРОВ
(КОНЕЦ XV – НАЧАЛО XVII ВВ.)**

В статье предпринята попытка на основе исторических трудов валлийских интеллектуалов реконструировать историческую память Уэльса (конец XV – начало XVII вв.) и выделить особенности этнокультурной идентичности его народа. Автор приходит к выводу, что самосознание валлийцев было основано на коллективной памяти о прошлом, сохранившейся благодаря устной традиции, а неотъемлемым элементом самоидентификации потомков бриттов был пассеизм – ностальгическая тоска о минувшем прошлом, которую они испытывали в связи с потерей древних текстов – Библии и оригинала «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского.

Ключевые слова: Тюдоры, Уэльс, валлийцы, идентичность, историческая память, интеллектуальная культура, Исролан, бард.

Процесс формирования британской идентичности, который начался в период правления династии Тюдоров, привел не только к исчезновению английской этнокультурной идентичности, но и способ-

Надежда Федоровна Шестакова, ассистент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017; Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26).

Nadezhda F. Shestakova, assistant of general history of the Ural state pedagogical university (620017; Russia, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave. 26).

Телефон / Phone: +7 (343) 235 76 34. Электронная почта / e-mail shestakovanf@mail.ru

© Шестакова Н. Ф., 2017

ствовал росту валлийского самосознания. В конце эпохи средневековья отношение к Уэльсу со стороны англичан носило двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, как утверждает историк Грэйс Джонс, Уэльс был родиной древних и героических легенд валлийцев и их предков, которые являлись персонажами «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского (XII в.). Эта «История» состояла из легенд изображающих славный «золотой век» военных побед рыцарей Артура. Когда Тюдоры решили представить прошлое своего королевства через призму британской истории, они одобрили образ Уэльса как края героического прошлого Британии⁵²⁸. С другой стороны, Уэльс являлся периферией английского королевства, краем дикой природы и варварства. Как провозгласил Генрих VIII в Акте об Унии 1536 г.: «зловещие ... обычаи и традиции Уэльса, отличающиеся от английских, должны быть полностью уничтожены»⁵²⁹. Истоки уничижительного отношения к валлийскому народу берут начало во внутренней колониальной политике английских королей после завоевания Эдуарда I в 1282 г., в результате которого начался процесс колонизации Уэльса, пропагандирующийся как цивилизаторская миссия.

Проблема конструирования этнокультурной идентичности народа Уэльса в Эпоху Тюдоров нашла отражение в трудах английских и валлийских историков, таких как «Тюдоровский Гвинед. Эпоха Тюдоров и княжество Северный Уэльс» В.О. Уильямса⁵³⁰, «Шекспир и Уэльс: от марки до ассамблеи» У. Малей и Ф. Швайзера⁵³¹ «Писатели Уэльса от Ренессанса до Романтизма» Стюарт Моттрам⁵³², «Литература, национализм и память Англии и Уэльса раннего Нового времени» Филиппа Швайзера⁵³³, «Путешественники и встреча с Британией 1450 – 1700 г.» Джона Крэмси⁵³⁴, «Политическая мысль и тудоровское содружество» П.А. Фиделера и Т.Ф. Майера⁵³⁵, «Британская идентичность и литература английского Ренессанса» Д.Дж. Бэйкера и У. Мили⁵³⁶ и т.д. В этой статье мы попытаемся на основе трудов валлийских гуманистов Эпохи Возрождения, во-первых, проследить рост валлийского самосознания в условиях английской интеграционной политики XVI – начала XVII вв.; во-вторых, проанализировать противоположные представления об Уэльсе и его культуре в период раннего Нового времени; в-третьих, ответить на вопрос: «Как валлийскому народу

⁵²⁸ Mottram 2012: 21.

⁵²⁹ An Act for Laws and Justice to be ministered in Wales in like Form as it is in this 1811: 243.

⁵³⁰ Williams 1958.

⁵³¹ Maley, Schwyzer 2016.

⁵³² Mottram 2012.

⁵³³ Schwyzer 2009.

⁵³⁴ Cramsie 2015.

⁵³⁵ Fidler, Mayer 1992.

⁵³⁶ Baker, Maley 2002.

удалось преодолеть пропасть между прошлым и настоящим, образовавшуюся в связи с потерей политической независимости».

В настоящее время кажется вполне уместным то, что научная атака на сущность и достоверность работы Гальфрида Монмутского была принята известным в Европе итальянским историком Полидором Вергилием из Урбино⁵³⁷. Большой всплеск негодования у валлийских гуманистов Эпохи Возрождения вызвал его труд «История Англии», который был начат по инициативе короля Генриха VII приблизительно в 1507 г. и завершен в 1513 г.⁵³⁸ Из-за этого труда историк чуть не лишился свободы, поскольку по распоряжению Генриха VIII был арестован, но вскоре освобожден благодаря заступничеству папы Льва X. С публикацией «Истории Англии» Полидор Вергилий был подвержен резкой критике со стороны британских патриотов, как «большой мошенник», итальянский агент, который намеревался опорочить славу древних бриттов, пресмыкаясь перед своими римскими заступниками. Причиной этой критики стал глубокий скептицизм историка к исторической традиции Гальфрида Монмутского, опровержение правдивости существования короля Артура и других доблестных древних британцев. Вергилий использовал свидетельства классических историков, таких как Юлий Цезарь и Корнелий Тацит для того, чтобы поставить под сомнение подлинность «Истории» Гальфрида Монмутского. Эти уважаемые классические историки изображали древних бриттов как варваров, диких людей, на которых римляне пытались распространить цивилизацию. Этот портрет разительно контрастировал с образом, созданным Гальфридом Монмутским, который восхвалял мужественных и сильных правителей Британии. В то время цивилизованность народа зависела от степени цивилизованности предков, а вероятность того, что последние являлись дикарями вызывало крайнее беспокойство у общественности в период раннего Нового времени. Таким образом, скептицизм итальянского историка к британскому прошлому оказался абсолютно неприемлемым в условиях, когда династия Тюдоров объявила себя преемницей наследия Артура, великого короля бриттов, и предпринимала попытки по восстановлению его империи⁵³⁹.

Возможно, скептицизм Полидора Вергилия по отношению к «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского был связан с неизвестностью и отсутствием источников, на которые опирался историк XII в. при создании своего труда. Сам Гальфрид Монмутский говорил, что при создании своих произведений использовал какую-то старинную валлийскую книгу «*Britannici sermonis librum vetustissimum*»⁵⁴⁰. В связи с тем, что эта книга не сохранилась перед валлийскими учеными Эпохи Возрождения возни-

⁵³⁷ Humphreys 1983: 41.

⁵³⁸ The Anglica historia of Polydore Vergil, A.D. 1485 – 1537.

⁵³⁹ Spenser's spark: British blood and British nationalism in the Tudor era: 34.

⁵⁴⁰ Михайлов 1984: 198.

кала серьезная проблема: «Как продемонстрировать крепкую связь между древним прошлым и настоящим, если все необходимые для этого книги исчезли?». Как говорил Ричард Дэвис «никогда так не был народ сильнее, как от книг и знаний на своем родном языке». Для валлийцев обнаружение всего двух книг способствовало бы восполнению потери всех остальных. Но этих двух книг по всей вероятности никогда не существовало. Одной из них была Библия на британском языке. Ранняя британская церковь, на восстановление которой была направлена Реформация, считалась истинной церковью, прежде чем ее извратил Рим. Второй являлась древняя книга на британском языке, которую и использовал Гальфрид Монмутский⁵⁴¹. Если бы ее удалось обнаружить, то это бы свидетельствовало о том, что Гальфрид не был хитрым баснописцем, а являлся правдивым переводчиком истинной истории.

Стоит отметить, что валлийские гуманисты считали, что образ великого прошлого Уэльса основан на четырех мифах: об Исрогане, о троянце Бруте, об Иосифе Аримафейском, собравшем кровь Христа в чашу Грааля, и о Самофесе (Samothes)⁵⁴². Последний миф содержится в труде «*Berosi sacerdotis chaldaici Antiquitatum libri quinque*» вавилонского историка Беросса, на самом деле созданном и опубликованном в 1498 г. в Риме Джоном Анниусом Витербо, который своей подделкой ввел в заблуждение большую часть Европы⁵⁴³. Английский реформатор и антиквар Джон Бэйл, интерпретируя сведения, содержащиеся в труде Беросса, полагал, что Самофес, сын Иафета, после великого потопа обосновался в кельтской части Европы и основал династию королей, от которой также будут вести свое происхождение друиды и барды⁵⁴⁴.

Миф об Иосифе Аримафейском и Святом Граале был изобретен монахами Гластобери в начале XIII в. и включен в исправленную версию труда «*De antiquitate glastonie ecclesiae*» Уильяма Мальмсберийского. Согласно Джону Бэйлу, Иосиф Аримафейский прибыл в Британию спустя тридцать лет после распятия Иисуса с целью проповедовать Евангелие Христа. Спустя век страна официально стала христианской благодаря преобразованиям короля Луция, которые способствовали поддержанию чистоты веры до прихода на остров англосаксов и начала в 597 г. Григорианской миссии Августина Кентерберийского, поставившей церковь Англии под контроль Рима. Согласно английскому антиквару и поэту Джону Леланду, король Луций «игнорируя учение друидов, стал охотно распространять на территории Британии Евангелие»⁵⁴⁵. По мнению антиквара, древняя Британия являлась колыбелью ученых мужей; барды и

⁵⁴¹ “Awake, lovely Wales”: national identity and cultural memory 2009: 80.

⁵⁴² Williams, Jones 1990: 19.

⁵⁴³ Berose 1659: 35.

⁵⁴⁴ Bale 1548: f v.

⁵⁴⁵ Leland 1709: 4.

друиды создали учение, которое было фиксировано в рукописях, содержащих сокровища валлийской мудрости и литературы, канувшие в небытие⁵⁴⁶. Поскольку эти рукописи были утеряны валлийцы обратились за объяснением к четвертой истории – мифу об Исролане⁵⁴⁷.

Исчезновение древних валлийских книг народ Уэльса связывал с древней легендой об Исролане. Уже в VI в. британский монах Гильда жаловался, что «литературные останки» британского народа теперь недоступны, поскольку были сожжены врагами и взяты соотечественниками, которые предпочли изгнание⁵⁴⁸. Валлийские протестанты считали, что второе более систематическое уничтожение британских книг произошло после того, как Св. Августин обратил саксов в римскую христианскую веру. Согласно бардической традиции, в третий раз книги были уничтожены, когда Эдуард I заключил в тюрьму Лондонского Тауэра побежденное дворянство Уэльса. Находясь, в заточении валлийскими дворянами была создана большая коллекция книг, которая, к сожалению, посредством деятельности Исролана полностью сгорела во время восстания Овайна Глиндур⁵⁴⁹. В XVI в. в связи с Реформацией началось разрушение монастырских библиотек Англии и Уэльса⁵⁵⁰. Уничтожение валлийских книг стало ассоциироваться с деятельностью одного из легендарных злоумышленников – таинственного Исролана. Самая ранняя из сохранившихся версий легенды об Исролане на валлийском языке содержится в «Черной книге Кармартена» (XII в.). В ней описывается как зловеющий темнокожий ученый на черной лошади, которая несет вечное наказание, уничтожает все на своем пути:

Он сжигает церкви и убивает коров,
В результате чего книга исчезла.
Моя епитимья – полна несчастий⁵⁵¹.

К XV в. о первых двух преступлениях Исролана забыли, в то время как третье было преувеличено до сожжения целой библиотеки. Два двустигия барда Гутор Глина указывают на то, что Исролан был связан с легендарным пожаром в Лондонском Тауэре:

Уничтожение валлийских книг,
Скрытых в Белой башне,
В этом был замешан Исролан
Бросивший кучу книг в огонь⁵⁵².

Исролана также обвиняли в уничтожении книг во время восстания Овайна Глиндур и даже в период Реформации, а также его счита-

⁵⁴⁶Williams 2002: 441.

⁵⁴⁷Williams, Jones 1990: 20.

⁵⁴⁸The Works of Gildas and Nennius 1841: 8.

⁵⁴⁹Stephens 1876: 4.

⁵⁵⁰“Awake, lovely Wales”: national identity and cultural memory 2009: 81.

⁵⁵¹The First Song of Yscolan.

⁵⁵²“Awake, lovely Wales”: national identity and cultural memory 2009: 82.

ли агентом Рима и связывали с уничтожением древнего британского христианства. До нашего времени дошли две версии легенды конца XVI в., повествующие о сжигании книг Исроланом, который в них выступает в качестве эмиссара Папы Римского:

Как только слово Божье было среди нас,
Давая нам знания для нашего руководства (совета),
Бог очень рано дал валлийцам тот небесный дар.
Папа нахмурился из-за этого,
Зло одолело им,
И он послал Исролана, ложного дьявола,
Для того чтобы сжечь валлийские книги⁵⁵³.

Эта версия об Исролане имеет поразительное сходство с современной черной легендой о Полидоре Вергилие, который был обвинен в том, что разграбил библиотеки Ландаффа и Херефорда, сжигая или отправляя в Рим все книги, которые доказывали правдивость британской истории. Несмотря на последний вариант в антиримской традиции Исролан является по происхождению валлийцем. Из шести случаев, в результате которых были уничтожены британские книги, только в двух были замешаны иностранцы (римские эмиссары Августина и Полидор Вергилий), в то время как в других четырех случаях сами валлийцы были частично ответственны: Гильда указывает на тех бриттов, которые взяли с собой в изгнание книги, вина за пожар в Белой башне частично ложилась на валлийских дворян, восстание Овайна Глиндур помнили как междоусобный конфликт.

Гуманист Эпохи Возрождения У. Солсбери предполагал, что барды тайно восхищались разрушением библиотек, поскольку это предоставило им возможность установить контроль над валлийской исторической памятью, т.к. при отсутствии достоверных письменных свидетельств нельзя было опровергнуть их пророчества. Под врагами исторической действительности подразумевались барды, которые фактически являлись соучастниками Исролана. История о периодическом уничтожении книг была одинаково выгодна как для валлийских бардов, так и для валлийских патриотов, поскольку она выступала убедительным объяснением исчезновением древней валлийской Библии и древней книги по истории Британии⁵⁵⁴. Их отсутствие гарантировало то, что валлийское прошлое не удастся вернуть, что предвещало отсутствие конца пассаизму – ностальгической тоске о минувшем времени, являющимся неотъемлемым элементом валлийской этнокультурной идентичности. С другой стороны, переизбыток упоминаний о злодеяниях Исролана, могло способствовать подавлению ностальгии о потерянном прошлом. Когда историю народа составляет бесконечная чере-

⁵⁵³ Ibidem.

⁵⁵⁴ Ibid: 83.

да пожарами, почему тогда ностальгировать? В то же время, отсутствие книг облегчало использование англичанами британской древности.

Опираясь на устную традицию и коллективную память, гуманисты из Уэльса намеревались спасти от крушения истории определенный набор валлийских традиций и обычаев. Антиквар сэр Джон Прайс первым сфокусировал внимание на утерянных древних книгах. В 1535 – 1536 гг. он был отправлен осмотреть монастыри и подготовить их к роспуску, поэтому большая личная библиотека Дж. Прайса, несомненно, могла включать в себя много «спасенных» книг. В те же годы Прайс являлся членом парламента и написал ряд книг и трактатов на трех языках, в том числе книгу на валлийском языке «Yny Lhyvug Hwnn» (1546) и «Описание Камбрии», которая теперь называется «История Уэльса» (1584)⁵⁵⁵. Как церковный реформатор, государственный деятель, фермер, книжный коллекционер и писатель, Прайс все время был занят сохранением и восстановлением британской древности. «История Британии» («Historiae Brytannicae Defensio»), опубликованная в 1545 г., является самой инновационной работой Прайса, поскольку автор, сам того не осознавая, выступил в ней с защитой исторической традиции Гальфрида Монмутского и британской древности против скептицизма Полидора Вергилия.

Самой яркой частью работы «Historiae Brytannicae Defensio, Ioanne Priseo Equestris Ordinis Brytanno Avthore» Прайса является первая глава, в которой он стремится показать, что в Британии с момента существования первых поселений не велись никакие учетные записи. Суть аргумента Прайса состоит в том, что валлийцы всегда странно относились к сохранению своего прошлого и в случае потери древних книг едва ли бы забыли свое происхождение. Дело в том, что они не нуждались в ведении каких-либо летописей и документации, поскольку у них имелись другие формы коммеморации. Дж. Прайс утверждает, что с глубокой древности в постоянном распоряжении валлийцев находились разнообразные виды искусств памяти. К этим видам искусств относились отчества валлийцев, являющиеся формой сохранения памяти целых пяти предыдущих поколений, а также родословные, в которых упоминались самые отдаленные предки⁵⁵⁶.

Но наиболее эффективным хранилищем памяти были знания бардов и поэзия. В XVI в. барды не нарушали традицию своих предшественников, увековечивая дела предков, создавая родословные, похвалу героев в форме стихов и прозы, которые они хранили в памяти, а не кодифицировали в виде письменных текстов⁵⁵⁷. Дж. Прайс ссылается на произведение Дж. Чосера «Дом славы», в котором имена тех древних героев, память о которых процветает, четко написаны на сте-

⁵⁵⁵ Powell, Price 1774: 508.

⁵⁵⁶ Prise 1573: 15-16.

⁵⁵⁷ Ibid: 9-11.

нах, в то время как записи имен тех, чья слава иссякла, практически нераспознаваемы⁵⁵⁸. Главная причина такого увядания, по мнению Прайса, заключается в изменении английского языка, к которому Дж. Чосер особенно восприимчив, в то время как валлийский является наиболее устойчивым языком. Если книги на английском языке всего за триста лет стали недосыгаемыми для читателей, то валлийцы до сих пор могли понять стихи, написанные на их языке, существовавшем тысячу лет назад. С одной стороны, эта языковая стабильность была отчасти обусловлена усердием бардов, а с другой тем, что валлийцы почти никогда не покидали свои исконные места.

Аргументы Дж. Прайса переворачивают традицию Исролана; теперь связь англичан с древностью была нарушена в результате изменения языка, в то время как валлийская историческая память сохранилась в прохладной тени их лингвистической стабильности. Очевидно, целью всего этого являлась подготовка почвы для защиты исторической традиции Гальфрида Монмутского от критики Полидора Вергилия. На самом деле, в своем труде Дж. Прайс все больше и больше приглашает читателя восхититься самим фактом сохранения валлийской исторической памяти, а не ее содержанием. В связи с этим возникает вопрос: «Как же валлийцы сохраняли в неизменном виде свой язык на протяжении тысячи лет после такого огромного количества бед, пришедших на их долю?». Дж. Прайс откровенно признается в невероятности того, как население, находясь на стадии варварства и в столь отдаленном от остального человечества регионе, сохранило память о своем происхождении и чистоту своего языка. К сожалению, Дж. Прайсу так и не удалось доказать, что Гальфрид Монмутский был правдивым переводчиком, или что события, записанные в «Истории бриттов» действительно имели место быть. Историк определяет валлийцев не как общность людей, ведущих свое происхождение от троянцев, а как общество мечты, обладающее привычкой «цепляться за все древнее», о чем может свидетельствовать широкий диапазон искусства памяти народа Уэльса⁵⁵⁹. Именно стремление сохранить и передать последующему поколению свою историю, а не какой-либо ее аспект, связывают валлийский народ воедино. Несмотря на то, что целью первой главы «Истории Британии» является обеспечение основы для аргумента, что древние книги на самом деле существовали, Дж. Прайс, покончив с их надобностью, помещает валлийское историческое сознание и идентичность вне досягаемости Исролана.

«Yny Lhyvug Hwnn» (1546) является единственным трудом Джона Прайса, над которым он трудился всю жизнь. В него он включил валлийские переводы «Символа веры», «Отче наш» (Paternoster) и «Десять

⁵⁵⁸ Ibid: 13.

⁵⁵⁹ Prise: 58.

заповедей»⁵⁶⁰. Для Дж. Прайса, как и следовало ожидать, перевод не был новшеством, но это послужило первым шагом к восстановлению утраченного текста валлийской Библии. Вместе с другими валлийскими и английскими реформаторами своей эпохи, Дж. Прайс убежден в том, что до Св. Августина и опустошения Исролана, Священное Писание было доступным для британцев на их родном языке⁵⁶¹.

Стоит отметить, что в 1549 г. Эдуард VI принял Акт об Единобразии, который начал действовать с 1552 г. Согласно этому Акту общественные вероисповедания должны были проводиться не на латыни, а на английском языке⁵⁶². Цель Акта заключалась в том, чтобы внедрить протестантское вероисповедание, введенное Генрихом VIII. В Корнуолле Акт вызвал восстание, которое повлекло за собой тысячи жизней. Уэльс избежал подобных страданий, но Акт угрожал валлийскому языку окончательной гибелью. Уэльс долгое время был потайной дверью для вторжения в Англию, маршрутом по которому следовала династия Тюдоров к трону. Распространение протестантского слова среди валлийцев на их собственном языке явилось политическим целесообразным движением, целью которого стало устранения католической угрозы из Европы. Власти надеялись, что валлийцы за счет Акта приобретут знание английского языка и в конечном счете перестанут использовать свой собственный язык⁵⁶³.

Перевод Библии был осуществлен благодаря интересу архиепископа Паркера и Уильяма Сесила к британским предметам старины. Наконец, в 1562 г. Ричард Дэвис и Уильям Солсбери добились утверждения законопроекта о «поддержке валлийского перевода Библии». В законопроекте говорилось: «...Библия, включающая в себя Старый и Новый Завет, Книгу общих молитв и таинств, и существующая в настоящее время на английском языке, должна быть переведена на британский или валлийский языки епископами Св. Асафа, Бангора, Св. Дэвида и Лландафа, и Херефорда к 1 марта (1566 г.). Богослужение должно вестись vicaribus на британском или валлийском языках»⁵⁶⁴. Валлийский язык процветал во время правления Елизаветы и в 1588 г. его красота была воплощена в Библии, переведенной епископом У. Морганом⁵⁶⁵. Тюдоры использовали прошлое Уэльса в пропагандистских религиозных целях, как, например, идею о предполагаемой «чистоте» кельтской церкви, противопоставляемой произволу и продажности Рима⁵⁶⁶.

⁵⁶⁰ Prise J. Yny Lhyvyr Hwnn.

⁵⁶¹ “Awake, lovely Wales”: national identity and cultural memory 2009: 90.

⁵⁶² The first Edwardine Act of Uniformity, A.D. 1549 1914: 364.

⁵⁶³ The Bible in Wales.

⁵⁶⁴ An Act for the Translaing of the Bible and the DivineService into the Welsh Tongue 1908: 150.

⁵⁶⁵ Williams 1958: 43.

⁵⁶⁶ Ibid: 44.

Стоит отметить, что призывы обращения к древности были сильны и внутри самого Уэльса. Реформация для валлийцев символизировала не только восстановление истинной религии, но и возвращение к «вере своих предков – древних бриттов». В условиях структурирования валлийской реформации генеалогия выступала в качестве классического искусства памяти. Опубликованный в 1567 г. валлийский перевод Нового Завета был выполнен Ричардом Дэвисом и Уильямом Солсбери. В «Epistol at y Cembgu» Р. Дэвис посвящает все свое риторическое мастерство напоминанию о том, что валлийская Библия существовала на языке бриттов много веков назад.

Для Р. Дэвиса, как и для других писателей его поколения, традиция, связанная с Исроланом, выполняет двойную функцию, объясняя отсутствие древней валлийской Библии и проводя ностальгическую страсть к мертвому и невозвратимому. Потеря Библии вплоть до сегодняшнего дня, вызывает у валлийцев ностальгию в глубокой и сокровенной форме, как утерянный отрывок текста в розовом отблеске детской памяти. Используя устройство детской памяти, Р. Дэвис проносит валлийскую Библию сквозь штормы саксонского вторжения и папского преследования, пожар в Белой башне и восстание Овайна Глиндура. Парадоксальным кажется заявление Р. Дэвиса о невозможности вернуть валлийскую Библию, в то время как у него есть все основания празднования ее восстановления. Историк настаивает на том, что валлийский народ должен помнить об утрате Священного писания, поскольку осознание потери является неотъемлемой частью христианской духовности Уэльса.

Для Р. Дэвиса самым важным механизмом валлийского искусства памяти являются пословицы, на которые не обратил внимание Дж. Прайс. Епископ утверждает, что с древности знание Писания «было настолько общим среди них, что привело к появлению пословиц и изречений, которые содержали суть Священного писания и учение о религии Христа»⁵⁶⁷. Вкрадчиво благочестивые пословицы, такие как «С Богом в достатке: без Бога ни с чем», служат убедительным доказательством знакомства валлийцев с Евангелием, но страницы экзегезы показывают, что в них содержится и библейская мудрость. Таким образом, благодать «Y Mab ghad» состоит из трех коротких слов, в каждом из которых один слог⁵⁶⁸. Это слово воплощает в себе жизненное учение о том, что спасение достигается не за заслуги, а благодаря благодати Христовой. Несмотря на то, что Р. Дэвис признает, что писание на валлийском далеко отклонилось от истины, увековеченной в их пресловутом знании, тем не менее, он возвеличивает «память» («tmetogiousnes») и провозглашает ее центральным аспектом валлийской духовности. В конце своих размышлений он призывает своих соотечественников помнить не только о Биб-

⁵⁶⁷ “Awake, lovely Wales”: national identity and cultural memory 2009: 93.

⁵⁶⁸ Ibid: 94.

лии, которой они когда-то обладали, но и о своей идентичности, основанной на памяти (memorious) людей.

Еще одним валлийским историком, выступившим против скептицизма Полидора Вергилия относительно исторической традиции Гальфрида Монмутского, был картограф, писатель, антиквар и член парламента Хамфри Ллуид. Самым известным его трудом является «Хроника Уэльса», которая была создана в 1559 г., как продолжение «Хроники принцев», составленной согласно традиции в XII в. Карадогом из Лланкарфана. В 1584 г. при поддержке Уильяма Сесила и Генри Сидни (председателя совета лордов в Уэльсе) эта работа была расширена, исправлена и опубликована Дэвидом Пауэлом под названием «История Камбрии». Повторно «Хроника» Ллуида-Пауэла издана в 1663 г. как «Описание Уэльса» Джона Прайса⁵⁶⁹.

Подвергая критике работу Гальфрида Монмутского, Вергилий стремился доказать, что троянские корни Тюдоров и валлийского народа, а также история о короле Артуре являются мошеннической ложью монаха⁵⁷⁰. Труды Вергилия способствовали появлению у антикваров и писателей желания найти доказательства, которые могли бы подтвердить ценность исторической традиции Гальфрида Монмутского. Поэтому целью написания трудов «Хроника Уэльса» и «*Commentarioli Britannicae Descriptionis*» Х. Ллуидом стало стремление доказать подлинность британской истории, продемонстрировать значение валлийского языка, определить на какой ступени цивилизованности находится валлийская культура и поставить под сомнение законность ее уничтожения англичанами. Согласно Х. Ллуиду, валлийский язык является единственным средством, с помощью которого можно раскрыть реалии древнего прошлого острова⁵⁷¹. В «Хронике Уэльса» историк говорит, что британский язык, который использовали в своем творчестве Мирдин и Талиессин тысячу лет назад, существует по сей день в неизменном виде. После того, как Х. Ллуид подтвердил, что валлийский язык является ключом, с помощью которого можно открыть истинную британскую древность, историк переходит к географическому описанию острова, в рамках которого предлагает альтернативные варианты названий географических объектов на валлийском языке⁵⁷². Все примеры приведенные Х. Ллуидом являются первоначальными названиям областей Уэльса до саксонского завоевания, с помощью которых историк восстанавливает в определенной степени права собственности валлийцев на землю, отобранную англичанами. Таким образом, историк пытался создать собственную версию прошлого, где

⁵⁶⁹ Cramsie: 275.

⁵⁷⁰ Virgilio XXVI: 25-26.

⁵⁷¹ Llwyd. *Commentarioli Britannicae Descriptionis Fragmentum* 1572: 27.

⁵⁷² Llwyd 1811: xx-xxxvi.

туземцы-валлийцы открывают британскую историю, которая, буквально «написана» на ландшафте острова.

Х. Ллуид из уважения к Тюдорам не стал мифологизировать прошлое и характеризовать культуру бриттов с точки зрения стандартов Гальфрида Монмутского. Вместо этого он обращается к пониманию и оценке различных видов и принципов этики, которыми обладают примитивные культуры. Стоит остановиться на том, что Х. Ллуид говорит о человеческих жертвоприношениях – традиции бриттов, которую также использовали с целью очернить предков валлийцев и закрепить за ними звание «варваров»⁵⁷³. Складывается впечатление, что Х. Ллуид вовсе не осуждает практику человеческих жертвоприношений, а наоборот положительно характеризует ее наряду с другими. Например, безразличие древних бриттов к золоту или серебру будет рассматриваться многими гуманистами раннего Нового времени как положительная черта их культуры. В «Утопии» (1516) Томаса Мора отсутствие интереса к богатствам являлось одним из аспектов вымышленного автором идеального общества⁵⁷⁴.

Любопытно, что Х. Ллуид, стремясь создать положительный портрет бриттов, не осуждает практикуемые ими человеческие жертвоприношения⁵⁷⁵. Подданные Английского королевства в XVI в. были свидетелями крайнего насилия, санкционированного государством в отношении преступников, дворян и религиозных диссидентов. Возможно, поэтому Х. Ллуид не считал эту древнюю традицию особенно отличающейся от пыток и казней, которые осуществлялись публично в его время. При рассмотрении вопроса об отношении Х. Ллуида к человеческим жертвоприношениям, целесообразно обратиться к эссе «О каннибалах» (1580 г.) Мишеля де Монтеня, в котором говорится, что люди Нового Света не мучили своих жертв, а тут же убив, съедали⁵⁷⁶. Поэтому Х. Ллуид приходит к выводу о том, что у древних бриттов, которых он характеризовал, как «невинных детей на заре истории человечества», существовала социальная структура общества и определенный набор религиозно-нравственных убеждений. Стоит заметить, что только в XVIII – XIX вв. в мифе о «благородном дикаре» возродится портрет примитивной культуры, обладающей моралью и этикой, определяющими ее превосходство над более развитыми цивилизациями современности. Наконец, бритты представлены Х. Ллуидом не варварами, а в виде благородных и отважных героев древности, сражающихся с представителями более передовых культур⁵⁷⁷.

⁵⁷³ Mottram: 30.

⁵⁷⁴ Мор 1947: 274.

⁵⁷⁵ Llwyd. *Commentarioli Britannicae Descriptionis Fragmentum*: 72 (171).

⁵⁷⁶ Монтень.

⁵⁷⁷ Mottram: 32.

В «Хронике Уэльса» Х. Ллуид также обращается к истории английского завоевания Уэльса. При этом историк сильно рисковал апеллируя к этим событиям, поскольку Тюдоры хоть и превозносили британское наследие, тем не менее, все еще оставались английскими монархами. Х. Ллуид переосмысливает завоевание Уэльса Эдуардом I (1282 – 84 гг.). Согласно историку, валлийский принц Лливелин ап Грифид потерпел поражение только потому, что он был предан кем-то из своих последователей⁵⁷⁸. Ллуид не оценивал английскую оккупацию своего края как начало позитивного развития или цивилизационной миссии, вместо этого он создает образ угнетенного Уэльса. После смерти Лливелина валлийцы оказались в подчинении у англичан, а их принцем отныне должен был быть старший сын или дочь английского короля.

Дело Х. Ллуида по разоблачению английского колониального дискурса и несправедливого образа валлийцев продолжил Дэвид Пауэл, английский церковный священнослужитель валлийского происхождения. Он внес значительный вклад в сохранение валлийской культуры, поддерживал необходимость перевода Библии на валлийский язык. При создании «Истории Камбрии» цель Д. Пауэла (как и предшественников), заключалась в подрыве представлений о валлийцах как о варварах, и в стремлении оправдать сопротивление своих соотечественников английскому колониальному господству. Во введении и в основной части «Истории Камбрии» Д. Пауэл действительно обвиняет завоевателей в преступлениях против валлийцев. Под «завоевателями» он подразумевает не нормандцев, а англичан. Д. Пауэл описывает, как бритты первоначально позволили англосаксам сделать остров своим домом⁵⁷⁹. Они приняли их в обмен на военную помощь против вторжений пиктов и шотландцев. Однако, по словам историка, «саксам, прибывшим в качестве друзей бриттов, так понравилась страна, что они стали смертельными врагами по отношению к своим прежним союзникам, решив согнать их с родных земель»⁵⁸⁰. Д. Пауэл изображает саксов предателями, которые нарушили нормы гостеприимства и чести, лишив бриттов их земель и средств к существованию.

В заключении стоит отметить, что в основе этнокультурной идентичности и единства валлийского народа лежало древнее прошлое, которое поразительным образом определяло его дальнейшую судьбу. Валлийцев поистине можно назвать «народом памяти», а их культуру – «помнящей культурой». Историческая память Уэльса основывалась на устной традиции, поскольку, как утверждали Р. Дэвис и Дж. Прайс, письменность не могла гарантировать ее сохранность, поскольку тексты – это хрупкие вещи, которые становятся уязвимыми

⁵⁷⁸ Llwyd, Powel: 273.

⁵⁷⁹ Mottram: 34.

⁵⁸⁰ Llwyd, Powel: 4.

для огня и книжников⁵⁸¹. Валлийцы потеряли свою Библию, возможно, так же как и права на большую часть своей родной истории благодаря англичанам, которые заимствовали британское прошлое ради своих собственных целей. Подчеркивая роль устной традиции и коллективной памяти, Р. Дэвис и Дж. Прайс наметили для своего народа курс «между Сциллою и Харибдой», т.е. Исроаном и Англией – между риском полного забвения и тотальной кооптацией. Пословицы, отчества, знания бардов и стабильность языка, по мнению историков, являются «древними друзьями», с помощью которых можно восстановить связь валлийского народа с подлинным прошлым древней Камбрии. Труды валлийских гуманистов представляют собой попытку доказать цивилизованность народа Уэльса и обратить, присвоенную Тюдорами историю британского золотого века, против самих же англичан.

Список источников и литературы

- Михайлов 1984** – Михайлов А.Д. Гальфрид Монутский и его история бриттов // История бриттов. – М., 1984. – С. 198.
- Монтень** – Мишель Монтень. Опыты. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/monte01/txt031.htm>.
- Мор 1947** – Мор Томас. Утопия. – М., 1947. – 274 с.
- An Act for Laws and Justice to be ministered in Wales in like Form as it is in this Realm 1811** – An Act for Laws and Justice to be ministered in Wales in like Form as it is in this Realm // The statute at Large, of Great Britain. Vol. III. L., 1811. – P. 243.
- An Act for the Translaing of the Bible and the DivineService into the Welsh Tongue 1908** – An Act for the Translaing of the Bible and the DivineService into the Welsh Tongue // The statutes of Wales. – L., 1908. – 309 p.
- Baker, Maley 2002** – Baker D.J., Maley W. British Identities and English Renaissance Literature. – Cambridge, 2002. 314 p.
- Bale 1548** – Bale J. Illustrium Maioris Britanniae scriptorium. – L., 1548. 647 p.
- Berose 1659** – Berose N. Berosi sacerdotis chaldaici antiquitatum libri quinque. – VViterbergae, 1659. – 301 p.
- Cramsie 2015** – Cramsie J. British Travellers and the Encounter with Britain, 1450 – 1700. – Suffolk, 2015. – 564 p.
- Fideler, Mayer 1992** – Fideler P.A., Mayer T.F. Political thought and the Tudor commonwealth. Deep structure, discourse and disguise. – New York, 1992. – 287 p.
- Humphreys 1983** – Humphreys E. The Taliesin Tradition: A Quest for the Welsh Identity. – Dunfermline, 1983. – 256 p.

⁵⁸¹“Awake, lovely Wales”: national identity and cultural memory: 95.

- Leland 1709** – Leland J. *Commentarii de scriptoribus Britannicis*. – Oxford, 1709. – 486 p.
- Llwyd 1578** – Llwyd Humphrey. *Commentarioli Britannicae Descriptionis Fragmentum*. 1578. – 77 p.
- Llwyd, Powel 1811** – Llwyd Humphrey, Powel David. *The historie of Cambria now called Wales*. – L., 1811. – P. xx-xxxvi.
- Maley, Schwyzer 2016** – Maley W., Schwyzer P. *Shakespeare and Wales: From the Marches to the Assembly*. – L., 2016. – 276 p.
- Mottram 2012** – Mottram S. *Writing Wales, from the Renaissance to Romanticism*. – Farnham, 2012. – 232 p.
- Powell, Price 1774** – Powell D., Price J., Caradog of of Lhancarvan. *The history of Wales*. – L., 1774. – 508 p.
- Prise 1573** – Prise J. *Historiae Brytannicae Defensio, Ioanne Preiseo Equestris Ordinis Brytanno Avthore*. – L., 1573. – 336 p.
- Prise** – Prise J. *Yny Lhyvyr Hwnn* // The National Library of Wales. URL: <https://www.llgc.org.uk/discover/digital-gallery/printed-material/yny-lhyvyr-hwnn/> (дата обращения: 06.01.2017).
- Schwzyzer 2009** – Schwzyzer P. *Literature, Nationalism and Memory in Early Modern England and Wales*. – Cambridge, 2009. – 194 p.
- Stephens 1876** – Stephens T. *The literature of the Kymry: Being a critical essay on the history of the language and literature of Wales*. – L., 1876. – 404 p.
- The Anglica historia of Polydore Vergil, A.D. 1485 – 1537** – *The Anglica historia of Polydore Vergil, A.D. 1485 – 1537*. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/> (дата обращения: 26.06.2016).
- The Bibile in Wales** – *The Bibile in Wales* // BBC Wales – History. URL: http://www.bbc.co.uk/wales/history/sites/themes/society/language_bible.shtml (дата обращения: 18.12.2016).
- The first Edwardine Act of Uniformity, A.D. 1549** – *The first Edwardine Act of Uniformity, A.D. 1549* // *Documents illustrative of English church history*. – L., 1914.
- The First Song of Yscolan** – *The First Song of Yscolan* // *Black book of Carmarthen*. URL: <http://www.maryjones.us/ctexts/bbc26.html> (дата обращения: 26.06.2016).
- The Works of Gildas and Nennius 1841** – *The Works of Gildas and Nennius*. – L., 1841. – 43 p.
- Virgilio** – Virgilio Polydoro. *Historiae Anglicae Libri XXVI*. – 378 p.
- Williams G., Jones 1990** – Williams G., Jones R.O. *The Celts and the Renaissance: Tradition and Innovation: Proceedings of the Eighth International Congress of Celtic Studies*. – Cardiff, 1990. – 187 p.
- Williams 2002** – Williams G. *Renewal and Reformation: Wales c. 1415-1642*. – Oxford, 2002. – 544 p.

Williams 1958 – Williams W.O. Tudor Gwynedd. The Tudor Age in the Principality of North Wales. – Caernarvon, 1958. – 244 p.

Nadezhda F. Shestakova

**THE IMAGE OF WALES AND THE WELSH PEOPLE
IN THE BRITISH INTELLECTUAL CULTURE
OF THE TUDOR AGE
(LATE XV – EARLY XVII CENTURIES)**

The article attempts to reconstruct the historical memory of Wales (end 15th – early 17th centuries) on the basis of historical works of Welsh intellectuals, and highlight the features of the ethno-cultural identity of his people. The author comes to the conclusion that the Welsh self-consciousness was based on the collective memory of the past, preserved due to the oral tradition, and the inherent element of self-identification of descendants of the Britons was the passive – nostalgic melancholy about the past time, which they experienced in connection with the loss of ancient texts – the Bible and the History of the British Kings by Geoffrey of Monmouth.

Keywords: Tudors, Wales, Welsh, identity, historical memory, intellectual culture, Isgolan, bard.

УДК 94(73)"17"

Код ВАК 07.00.09; 07.00.03

В.А. Шихов

ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Статья посвящена малоизученному явлению американской истории – американскому Просвещению. Рассматриваются идейные истоки этого процесса, общие черты и различия с Просвещением европейским. Анализируются такие особенности американского Просвещения, как американская демократия, американский прагматизм, американское образование и американская религиозность. Рассматриваются причины и истоки этих явлений, их специфические черты, а также то, как эти особенности американского Просвещения повлияли на складывающийся американский менталитет.

Ключевые слова: американское Просвещение, американский прагматизм, американская революция, Второе Великое Пробуждение, американский менталитет.

Шихов Владимир Анатольевич, аспирант исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); учитель истории и обществознания в МОУ Гимназия (г. Нижняя Салда).

Vladimir A. Shikhov, postgraduate student of the historical faculty of the Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Teacher of History and Social Science of Gimnasia (Russia, Nizhnaya Salda). Телефон/Phone 89193916894. Электронная почта/ E-mail: shihoff2013@yandex.ru

Кардинальные изменения в сознании американского народа, а затем и вытекающие из этого перемены политического, экономического и социального характера, произошедшие во второй половине XVIII в., непосредственно связаны с эпохой Просвещения. Уже в 1765 году Джон Адамс объявил, что вся предыдущая история Америки была устремлена к просвещению XVII века⁵⁸². При этом именно убежденность американских лидеров того времени в особенном пути идей Просвещения на американской земле привела их к мыслям о полной национальной самодостаточности Америки и к теории и практике независимого государства.

Идеология просвещения придавала мощный стимул развитию национального самосознания во многих странах, но особенно отчетливо это проявилось на американской земле. Восприняв и взяв на вооружение основные идеи европейского Просвещения, американцы дополнили их, а где-то и видоизменили, что дает полное право говорить об американском просвещении, как об особенном идеологическом явлении XVIII в. Следствием этого стал тот факт, что американцы стали первой в мире нацией, сформировавшей свою государственность исключительно на идеях Просвещения.

Как уже было сказано выше, американцы восприняли и успешно применили на практике многие идеи европейского Просвещения. В-первых, учение о естественном праве с вытекающими из него идеями всеобщего равенства. Эта теория стала основополагающим постулатом, на котором строились доказательства о необходимости и правомерности свержения колониальной власти английской метрополии и образования независимого американского государства.

Во-вторых, просветительский идеал «нового человека», который пропагандировался и воспевался в трудах многих европейских просветителей, начиная с Ж.-Ж. Руссо. Этот идеал нашел отклик в американском народе, поскольку в качестве мерила ценности личности она на первое место выдвигалась не знатность и положение в обществе, а ее собственные достоинства⁵⁸³.

В-третьих, живой отклик встретила в Америке вера просветителей в Разум как средство совершенствования человека и общества.

В-четвертых, из всех европейских просветителей и философских теорий того времени наибольшее влияние на американцев оказал Джон Локк и его сенсуализм. Локк утверждал, что знание происходит не столько из разума, сколько из чувственного опыта. Для людей, республиканцев, строящих свою государственность с нуля, эта идея дава-

© Шихов В. А., 2017

⁵⁸² Вуд 2016: 341.

⁵⁸³ История США 1984: 500.

ла теоретическое обоснование возможностям изменять и улучшать себя, внешнюю среду и общество.

Основные же расхождения между европейскими просветителями и их последователями на американском континенте образовались, прежде всего, в политической сфере. В частности, это касается теории «просвещенного монарха». В конечном итоге, идеологическая борьба в американской политической сфере в отношении этого, казалось бы, теоретического понятия и привела к появлению поста президента как своего рода компромисс между монархическим и республиканским политическими силами в Северной Америке.

Идеи просвещения не просто нашли живой отклик в американском обществе. Прижившись и трансформируясь под влиянием местной общественной специфики эти теории привели к появлению на рубеже XVIII-XIX вв. следующих характерных для американской ментальности явлений. Это: американская демократия, американский прагматизм, американская вера в образование и американская религиозность при религиозном многообразии и толерантности.

В чем же состояли особенности американского Просвещения, давшие американцам того времени повод считать себя самой просвещенной нацией на земле?⁵⁸⁴

Американцы на тот исторический момент были молодой и только формирующейся нацией на границе развитого культурного и дикого мира, на своего рода периферии современной цивилизации. Именно поэтому они реально осознавали, что означает процесс преобразования человека в просвещенную личность, так как этот процесс проходил непосредственно с ними. Это был их личностный опыт становления просвещенности и цивилизованности, и поэтому этот опыт был для них более осязаем, чем для европейцев. Американцы не были скованы предрассудками и привычками старого мира, они были молодым народом и поэтому были убеждены в своей исключительной способности переделать себя.

Из этого вытекает следующая особенность американского Просвещения. Утверждения о том, что все люди созданы Богом равными – рождали космополитичность, широкий кругозор в гуманитарных вопросах, свобода от предрассудков, ограниченности и религиозной нетерпимости. Почти все американские лидеры второй половины XVIII столетия были джентльменами в первом поколении, первыми в своих семьях, кто поступил колледжи и получил широкое гуманитарное образование, что являлось признаком просвещенного человека того времени. Их родители происходили часто из престолярства, и поэтому лидеры американской революции ощущали большую связь с народом, чем представители европейских политических элит. При этом, как отметил еще в 1792 г. Джоэл Барлоу, слово «народ» в Соединенных

⁵⁸⁴ Вуд 2016: 344.

Штатах, свободных от сословной ограниченности, означает все общество в целом, тогда как в Европе это только низшая часть общества⁵⁸⁵.

Американцы осознавали собственную исключительность, формируя эту веру на следующих идеях: отсутствие развращающей европейской роскоши; отсутствие огромной пропасти между богатыми и бедными; каждый человек работает на самого себя. Причиной американской веры в свою исключительность является, в том числе, и удаленность от Европы.

Эта отдаленность от Старого Света приводит еще к одной особенности американского Просвещения. Это знаменитый американский прагматизм. Как сказал в 1787 г. Томас Джефферсон именно благодаря «удаленности от любой помощи со стороны других, мы, американцы, обязаны изобретать и применять придуманное; находить средства среди нас самих и ни на кого не полагаться... Это способность преодолевать любую трудность решением и изобретательностью результатом которой является общее процветание»⁵⁸⁶.

Вера в Разум – важнейшая черта Просвещения, ее основополагающий камень, начало просветительской теории. Революция и Просвещение сделали американцев более разумными людьми, людьми, ставящими Разум и все, что с ним связано на высокое место в своей иерархии ценностей. Распространению грамотности среди населения, важности народного образования уделялось много внимания не только в речах и трактатах того времени, но и в деятельности молодого государства. Уже к концу XVIII в. уровень грамотности среди белых мужчин-северян был самым высоким в мире, но еще более – среди белых женщин. Естественно, что все, что они читали, делало этих людей просвещенными⁵⁸⁷.

Распространение знаний, грамотности, образованности среди американского народа происходило стремительно и разными путями. Понимая значимость информации, а вернее, значимость временного фактора информации, американцы создали самую совершенную на тот момент почтовую систему, строя почтовые конторы по всей стране быстрее, чем кто-либо в мире. Следствием этого беспрецедентного расширения почтовой системы стал бурный рост газетной отрасли. К 1810 г. американцы ежегодно раскупали 22 млн экземпляров 376 газет. Это был самый высокий совокупный показатель распространения газет в мире⁵⁸⁸.

Но все это было бы невозможно без создания системы школьного образования – одной из самых прогрессивных в мире. Создание и распространение такой системы, обладающей специфическими американскими чертами, – еще одна особенность американского Просвещения.

⁵⁸⁵ Вуд 2016: 346.

⁵⁸⁶ Согрин 2010: 135.

⁵⁸⁷ Вуд 2016: 348.

⁵⁸⁸ Stewart 1969: 18.

Национальная система образования США стала со всеми ее специфическими особенностями складываться после Американской революции и войны за независимость. Еще в 1779 г. Томас Джефферсон выпустил билль о всеобщем распространении знаний. Однако в Конституции 1787 г. не упоминалось о просвещении и образовании. Федеральное правительство передало ведение этих вопросов в компетенцию законодательных собраний штатов. Таким образом, была создана и закреплена децентрализованная система школьного образования, при которой важную роль играла местная общественность, так как школы содержались на средства жителей. Подобная децентрализация способствовала привлечению населения к решению многих школьных вопросов, создавала условия для развития образования. Тем самым происходило отделение школы от государства, а отделение государства от церкви позволяло легче перейти к процессу создания светской школы, который начался с 1818 г., когда законодательное собрание штата Коннектикут провозгласило отделение школы от церкви⁵⁸⁹.

Параллельно происходил процесс перехода на бесплатность получения школьного образования, который начался в 1820 г. в штате Пенсильвания. В течение трех следующих десятилетий подобные законы о введении бесплатного начального образования были приняты во всех штатах США⁵⁹⁰.

Бесплатность обучения способствовала резкому увеличению числа обучающихся, а это привело к тому, что уже в середине XIX столетия по состоянию образования США обогнали все страны Европы. При этом стоит отметить, что содержание образования в школах США в большей степени предусматривало подготовку учащихся к практической деятельности, что, несомненно, являлось отголоском другой ментальной особенности американского Просвещения – прагматизма.

Поскольку уровень образованности общества делает нравы этого общества более мягкими, не удивительно, что американцы стали лидерами в области проведения реформ в гуманитарной сфере. Были созданы тысячи благотворительных и филантропических обществ, были введены новые системы наказания за уголовные преступления. Произошла либерализация уголовного законодательства, в основе которой лежали идеи Джона Локка – самого популярного идеолога Просвещения среди американской элиты. Именно локковская либеральная мысль о том, что характеры людей порождаются окружающей средой, что человек – это «*tabula rasa*» (чистая доска) привела американских просветителей к идеям о том, что преступники не несут полной ответственности за свои действия, что люди не рождаются преступниками, а учатся совершать преступления путем чувственного восприятия окру-

⁵⁸⁹ История США 1984: 515.

⁵⁹⁰ История США 1984: 513.

жающего мира. Поэтому в уголовном законодательстве штатов, в первую очередь Пенсильвании и Новой Англии, выдвигалась цель «перевоспитать, а не уничтожить» нарушителей закона. Была создана такая пенитенциарная система, которая превратила тюрьму в то, что филаделфийские чиновники называли «школой перевоспитания»⁵⁹¹.

Не менее сильно процессы просвещения повлияли на формирование еще одной особенности американской ментальности. Это американская религиозность и религиозная толерантность. Разнообразные религиозные движения, возникшие в XIX в., свидетельствовали о глубинных процессах в этой области. В это время американцы искренне считали себя не просто первой республиканской нацией, но и нацией избавителей. При этом параллельно происходил постепенный процесс отделения всех церквей от государства. На рубеже веков во всех штатах религиозные организации лишались поддержки, вносились поправки в конституции, направленные на религиозное многообразие и веротерпимость. Все это свидетельствовало о более терпимом отношении к различным группам населения. Хотя надо отметить, что в Новой Англии этот процесс шел медленнее, чем в других регионах США⁵⁹².

Эти религиозные процессы, в первые десятилетия после революции получили название «Второго Великого Пробуждения» и произвели значительные изменения в мышлении и мировосприятии американцев, их теологическом сознании. Основные идеи этого великого ментального процесса следующие: спасение доступно каждому, любой может выбирать между добром и злом, любой может стать совершенным уже в этой жизни, и полагаться надо не на чужие слова священников, а на собственные сердца. Все это сильно повлияло на американский способ восприятия мира, на место североамериканцев в этом мире и на их ментальность. Второе Великое Пробуждение, означавшее демократизацию христианства, стало дополнением к той революционной демократизации, которая была совершенна в политике. Одной из особенностей Второго Великого Пробуждения являлось то, что большую часть апологетов этого движения составляли женщины, которые именно в религиозной сфере впервые обрели право голоса и стали претендовать на важные социальные роли. Второй особенностью этого процесса явилось то, что в значительной мере изменилась жизнь чернокожих рабов в южных штатах, так как огромное их число обратилось к христианству, видя в нем в том числе и призыв к неповиновению. Примером этого может служить восстание рабов под руководством Ната Тернера, баптистского проповедника, в 1831 г.⁵⁹³.

⁵⁹¹ Вуд 2016: 352.

⁵⁹² Макинерни 2011: 262

⁵⁹³ История США 2009: 80

Все эти изменения в культурной сфере, все эти особенности такого уникального процесса, как Американское Просвещение, подталкивали американцев к убеждению, что Америке предстоит изменить человеческое сообщество. Проповедники всех американских церквей рассуждали об особой роли американской нации в деле духовного спасения мира, об ее особой духовной миссии – подарить человечеству свободу и спасение. Идея о том, что их нации суждено изменить мир, присуща американцам до сих пор. По их мнению, то, что сработало в Америке, просто обязано сработать в остальных частях мира. А захочет ли остальной мир к этому присоединиться – это вопрос второстепенный.

Список источников и литературы

- Болховитинов 1980** – Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. – М., 1980.
- Вуд 2016** – Вуд Г.С. Идея Америки. – М.: «Весь Мир», 2016.
- История США 1983** – История США: в 4-х тт. – Том 1. – М.: Наука, 1983.
- История США 2009** – История США. Подробный справочник. – М.: АСТ, 2009.
- Макинерни 2011** – Макинерни Д. США. История страны. – М.: Эксмо, 2011.
- Макферсон 2012** – Макферсон Дж. Боевой клич свободы. Гражданская война 1861-1865. – Екатеринбург: Гонзо, 2012.
- Римини 2015** – Римини Р. Краткая история США. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015.
- Согрин 2013** – Согрин В. В. Центральные проблемы истории США. – М.: изд-во «Весь Мир», 2013.
- Согрин 2010** – Согрин В. В. Исторический опыт США. – М.: Наука, 2010.
- Stewart 1969** – Stewart D. H. The opposition Press of the federalist period. – Albany, 1969.

Vladimir A. Shihov

PECULIARITIES OF AMERICAN ENLIGHTENMENT

The article is devoted to such an interesting, but little-studied period in American history as the American Enlightenment. Examines the ideological sources of this process, similarities and differences with the European Enlightenment. Examines such features of American Education, American democracy, American pragmatism, American education and American religion. Examines the causes and origins of these phenomena, their specific features and how these features of the American enlightenment influenced the emerging American mentality.

Keywords: American Education, American pragmatism, the American revolution, the Second Great Awakening, the American mentality.

II. Материалы региональной научной конференции «Империя и имперскость в исторической ретроспективе (Пятое Сутыринские чтения)»

Министерство образования и науки РФ
Уральский государственный педагогический университет
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

**ИМПЕРИЯ И ИМПЕРСКОСТЬ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ПРОГРАММА
РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Екатеринбург, 29 сентября 2017 г. в 14.00

Вопросы для обсуждения:

1. Феномен империи в дискурсивном контексте. Типологизация империй.
2. Империи на Западе и империи на Востоке.
3. Россия: «Три Рима падоша, а четвертому не быти». Империя как судьба?
4. СССР как территориально-интегрированная империя: «за» и «против».
5. После империи: постимперский синдром и неоимперское сознание.
6. Современные империи и империи будущего: реалии и прогнозы историка.
7. Имперское сознание и имперская культура.

Оргкомитет конференции

- Председатель – **Земцов Владимир Николаевич**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета
- Ученый секретарь – **Шестакова Надежда Фёдоровна**, ассистент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета

Члены оргкомитета –

Бахтина Ирина Леонидовна, к.и.н., доцент, доцент кафедры теории и методики обучения истории, и.о. декана Исторического факультета УрГПУ

Грибан Ирина Владимировна, к.и.н., директор Музея УрГПУ, доцент кафедры всеобщей истории УрГПУ

Клименко Иван Михайлович, к.пед.н., доцент, заведующий кафедрой теории и методики обучения истории УрГПУ

Кочнева Евгения Михайловна, заместитель декана Исторического факультета по воспитательной работе УрГПУ

Постникова Алёна Александровна, к.и.н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории УрГПУ

29 сентября 2017 г.

Приветствие:

Симонова Алевтина Александровна – ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», доктор педагогических наук, профессор

Попов Михаил Валерьевич, д.и.н., профессор, профессор кафедры Истории России УрГПУ (г. Екатеринбург)

”Первый” Исторический факультет СГПИ-УрГПИ-УрГПУ в лицах

**Пленарное заседание
(проводится в формате «круглого стола»):**

Участники:

Бахтина Ирина Леонидовна, к.и.н., доцент, доцент кафедры теории и методики обучения истории, и.о. декана Исторического факультета УрГПУ (г. Екатеринбург)

Опыт реализации зарубежных образовательных технологий в общеобразовательных учебных заведениях Урала в 1920-е годы

Бороздин Константин Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории УрГПУ (г. Екатеринбург)

Дезертирство из Красной армии в августе – сентябре 1918 г. (на примере 3-й Армии)

Грибан Ирина Владимировна, к.и.н., директор Музея истории УрГПУ, доцент кафедры всеобщей истории УрГПУ (г. Екатеринбург)

Судьба империй в контексте современности: новые акценты в изучении истории в школах ФРГ

Елисафенко Марина Константиновна, к.и.н., доцент, зав. кафедрой Истории России УрГПУ (г. Екатеринбург)

Русификация или просвещение? Школа для нерусских народов Прикамья

Земцов Владимир Николаевич, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории УрГПУ, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Европа: имперский проект Наполеона

Коробицына Луиза Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории УрГПУ (г. Екатеринбург)

Британская политика умиротворения и память об утраченном имперском величии

Начапкин Максим Николаевич, к.и.н., доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург)

Русский консерватор Иван Солоневич о феномене российской монархической государственности, империи, причинах революций XX века, поражения белого движения и идеале будущего устройства страны

Постникова Алена Александровна, к.и.н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории УрГПУ, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Театр и Власть Первой империи во Франции

Прокофьев Александр Игоревич, аспирант Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

Московское государство середины XVII в. как «точка невозврата»: поиск истоков Российской империи

Семёнова Наталия Леонидовна, к.и.н., доцент, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (г. Стерлитамак).

Этнический и территориальный подходы к истории Российской империи в современной историографии

Сильченко Иван Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории УрГПУ, специалист музея Военной техники УГМК (г. Екатеринбург – г. В. Пышма)

Формирование органов власти Екатеринбургской губернии в 1919 г.

Соколова Елена Станиславовна, к.ю.н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург)

Имперский потенциал внешнеполитических стратегий надсословной монархии XVIII в.: политико-юридические аспекты

Трофимов Андрей Владимирович, д.и.н., профессор, профессор кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Концепт «Советская империя» в историографии

Устинов Андрей Леонидович, старший преподаватель кафедры истории, экономики и правоведения Уральского государственного медицинского университета (г. Екатеринбург)

Некоторые аспекты комплектования рабочих кадров на Уральских заводах в 1760-1970-е гг. (На примере Саткинского и Златоустовского заводов)

Шапошников Геннадий Николаевич, д.и.н., доцент, зав. кафедрой истории, экономики и правоведения Уральского государственного медицинского университета (г. Екатеринбург)

Власть и врачи в 1917-1918 гг.

Шистеров Максим Валерьевич, к.и.н., начальник отдела основных образовательных программ Учебно-методического управления, доцент кафедры всеобщей истории УрГПУ (г. Екатеринбург)

Римский империализм в постимпериалистической перспективе (О некоторых особенностях «постколониальной историографии»)

Шихов Владимир Анатольевич, аспирант кафедры всеобщей истории УрГПУ, учитель истории и обществознания МОУГ г.о. Н.-Салда, Свердловской обл. (г. Екатеринбург; г.о. Н.-Салда)

Альтернативы политического развития США в конце XVIII века

УДК 343.343.5:94(470.5)"1918"

Код ВАК 07.00.02

К.А. Бороздин

ДЕЗЕРТИРСТВО ИЗ КРАСНОЙ АРМИИ В АВГУСТЕ-СЕНТЯБРЕ 1918 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ 3-Й АРМИИ)

В данной публикации рассмотрен вопрос о дезертирстве из Красной армии летом-осенью 1918 года на территории Урала и Зауралья, а также причины, примеры и следствия этого явления. Работа написана на широком комплексе источников, включающих архивные материалы и периодику.

Ключевые слова: Российская империя, Гражданская война, Красная армия, дезертирство, Урал.

Дезертирство из Русской императорской армии началось с первых этапов Великой войны и, в среднем, достигало 6000 человек в месяц. После Февральской революции и «демократизации» армии количество бежавших с фронта солдат резко возросло. Основной причиной дезертирства из «Революционной армии свободной России» (РИА) стала усталость солдат от войны, стремление вернуться домой и заняться переделом земли (армия примерно на 80% состояла из крестьян). Приказ № 1 Петроградского Совета, который отменил единоначалие в армии, что привело к отказам солдатами выполнения приказов и нарастании анархии в армии, только увеличил количество дезертиров. В развале армии принимала активное участие партия большевиков, призывавшая брататься с противником, бросать оружие и идти домой.

Масса дезертиров двинулась с фронта в Петроград, другие крупные города или в свои родные населенные пункты, часто взяв с собой оружие.

После организации Рабоче-крестьянской Красной армии многие из бывших солдат РИА, которые по различным причинам не желали работать «на земле» или не нашедшие работы на предприятиях, вступили в ряды воинских формирований.

Бороздин Константин Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета. Телефон: +7-904-381-61-89, E-mail: irbit-zavod@yandex.ru.

Konstantin A. Borozdin, Postgraduate student of the Department of General history of the Ural State Pedagogical University. Phone: +7-904-381-61-89, E-mail: irbit-zavod@yandex.ru
© Бороздин К. А., 2017

Первоначально Красная армия формировалась только на добровольной основе, но бойцы должны были отслужить определенный срок, часто он равнялся 6 месяцам⁵⁹⁴. Потому самовольная отлучка из войсковой части не считалась дезертирством и особо не наказывалась. Но с началом Гражданской войны и серьезных боевых действий и формированием регулярной армии дисциплина ужесточилась. Именно в этот период началось формирование 3-й армии.

13 июня 1918 года был создан Северо-Урало-Сибирский фронт, в который вошли вооруженные формирования, действующие на Златоустовском, Кыштымском, Омском направлениях. Началось объединение мелких отрядов в более крупные формирования, из которых впоследствии были созданы полки, бригады и дивизии, вошедшие в состав 3-й армии. Вначале, а именно 24 июня 1918 года, Северо-Урало-Сибирский фронт подчинили Восточному фронту, но уже 18 июля его переименовали в 3-ю армию. Боевые действия летом-осенью 1918 года данная армия вела на территории Пермской губернии.

Советские органы, которые еще в недавнем прошлом ратовавшие за развал армии, призывавшие к дезертирству из нее, теперь столкнулись с той же самой проблемой. Уже на начальном этапе формирования армии произошли первые случаи дезертирства. В своих воспоминаниях командир 4-го Уральского полка И.П. Вырышев, к примеру, описал случай дезертирства руководства военного комиссариата полка и нескольких офицеров штаба с последующим переходом их на сторону противника во время отступления из г. Шадринска⁵⁹⁵.

Основу 3-й армии красных составили отряды, сформированные из добровольцев, часто по принципу землячества. Но данные формирования были малочисленными, поэтому было принято решение прибегнуть к мобилизации. Насильные мобилизации крестьянства только усугубили проблему дезертирства. Вкупе с «усталостью» от войны, потребностью в восстановлении разрушенного хозяйства и желанием жить мирной жизнью мобилизации стали одной из основных причиной дезертирства из Красной армии.

Отступление красных летом 1918 года было довольно стремительным. Крестьяне, добровольно вступившие или мобилизованные в Красную армию, стремились защищать только свои населенные пункты, а воевать на другой территории им не хотелось. Роты, сформированные из одной или нескольких соседних волостей, договорившись между собой, при отступлении из своей местности покидали воинские формирования, в том числе и из-за опасения за жизнь и здоровье членов своих семей и собственное хозяйство.

⁵⁹⁴ ГА в г. Иrbите.

⁵⁹⁵ Вырышев 1958.

В связи с этим явлением, руководство издало специальный приказ, который упоминается в «Политической сводке о реорганизации политического отдела военного совета 3-й армии, о создании военно-полевого революционного суда и положении в Пермской губернии» от 9 августа 1918 года⁵⁹⁶. «Военный совет 3-й армии приказом за № 70 от 7 августа ввиду имевших место в последнее время в 3-й армии явлений бегства с фронта и неисполнения боевых приказов в линии огня, постановил, что все дезертиры, не исполняющие боевых приказов в линии огня, предатели, шпионы, мародеры, и устно, и печатью агитирующие против Советской Республики и разлагающие войска, подлежат расстрелу. Для проведения в жизнь этого приказа Военный совет 3-й армии постановил учредить при штабе 3-й армии военно-полевой революционный суд. Этому суду, согласно приказу по армии за № 71 от 8 августа, подлежат все военные служащие в районе 3-й армии. Приговор военного суда обжалованию не подлежит и приводится в исполнение немедленно».

Это были первые серьезные попытки остановить дезертирство, пока на уровне воинского формирования, но не на уровне государства в целом.

По данному поводу 5 сентября 1918 года была опубликована статья в газете «Окопная правда» под названием «Шапка в руках, а голова убежала»⁵⁹⁷, в которой описывался один из случаев дезертирства. 2-й батальон 1-го Алапаевского пехотного полка 15 августа оставил позиции и разошелся по домам, обнажив фронт на несколько верст. Этим воспользовались войска Сибирской армии и зашли в тыл красным. Но, несмотря на вышеуказанный приказ, участники дезертирства были только осуждены на сроки до 5 лет лишения свободы или до 3 месяцев общественных работ. Некоторых солдат вообще оправдали. Организаторы дезертирства скрылись. В «Политической сводке штаба 3-й армии о раскрытом заговоре правых эсеров, о положении в Пермской губернии», датируемой 5 сентября 1918 года⁵⁹⁸ сообщалось: «Временно организованный военно-революционный суд при 1-й дивизии разбирает дело об оставлении позиции 2-м батальоном Алапаевского полка. К командному составу применена высшая мера наказания. На днях начинает работу постоянный полевой суд из трех лиц».

В состав 3-й армии входили формирования не только Урала и Сибири, но и Петрограда, в них также случались «казусы» невыполнения приказов и оставления позиций, что приравнивалось к дезертирству. Об этом писала газета Уральский рабочий в статье «Приказ тов.

⁵⁹⁶ ГАСО: 37.

⁵⁹⁷ Окопная правда 1918.

⁵⁹⁸ ГАСО: 82.

Троцкого»⁵⁹⁹: «Мне доложено, будто Петроградский партизанский отряд покинул позицию.

Приказываю комиссару Розенгольцу проверить, – солдаты и матросы рабочей и крестьянской Красной Армии не трусы и не негодяи. Они хотят сражаться за свободу и счастье рабочего народа. Если они отступают или же худо сражаются, то виновны или командиры или комиссары.

Предупреждаю, если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым командир».

Отягощающим моментом при дезертирстве был факт унесенного с собой оружия, боеприпасов, обмундирования и всего того, что находилось на самом бойце.

Факты дезертирства в своих воспоминаниях описывал участник событий Ф.И. Соколов⁶⁰⁰.

«Дождь, холод, недоедание, плохое обмундирование. Застава из сысерцев в количестве 50 человек, занимавшая оборону на правом фланге Медного рудника, поддавшись агитации, сбежала, оставив винтовки в окопах». В этих словах кроется другая важная причина дезертирства, заставлявшая бежать из армии даже бывших добровольцев – недостаток питания и обмундирования, особенно осенью.

Далее Соколов продолжает: «Между 15 и 18 августа 3-й батальон 3-го Екатеринбургского полка, состоящий из режевлян, снялся с позиции и направился домой с оружием, в том числе забрали 3 станковых пулемета. Этот батальон впоследствии в Реже перешел на сторону белых». Факт перехода бывших красноармейцев на сторону белых в районе Режевского завода зафиксирован в Политической сводке штаба 3-й армии о положении на фронте 14 сентября 1918 года⁶⁰¹.

Вольнский полк, в основном состоящий из мобилизованных жителей Режевской и Покровской волостей, 9 сентября практически в полном составе перешел на сторону Сибирской армии. Причиной стало то, что мобилизованных старше 35 лет не отпустили на полевые работы. В итоге, белым был передан бронированный поезд, плененный отряд китайских интернационалистов, оружие и боеприпасы полка. Часть крестьян была отпущена по домам на полевые работы, часть добровольно вступила в ряды Сибирской армии. Это «происшествие» открыло фронт на 17 верст и заставило красных снять с других стратегических позиций роты 1-го Камышловского и 1-го Крестьянского полков для закрытия «дыры». Несмотря на усиление войск красных, покровские крестьяне подняли мятеж. Он был жестоко подавлен, а село частично сожжено.

Кроме китайских добровольцев в состав полков 3-й армии входили венгерские формирования. Как оказалось, и они не выдерживали ди-

⁵⁹⁹ Уральский рабочий 1918 (а).

⁶⁰⁰ Соколов 1958.

⁶⁰¹ ГАСО: 107.

намики непрерывных боев и стали склоняться к дезертирству. В боях за Ирбитский завод в сентябре 1918 года мадьяры отказывались исполнять приказы и идти в бой, ссылаясь больными⁶⁰². В последствии они подняли бунт и предъявили ультиматум с требованием отправить их в г. Пермь на отдых. Реакция командира 1-го Камышловского полка Н.Ф. Черных была решительной. Он телеграфировал комбригу М.В. Васильеву: «Предлагаем немедленно принять меры к переводу куда-либо роты мадьяр, а в полк прислать маршевые роты, если это не будет исполнено вами, то при первой же попытке еще раз завести рассуждения на тему, исполнять ли боевой приказ часть будет арестована, а другая расстреляна на месте»⁶⁰³. В итоге красные мадьяры самовольно переместились в г. Алапаевск, где находился штаб дивизии и там вновь потребовали отправки их в г. Пермь. Их требование было выполнено.

Другие интернациональные формирования, измотанные в боях, также были подвержены дезертирству, о чем сообщает политическая сводка штаба 3-й армии о положении на фронте от 21 сентября 1918 года⁶⁰⁴: «В Верхотурье латыши отказались идти на фронт, мотивируя это тем, что они присланы для поддержки порядка».

Впервые участвующая в боях молодежь тоже была подвержена дезертирству. Случай подобного рода, произошедший в районе г. Мисаса, описывался в газете Уральский рабочий⁶⁰⁵. Причем, первыми с поля боя тогда сбежали командиры подразделений.

Часто недовольство мобилизованных крестьян перерастало в мятежи. Например, в Оханском и Осинском уездах Пермской губернии мобилизованные в Красную армию открыто выступали против отправки на фронт, а в д. Фоки даже убили нескольких членов исполкома⁶⁰⁶.

Убийство командиров случались и во время боевых действий, о чем сообщалось в политической сводке штаба 3-й армии о положении на фронте 14 сентября 1918 года⁶⁰⁷: «Шамара. В частях дивизии настроение бодрое, в общем. Части, давно находящиеся на фронте и постоянно бывшие в боях, рвутся на отдых. Хуже всего дела обстоят в Среднеуральском полку, составленном из мобилизованных Кунгурского и Пермского уездов. 3-я рота этого полка во время боя, убив нашего товарища Нисовского, перешла на сторону неприятеля. Все перебежчики были, однако, расстреляны чехами. Та же участь постигла перебежчиков из Кунгурской сводной роты». Сообщение о расстреле перебежчиков с большой долей вероятности было ложным и предназначалось для устрашения рядовых солдат.

⁶⁰² ГАСО: 113.

⁶⁰³ РГВА.

⁶⁰⁴ ГАСО: 127.

⁶⁰⁵ Уральский рабочий 1918 (6).

⁶⁰⁶ ГАСО: 48.

⁶⁰⁷ ГАСО: 108.

Для борьбы с несознательным элементом, в том числе и с дезертирами создавались ротные товарищеские суды, такие, например, были в 1-м Красноармейском полку в Красноуфимске⁶⁰⁸.

Данная ситуация была обоснована тем, что на Красноуфимском направлении фронта в 4-й Уральской дивизии «от 2-го Красноуфимского, 1-го Латышского и 3-го Петроградского полков остались жалкие остатки. Из первых двух полков масса красноармейцев разбежалась. Настроение у всех очень подавленное....»

Лучше всех ведет себя 1-й Красноуфимский полк, находящийся на Артинском направлении, но там несколько рот, состоящих из местных жителей, намерены разойтись по домам»⁶⁰⁹.

Из предложенного обзора можно сделать вывод, что на протяжении лета-осени 1918 года дезертирство из 3-й армии красных было массовым. Причинами дезертирства стали: усталость от войны, нежелание воевать, недостаток обмундирования и питания (особенно в холодное время года), страх за собственную семью и оставленное хозяйство. Выявленные типы дезертирства были разнообразными: уклонение от службы, отказ выполнить приказ, оставление позиций во время боя, самовольное оставление воинских частей, вымышленные болезни, невозвращение из отпусков, уклонение от мобилизации, подделка документов с уменьшением или увеличением возраста мобилизуемого, переход на сторону противника.

Борьба с дезертирством велась только на уровне войсковых частей и военных комиссариатов, серьезной агитации против этого явления не проводилось, наказания за дезертирство – от исправительных работ до расстрела.

Список источников и литературы

ГА в г. Ирбите – Государственный архив в г. Ирбите. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 195.

РГВА – Российский государственный военный архив. Ф. 3562. Оп. 2. Д. 31. Л. 85.

Вырышев 1958 – Вырышев И.П. Воспоминания. Музей Окружного дома офицеров (г. Екатеринбург). Машинопись. 1958. Без номера фонда.

Уральский рабочий (а) – Приказ тов. Троцкого // Уральский рабочий. – 1918. – 21 августа.

Уральский рабочий (б) – Несколько слов о Красной армии // Уральский рабочий. – 1918. – 10 сентября.

⁶⁰⁸ ГАСО: 55.

⁶⁰⁹ ГАСО:124.

Соколов 1958 – Соколов Ф.И. Воспоминания. Личный архив автора.
Окопная правда – Шапка в руках, а голова убежала // Окопная правда. – 1918. – 5 сентября.

Konstantin A. Borozdin

**DESERTION FROM THE RED ARMY IN AUGUST-SEPTEMBER,
1918 (ON AN EXAMPLE OF 3RD ARMY)**

This publication describes the issue of desertion from the Red army in the summer and autumn of 1918 on the territory of the Urals and Trans-Urals, as well as the causes, examples and consequences of the phenomenon. It is written in the complex of the sources detected in regional and national archives, as well as on the basis of publications in the newspapers of the period in question.

Keywords: Russian empire, Civil war, the Red army, desertion, Ural.

УДК 94(420) "1933-1939":32

Код ВАК 07.00.09; 07.00.03

Л.В. Коробицына

**БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА УМИРОТВОРЕНИЯ И ПАМЯТЬ
ОБ УТРАЧЕННОМ ИМПЕРСКОМ ВЕЛИЧИИ**

Будучи одной из наиболее дискуссионных проблем в английской исторической науке, политика умиротворения 1930-х гг. осталось в памяти британской нации не только как символ стыда и причина начала Второй мировой войны, но и как память об утраченном имперском влиянии.

Ключевые слова: британская историография, Вторая мировая война, политика умиротворения, историческая память, утрата имперского величия.

Окончание Второй мировой войны ознаменовало не только победу над фашизмом, но и начало нового этапа в истории Британии и ее заморских территорий. Великая колониальная империя, достигшая своего расцвета в XIX в., на протяжении первой половины XX в. медленно угасала, открывая дорогу для новых мировых лидеров. Однако синдромы утраты былого британского влияния на расстановку сил на международной арене проявились еще в конце 1930-х гг., когда выявилась несостоятельность прежних методов ведения внешней политики.

Коробицына Луиза Владимировна, аспирант 3-го года обучения кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (Россия, 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Luiza V. Korobitsyna, 3d year postgraduate student of the General history chair of Ural State Pedagogical University (Russia, 620017, Yekaterinburg, Kosmonavtov, av., 26).

Телефон / Phone: +7 (343) 235 76 34. Электронная почта / e-mail: luizakorobitsyna@mail.ru
© Коробицына Л. В., 2017

В послевоенные годы истоки Второй мировой войны и британская политика умиротворения стали одной из наиболее дискуссионных и активно обсуждаемых тем. Значительный вклад в изучение данной проблемы был внесен профессорами первого в мире факультета Международной политики Уэльского университета Э. Карром и Ф.А. Рейнолдсом. Разработав теоретико-методологическую основу для новой научной дисциплины в книге «Двадцатилетний кризис 1919 – 1939: введение в изучение международных отношений»⁶¹⁰, Карр сделал возможным появление альтернативных методов анализа внешней политики проводимой государством. В 1954 г. Ф.А. Рейнолдс, преемник Карра на посту профессора в Уэльском университете⁶¹¹, издал книгу «Британская международная политика в межвоенные годы», которая во многом отталкивалась от работы его предшественника.

Рейнолдс полагал, что в конце XIX в. Великобритания начала утрачивать свое бывшее экономическое лидерство, а Первая мировая война кардинальным образом изменила образ и унастроение континентальной Европы, таким образом, что « в первое пятилетие после Первой мировой войны только Британия сохранила что-то напоминающее дух союзничества, существовавший среди европейских государств до 1914 г., дух, который она могла использовать в своих устремлениях к первостепенной национальной идее – установлению мира»⁶¹². Главным орудием в руках британских политиков была Лига Наций, которая, исчерпав кредит доверия, усугубляла напряженную международную обстановку, – принятые в ходе конференций и встреч решения приводили к обратному эффекту. Характеризуя политику умиротворения в Великобритании, Рейнолдс писал: «Провал британской политики в межвоенные годы был результатом двух фундаментальных ошибок: во-первых, попытки продвигать традиционную политику в условиях, когда ситуация в мире давно перестала находиться под контролем утрачивающей власть Британии; во-вторых, продвижение соглашательства и терпимости, которые, в действительности, означали неумение определить зло и во зле увидеть угрозу»⁶¹³.

В 1966 г. в книге «Корни умиротворения» М. Гилберт, проанализировав природу британской внешней политики конца 1930-х гг., пришел к выводу, что она проистекала из благородной идеи, берущей начало в христианстве и британской политической традиции, заложенной на протяжении XVII – XIX вв.⁶¹⁴. В течение этого времени Вели-

⁶¹⁰ Carr 1946.

⁶¹¹ Почетная должность профессора международных отношений в университете Абериструита носит имя американского президента В. Вильсона – Woodrow Wilson Professor of International Politics.

⁶¹² Reynolds 1954: 2-3.

⁶¹³ Ibid.: 167.

⁶¹⁴ Gilbert 1966: 179.

кобритания позиционировала себя как великая колониальная империя, обладающая безграничными ресурсами, военным и политическим влиянием, непрекаемым авторитетом и негласным статусом «мирового полицейского». Первая мировая война, нанеся урон экономике всей Европы, пошатнула позиции британцев на международной арене и лишила империю сил, необходимых для урегулирования крупных конфликтов. Однако Лондон по инерции брал на себя ответственность в разрешении тех вопросов, которые были ему уже неподвластны. В сущности, политика умиротворения виделась Н. Чемберлену и его кабинету министров как единственно возможный, менее болезненный выход из ситуации, дававший пусть малый, но шанс избежать войны.

Современные британские специалисты по истории международных отношений с не меньшим интересом обращаются к изучению феномена политики умиротворения. В 2014 г. профессор Университета Аберистуита Р.Г. Хьюэс провел исследование «Поствоенное наследие умиротворения. Британская международная политика с 1945 г.»⁶¹⁵, посвященное влиянию исторической памяти политики умиротворения на решения, принимавшиеся британскими лидерами во второй половине XX – начале XXI вв. Историком был проведен анализ международных кризисов, при разрешении которых политики апеллировали к негативному историческому опыту умиротворения: Холодная война 1946–1989 гг., Суэцкий кризис 1956 г., Берлинский кризис 1948–1949 гг. и 1961 г., Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., Фолклендская война 1982 г., освобождение Кувейта 1990–1991 гг., Боснийская война 1992–1995 гг. и война в Ираке 2003–2011 гг. Очевидным является тот факт, что умиротворение прочно врезалось в память британской нации и стало символом слабости и малодушия, уступок, ведущих к широкомасштабным конфликтам.

Предвоенная внешняя политика Лондона не была случайным промахом политиков, она свидетельствовала о том, что английская элита в 1930-е гг. еще не пришла к осознанию приближающейся и неизбежной утраты статуса великой колониальной империи. В XXI в. британские ученые с не меньшим энтузиазмом обращаются к событиям, предшествовавшим Второй мировой войне, тем самым вновь воскрешая в памяти нации политику умиротворения, которая стала последним отблеском угасающего величия бывшей колониальной империи.

Список источников и литературы

- Carr 1946** – Carr E.H. The Twenty Years' Crisis 1919 – 1939: An introduction to the study of international relations. – London, 1946.
Gilbert 1966 – Gilbert M. Roots of Appeasement. – London, 1966.

⁶¹⁵ Hughes 2014.

Hughes 2014 – Hughes R.G. The postwar Legacy of Appeasement: British Foreign Policy since 1945. – London, 2014.

Reynolds 1954 – Reynolds P.A. British Foreign Policy in the Inter-War Years. – London, 1954.

Luiza V. Korobitsyna

BRITISH APPEASEMENT POLICY AND A MEMORY OF LOSS IMPERIAL GLORY

Being one of the most controversial issue in English historiography appeasement policy of 1930th remained in the British national memory not just as symbol of shame and the reason of the beginning of the Second World War but also as a memory of loss imperial glory.

Keywords: British historiography, Second World War, appeasement policy, historical memory, loss imperial glory.

УДК 94(47).084.2"19"

Код ВАК 07.00.02.

М.Н. Начапкин

РУССКИЙ КОНСЕРВАТОР ИВАН СОЛОНЕВИЧ О ФЕНОМЕНЕ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, ИМПЕРИИ, ПРИЧИНАХ РЕВОЛЮЦИЙ XX ВЕКА, ПОРАЖЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ И ИДЕАЛЕ БУДУЩЕГО УСТРОЙСТВА СТРАНЫ

В статье рассматриваются взгляды известного представителя отечественного консерватизма Ивана Лукьяновича Солоневича, посвященные оценке роли Московского (царского) и Петербургского (имперского) периодов в русской истории. Дается сравнительный анализ российской и других империй, анализируются причины свержения монархии, поражения Белого движения. В статье оцениваются наиболее важные положения политических тезисов российского народно-имперского движения о принципах политического и социально-экономического развития будущей России. Консервативные взгляды И.Л. Солоневича очень важны для объективного понимания политических настроений российской эмиграции.

Начапкин Максим Николаевич, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11); кандидат исторических наук, доцент.

Maxim N. Nachapkin, associate professor of the Department of office documentation, history and legal support of Russian State Vocational Pedagogical University (620012, Russia, Ekaterinburg, Mashinostroiteley street, 11); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 338-44-37. Электронная почта/E-mail: maks.nachapkin@mail.ru

© Начапкин М. Н., 2017

Ключевые слова: империя, консерватизм, монархия, эмиграция, революция, Белое движение, правящий слой, идеал.

Одним из ярких представителей консервативной русской эмиграции был Иван Лукьянович Солоневич (1891-1953). Он продолжил традицию изучения русской монархии, начатую Л.А. Тихомировым и Е.Н. Казанским. Солоневич «...разработал основы народно-монархического, «штабс-капитанского имперского консерватизма»⁶¹⁶. Его жизненный путь оказался необычайно интересен. Иван Лукьянович активно занимался гимнастикой, гиревым спортом, был журналистом, объехавшим почти весь Советский Союз. Являясь решительным идейным противником большевиков, Солоневич долго готовился к побегу за границу. Первая попытка побега в 1933 г. оказалась неудачной. Он был отправлен в Карельский концлагерь, на Свирьстрой, но даже в лагере он не оставил попыток подготовить новый побег. В августе 1934 г. Солоневич с сыном Юрием удачно перешел финскую границу. Вскоре появились его известные книги: «Россия в концлагере», «Народная монархия», «Белая Империя». В них он не только изнутри оценивает большевистский режим, отмечая его нежизнеспособность, но и старается показать возможный путь развития России с учетом особенностей русской жизни, психологии и религиозных традиций. Одной из первых публикаций в современной России стало появление в 1992 г. политических тезисов «штабс-капитанского движения»⁶¹⁷. В 1990-2000-х гг. было опубликовано несколько книг Ивана Лукьяновича⁶¹⁸. Появляются исследования его взглядов и биографии⁶¹⁹.

Главной теоретической работой Солоневича является «Народная монархия», написанная в 1948 г. в Буэнос-Айресе, в которой «...изложена философия русской истории, дана оценка различных форм государственного правления, в том числе монархии, сформулированы задачи, стоящие перед народно-монархическим движением»⁶²⁰. Он хотел донести мысль о монархии, как глубоко выстраданном принципе русской государственности.

Основные идеи политических тезисов «штабс-капитанского движения» содержали следующие постулаты:

1) русский народ имеет свое неповторимое лицо, судьбу, свой путь развития и неповторимую историческую миссию;

2) не существует одинаковых для всех народов исторических законов развития («Россия сильна только в том случае, если она следует законам своего – а не чьего-нибудь чужого – национального бытия.

⁶¹⁶ Начапкин 2002: 175.

⁶¹⁷ Солоневич 1992:139-159.

⁶¹⁸ Солоневич 1997; Солоневич 1998; Солоневич 1999; Солоневич 2005; Солоневич 2007.

⁶¹⁹ Начапкин 2002; Никандров 2007; Сапожников 2014.

⁶²⁰ Начапкин 2002: 175.

Нация оказывается слабой, когда она сходит с пути своей самобытности, своего самостояния»⁶²¹);

3) русский национализм, как идея, объединяющая нацию, неразрывно связан с православной религией;

4) русский национализм также неразрывно связан с единоличной, наследственной монархической властью;

5) империя является оптимальной формой существования России, как с точки зрения сохранения самобытности, обеспечения безопасности и внутреннего мира, так и решения религиозных задач («Русский национализм... неразрывно связан с существованием Империи Российской, исторически соединяющей азиатский материк с европейским полуостровом, обеспечивающей нации российской беспрецедентное в истории мира непрерывное жизненное пространство, которое включает в себе все необходимые материальные ресурсы для самостоятельного и самобытного развития. Российская Империя есть, с одной стороны, необходимая материальная база существования российской нации, с другой стороны – необходимая территория для осуществления основной религиозной задачи нации российской – поисков божьей правды на грешной земле»)⁶²².

Рассуждая о национализме, Солоневич высказывает несколько консервативных идей: общество должно быть организовано не на классовых, а на корпоративных принципах, т.е. должно быть прекращено деление общества на классы, введено понятие государственной службы, «...то есть подчинения всякого частного интереса интересу общенациональному»⁶²³. Каждый русский человек должен иметь право на социальный лифт, т.е. занимать положение в обществе, на службе исключительно в зависимости от личных качеств и своей личной работы без оглядки на родословные и капиталы. Революционные события 1905 и 1917 гг. Иван Лукьянович связывает с изменой своему национальному лицу: «Основным грехом России является измена ее собственному национальному лицу. Измена эта проникла в Россию через ее правящий слой – то есть через ее дворянство. Была нарушена идея национальной индивидуальности внедрением иноземцев и иноземного влияния, отколовшего дворянство от самых глубинных корней русской духовной культуры. Кульминацией этого процесса была измена русскому языку и замена его французским... русские революции 1905 и 1917 годов есть неизбежная расплата за основной грех русского народа, за грех его бессилия: за то, что он в течение двухсот лет не сумел справиться со своим дворянством»⁶²⁴. Таким образом, одной из важ-

⁶²¹ Солоневич 1992:140.

⁶²² Там же.

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Там же.

нейших проблем исторической и возрождающейся России является проблема правящего слоя. Старый правящий слой – больной – нуждается в отторжении: «Здоровый правящий слой, не оторванный от народа, от его языка, его верований и его идеалов, – не стал бы лезть в масонские ложи, не допустил бы поражения даже и в борьбе с азиатскими противниками...»⁶²⁵. Важнейшей задачей для патриотических сил российской эмиграции Солоневич считал воссоздание правящего слоя, который бы реально служил основным принципам русского национального бытия, обладая при этом волей и разумом. Иван Лукьянович выделял два периода в русской истории: Московский и Петербургский. Период Московского царства был для Солоневича примером расцвета национальных основ русской государственности. В этот период в стране не было никакой конституции или хартии вольностей, как в Англии. В случае необходимости созывались земские соборы, церковь и государство действовали сообща, поддерживали друг друга. Социальный строй этого периода Солоневич считал одним из самых справедливых в мире. В Московском царстве было создано крепкое национальное единство. Это позволило решить труднейшие задачи национального бытия: «...ликвидацию Степи, подрыв Польши и Ливонского ордена, присоединение Украины, завоевание Сибири, начало завоевания Кавказа. Империя только собирала плоды московского цветения»⁶²⁶. Петербургский период отечественной истории охарактеризован им как период неуклонной национальной деградации. На протяжении всего XIX века Россия стала быстро отставать от передовых стран мира в техническом и военном отношениях. Солоневич обвиняет отечественных масонов в том, что они по указу своих западных хозяев втянули Россию в совершенно ненужные войны. В качестве примера войн петербургского периода носивших чисто авантюрный характер, он упоминает итальянские походы Суворова, подавление венгерской революции, авантюрно начатую и бездарно законченную японскую войну. Во время петербургского периода дворянство воспринимает западные идеи либерализма, космополитизма, масонства, получает право не служить, т.е. фактически паразитировать за счет труда крестьян. Следствием этого являются дворянские перевороты и частые царевубийства. Церковь в этот период, под синодально-чиновничьим управлением, деградирует до полного своего бессилия. Государство подорвало церковь, и в феврале 1917 г. она не смогла оказать ему поддержку. В работе «Белая Империя» Иван Лукьянович выделяет три главные причины русских революций 1905-1907 и 1917 гг.:

1) культурно-техническая отсталость России по сравнению с развитыми странами Западной Европы и Северной Америки;

⁶²⁵ Там же.

⁶²⁶ Там же: 142.

2) Вырождение правящего класса – дворянства, начавшееся с европеизацией Петра I;

3) Ненужная для России политика территориального расширения.

Солоневич называет себя русским империалистом и монархистом. Монархия была для него высшей точкой концентрации всех творческих сил. Он не разделял монархию на самодержавную и абсолютную. В природе не существует чистой монархии – она всегда носит смешанный характер. Московская монархия шла во главе общего течения национальной жизни и поэтому пользовалась поддержкой основных сил русского народа. Иван Лукьянович считал, что Российская империя принадлежит к древнейшим в мире. В работе «Народная Монархия» он отмечал, что она существует со времени первых Рюриковичей. Таким образом, ей исполнилось одиннадцать веков. Империя означала для него, прежде всего, внутренний национальный мир: «На территории Империи Российской были прекращены всякие международные войны и все народы страны могли жить и работать в любом ее конце»⁶²⁷. Солоневич совершенно правильно показывает отличие российской империи от британской: «Великобритания. Вооруженное или невооруженное ограбление всего, что плохо лежит; и в Ирландии, и Индии. Обогащение нации-победительницы всякими путями – торговлей рабами, и торговлей опиумом – с поддержкой этой коммерции и вооруженной силой. Россия. Никаких следов эксплуатации национальных меньшинств в пользу русского народа. Никаких следов порабощения финских племен... „Беспошадная эксплуатация Кавказа“, при которой проливалась русская кровь, а миллионерами и министрами становились Лианозовы, Манташовы, Гукасовы... Один из результатов: Рим и Лондон богатели за счет ограбления своих колоний, центр русской государственности оказался беднее своих „колоний“»⁶²⁸.

Консерватизм Солоневича проявлялся в убежденности, что великий русский народ имеет свой неповторимый путь в истории и не существует никаких исторических законов развития, которые были бы обязательны для всех народов. Поэтому все программы, заимствованные извне, неприменимы для построения путей развития русской государственности. Рассматривая отечественную историю, необходимо отказаться от западноевропейских шаблонов. Русская политическая мысль может быть плодотворной лишь в том случае, если будет исходить только из русских исторических предпосылок, из русского взгляда на историю. Поэтому в качестве своего политического идеала он выдвигает возврат к истокам своего национального бытия: «Возврат к истокам нашего национального бытия есть в основном возврат к государственным принципам Московского Царства – единение царя, церкви и народа – единоличной государствен-

⁶²⁷ Солоневич 1998: 14.

⁶²⁸ Солоневич 2005: 18-19.

ной власти и единоличной церковной власти, опирающейся на единство и нераздельность национального, государственного и религиозного сознания народа. Эти же принципы включают в себя и принцип бессловной “государевой службы“, подчинений частного интереса национальному, борьбу с „местничеством“, в чем оно не выражалось, в титулах, в чинах или в капиталах»⁶²⁹.

Народный монархист Иван Лукьянович утверждал, что России нужна наследственная, нравственно и юридически бесспорно единоличная монархическая власть, достаточно сильная для того, чтобы стоять над интересами и борьбой партий. Необходимо также народное представительство, которое бы реально отражало интересы России и русского народа. Только монархия может обеспечить могущество России: «Отличительная черта русской монархии, данная уже при ее рождении, заключается в том, что русская монархия выражает волю не сильнейшего, а волю всей нации, религиозно оформленную в православии и политически оформленную в империю»⁶³⁰.

В эмиграции консервативный публицист старался разобраться в причинах поражения Белого Движения. Он сделал вывод о том, что трагедия Белого Движения – это трагедия космополитического правящего слоя. Для него было совершенно ясно, что ни одно из белых формирований не нашло общего языка с народом и, прежде всего, с многомиллионным крестьянством: «И никому не пришла в голову самая простая мысль: опереться на семейные, хозяйственные и национальные инстинкты этого народа, и в их политической проекции – на Царя-Батюшку, на Державного Хозяина Земли Русской, на незабываемость русской национальной традиции и не оставить от большевиков ни пуха, ни пера»⁶³¹. Русский народ вначале стал воевать и против красных и против белых. Лидеры Белого Движения не захотели понять интересы народа и не умели привлечь его на свою сторону. Однако «... Ленин и Троцкий понимали смысл и стратегию гражданской войны безмерно яснее, чем Колчак и Деникин»⁶³². Одна из причин краха Белого Движения состояла в отсутствии у белых четкой и ясной программы по земельному и рабочему вопросу, а также по вопросу развития промышленности, образования и науки. Но главная причина была в отсутствии поддержки крестьянства: «Белую армию крестьянство встретило с распростертыми объятиями. Командование Белой Армии ответило на эти события пинком сапога»⁶³³. Правящий слой Белого Движения был лишен не только разума, но и инстинкта самосохранения.

⁶²⁹ Солоневич 1992:142.

⁶³⁰ Солоневич 1998: 86.

⁶³¹ Там же: 32.

⁶³² Там же.

⁶³³ Солоневич 1997: 158.

Белая армия без политической программы была обречена на поражение, но любая политическая программа без земельного вопроса была мыльным пузырем, и генералы сами отбросили от Белого Движения крестьянство России. На освобожденных территориях белые старались восстановить старые крепостнические порядки, власть помещиков. Крестьянство ответило восстаниями. Таким образом, Белое Движение оказалось оторванным от народных масс. Солоневич отмечал, что «... любой политический лозунг опирался прежде всего на вопрос о земле. В своих «Очерках русской смуты» А.И. Деникин признается, что он боялся отбросить от армии помещичий элемент. Поэтому о земле не было сказано ни слова»⁶³⁴.

Белые генералы, за исключением генерала Врангеля, не рискнули пойти на решение земельного вопроса. Побоявшись потерять поддержку тысяч помещиков, они потеряли поддержку миллионов крестьян. Только один генерал Врангель считал, что мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственное будущее России и взялся за создание земельного закона. Но в созданной им симферопольской комиссии, состоявшей из 30 человек, за принятие законопроекта, дающего землю крестьянам, высказались лишь трое, а девять десятых комиссии были против. Даже накануне своей гибели дворянство не хотело отдать землю и держалось за нее мертвой хваткой. Солоневич считал, что симферопольская комиссия была «... самым ярким показателем не русской, не национальной, не патриотической, а узко и тупо классово-политики верхов Белого Движения. Врангель хотел спасти этих дураков помимо их воли. Не удалось»⁶³⁵. То, что во главе Белого Движения стояли, за редким исключением, наиболее бездарные и безмозглые руководители, привело на практике к реставрации классово-политики в аграрном вопросе.

Были и другие, по мнению Солоневича, причины поражения белых: 1) отсутствие поддержки Белой Армии со стороны церкви (не было поднято никакого религиозного знамени); 2) не было авторитетного лидера Белого Движения. После гибели Корнилова и смерти Алексея вождем стал Деникин, не сумевший объединить силы с Финляндией и Польшей в борьбе против большевиков. Деникин рассорился с казачьим командованием, не смог найти общего языка с ижевскими и донбасскими пролетариями.

Конечно, на поражение белых повлияла и изощренная жестокость красных. В гражданской войне всегда побеждает та сторона, которая лучше всего приспособлена вести борьбу очагово-террористическими методами. Жестокость большевиков относилась не только к белым, но и к своим товарищам по партии. Солоневич писал об отвратительной,

⁶³⁴ Там же: 298.

⁶³⁵ Там же: 314-315.

скорпионской резне, которую проводили большевики: «Вчерашние товарищи, пусть даже и фанатики, люди, которые, казалось бы, должны быть спаяны десятилетиями совместной работы по насаждению мирового социалистического рая ... режут друг друга ...»⁶³⁶. Фактически Солоневич уже в 1935 г., за полтора года до ее начала, предсказал внутрипартийную резню в СССР в конце 30-х годов.

Солоневич пишет, что существует огромная разница между белогвардейцами и большевиками. В среде белогвардейцев скорпионская резня была просто невозможна: «Ни при каком усилии воображения мы не можем представить себе генерала А.И. Деникина, посылающего на расстрел генерала Н.Н. Врангеля ...»⁶³⁷. Большевицкий режим характеризуется Солоневичем как режим «подчеловеков»: «Там могут зарезать и жену, и сына, и товарища, и даже не поперхнувшись»⁶³⁸. Солоневич предвидел в перспективе поражение большевиков. Люди, не имеющие «никаких задерживающих центров... ни малейших зацепок совести»⁶³⁹ сами себя истребят. Их место должна занять русская патриотическая национальная власть.

Какие же мы можем сделать выводы, анализируя значение наследия Солоневича для современной России? Во-первых, при разработке, создании нового плана реформ необходимо решительно учитывать нашу тысячелетнюю своеобразную, отличную от истории Западной Европы, историю. Во-вторых, и в мышлении, и в борьбе, и в творчестве искать свой собственный, национальный путь развития, соответствующий нашей национальной правде, нашим национальным задачам. Русские люди неизбежно должны уйти в сторону от американского и всяких западноевропейских образцов как идеалов для подражания. Всякие попытки вместе с западноевропейской техникой перенять и западноевропейскую либеральную философию, обречены на провал всем ходом российской истории. И потому, следуя выводам И.Л. Солоневича и имея цель возрождения России, нам остается только одно: вернуться к духовным источникам всего русского творчества – и религиозного, и социального, и политического, отстраивать свой русский дом по своему русскому плану, проверенному одиннадцатью веками нашей истории. Для современной России не потеряли актуальности и его размышления о планах социально-экономического и политического развития страны. Он выступал за государственно-частное партнерство при максимальной возможности использования частной инициативы: «...первым этапом государственного планирования народного хозяйства явится раскрепощение и поддержка всякой здоровой частной инициативы – при сохранении за государством

⁶³⁶ Там же: 246-247.

⁶³⁷ Там же: 247.

⁶³⁸ Там же.

⁶³⁹ Там же.

ключевых отраслей народного хозяйства: крупнейших предприятий, внешней торговли, транспорта, страхования, кредита. Следующий этап – использование и координация частной инициативы и государственного хозяйства»⁶⁴⁰. В политических тезисах народно-имперского движения содержались и другие важные пункты: 1) признание права собственности как изначального человеческого и творческого инстинкта; 2) передача недр и крупной городской недвижимости в вечную собственность государства; 3) немедленная денационализация мелкой крестьянской земельной собственности, мелкой недвижимости в городах, мелких промысловых и кустарных предприятий; 4) отказ государства принимать какие-либо иски в целях возмещения убытков, нанесенных революцией; 5) приглашение уехавшим русским инженерам вернуться на работу в Россию; 6) борьба с чудовищной диспропорцией между тяжелой промышленностью и сельским хозяйством; 7) восстановление транспорта; 8) поддержка кооперативного движения. В целом, по мнению Солоневича, «основные задачи русского народного хозяйства: обеспечение широких народных масс всеми предметами первой необходимости. Самая суровая пуританская экономия в вопросах роскоши. Отказ от всяких расходов вывесочно-рекламного характера: нужно строить приходы, а не Исаакиевские соборы, нужно строить жилые дома, а не дворцы советов, нужно ввозить племенной скот, а не шампанское. Иначе говоря – народное хозяйство должно стать лицом к народу, а не к дворянской усадьбе или мировой революции»⁶⁴¹. В программных тезисах Солоневича особо отмечалась необходимость заботы о крестьянстве. В этом вопросе он солидарен с И.Т. Посошковым и П.А. Столыпиным. Можно согласиться с его следующими словами: «Без крепкого, культурного, православного мужика Россия никогда не сможет ни построить своей культуры, ни отстоять своего мирового места в ряду других держав, ни создать боеспособной армии, ни построить мощной промышленности: „все русские вопросы“ упираются в конечном счете в „крестьянский вопрос“, то есть в вопрос о материальных и моральных условиях существования подавляющего большинства русского народа. Вне удовлетворительного решения этого вопроса не может быть найдено удовлетворительного решения никаких вопросов русского государственного бытия»⁶⁴². Таким образом, будущая национальная власть должна вернуть крестьянину почетное положение в нации и империи. В области рабочего вопроса был сделан упор на повышение жизненного уровня путем повышения зарплаты и участия рабочих в распределении прибылей, улучшение медицинского обслуживания, системы социального страхования, развития профессиональных союзов по производственному принципу, правда, без дозволения заниматься политикой, уве-

⁶⁴⁰ Солоневич 1992: 152.

⁶⁴¹ Там же: 153.

⁶⁴² Там же: 154.

личение государственной поддержки в вопросах повышения профессиональной квалификации. Программа Солоневича предусматривала создание национальной, воспитывающей, близкой к практическим требованиям жизни школы, развитие земского самоуправления – волостного, уездного, губернского. Как и большинство консерваторов, Иван Лукьянович был яростным противником политических партий. Он считал, что они раздирают Россию. Всякие партийный выборы нужно запретить: «Партийное голосование во всех этих выборах, как и вообще существование политических партий, воспрещается безусловно»⁶⁴³. Он выступал за создание совещательного Земского собора. Иван Лукьянович видел в нем не конкурента верховной власти, а подсобный орган управления, подчиненный власти монарха.

Список источников и литературы

- Начапкин 2002** – Начапкин М.Н. Русский консерватизм XIX – первой половины XX. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед унта, 2002.
- Никандров 2007** – Никандров Н. Иван Солоневич: народный монархист. – М.: Алгоритм, 2007.
- Сапожников 2014** – Сапожников К.Н. Солоневич. – М.: Молодая гвардия, 2014.
- Солоневич 1992** – Солоневич. Политические тезисы российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения // Наш современник. – 1992. – № 12. – С. 139-159.
- Солоневич 1997** – Солоневич И. Л. Белая Империя. – М.: Москва. 1997.
- Солоневич 1998** – Солоневич И.Л. Народная монархия. – Минск: Лучи Софии, 1998.
- Солоневич 1999** – Солоневич И.Л. Россия в концлагере. – М.: Москва, 1999.
- Солоневич 2005** – Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Римис, 2005.
- Солоневич 2007** – Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. – М.: Алгоритм, 2007.

Maxim N. Nachapkin

RUSSIAN CONSERVATOR IVAN SOLONEVICH ABOUT THE PHENOMENON OF RUSSIAN MONARCHICAL STATEHOOD, EMPIRE, REASONS OF THE XX CENTURY REVOLUTIONS, LOSS OF WHITE MOVEMENT AND THE IDEAL OF THE FUTURE DEVELOPMENT OF COUNTRY

⁶⁴³ Там же: 156.

The article examined the views of Ivan Lukyanovich Solonevich, a well-known representative of domestic conservatism devoted to assessing the role of Moscow (tsarist) and Petersburg (imperial) periods in Russian history. A comparative analysis of the Russian and other empires is given, the reasons for the overthrow of the monarchy, the defeat of the White movement. The article assesses the most important provisions of the political theses of the Russian people's imperial movement on the principles of political and socio-economic development of future Russia. Conservative views of I.L. Solonevich is very important for an objective understanding of the political moods of the Russian emigration.

Keywords: empire, conservatism, monarchy, emigration, revolution, White movement, ruling stratum, ideal.

УДК 372.893:371.671.1

Код ВАК 07.00.02; 07.00.09

И.С. Огоновская

СОЗДАНИЕ И РАСПАД СССР ГЛАЗАМИ АВТОРОВ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ 1990-2010-Х ГГ.

Рассматривается вопрос о причинах создания, функционировании и причинах распада СССР. Особое внимание уделено национальному вопросу. Источниковой базой исследования являются 13 учебников отечественной истории, изданных в 1990-2010-е гг.

Ключевые слова: учебник истории, СССР, национальный вопрос, империя.

Империя (лат. *imperium* – власть, государство) – монархическое государство, главой которого является император, а также государство, имеющее колониальные владения⁶⁴⁴. Исходя из этого определения, вряд ли можно назвать Советский Союз империей, однако такая точка зрения в исторической (а более – политической) литературе встречается. Как отмечает Н. Е. Нарочницкая, образ «Советской империи» – порождение пропагандистской войны, начатой Западом против СССР после Второй мировой войны, так как именно СССР и страны, входившие в его орбиту, являли собой «оплот мира, социальной спра-

Огоновская Изабелла Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарного образования, Специализированный учебно-научный центр, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина 620137 Екатеринбург ул. Д. Зверева, 30

Isabella S. Ogonovskaya, Candidate of historical Sciences Associate Professor at the Department of Humanities Specialized educational scientific center (SESC) Ural Federal University 620137, Ekaterinburg, Zverev-str., 30; Электронная почта/ E-mail: izabella-irro@mail.ru

© Огоновская И. С., 2017

⁶⁴⁴ Современный словарь иностранных слов 1992: 231.

ведливости и борьбы с колониализмом»⁶⁴⁵. Квинтэссенцией сформированного на Западе взгляда на Советский Союз стали слова американского президента Р. Рейгана, назвавшего страну «империей зла» (после введения советских войск в Афганистан).

В 1990-е – 2010-е гг. в разговор об имперской сути СССР включились представители российской либеральной мысли, которые, по нашему мнению, прежде всего стремились оправдать свое участие в «развале» Союза, для чего доказывали «недееспособность советской империи». Е. Т. Гайдар, к примеру, пишет, что «Советский Союз – не первая распавшаяся в XX в. империя, а последняя», при этом оговаривается, что «наша страна по ряду ключевых характеристик была не похожа на традиционные колониальные империи с заморскими территориями»⁶⁴⁶. Он же дает свое определение империи как «мощного полиэтнического государственного образования, в котором властные полномочия сосредоточены в метрополии, а демократические институты (если они существуют) – либо, по меньшей мере – избирательное право – не распространяется на всю подконтрольную ей территорию»⁶⁴⁷.

Объем данной статьи не позволяет подробно остановиться на дискуссиях по вопросу о том, был ли СССР империей или нет, предмет нашего исследования – взгляд на эту проблему профессиональных историков – авторов школьных учебников отечественной истории, вышедших в 1990-2010-е гг. Так, в учебных изданиях переходного периода (1990-е гг.) впервые появляется мнение о предопределенности распада СССР. Л. Н. Жарова и И. А. Мишина (1992) приводят мнение профессора П. П. Гронского, уехавшего за границу после Октября 1917 г., о том, что СССР в любой момент может исчезнуть, так как «не является ни федерацией, ни государством. Всякое государство вырастает из национального корня, а Советское государство выросло из стремления к интернациональному объединению»⁶⁴⁸. В. П. Островский и А. И. Уткин (1995) отмечали то, что «после образования СССР началось длившееся долгие годы внутреннее территориальное размежевание, создавшее во многом противоречивые административные границы», а РСФСР «сразу же стала самым крупным экономическим и финансовым донором для большинства остальных республик»⁶⁴⁹. Одними из первых написали об СССР как об «огромной коммунистической империи» А.А. Левандовский и Ю.А. Щетинов⁶⁵⁰, однако в принципе этот подход в учебной исторической литературе никаким образом не развивался.

⁶⁴⁵ Нарочницкая 2011: 386.

⁶⁴⁶ Гайдар 2007: 5.

⁶⁴⁷ Там же: 8.

⁶⁴⁸ Жарова 1992: 262.

⁶⁴⁹ Островский, Уткин 1995: 200.

⁶⁵⁰ Левандовский, Щетинов 2001: 190.

В целом при рассмотрении проблемы можно выделить три основных вопроса: как создавался СССР и были ли в этом образовании изначально заложены «мины замедленного действия» для его разрушения? являлись ли республики СССР своеобразными колониями Центра и в чем это проявлялось? что привело к распаду страны, и можно ли было ее сохранить?

По первому вопросу мнение большинства современных историков едино – СССР провозглашен федерацией, но изначально создавался как унитарное государство: и в сталинском и ленинском плане создания нового государства «обязательным являлись руководящая роль коммунистической партии и социалистическая идея как гарант единства нового государственного образования»⁶⁵¹; «новое государство было провозглашено федерацией, но по сути являлось унитарным государством»⁶⁵²; «в ведение Союза передавались объединенные вооруженные силы, внешняя торговля, финансы, сообщение и связь», а «под управлением органов власти республик оставались промышленность, сельское хозяйство, внутренняя торговля, культура», и тем самым «под создававшийся Союз была как бы заложена мина замедленного действия»⁶⁵³.

Второй вопрос связан с конкретной политикой советского государства в отношении союзных и автономных республик. В учебниках 1990-х гг. широко использовалось понятие «тоталитаризм» и давались достаточно резкие оценки советской национальной политики: «Под видом федерации в 30-е гг. утверждалось жесткое централизованное государство... один конкретный пример... административно-командная система бесцеремонно вмешивалась в экономику нации (речь идет о Чечено-Ингушетии – авт.), не считаясь с ее спецификой, без элементарного уважения к традициям и нуждам, больно ранила национальное самосознание. Проводимая политика «слияния наций» обернулась новыми проблемами жестоких межнациональных конфликтов»⁶⁵⁴; «попытки отстоять суверенные права народов в составе СССР подавлялись центральным руководством»⁶⁵⁵; и др. Приводимые авторами примеры советской национальной политики, с нашей точки зрения, носили односторонний характер и не показывали всю палитру жизни союзных и автономных республик в составе СССР.

В 2005 г., выступая с Посланием Федеральному Собранию РФ, В. В. Путин назвал крушение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой века» и «настоящей драмой» российского народа⁶⁵⁶, после чего авторы учебников стали более объективно пред-

⁶⁵¹ Измозик, Рудник 2009: 149.

⁶⁵² Левандовский, Щетинов 2001: 190.

⁶⁵³ Шестаков, Горинов, Вяземский 2001: 135.

⁶⁵⁴ Жарова, Мишина 1992: 299.

⁶⁵⁵ Дмитренко, Есаков, Шестаков 1995: 190.

⁶⁵⁶ Путин 2008: 272.

ставлять сам СССР и политику большевиков в национальном вопросе. Так А. И. Уткин, А. В. Филиппов, А. А. Данилов и их коллеги писали, что «Советский Союз не был демократией, но он был ориентиром и примером лучшего, справедливого общества для миллионов людей во всем мире»⁶⁵⁷, О. В. Волобуев и С. В. Кулешов отмечали, что вследствие вхождения в СССР «национальные окраины сделали существенный шаг в своем развитии, благодаря совместному потенциалу всех входивших в СССР республик был обеспечен экономический и культурный подъем наиболее отстающих от них»⁶⁵⁸.

С середины 2000-х гг. во многих учебниках присутствуют специальные разделы по интересующей нас тематике, при этом мнение авторов учебников построено как на позитивных, так и негативных оценках, что в полной мере показывает противоречивость политики советского руководства в отношении народов СССР (см. Таблица 1).

Таблица 1

Оценки советской национальной политики

Авторы	Позитив	Негатив
Алексашкина Л.Н. (2008. С. 204, 205)	<ul style="list-style-type: none"> • в противоположность дореволюционной дискриминационной политике всем народам были предоставлены равные политические и культурные права • к управленческой работе стали привлекаться представители мобильных групп-диаспор • на евреев больше не распространялись никакие ограничения • в 1920-1930-е гг. в высших эшелонах власти, в партийных структурах в сфере науки и культуры были весьма значительно представлены евреи, армяне и грузины 	<ul style="list-style-type: none"> • политика коренизации часто оборачивалась ущемлением прав других национальностей, прежде всего русского населения (русские специалисты даже самой высокой квалификации изгонялись из учреждений и оставались без куса хлеба; проводилось насильственное вытеснение русских с занимаемых ими земель) • упразднены церковные земельные владения, доходы с которых шли на содержание мечетей, школ и больниц

⁶⁵⁷ Уткин, Филиппов, Алексеев 2008: 6.

⁶⁵⁸ Волобуев, Кулешов 2008: 136.

	<ul style="list-style-type: none"> • советское государство отказалось от практики насаждения русских в органы управления и административные структуры на национальных окраинах • политика коренизации привела к тому, что в 1929 г. доля титульной нации на Украине составляла 59%, в Белоруссии – 66%, в Армении – 95% • развитие «малых» языков (для 48 этносов впервые были созданы новые письменные языки – туркменский, башкирский, чеченский и др.) • национальные языки внедрялись в управление, юстицию, школьную систему • для 70 языков, прежде всего мусульман, ламаистов и некоторых христианских этносов, была введена письменность на основе латинской графики • повсеместное учреждение школ на родных языках • создание средних и высших учебных заведений на родных языках народов СССР • развитие издательского дела на национальных языках • расцвет литературы, 	<ul style="list-style-type: none"> • религиозные школы заменялись светскими • закрыто большинство мечетей • упразднен суд шариата, дела передавались в советские правоохранительные органы • в Уголовном кодексе введена статья, применявшаяся только в мусульманских регионах, которая предусматривала наказание за использование религиозных предрасудков масс с целью «свержения рабоче-крестьянского правительства» • кампания по искоренению мусульманских традиций в городах, пропагандистские меры против ритуальных молитв и празднования Рамадана • запрещены многоженство и калым • запрещено паломничество в Мекку • возникли тайные религиозные братства • в конце 1920-х гг. начался процесс
--	--	--

	<p>искусства и науки в республиках</p> <ul style="list-style-type: none"> • русский язык как государственный облегчал возможность межнационального общения, облегчал жизнь русского человека в национальных республиках, давал возможность родителям отправлять детей на обучение в школы с государственным языком и получать тем самым преимущества перед своими соотечественниками • повышение статуса русского языка не означало возвращение к царской политике русификации 	<p>советизации национальных культур (отменены местные языки в госучреждениях, русский язык стал вторым обязательным языком, на русский язык переведено преподавание в высшей школе, проведена реформа алфавита государственных языков Кавказа и Средней Азии, которые переведены с латиницы на кириллицу)</p> <ul style="list-style-type: none"> • в период индустриализации национальная культура и языки стали вытесняться в городах массовой русской грамотностью • русский язык стал языком военного обучения и командования • большой урон национальным культурам принесла антирелигиозная кампания и коллективизация сельского хозяйства (попытка заставить кочевые народы перейти к пахотному земледелию, сокраще-
--	--	--

		ние злаковых в Узбекистане при расширении производства хлопка и др.)
<p>Волобуев О. В., Кулешов С. В. (2008. С. 134, 135, 136, 137)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • деятельность Народного комиссариата по делам национальностей, который наладил выпуск газет на национальных языках • открытие национальных школ, курсов, библиотек, детских дошкольных учреждений, школ с родным языком, высших учебных заведений • начала формироваться национальная интеллигенция • ликвидация неграмотности • создание национальных издательств • <i>главное: национальные окраины сделали существенный шаг в своем развитии, благодаря совместному потенциалу всех входивших в СССР республик был обеспечен экономический и культурный подъем наиболее отставших от них</i> • в национальные республики направлялись значительные средства из общегосударственного бюджета • республики Средней Азии и Казахстан по- 	<ul style="list-style-type: none"> • издание политической, идеологической литературы • кампании против культивирования религиозных и национальных праздников в школе • стремление совместить жесткий централизм с известной самостоятельностью федеративных единиц • несовпадение границ республик с историческим расселением отдельных народов • «выравнивание экономического уровня» отсталых республик не давало позитивных результатов • русский народ зачастую оказывался в роли жертвы большевистской национальной политики (борьба с «колониаторством» на национальных окраинах, кадровая политика) • принудительный перевод кочевых народов на осед-

	<p>лучали тракторы, произведенные в РСФСР</p> <ul style="list-style-type: none"> • продукция заводов сельскохозяйственного машиностроения в большом количестве поступала на поля бывших национальных окраин • в 1920-е гг. в Средней Азии появилась своя текстильная промышленность • в 1930-е гг. в Казахстане стала развиваться горнодобывающая промышленность • темпы развития в союзных республиках с конца 1920-х гг. стали превышать таковые в РСФСР 	<p>лый образ жизни</p> <ul style="list-style-type: none"> • репрессии в отношении национальной интеллигенции
<p>Левандовский А. А., Щегинов Ю. А., Мироненко С. В. (2009. С. 147, 148)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • субъекты советской федерации пользовались известной свободой самоуправления в области культуры, школы, языка и быта • преобладающая часть многочисленных наций и народностей, компактно проживающая на определенной территории, постепенно получила атрибуты своей государственности разного уровня • интернационализация различных сторон жизни советского общества, вплоть до увеличения числа смешанных браков 	<ul style="list-style-type: none"> • государственная власть концентрировалась в структурах компартии, жестко управляемой из единого центра (Москвы) • права республик не выходили за рамки культурно-национальной автономии • выравнивание уровня социально-экономического и культурного развития советских республик происходило за счет перекачивания материальных средств

<p>Горинов М. М., Данилов А. А. и др. (2016. С. 102-107)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • к государственному объединению подталкивали потребности развития экономики (хозяйственное единство, взаимозависимость районов Российской империи складывались веками) • в умах и настроениях народов была жива память об их принадлежности к единому великому государству • в 1920-е гг. центральная власть учитывала национальную специфику (возвращены земли духовенству в мусульманских республиках, восстановлены мусульманские суды, не запрещались мусульманские нормы поведения в обществе; предоставлялось право на самоуправление у коренных народов Севера) • открывались национальные школы, театры, газеты • издавалась национальная литература • политика коренизации привела к появлению национальной интеллигенции • каждый народ получил свой язык и письменность • открывались академии 	<p>из РСФСР</p> <ul style="list-style-type: none"> • выборы делегатов съезда Советов СССР не являлись подлинно демократическими • в советских республиках были свои органы государственной власти и управления, действовали свои конституции, но фактически власть принадлежала национальным коммунистическим партиям, входившим в состав единой РКП (б) • политика коренизации оборачивалась ущемлением прав других народов, прежде всего русского • были столкновения между местным и русским населением, когда землю, принадлежавшую русским переселенцам, отдавали коренным жителям • недовольство русского и еврейского населения политикой украинизации
--	---	--

	<p>наук в республиках</p> <ul style="list-style-type: none"> • осуществлялась ускоренная подготовка национальных кадров через систему льгот, «национальных наборов» • в 1920-е гг. был невиданный расцвет украинской культуры 	
--	---	--

Представленные в таблице данные позволяют говорить о том, что следует разделять национальную политику 1920-х и 1930-х гг. В начальный период было сделано очень много для сохранения и развития национальных культур различных народов СССР и даже в последующие годы, несмотря на стремление власти к унификации и русификации, многие республики СССР получили значительные стимулы для своего развития как в экономическом, так и культурном планах. В этом смысле вряд ли можно считать советские республики колониями Центра. Можно не соглашаться и с первой частью мнения В. А. Шестакова, который в обобщенном виде пишет о том, что в политике централизации власти партия большевиков «использовала тот же набор методов, что и самодержавие, – русификация национальных культур, с одной стороны, и включение национальных элит в центральную политическую элиту – с другой»⁶⁵⁹.

На вторую часть третьего вопроса (можно ли было сохранить СССР?) ни один из авторов школьных учебников не отвечает, однако по поводу первой части вопроса (причины распада) существует практическое единство взглядов: одной из главных причин распада страны стал обострившийся национальный вопрос, так как при создании СССР: «новое государство было провозглашено федерацией, но по сути являлось унитарным государством»⁶⁶⁰; «коммунистический режим пошел на создание республик по этническому признаку, не предполагая, что республики когда-нибудь смогут воспользоваться своим правом на самоопределение»⁶⁶¹; «формально республики имели право выйти из состава СССР, но механизм выхода не был прописан, поскольку это не воспринималось всерьез. Столь же формально устанавливались границы республик»⁶⁶²; «руководство компартии произвольно определяло состав и границы республик, исходя из численности тех или иных национальностей, экономических причин и т.п.»⁶⁶³; «демократизация общества оказалась несовме-

⁶⁵⁹ Шестаков 2013: 156.

⁶⁶⁰ Левандовский, Щетинов 2001: 190.

⁶⁶¹ Волобуев, Кулешов 2008: 132.

⁶⁶² Измозик, Рудник 2009: 149, 289.

⁶⁶³ Данилов, Петрович 2013: 271.

стимой с сохранением старой системы межнациональных отношений»⁶⁶⁴; «хозяйственный и культурный подъем республик сопровождался дальнейшим ростом национального самосознания населявших их коренных народов, стремлением к реальному утверждению собственной национальной государственности и суверенитета»⁶⁶⁵.

Среди других причин распада страны называется ослабление роли коммунистической партии («Пока общество безраздельно контролировалось единой компартией, СССР был мощным, фактически унитарным (единым) государством. Как только позиции коммунистов в обществе ослабли, Советский Союз распался»⁶⁶⁶), стремление лидеров национальных движений «объяснить экономические и социальные проблемы своих народов нахождением в составе СССР», «укрепить свое положение во власти... и возглавить процессы приватизации и формирования новой системы власти»⁶⁶⁷.

В целом можно отметить, что только в одном учебнике (Л.Н. Алексашкина и др.) содержится раздел «Истоки кризиса и распада СССР». К объективным причинам распада Советского Союза авторы относят: «завершение формирования в союзных республиках при помощи союзного многонационального государства основ современной промышленности и аграрного сектора; значительный прогресс населения в области образования, науки и культуры в годы существования СССР; завершение исторического процесса формирования национальных элит; возврат коренного населения к национальным традициям и ценностям в годы перестройки; ослабление, а затем и начало демонтажа союзного Центра; ослабление репрессивной практики Советского государства в годы перестройки; формирование в союзных республиках на волне демократизации эффективных национальных движений; политика Запада, не заинтересованного в сохранении второй сверхдержавы, и др.». В числе субъективных факторов авторы назвали: «особенности политической ситуации в СССР в 1985-1991 гг.; усиление борьбы за власть в руководстве КПСС и СССР; амбиции, индивидуальные и групповые интересы лидеров союзных республик»⁶⁶⁸.

Список источников и литературы

Алексашкина, Данилов, Косулина 2008 – Алексашкина Л. Н. История. Россия и мир в XX – начале XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Л. Н. Алексашкина, А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 2008. – 431 с.

⁶⁶⁴ Измозик, Журавлева, Рудник 2010: 318.

⁶⁶⁵ Левандовский, Щетинов, Мироненко 2009: 148.

⁶⁶⁶ Шестаков, Горинов, Вяземский 2001: 135.

⁶⁶⁷ Алексашкина, Данилов, Косулина 2008: 327.

⁶⁶⁸ Там же: 328.

- Волобуев, Кулешов 2008** – Волобуев О.В. История России, XX – начало XXI века. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений (базовый уровень) / О. В. Волобуев, С. В. Кулешов; под ред. И. Н. Данилевского. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Мнемозина, 2008. – 335 с.
- Гайдар 2007** – Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: РОСПЭН, 2007. – 448 с.
- Данилов, Петрович 2013** – Данилов Д. Д. История России и мира. Середина XIX – начало XXI в. (От веры в прогресс до мировых войн. 1850-1939). 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений (базовый и профильный уровни): в 2 кн. / Д. Д. Данилов, В. Г. Петрович, Д. Ю. Беличенко, П. И. Селинов, В. М. Антонов, А. В. Кузнецов, Д. В. Лисейцев. – М.: Баллас, 2013. – 400 с.
- Дмитренко, Есаков, Шестаков 1995** – Дмитренко В. П. История Отечества. XX век. 11 кл.: Учеб. пособие для общеобразоват. школ / В. П. Дмитренко, В. Д. Есаков, В. А. Шестаков. – М.: Дрофа, 1995. – 640 с.
- Жарова, Мишина 1992** – Жарова Л. Н. История Отечества, 1900-1940 гг.: Учеб. кн. для ст. классов сред. учеб. заведений. – М.: Просвещение, 1992. – 335 с.
- Измозик, Рудник 2009** – Измозик В. С. История России. 1917-2008 гг.: 9 класс: учебник для общеобразоват. учреждений / В. С. Измозик, О. Н. Журавлева, С. Н. Рудник / под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. – М.: Вентана-Граф, 2010. – 384 с.
- Измозик, Журавлева, Рудник 2010** – Измозик В. С. История России: 11 класс: учебник для учащихся общеобразоват. учреждений / В. С. Измозик, С. Н. Рудник; под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. – М.: Вентана-Граф, 2009. – 374 с.
- Левандовский, Щетинов 2001** – Левандовский А. А. История России в XX веке: Учеб для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов. – 5-е изд. – М.: Просвещение, 2001. – 368 с.
- Левандовский, Щетинов, Мироненко 2009** – Левандовский А. А., Щетинов Ю. А., Мироненко С.В. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов, С. В. Мироненко. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2009. – 384 с.
- Нарочницкая 2011** – Нарочницкая Н. Россия и русские в современном мире // Н. Нарочницкая. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – 416 с.
- Островский, Уткин 1995** – Островский В. П. История России. XX век. 11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений / В. П. Островский, А. И. Уткин. – М.: Дрофа, 1995. – 512 с.

- Путин 2008** – Путин В. В. Избранные речи и выступления. – М.: Книжный мир, 2008. – 480 с.
- Современный словарь иностранных слов 1992** – Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. – М.: Рус. яз., 1992. – 740 с.
- Уткин, Филиппов, Алексеев 2008** – Уткин А. И. История России, 1945-2007: 11 кл.: учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений / А. И. Уткин, А. В. Филиппов, С. В. Алексеев и др.; под ред. А. А. Данилова и др. – М.: Просвещение, 2008. – 367 с.
- Шестаков 2013** – Шестаков В.А. История России. XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: профил. уровень / В.А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова; Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, изд-во «Просвещение». – 6-е изд. – М.: Просвещение, 2013. – С. 156.
- Шестаков, Горинов, Вяземский 2001** – Шестаков В. А. История Отечества, XX век: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / В. А. Шестаков, М. М. Горинов, Е. Е. Вяземский; под ред. А. Н. Сахарова. – 2-е изд. - М.: Просвещение, 2001. – 368 с.

Isabella Ogonovskaya

**THE CREATION AND DISINTEGRATION OF THE USSR
THROUGH THE EYES OF THE AUTHORS OF SCHOOL
TEXTBOOKS DOMESTIC HISTORY OF 1990-2010**

The question of the reasons for the creation, functioning and causes of the collapse of the USSR is considered. Particular attention is paid to national issues. The source of the study is 13 textbooks of national history, published in 1990-2010.

Keywords: history textbook, USSR, national question, empire.

УДК 94(47).047

Код ВАК 07.00.02

А.И. Прокофьев

**МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО СЕРЕДИНЫ XVII В.
КАК «ТОЧКА НЕВОЗВРАТА»: ПОИСК ИСТОКОВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Прокофьев Александр Игоревич, аспирант сектора социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН (620990, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16).

Prokofiev I. Alexander, postgraduate of the social history Sector of Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (620990, Russia, Yekaterinburg, Kovalevskoj Street, 16).

Электронная почта/E-mail: al_prokofjew@mail.ru

В данной статье представлен взгляд на Московское государство времен Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. как «точку невозврата» полувековой трансформации Московии в Российскую империю. Анализируется возможность встраивания эпохи Алексея Михайловича в «империологический» контекст как эпилог империостроительства во второй половине XVII в.

Ключевые слова: Московское государство, империология, «неонатальная империя», «имперская ситуация».

Возможно ли Московское государство в середине XVII в. называть империей? Полагаем, что корректно, если обозначить границу применения этого понятия – не для обозначения политического ареала, а в имагологическом смысле. В историческом сообществе нет споров о том, что политически Московия стала империей, когда Петр I принял титул императора после окончания Великой Северной войны 1700–1721 гг. Но, тем не менее, **образ** Московского государства как империи, готовящейся к своей «сборке», сложился ранее.

Условно вводимое обозначение Московского государства (начиная с Ивана Грозного до Петра Великого) А. И. Филюшкиным как «*неонатальная империя*»⁶⁶⁹, ориентирует на размышления о возможности существования государственного дискурса в имперском измерении уже в раннем Новом времени. Истоки происхождения Российской империи необходимо рассматривать применительно к этой эпохе. Называя Московию XVI–XVII вв. «неонатальной империей», должно исходить из некоей суммы слагаемых, обеспечивающих верное понимание концепта.

Напомним, что в своих статьях А. И. Филюшкиным даются обоснования этого тезиса и предлагаются следующие аргументы. Первый: некоторые европейские дипломаты именовали правителей Московского государства как «*principi*», «*imperatoris*», «*caesar*»; по сравнению с этими титулами «Государя Всея Руси» мог выражать притязания на императорское понимание власти⁶⁷⁰.

Второй: категории «братства» и «небратства» проецировались на международные отношения. А. И. Филюшкин выделяет следующих «братьев» русских государей: император Священной Римской империи, испанский и английский короли, представители династии Ягеллонов – короли Речи Посполитой; были и «азиатские братья» – ханы Крымского ханства и султаны Османской империи⁶⁷¹. Это значит, что, несмотря на периферийность Московии, русские государи искали источники *легитимизации* в государствах Европы, формируя Московское государство как европейски ориентированное.

© Прокофьев А. И., 2017

⁶⁶⁹ О разъяснении понятия и его применении см.: Филюшкин 2009: 6–7.

⁶⁷⁰ Филюшкин 2004: 377–378, 400–403.

⁶⁷¹ Филюшкин 2009: 12–13, 15; Он же. 2004: 403.

Третий: «имперское тело» государства формировалось по классической схеме: 1) наличие паттерна (территориального ядра государства), 2) существование имперской периферии (для XVII в. на западной границе – это юго-запад и юг Псковщины, земли бывшего Смоленского княжества и Северские города – А. П.), 3) наличие лимитрофной зоны (в период Тринадцатилетней войны таковой стала территория Великого княжества Литовского (ВКЛ), где население и культурно, и конфессионально сильно отличалось от жителей Московского государства – А. П.)⁶⁷².

Четвертый: при рассмотрении обнаруживаются имплицитные свойства империи. Такие, как «симфония» власти духовной и светской, мессианская концепция «Москва – Третий Рим, четвертому не быть», самопрезентация Руси как «последней крепости» православия, покорение государевыми походами соседних земель за «измену» и собирание «Руской земли»⁶⁷³. В этих свойствах обнаруживается стремление Московии быть похожей на Византию, заимствуя ее политические практики, а также образ государственного мышления.

Разумеется, есть и другие мнения насчет применения концепта империи. Если пойти вслед за размышлениями австрийского историка А. Каппелера, то тогда расширение государственного пространства придется поместить в рамки «экспансии на Запад» с явно «имперскими» замашками Москвы⁶⁷⁴. *Drang nach Westen* в XVII в., при активном продвижении на восток? И если замах на «имперскость» Московии в XVII в. присутствовал, то в рамках Тринадцатилетней войны Московского государства и Речи Посполитой в 1654–1667 гг. и русско-шведской войны 1656–1658 гг.

В противовес мнению историка из Австрии, более интересным является концепт империи, предложенный Н. А. Сайнаковым: «Империю можно трактовать как мировоззренческий порядок, строящийся на противопоставлении иным единовременным политиям и представлении о территориальном, культурном и политическом превосходстве над ними. Изоляционизм, универсализм, сакрализация государственной власти здесь выглядят производными по отношению к тому противопоставлению, которое конструирует имперскую практику, вызревая одновременно с успешными захватами и покорением соседних племен, и приводит к осознанию превосходства»⁶⁷⁵. Подходит ли этот тезис под описание Московского государства эпохи Алексея Михайловича?

⁶⁷² Там же: 388.

⁶⁷³ Филошкин 2004: 388–391. Более того, А. И. Филошкин подмечает особенность неприятия королями Речи Посполитой титула царя Михаила Федоровича «Царь Всея Руси» вплоть до 1636 г., что указывает на соперничество в обладании западнорусскими землями и Киевом, «матерью городов русских» (См.: Филошкин 2004: 401).

⁶⁷⁴ Каппелер 2005: 50–55.

⁶⁷⁵ Сайнаков 2007: 296.

Между концептами А. Каппелера и Н. А. Сайнакова существует большое различие, ибо в первом случае признаки империи раскрываются через презентацию политики государства во внешней среде. Соответственно, во втором случае демонстрируется соотношение внутренних и внешних признаков «имперскости», причем довольно сбалансированных. Возникает дополнительная необходимость встраивания эпохи Алексея Михайловича в хронологическую ленту имперского генезиса. Этим создается континуитет допетровского периода со временем появления классической имперской модели Петра I.

В статье, посвященной постепенному складыванию раннемоде­р­ной России как империи, А. Каппелер выделил пять этапов процесса империостроительства. Первый этап: соби­ра­ние русских земель вокруг Москвы (XV – первая половина XVI в.); второй этап: борьба за наследие Золотой Орды и завоевание Казанского и Астраханского ханств (вторая половина XV – 50–60-е гг. XVI в.); третий этап: продвижение русских в Сибирь и формирование «евразийской империи» (XVII в.); четвертый этап: борьба за западные земли с Польско-Литовским государством (от Столбовского мирного договора до начала правления Петра I); пятый этап: правление Петра I, при котором Московское государство становится империей в политическом смысле⁶⁷⁶.

Разумеется, неизбежны споры о концепции А. Каппелера, дискуссии о хронологических границах и прочее. Концепт «евразийской» империи наталкивает на мысль о спорности применения политизированной парадигмы при взгляде на империостроительство Московского государства. Вместе с тем, нужно признать: основные позиции этого подхода вполне адекватно отвечают на вопросы, связанные с проблемой становления Российской империи.

Российская империя, провозглашенная Петром I, без сомнения, не создана в одночасье. Ее становление прошло путь от Великого княжества Московского через большое напряжение сил, формирование династических браков и покупку земель, до государства, признанного впоследствии европейскими государствами им равным. Эпоха Алексея Михайловича является своеобразным «эпилогом» допетровского периода в истории России. Желание ввести эпилог как важную фазу формирования империи вызвано не презентизмом, а видением *эволюционного* развития Российской государства.

Событием, **ускорившим** трансформацию Московии в ранне­мо­де­р­ную империю, стала Тринадцатилетняя война 1654–1667 гг. Московское государство эпохи Алексея Михайловича представляет собой имперское понимание «соби­ра­ния русских земель», оформленное более ста лет спустя при императрице Екатерине II, во времена раздела Речи Посполитой 1772–1795 гг. Принятие царем Алексеем Михайло-

⁶⁷⁶ Каппелер 2004: 98–101.

вичем прибавлений в титуле «Всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержца» неразрывно связано с воссоединением «утраченных земель» Романовыми как наследниками Рюриковичей. Любопытно, что концепция «Великой России», в которой русский царь выступал защитником православия, «законно» собирая земли Малой и Белой Руси, отразилась в осмогласнике «Днесь возгреме труба dobroгласная», опубликованном в монографии И. В. Герасимовой⁶⁷⁷.

Начиная разговор о Тринадцатилетней войне как «первом имперском кейсе», стоит обратить внимание на уникальность ситуации, в которую попало Московское государство в 50–60 гг. XVII в. Для этого используется понятие И. В. Герасимова «*имперская ситуация*»⁶⁷⁸. Первым примером такого рода ситуации является факт нестандартности существования на одной территории двух правовых систем – Литовского Статута 1588 г. и Соборного Уложения 1649 г. Это привело к тому, что в течение некоторого времени они применялись параллельно и существовали одновременно.

Как справедливо считает И. В. Герасимов, «“имперское общество” состоит из регионов и краев, каждый на особом положении, оно анализируется в категориях частных “вопросов” (“украинского”, “польского”, “еврейского” и пр.), каждая принимаемая рациональная мера немедленно вызывает совершенно неожиданные последствия»⁶⁷⁹. За годы Тринадцатилетней войны Московское государство пыталось решать «еврейский» вопрос радикальными способами **зadолго** до установления черты постоянной еврейской оседлости указом Екатерины II в 1791 г. Это явление становится второй имперской ситуацией. К примеру, в жалованной грамоте царя Алексея Михайловича жителям Могилева говорится следующее: «А Жидом в Могилеве не быти и жития никакова не имети»⁶⁸⁰. Аналогичным образом было велено и для Вильны, занятой русскими войсками: «Жидов бы из Вильны выслать на жильё за город»⁶⁸¹. Замечание о практическом уничтожении еврейских городских общин Могилева и Вильны сделано в работах И.А. Марзалюка и И.В. Герасимовой⁶⁸².

Третьим примером «имперской ситуации» становится существование особого государственного *учреждения* – Приказа Великого княжества Литовского, управлявшего занятыми в годы военных действий землями. В современном словаре-справочнике о Приказах Московского государства отмечается: «В функции приказа входили руководство воеводами занятых

⁶⁷⁷ Герасимова 2015: 57–61.

⁶⁷⁸ Подробнее о понятии «имперская ситуация» и контексте его употребления см.: Беседа с редакторами 2007: 224–225.

⁶⁷⁹ Там же: 225.

⁶⁸⁰ БАДГ. Ч. I. 1824: 107. (№ 38).

⁶⁸¹ Леванда 1874: 3. (№ 4).

⁶⁸² Марзалюк 1998: 104–105; Герасимова 2015: 84–85.

городов, служба, верстание поместным и денежным окладом, землевладение шляхты, ее дворянские права, отношения с крестьянством, в том числе и для шляхтичей, переселившихся в другие регионы России; сбор налогов, повинности городского населения»⁶⁸³.

Первоначально управление землями ВКЛ, как описывал М.М. Богословский, осуществлялось непосредственно воеводами, получавшими распоряжения от государя и служащих других Приказов⁶⁸⁴. Во время войны это было вызвано долгим присутствием Московского государства на занятых территориях. В конечном счете, создание Приказа подразумевало одновременно и обособление, и **унификацию** в управлении. В этом видится его немаловажная сравнительная параллель с Приказом ливонских дел (Городовым приказом).

Вместе с тем, мало только завоевать, важно и удержать полученные военным путем территории. Как правило, это означает далеко не всегда добровольную инкорпорацию политических элит, нетерпимость по отношению к иноверцам, умышленные/спровоцированные злоупотребления со стороны воевод и гарнизонов городов, и социальную оппозицию новой власти. Дальнейшие возможности империологического сравнения могут быть заострены на изучение практик управления землями ВКЛ в годы Ливонской войны, Тринадцатилетней войны и в эпоху разделов Речи Посполитой (1772–1795); организацию государственных учреждений и административных единиц, социальные и конфессиональные практики аккультурации населения со стороны Московского государства и Российской империи.

Список источников и литературы

- БАДГ** – Белорусский архив древних грамот. Ч. I. – М.: В типографии С. Селивановского, 1824.
- Беседа с редакторами 2007** – Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* Илей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. – 2007. – № 1. – С. 218-238.
- Богословский 1906** – Богословский М. М. Приказы Великого княжества Литовского и княжества Смоленского в Московском государстве // *Журнал Министерства народного просвещения*. Новая серия. Ч. IV. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – С. 220-243.
- Герасимова 2015** – Герасимова И. В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Каппелер 2004** – Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды //

⁶⁸³ Лисейцев 2015: 93.

⁶⁸⁴ Богословский 1906: 224–230.

Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / под ред. А. И. Миллера. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 94-115.

Каппелер 2005 – Каппелер А. Росія як поліетнічна імперія: Виникнення. Історія. Розпад / Перекл. з німецької Х. Назаркевич, наук. ред. М. Крикун. – Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2005.

Леванда 1874 – Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения Царя Алексея Михайловича до нашего времени, от 1649 – 1870 г. / Составил и издал В. О. Леванда. – СПб., 1874.

Лисейцев 2015 – Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства в XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. – М.; СПб.: Институт российской истории РАН, Российский государственный архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2015.

Марзалюк 1998 – Марзалюк І. А. Магілеў у XII–XVIII стст. Людзі і рэчы / Навук. рэд. Я. Р. Рьер. – Магілеў–Мінск: Веды, 1998.

Сайнаков 2007 – Сайнаков Н. А. Методологические проблемы изучения империй в современной историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. статей / Отв. ред. Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 28. – С. 288-296.

Филюшкин 2004 – Филюшкин А. И. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Сборник статей (Библиотека журнала “Ab Imperio”) / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. – Казань: “Центр исследований национализма и империи”, 2004. – С. 375-408.

Филюшкин 2009 – Филюшкин А. И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. – 2009. – Вып 2. – С. 5-20.

Alexander I. Prokofiev

MOSCOW STATE OF THE MIDDLE XVII C. AS

"POINT OF NO RETURN":

SEARCH FOR THE ORIGINS OF THE RUSSIAN EMPIRE

This article presents a look at the Moscow State of the Thirteen Years' War 1654–1667 as a "point of no return" of the half-century transformation of Muscovy into the Russian Empire. Analyzed possibility of embedding the epoch of Alexei

Mikhailovich in the "imperiological" context as an epilogue of empire-building in the second half of the XVII century.

Keywords: Moscow state, imperiology, "neonatal empire", "imperial situation".

УДК 303.446.4:94(47)"1721-1917"

Код ВАК 13.00.02, 07.00.02

Н.Л. Семенова

ЭТНИЧЕСКИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются этнический и территориальный подходы к истории Российской империи в современной историографии. Этнический подход представлен в монографии А. Каппелера, а территориальный – в работах К. Мацузато. Автор пришла к выводам, что наиболее востребованными сегодня являются работы, выполненные в рамках регионального подхода, который позволяет изучать характер полиэтнической империи на различных территориях.

Ключевые слова: Российская империя, историография, новая имперская история, этносы, территории.

Отечественная и зарубежная историография достигли значительных успехов в теоретическом осмыслении истории Российской империи, определении ее роли в историческом процессе. Заметным явлением в исторических исследованиях последний лет стали работы представителей новой имперской истории.

Данное научное направление было основано группой ученых, объединившихся вокруг журнала «Ab Imperio»: И.В. Герасимовым, С.В. Глебовым, А.П. Каплуновским, М.Б. Могильнер, А.М. Семеновым. Специальный сборник «Новая имперская история постсоветского пространства» определил принципы нового направления⁶⁸⁵. В частности, было отмечено, что мощный потенциал новой имперской истории заключается в сочетании двух подходов: «эксклюзивного» национального и сравнительно-обобщающего общеимперского⁶⁸⁶. Представители новой имперской истории исходили из того, что «империя – это исследова-

Семенова Наталия Леонидовна, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (453100, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49); кандидат исторических наук, доцент.

Nataliya L. Semyonova, associate Professor of the Chair of History of the Russia and Method of Teaching, Sterlitamak Branch of the Bashkir State University(453100,Russia, Sterlitamak, Lenina Avenue, 49);candidate of Historical Sciences, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (3473) 43-49-38. Электронная почта/E-mail:natalja_leonid@mail.ru

© Семенова Н. Л., 2017

⁶⁸⁵Новая имперская история постсоветского пространства 2004.

⁶⁸⁶ Там же: 24.

тельская ситуация, а не «структура, проблема, а не диагноз», поэтому империю нельзя описать в рамках одной модели или одного метанарратива. Объектом изучения выступают новые стороны имперского исторического феномена, исследовательское внимание сосредотачивается на имперском опыте, то есть реальном или семантически сконструированном столкновении с различиями на тех аспектах неравенства и дисбаланса власти, с которым это столкновение обычно связано⁶⁸⁷.

Определенное влияние на формирование концепции новой имперской истории оказали работы А. Каппелера, в частности, его монография «Россия – многонациональная империя»⁶⁸⁸. Автор попытался отойти от понимания формирования Российского государства исключительно как русской национальной истории⁶⁸⁹.

В центре внимания А. Каппелера оказались следующие исследовательские проблемы: методы, средства экспансии и включения в состав империи территорий с «чужеродным этнически и конфессионально населением», отношение местных элит к присоединению их территории, процесс и особенности встречи различных культур и религий, результаты изменений в самой полиэтнической империи после присоединения новых земель.

Исследователь полагает, что этнические группы России не входили в четкие рамки определенных социальных групп, поэтому этнические и конфессиональные критерии не могут быть решающими для характеристики социальной структуры государства⁶⁹⁰. Несмотря на то, что элита империи была преимущественно русской, она принимала в свой состав и нерусских, прежде всего татар-мусульман, затем протестантов – прибалтийских немцев и финляндцев, католиков-поляков. В жизни оседлых народов на периферии империи нерусские элиты, как пишет А. Каппелер, играли ведущую роль, сохранив свою административную автономию. Элиты народов-кочевников также сохранили свои прежние позиции, хотя и не были включены в российскую сословную систему.

Нерусское население Российской империи выполняло важные функции в управлении и в военной области. В России в дореформенное время имелось слишком мало хорошо образованных специалистов, поэтому нерусские элиты в своих регионах и после присоединения сохранили в своих руках ведущие функции в сфере управления, права, судопроизводства и полицейского дела⁶⁹¹. Нерусские народы были широко представлены в военной области. В Московском государстве военную конницу регулярно пополняли отряды кочевых народов.

⁶⁸⁷ Там же: 28.

⁶⁸⁸ Каппелер 2000.

⁶⁸⁹ Там же: 267.

⁶⁹⁰ Там же: 93.

⁶⁹¹ Там же: 97.

Башкирская конница участвовала еще в Семилетней войне, в Отечественной войне 1812 г. Именно иррегулярная конница, состоявшая из кочевых народов, способствовала тому, что российское войско на Западе нередко воспринимали как нечто варварское и азиатское.

Российскую политику по отношению к нерусским народам Российской империи Каппелер определил, как прагматичную, гибкую и толерантную. Однако, с точки зрения многочисленных нерусских народов, особенно представителей тех, которые до присоединения к России имели политическую самостоятельность, все это выглядело совсем иначе: владычество России рассматривалось как насильственное чужеродное господство, которое пыталось подчинить нерусские народы чуждой им административной и социальной системе, а в более отдаленной перспективе навязать им чуждую религию и культуру, и это вызывало протест коренного населения⁶⁹². Но после того как волнения нерусского населения удавалось подавить, правительство вновь решало, что для безопасности государства более подходящей является гибкая, умеренная политика, а не продолжение репрессий. Таким образом, сопротивление нерусского населения было важным фактором, определяющим более сдержанный характер российской политики. Каппелер отмечал, что в целом в дореформенный период большинство этносов, входивших в состав Российской империи уже не ставили своей целью восстановление собственной независимости, они стремились защищать свои права и привилегии, гарантированные Россией при присоединении⁶⁹³.

Определяя характер Российского государства, А. Каппелер заключил, что оно не являлось «колониальной державой». Элементы колониальной политики имели место, например, по отношению к народам Сибири и – с XVIII в. – к кочевникам Степи. Россия представляла собой такой вариант полиэтнического европейского государства, который характеризовался сильно выраженной структурной гетерогенностью, проявлением такого «исторического казуса», когда «государственный» народ оказался позади многочисленных других этносов в своем развитии, и амбивалентностью между старыми, возникшими в евразийском контексте традициями, и новыми, перенятыми на Западе образцами⁶⁹⁴.

Процесс присоединения огромных территорий в Азии носил для России традиционный амбивалентный характер. С одной стороны, Петербург и дальше развивал традиции прагматичной политики, считаясь со сложившимся статус-кво в социально-политических и хозяйственных структурах и системах ценностей, стремясь достичь социальной, а в отдаленной перспективе, и культурной интеграции чужих сообществ через сотрудничество с нерусскими элитами. С другой стороны, на протяжении

⁶⁹² Каппелер 2000: 116.

⁶⁹³ Там же: 119.

⁶⁹⁴ Там же: 122-123.

XIX в. Россия переняла у западноевропейских колониальных держав самосознание относительно того, что она должна якобы исполнить в Азии некую цивилизаторскую миссию, «неся примитивным нерусским свет более высокой европейской культуры»⁶⁹⁵. Ярким подтверждением этой тенденции стало принятие Положения об инородцах 1822 г., которое, как заключает А. Каппелер, исключило охотников, собирателей и кочевников из круга равноправных граждан империи.

С 1831 г., по наблюдениям А. Каппелера, российская политика по отношению к народам империи обнаруживала нарастающую тенденцию к репрессиям и усилению унификации. Главными приоритетами для правительства стали безопасность и государственное единство.

В 60-х гг. XIX в. на первый план начали выдвигаться задачи административной унификации и языково-культурной русификации. Однако, как справедливо замечает А. Каппелер, российская политика в отношении различных народов имела свои особенности: в ряде случаев она была направлена вовсе не на их интеграцию, а на сегрегацию и дискриминацию. Это касалось прежде всего тех, кто был отнесен к правовой категории «инородцы» и в принципе не считался «природными» жителями империи. Еще более четко эта политика проявлялась в отношении оседлых мусульман Средней Азии, а с 80-х гг. и евреев. Политика культурной интеграции также не была единой в отношении разных народов империи. Если на западе и на юге России пытались внедрить русский язык в дело-производство, судопроизводство и школьное образование, то по отношению к народам Среднего Поволжья, Урала, Степи и Сибири, наоборот, их родные языки должны были стать средством обращения их в православие⁶⁹⁶. Поэтому термин «русификация» не может раскрыть все особенности и сложности происходивших процессов.

Результаты политики русификации, по мнению ученого, носили амбивалентный характер, а ее важнейшую цель можно считать достигнутой: в Российской империи царил мир и порядок, в период между 1864 и 1905 гг. не было ни одного крупного восстания нерусского населения. Административное объединение и централизация России в XIX в. также продвинулись вперед, культурная русификация вела к тому, что национальные движения восточных славян и литовцев были сильно заторможены, и у многих народов сильно отставало развитие народного образования на родном языке.

С другой стороны, именно политика культурной русификации и дискриминации неправославного населения принесла свои отрицательные результаты: произошла мобилизация против России не только образованных элит, но и более широких кругов, например, поляков, литовцев, армян и жителей Финляндии.

⁶⁹⁵ Там же: 153.

⁶⁹⁶ Каппелер 2000: 203.

Спустя восемь лет после выхода своей монографии, А. Каппелер дал оценку своему исследованию, отметив, что изучение полиэтнической империи стало более интенсивным⁶⁹⁷. Он пришел к выводу, что его попытка провести исторический синтез полиэтнической Российской империи столкнулась со сложной методологической проблемой: оказалось невозможным противостоять господствующему принципу русоцентризма в истории России и поставить в центр научного анализа подчиненные Россией народы (это важнейшая задача национальных историографий). Ориентированное на империю исследование должно концентрироваться на государстве, которое определяет единство изучаемого предмета⁶⁹⁸.

Выход монографии А. Каппелера вызвал дискуссию в историографии. Так, японский исследователь К. Мацузато согласился с тем, что автор сосредоточил свое внимание на этнографическом, а не этнополитическом контексте российской истории, рассматривая отношение правительства отдельно к каждому народу, «игнорируя соотношения между национальными политиками центральных и местных государственных органов, касающимися народов, проживающих в одном и том же крае»⁶⁹⁹.

Профессор К. Мацузато убежден, что Российская империя была построена на чисто территориальных принципах. Она «управляла не этносами, а территориями; этносами управляли территории (генерал-губернаторства) по согласованию с центром, но, тем не менее, довольно самостоятельно»⁷⁰⁰. Существование генерал-губернаторств включало в себя зачатки федерализма, «это был территориальный, а не этнический федерализм»⁷⁰¹. Макрорегиональные единицы (края) представляли собой, как полагает К. Мацузато, «театры», в которых начальники (генерал-губернаторы) могли проводить довольно самостоятельную национальную политику. Причем нельзя рассматривать национальную политику вне территориального контекста: политика правительства не могла быть одинаковой в Правобережной Украине и Левобережной, которая считалась «внутренним» районом империи.

К. Мацузато доказывает, что империя состояла из трех частей: «внутренних губерний», краев с «этнополитиканскими» генерал-губернаторами и краев с хозяйственными генерал-губернаторствами⁷⁰². Основная часть «внутренних губерний», территориальное ядро империи, включало три макрорегиона: бывшую территорию Московского государства, Волго-Уральский регион и Левобережную Украину. Именно данные три макрорегиона обеспечивали устойчивое территориальное единство Российской империи, которая являлась, по мнению К. Мацузато, своего

⁶⁹⁷ Каппелер 2010: 279.

⁶⁹⁸ Там же: 270.

⁶⁹⁹ Мацузато 2004: 429.

⁷⁰⁰ Там же.

⁷⁰¹ Там же: 430.

⁷⁰² Там же: 436.

рода «коалиционным государством трех макрорегионов»⁷⁰³. Генерал-губернаторы хозяйственники, управляли восточными районами империи, а генералы-этнополитики – западными. Разница функций «генералов-этнополитиков» и «генералов-хозяйственников» нашла отражение в содержании их всеподданнейших отчетов⁷⁰⁴. В отчетах степных, туркестанских, западно- и восточно-сибирских генерал-губернаторов преобладают хозяйственные вопросы, в отчетах западных генерал-губернаторов и кавказских главных начальников – этнополитическая ситуация в крае. Разница задач генерал-губернаторов нашла отражение в кадровой политике, при назначении кандидатов на эти должности.

К. Мацузато попытался объяснить почему в правительственных кругах Российской империи в XIX в. периодически возникали дискуссии о необходимости повсеместного введения института генерал-губернаторов. Это было связано с тем, что если в западных губерниях и на Кавказе, где Россия была неспособна осуществить русификацию, существование генерал-губернаторов было стабильным, и в известной степени легитимным, то в районах Сибири, Приамурья, которые осваивались достаточно успешно, генерал-губернаторское управление стало первоначальным толчком развития, а по мере дальнейшего освоения региона оказывалось тормозом. Поэтому существование генерал-губернаторского правления и его учреждение на новых землях становились предметом дискуссии в правительстве.

Таким образом, анализ выводов А. Каппелера и К. Мацузато, представляющих парадигму новой имперской истории в современной историографии, показывает, что предметное поле изучения Российской империи значительно расширилось. Сегодня происходит исследование феномена империи через ее контекстуализацию. Вместе с тем, наиболее востребованными и инновационными сегодня являются работы, выполненные в рамках регионального подхода, который позволяет изучать характер политнической империи на различных пространственных плоскостях.

Список источников и литературы

Каппелер 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. – М., 2000.

Каппелер 2010 – Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги// Мифы и заблуждения в изучении национализма. – М., 2010. – С. 265-282.

Мацузато 2004 – Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу// Новая

⁷⁰³ Там же: 452.

⁷⁰⁴ Там же: 453.

имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / под ред. И.В. Герасимова, С. В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. – Казань, 2004. – С. 427-458.

Новая имперская история постсоветского пространства 2004 – Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова. Л. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, Л. М. Семёнова. – Казань, 2004.

Nataliya L. Semyonova

ETHNIC AND TERRITORIAL APPROACHES TO THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN MODERN HISTORIOGRAPHY

The article analyzes the ethnic and territorial approaches to the history of the Russian Empire in modern historiography. The ethnic approach is presented in A. Kappeler's monograph, and the territorial approach in the works of K. Matsuzato. The authors concluded that the Naib-Lee in demand today are the work done in the framework of the regional approach, which allows us to study the nature of polietniche Empire in different territories.

Keywords: Russian empire, historiography, new imperial history, ethnoses, territories.

УДК 94(470.5)"1919"
Код ВАК 07.00.02

И.С. Сильченко

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919 г.

Статья посвящена особенностям организации управленческих структур на начальном этапе существования Екатеринбургской губернии. Автор рассматривает процесс становления Военно-революционных комитетов и особенности перехода от них к системе Советов. Определяются зоны ответственности управленческих структур, их состав, а также оценивается эффективность их работы.

Ключевые слова: Екатеринбургская губерния, Гражданская война, Революционные комитеты, Советы.

Сильченко Иван Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета. Место работы: Музей военной техники УГМК (62091, Свердловская область, г. Верхняя Пышма, ул. А. Козицына-1).

Ivan S. Silchenko, Postgraduate student of the Department of General history of the Ural State Pedagogical University. Affiliation: Museum of military equipment to the Ural Mining and Metallurgical Company. Specialist. 62091, Sverdlovsk oblast, Verkhnyaya Pyshma, street A. Kozitsyn-1).

Телефон/Phone: +7(902)27-77-814; E-mail: 89022777814@yandex.ru

К концу августа 1919 г. практически вся территория Урала была занята частями Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Для восстановления органов власти в масштабах губернии и на местах был внедрен институт военно-революционных комитетов (ревкомов). Первоначально Ревкомы организовывались политическим руководством красноармейских частей, а для работы в них назначались лица из состава РККА, обладающие «высоким уровнем политической грамотности».

Революционные комитеты рассматривались в качестве чрезвычайных органов управления, целью которых являлась организация всех сфер жизни населения до передачи полноты власти советам. Предполагалось, что Советы на местах будут организованы в двух-трехнедельный срок. Однако социально-экономическое положение губернии приводило к тому, что для организации Советов не хватало административного ресурса и руководящих кадров. Спустя две-три недели функционирования представители военных ревкомов возвращались в свои части и передавали власть ревкомам, созданным из местных коммунистов⁷⁰⁵. Чрезвычайные органы работали, опираясь на инструкции, сформулированные армейским руководством либо функционерами на местах. Не существовало единой схемы работы, и часто управленческие решения принимались местными ревкомами по собственному усмотрению.

14 июля 1919 г. в Екатеринбурге был сформирован губернский ревком. Первоначально председателем ревкома был назначен Л. Милх, который в конце июля был заменен Л.С. Сосновским. 31 июля состоялось второе заседание губернского Революционного комитета, на котором помимо председателя присутствовали члены ревкома П.М. Быков и С.А. Новоселов⁷⁰⁶. На заседаниях губернского ревкома обсуждались вопросы формирования уездных органов управления, а также определялись пути улучшения продовольственного снабжения армии и населения⁷⁰⁷. Вслед за созданием губернского ревкома, чрезвычайные органы власти довольно быстро сформировались в промышленных городах с преобладанием рабочего населения. В сельской местности формирование революционных комитетов тормозилось общим «неопределенным и выжидательным» настроением⁷⁰⁸. При политических отделах армий и дивизий были сформированы крестьянские секции, в которых назначались инструкторы. В задачи инструкторов входил выезд в волостные центры и организация местных ревкомов совместно с политически активным населением⁷⁰⁹. Как правило, уездные и волостные ревкомы состояли из двух-трех человек.

© Сильченко И. С., 2017

⁷⁰⁵ ЦДООСО: Ф.76. Д. 417. Л. 40.

⁷⁰⁶ ГАСО: Ф.Р-7. Л. 2.

⁷⁰⁷ Яркова 2008: 41.

⁷⁰⁸ ЦДООСО: Ф. 1494. Л. 2.

⁷⁰⁹ ГАСО: Ф.Р-7. Л. 17

24 октября 1919 г. было принято общероссийское «Положение о революционных комитетах», впервые формализующее деятельность чрезвычайных органов управления в масштабах всего государства⁷¹⁰. Согласно данному положению, ревкомы должны были заниматься борьбой с бандитизмом и контрреволюцией, восстановлением промышленности, обеспечением армии и населения продовольствием, организацией культурно-массовых мероприятий⁷¹¹. К концу осени 1919 г. переход от системы ревкомов к Советам был практически завершен, и данная инструкция для территории Екатеринбургской губернии оказалась малоприменимой.

Вместе с организацией ревкомов формировались и укреплялись партийные структуры губернии. В июле 1919 г. было создано организационное партийное бюро. Главными задачами бюро являлось решение любых внутренних и внешних вопросов, связанных с действием уже сформированных партийных органов, а также создание новых партийных структур в уездах⁷¹².

Как известно, высшим органом РКП(б) являлся Съезд, созывавшийся ежегодно. На съезде избирался Центральный комитет (ЦК), который и осуществлял политическое руководство во временном промежутке между съездами РКП(б). На заседаниях ЦК избиралось Политическое бюро, Секретариат и Оргбюро. Высшим исполнительным органом являлся Секретариат, кадровые и организационные вопросы, связанные с деятельностью ЦК РКП(б) решало Оргбюро. На уровне губернии высшим политическим органом являлся Губернский комитет РКП(б), в подчинении которого находились уездные и волостные комитеты. 13-15 октября 1919 г. прошла Первая Екатеринбургская конференция РКП(б). Постановлением конференции на должность ответственного секретаря Екатеринбургского губернского комитета РКП(б) был назначен Н.И. Уфимцев⁷¹³. Главной проблемой партийных организаций являлся острый недостаток опытных кадров и постоянные мобилизации в Красную Армию. Так, например, в октябре-ноябре 1919 г. в армию было мобилизовано около трех тыс. губернских коммунистов⁷¹⁴. Примечательным является то, что оперативный контроль за организацией губернского партийного аппарата осуществляли сотрудники уголовного розыска⁷¹⁵. Партийные органы наравне с ревкомками и Советами являлись центром власти, контролировавшим и часть общегубернских вопросов.

31 июля 1919 г. согласно распоряжению военно-революционного комитета Екатеринбургской губернии был сформирован

⁷¹⁰ Известия 1919.

⁷¹¹ Там же.

⁷¹² ЦДООСО: Ф.76. Д.4. Л. 21.

⁷¹³ ГАСО: Ф.Р-7. Д. 14. Л. 6.

⁷¹⁴ Яркова 2008: 116.

⁷¹⁵ ГАСО: Ф.Р-511. Д. 87. - Л. 3.

рован отдел управления губернского военно-революционного комитета (отдел управления). Заведующим отделом был назначен П.И. Студинов. Главными проблемами при формировании отдела управления являлось отсутствие опытных руководящих кадров и материальной базы. В своем докладе П.И. Студинов отмечал: «Особенно не хватало кадров. Приходилось выполнять роль как сторожа и рассыльного, так и заведующего отделом. Просьбы о назначении ответственных лиц на должности в подотделах милиции и уголовного розыска никак не удовлетворялись. Отдел не справляется со своей работой»⁷¹⁶.

8 августа 1919 г. отдел управления был разбит на шесть отделов: информационный, инструкторский, статистический, отдел общей и железнодорожной милиции, отдел уголовного розыска. К началу августа отделом управления были выпущены инструкции по организации Советов, отдела управления и бюро уголовного розыска⁷¹⁷. Согласно инструкции, выборы в местные представительные органы должны были организовываться ревкомками разных уровней. Первоначально должны были организовываться выборы в сельские советы. Представители сельских советов на Волостном съезде выбирали исполнительный комитет, который и являлся высшим исполнительным органом власти на уровне волостей. Уездный исполком избирался на уездном съезде советов. Исполком руководил делами уездного города и самого уезда. В случаях, когда население уездного города превышало 75 000 человек, мог избираться уездный и городской исполком. Городские и уездные исполкомы находились в непосредственном подчинении губернского исполкома⁷¹⁸. Члены сельских и городских советов, а также исполкомы разных уровней переизбирались каждые три месяца. Тяжелая экономическая ситуация вызвала увеличение должностных и финансовых преступлений среди сотрудников советского аппарата, произошло увеличение числа случаев применения карательных мер к населению, значительно снизилась эффективность работы.

В различных районах наблюдались неоднородные темпы организации и разные уровни эффективности работы Советов. Например, к 30 августа 1919 г. Алапаевский исполком активно работал и на своих заседаниях рассматривал вопросы продовольственной политики, в то время как в конце ноября того же года красноуфимские партийные и советские организации работали неудовлетворительно, или находились в стадии формирования⁷¹⁹. Председатель Губчека А.Г. Тунгусков в своих отчетах указывал: «работа Советов в волостях непродуктивна т.к. члены на местах малограмотны. Ощущается недостаток в инструк-

⁷¹⁶ Там же: Л. 1.

⁷¹⁷ Там же: Л. 3.

⁷¹⁸ ЦДООСО: Ф.1364. Л. 25.

⁷¹⁹ Яркова 2008: 63.

циях. В заводских и уездных советах дела обстоят лучше, но также ощущается недостаток в ответственных партийных работниках. Местами в советы проникли кулаки, там царит произвол и назначения»⁷²⁰.

16-19 октября в Екатеринбурге проходил первый губернский съезд Советов. На съезде присутствовало 175 делегатов, из которых 97% были коммунистами и лишь 3% беспартийными. В то же время почти половина делегатов предшествующих уездных съездов была беспартийной⁷²¹. По результатам съезда председателем губернского исполнительного комитета был назначен С.А. Новоселов, до этого занимавший пост председателя губернского ревкома⁷²². Первый губернский съезд Советов можно считать рубежом перехода от системы ревкомов к системе представительной власти, однако полная ликвидация революционных комитетов произошла лишь к середине 1920 гг.

Революционные комитеты Екатеринбургской губернии являлись временными чрезвычайными органами. В основном их деятельность была направлена на организацию военного порядка, мобилизацию сил и подготовку к выборам в Советы. В целом, ревкомы, состоящие из гражданских или военных лиц, были связующим звеном между армией и населением губернии, а их деятельность сводилась к карательно-мобилизационным мерам.

Работа Советов и функционирование партийных подразделений в 1919-1921 г. была малоэффективна. Наряду с нехваткой опытных управленцев главной проблемой являлось полное отсутствие нормативной базы и низкий уровень материального обеспечения. На этот период приходится увеличение масштабов применения чрезвычайных и карательных методов управления.

Список источников и литературы

- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 14; Ф.Р-511. Оп. 1. Д. 87.
- Известия 1919** – Известия. – №241. – 28.10.1919.
- ЦДОСО** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.76. Оп. 1. Д. 417; Ф.1364. Оп. 1. Д. 7; Ф.1494. Оп. 1. Д. 42.
- Яркова 2008** – Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния 1919-1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие: дисс. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2008.

⁷²⁰ЦДОСО: Ф. 1494. Л. 1.

⁷²¹ГАСО: Ф.Р-7. Л. 2.

⁷²²Там же: Л. 6.

Ivan S. Silchenko
**THE FORMATION OF THE AUTHORITIES
OF YEKATERINBURG PROVINCE IN 1919.**

The article is devoted to peculiarities of the organization of management structures at the initial stage of existence of the Ekaterinburg province. The author considers the process of formation of Military-revolutionary committees and the transition from them to the Soviets. Define areas of responsibility management structure, their composition, and assess their effectiveness.

Keywords: Ekaterinburg province, Civil war, Revolutionary committees, the Soviets.

УДК 94(47)"17/18":342.52
Код ВАК 12.00.01

Е.С. Соколова

**К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ
ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII – ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВВ.)**

В статье рассматривается малоисследованная проблема политико-юридической специфики формирования местного законодательства императорской России как составной части интеграционной политики надсословного политического режима. Раскрыты геополитические и государственно-правовые истоки законодательных стратегий, нацеленных на формирование имперского пространства, рассматривается политико-юридическая сущность институциональных компромиссов в области сохранения исторической основы региональных структур государства и общества.

Ключевые слова: Российская империя, местное законодательство, надсословная монархия, интеграционная политика, политико-юридические стратегии, правовая унификация, отношения подданства.

Становление идеологии и законодательной политики российского самодержавия в области моделирования надсословной монархии происходило по мере формирования, становления и развития имперской формы государственно-правового устройства России. Выстраивание политического режима во вновь присоединенных регионах име-

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.

Elena S. Sokolova, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law Academy (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor. Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

© Соколова Е. С., 2017

ло свою политико-юридическую специфику, определялось социокультурными, геополитическими, национально-этническими, политико-правовыми факторами, сопровождавшими территориальное расширение Российского государства.

Апробация надсословной политики в присоединенных к России регионах, включенных в буферное пространство на западных и восточных границах, была важной составной частью организации модели имперской верховной власти, обеспечивающей государственное единство и политическую интеграцию национальных регионов. Реализация имперской модели государственного строительства должна была создать опорные точки верховной государственной власти на новых территориях, население которых вошло в состав подданных российской короны, но при этом отличалось иными представлениями об организации общества и властных структур.

В этих условиях особую важность приобрела задача проявления внешней толерантности правящей элиты к национальным обычаям, местному законодательству и властно-управленческим институтам присоединенных регионов, находившихся на разных уровнях цивилизационного развития. Учитывая глубокие различия между западными и восточными регионами, вошедшими на протяжении XVII – XVIII вв. в сферу влияния имперской политики Российского государства, по отношению к ним использовались разные модели отношений подданства, ориентированные на укрепление надсословного политического режима, но с учетом местных политико-юридических особенностей.

Политико-юридические стратегии российской интеграционной политики разрабатывались с учетом геополитических интересов на западных и восточных границах и, в целом, обеспечивали постепенное вхождение национальных регионов в общеимперское пространство. Начальный период превращения Российского государства в метрополию по отношению вошедшим в его состав национальным регионам принято соотносить со сменой географического курса внешнеполитической активности, имевшего место после заключения Ништадского мира 1721 г. В то же время с историко-правовой точки зрения нет оснований говорить об отсутствии имперских притязаний России в допетровское время. Первые Романовы, в частности, последовательно содействовали расширению западных границ государственной территории под предлогом возвращения в состав Московской Руси земель, отторгнутых Речью Посполитой и Швецией не только во время Смуты, но и в период распада Древнерусского государства. На протяжении XVII столетия под покровительством верховной власти происходило активное проникновение русских людей вглубь Сибири к ее дальневосточным рубежам. Обострение «крымской проблемы» в связи с попыткой Москвы укрепить южную границу Российского государства

привело к военному конфликту с Турцией и заключению Бахчисарайского мирного договора 1681 г.

В новейшей историко-правовой литературе вторая половина XVII в. обоснованно оценивается как время формирования имперской тенденции государственного строительства. Именно с этого времени в правовой системе Российского государства местное право приобретает роль самостоятельного носителя юридической информации и начинает использоваться в качестве правового инструмента обеспечения государственного единства. Правовой партикуляризм характеризуется как неотъемлемый элемент юридической политики, нацеленной на обособление общегосударственного и местного права для достижения оптимального уровня правовой автономии национальных регионов в ходе «становления Российской империи как сложного государственно-правового образования»⁷²³.

Общеизвестно, что исторические истоки возникновения проблемы консолидации местных обычаев и узаконений с общегосударственным правом восходят к государственным образованиям Древнего Востока и античности, имевшим имперскую форму организации государственной власти. В европейской правовой цивилизации архетипом империи принято считать постреспубликанский Рим, где длительное время имперское право имело для провинций субсидиарное значение и применялось лишь при наличии серьезных пробелов в местных правовых системах⁷²⁴.

Достижение государственного единства в условиях расширения географических границ имперского государства, состоящего из национально-территориальных регионов с различным уровнем развития права, правосознания и правовой культуры, предполагает санкцию верховной власти на сохранение местных правовых институтов. Последующая корректировка правового регулирования в духе сохранения высокого уровня организационно-регулятивного воздействия метрополии на вошедшие в ее состав земли позволяет, в конечном итоге, определить степень должного сочетания централизма и партикуляризма в юридической политике имперской власти. Применительно к России периода Нового времени данная проблема рассматривается отечественными и зарубежными государствоведами в контексте выявления юридической специфики политико-правового пространства Российской империи и способов легитимации регулятивной деятельности ее правительственной элиты.

Например, отличительная черта теоретико-правовых исследований, посвященных выявлению политико-организационных стратегий принудительного властвования носителей верховной власти в импера-

⁷²³ Кодан, Февралёв 2013: 74–75.

⁷²⁴ Там же: 75–76.

торской России, заключается в обосновании ее юридической природы с точки зрения юриспруденции интересов. Так, по мнению Н.М. Коркунова, даже абсолютный монарх «...нуждается в содействии своих подданных». Это позволяет ему пользоваться государственной властью «как силой, могущей служить осуществлению человеческих интересов», включающих в себя наряду со стремлениями частных лиц противостоящие им потребности целых общественных групп⁷²⁵.

В итоге столкновение борющихся между собой мотиваций и различного рода прагматических соображений служат катализатором выработки юридических норм, способствующих организации монархической власти, в том числе и имперского типа, если речь идет о присоединении новых территорий. Таким образом, абсолютизм приходит в соответствие с критериями правомерного государственного строя, а императорская власть монополизировала право на регулятивную и правительственно-административную деятельность посредством принуждения с целью обеспечения государственного единства.

Согласно мнению ряда исследователей, специализирующихся в области изучения имперской политики Российского государства по отношению к влившимся в него на протяжении второй половины XVII – XIX вв. национальным регионам, общегосударственный интерес явно преобладал над местными корпоративными амбициями. Россия указанного периода традиционно рассматривается как единое, унитарное государство, обладающее сложной территориально-политической организацией. По словам Коркунова, «с постепенным разрастанием территории ... границы ее охватывали собой одно за другим множество самостоятельных прежде государств или владений других держав». При этом российская верховная власть в случае практической необходимости «сохраняла за присоединенными областями их местные законы и учреждения, предоставляя им иногда более или менее широкую местную автономию»⁷²⁶.

Следует отметить, что длительное сохранение в государственном праве России санкции верховной власти на ту или иную степень юридического партикуляризма способствовало возникновению двойственной теоретико-исторической трактовки тезиса о единстве и нераздельности ее территориального пространства, закрепленной в 1-й статье Основных государственных законов от 23 апреля 1906 года. На рубеже XIX –XX в. в государствоведческой литературе отмечалось, что речь в данном случае идет, прежде всего, об объединении государства в его «территориальном составе» на основе единства публичных властных правомочий монарха в «определенных территориальных границах», исключающего всякое произвольное распоряжение ими.

⁷²⁵ Коркунов 1909: 131–132, 3–36.

⁷²⁶ Там же: 188.

В то же время Б. Нольде справедливо полагал, что симметричность российского государственного устройства, достигнутая к началу XX в., была результатом длительного сохранения в юридической политике самодержавия автономных элементов управления национальными и окраинными регионами. Он акцентировал внимание на прагматизме ряда юридических конструкций, опосредованных политико-исторической конъюнктурой и, в целом – казуистичных⁷²⁷.

Земли, вошедшие в состав России по международно-правовым договорам, в разное время действительно могли иметь статус областных автономий при безусловном приоритете верховной власти или же, напротив, государственных образований, передающих российским монархам полномочия своих властителей посредством унии. В обоих случаях ведущий принцип юридической политики Российского государства заключался в признании национально-территориальной специфики ряда местных узаконений. В перспективе это содействовало возникновению тенденции к типологизации нормативно-правовых актов, закрепляющих отношение отдельных территорий к верховной государственной власти.

В новейшей историко-юридической литературе, развивающей традиции классического государствоведения, отмечается преемственность российской юридической политики императорского периода в области конструирования правового статуса местных регионов со старомосковской практикой государственного строительства. О делении древнерусского права на общее и местное писал уже Ф.И. Леонтович, усматривая в этом тенденцию к зарождению предпосылок формирования государственной идеи, способствующей политическому объединению разрозненных земель и княжеств.

Наличие ярко выраженного правового партикуляризма в Древней Руси привлекало внимание П. И. Числова, который объяснял его происхождение «различием географических, климатических, общественных и экономических условий» жизни разрозненных славянских племен⁷²⁸.

По оценкам новейших исследователей, основополагающую роль в выработке юридической стратегии взаимодействия центральной великокняжеской власти «с населением отдельных, как правило, вновь приобретенных территорий» играли государственные уставные грамоты, традиция изучения которых в историко-правовой науке восходит к именам Н. П. Загоскина, П. И. Числова и А. Д. Градовского. Территориальная локализация права нашла отражение и в междукняжеских договорах⁷²⁹.

В современной историко-правовой литературе, посвященной изучению институтов областной автономии Российского государства периода Нового времени, подчеркивается организующая роль Собор-

⁷²⁷ Нольде 1911: 244–245, 280–281.

⁷²⁸ Леонтович 1869: 24–28; Кодан, Февралев 2013: 7–79 и далее; Числов 1914: 20–21.

⁷²⁹ Кодан, Февралев 2013: 74–154.

ного Уложения 1649 г. в проведении институциональной грани между общегосударственным и местным правом, включая обычаи. Постепенная унификация локальных правовых систем была последовательно проведена Москвой с конца XV до середины XVII вв. Как отмечают С. В. Кодан и С. А. Февралев, по мере формирования Российской империи «общегосударственное право распространялось ... на население внутренних губерний», а местные узаконения были адресованы жителям «новых территорий, включаемых в состав России»⁷³⁰.

Мнение о наличии в императорской России местных правовых систем, отражающих специфику правового регулирования в национальных регионах, высказывается сегодня и в историко-политологической исследовании. Например, по оценке Л. М. Воробьевой, имперская концепция «поливариантной организации расширившегося в своих пределах Российского государства» обязана своим происхождением политике Петра I по «Балтийскому вопросу». Присоединявшимся народам сохранялась «их привычная правовая, а иногда и государственная система». В регионах, сосредоточенных на новых границах Российского государства, «учитывались местные источники права, в частности: Литовский статут, Магдебургское право, Римское право, мусульманское право, шведское, австрийское, прусское право, кодекс Наполеона и т. д.». Помимо этого в практике имперского строительства использовались различные варианты сочетания централизации, децентрализации и деконцентрации, включая делегирование части властных государственных полномочий местной администрации и выборным органам самоуправления⁷³¹.

В ряде случаев, когда речь шла о присоединении территорий, заселенных народами, живущими на стадии догосударственного юридического быта, урегулирование отношений подданства происходило на почве сохранения традиционной модели властвования. В результате происходило повышение социально-политической роли местных элит, выполняющих функцию посредничества между верховной государственной властью и ее новыми подданными.

Традиционализм, имевший место в практике управления теми восточными и южными регионами России, где автохтонное население находилось на догосударственной стадии развития, не исключал их политико-юридической интеграции в имперское пространство и сословную структуру общества, как административными, так и правовыми способами. Последовательное закрепление таковых в Своде законов Российской империи не исключало развития так называемой «вольной колонизации», которая осуществлялась вопреки воле правительств путем бегства от рекрутчины, крепостной зависимости, городского тягла и тому подобных проблем податного населения центральных земель. Применительно к Си-

⁷³⁰ Там же: 130.

⁷³¹ Воробьева 2011: 25; Лаптева 1998: 4; Блинов 1905: 3.

бири более распространенной формой ее освоения в XVII – первой половине XIX вв. стала официальная правительственная колонизация «по указу», представлявшая собой разнообразные способы принудительного заселения восточных рубежей русскими людьми, включая служилые категории, ссыльнопоселенцев и некоторое количество вынужденных переселенцев-маргиналов⁷³².

Проведение подобной политики, направленной, прежде всего, на освоение природных богатств вновь присоединенных регионов с кочевым населением, в ряде случаев оказывало разрушительное воздействие на этнический и религиозно-культурный ландшафт. Значительная часть местных жителей еще XVII в. при столкновении с казачеством стала менять свои кочевья, отходя в глубь Сибири, что значительно ухудшало их быт. В более выгодных условиях находилась «инородческая» знать, которая принимала христианство, «версталась» на государеву службу и, в соответствии с нормами Соборного уложения, обеспечивалась землями из поместно-вотчинного фонда⁷³³.

Законодательная политика имперского государства в западных регионах, включенных в состав России на протяжении XVIII в., отличалась значительно более высокой степенью корреляции с ее право-государственным укладом. Этому содействовала ориентированность российской политической элиты в целом и носителей верховной самодержавной власти в частности на европейский уровень правовой культуры и правосознания. Кроме того, речь в данном случае шла о землях, где длительное время существовали высокоразвитые монархии, а общественные отношения веками регулировались шведским, магдебургским, немецким и польско-литовским правом. Общеизвестно, что высокий уровень рецепции Литовских Статутов предопределил историко-юридическую специфику большинства правовых институтов Соборного Уложения 1649 г. Данные факторы стали мощным катализатором официального курса на интеграцию национальных регионов европейской части России в имперское государство. В то же время они способствовали осторожности российских законодателей по отношению к местным источникам права и традиционным правовым институтам, включая статусы сословной стратификации.

Историко-юридическая сущность правовых компромиссов, допущенных верховной самодержавной властью в западных регионах, нашла отражение в нормативно-правовых актах XVIII – первой половины XIX вв. Исключительный интерес для понимания особенностей российской законодательной политики в сфере реализации имперской парадигмы представляют узаконения, составленные с целью разграничения сферы действия общегосударственного и местного права в Прибалтике.

⁷³² Любавский 2000.: 260–261, 258–262.

⁷³³ Там же: 254–255.

В новейшей историко-правовой литературе, посвященной вопросам изучения российской системы законодательства периода Нового времени, справедливо акцентируется факт необратимости формирования его двухуровневой структуры. По мере возможности создавались сепаратные юридические гарантии «сохранения прежней религии, обычаев и законодательства ...», а каждый российский император подтверждал действие этих гарантий»⁷³⁴.

Добавлю, что в ряде случаев, подтверждение существовавших ранее прав и привилегий местного населения было подчинено соображениям политической конъюнктуры и представляло собой более или менее пространное изъятие из общегосударственного законодательства. Этим обстоятельством объясняется большое количество указов XVIII в., закрепляющих особый статус некоторых западных регионов Российской империи. Их последующая систематизация, прежде всего, была вызвана потребностью формально-юридического закрепления приоритета общегосударственного законодательства над местными узаконениями, легитимность которых обеспечивалась высочайшей санкцией. Данная законодательная стратегия ярко выражена в начальных статьях Свода остзейских постановлений, согласно которым «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, от Самодержавной Власти исходящих...», но «с местными в некоторых их частях изменениями». Особое внимание составители Свода уделили вопросу о правовых пределах местных автономий, подчеркнув, что их предоставление полностью зависит от воли верховной власти. Во всех же прочих случаях «действие общих законов Империи сохраняет и в сих губерниях и областях полную свою силу»⁷³⁵.

Нормативно-правовые акты, регулирующие порядок присоединения балтийских регионов к Российскому государству, отличаются отчетливой типологизацией формы и содержания. В то же время условия капитуляций и сдачи отдельных городов, процедурные вопросы, объем прав и привилегий, сохраненных за разными земскими единицами, словесные гарантии и иные подобные вопросы решались в зависимости от конкретных исторических обстоятельств и стратегической важности того или иной территории. Некоторые принятые на законодательном уровне решения были продиктованы идеологическими мотивами или переменами международно-правового характера, возникшими под воздействием Ништадского мира 1721 г. Правообразующая роль была отведена и притязаниям России на имперский статус и ведущее место в иерархии европейских дворов. К середине 1720-х гг. данная стратегическая линия превратилась в составную часть «петровского наследия» и в полной мере оказалась востребована на высочайшем уровне в ходе легитимации итогов каждого дворцового переворота.

⁷³⁴ Кодан. 2013: 239–293.

⁷³⁵ Нольде 1911: 406 – 407; Свод 1845: Гл. 1.

Таким образом, имперский фактор моделирования местного балтийского права был дополнен фактором политическим, основанием которого служила потребность верховной императорской власти в стабилизации. Это, в свою очередь, диктовало обращение законодателя к проблеме интеграции сословных институтов балтийского законодательства в общеимперское право при сохранении местных особенностей социальной стратификации и статусных признаков отдельных групп прибалтийского населения. Юридическая составляющая «балтийского вопроса» формировалась под мощным воздействием внешнеполитического фактора, имела в виду создание нормативно-правовой основы для интеграции Российского государства в систему европейских держав и, в целом, может рассматриваться как неотъемлемая часть политики вестернизации.

В целом, законодатель стремился к постепенной унификации законодательных норм, обычаев, административной системы и уровня правосознания новых российских подданных, видя в этом основной путь к утверждению надсословного типа отношений подданства на местном уровне.

Тем не менее, политико-юридический курс, апробированный на региональном уровне, отличался поливариантным подходом к проблеме организации государственно-правового пространства на вошедших в состав России территориях. Если в определенных регионах не возникало прямой угрозы для российской верховной власти, то ее надсословная политика осуществлялась с учетом настроений национальной элиты и социокультурной специфики, обеспечивая, в конечном итоге, приоритетное значение общеимперского законодательства, интересов геополитики, модели «общего блага» и системы государственного патернализма как основной составляющей надсословного политического режима.

Список источников и литературы

- Блинов 1905** – Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб.: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905.
- Воробьева 2011** – Воробьева Л. М. История Латвии: от Российской империи к СССР. – М.: ФИВ, 2011.
- Кодан С.В. 2013** – Кодан С.В. Система законодательства в России: формирование, развитие, становление (IX – начало XX в.) // *ВВ: проблемы политики и общества*. – 2013. – № 4. – С. 239-293.
- Кодан, Февралёв 2013** – Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право национальных регионов Российской империи: истоки, место в политике и идеологии, юридическая природа (вторая половина XVII – начало XX вв.) // *ВВ: вопросы права и политики*. – 2013. – № 2. С. 74-154.
- Коркунов 1909** – Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1909.

- Лаптева 1998** – Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). – М.: ИГП РАН, 1998.
- Леонтович 1869** – Леонтович Ф. И. История русского права. Вып. 1. – Одесса: Имп. Новорос. ун-т, 1869.
- Любавский 2000** – Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. – СПб.: Лань, 2000.
- Нольде 1911** – Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. – СПб.: тип. «Правда», 1911.
- Свод 1845** – Свод местных узаконений Губерний Остзейских, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Ч. I. Учреждения. – СПб.: в типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845.
- Числов 1914** – Числов П. И. Курс истории русского права. Вып.1. – М.: печ. А. И. Снегиревой, 1914.

E. S. Sokolova

**THE QUESTION OF THE POLITICAL-LEGAL STRATEGY
OF FORMING LOCAL LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE
(THE FIRST QUARTER OF THE XVIII TO THE SECOND
QUARTER OF THE XIX CENTURIES)**

The article discusses the unexplored problem of political and legal specificity of the formation of the local legislation of Imperial Russia as part of the integration policy of supra-estate political regime. Disclosed geopolitical and state-law origins of legislative strategies aimed at the creation of Imperial space, discusses the political and legal essence of the institutional compromises in the field of preservation of the historical basis of regional structures of state and society.

Key words: Russian Empire, local laws and supra-estate monarchy, integration policy, political and legal strategy, legal unification, the relationship of citizenship.

УДК 303.446.4:94(47)"19"

Код ВАК 07.00.09

А.В. Трофимов

КОНЦЕПТ «СОВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ» В ИСТОРИОГРАФИИ

В публикации выявляются понятийные и типологические аспекты концепта «советская империя», признаки Советского Союза как империи. Показа-

Трофимов Андрей Владимирович, профессор кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62); доктор исторических наук, профессор.

Andrey V. Trofimov, professor, of the Department of History and Philosophy of the Ural State Economic University (620144, Ekaterinburg, 8 Marta str., 62); Dr. of History, professor. Телефон/Phone:+7(343)2212712; Электронная почта/E-mail: 2519612@rambler.ru.

но, что сущность «советской империи» в историографии рассматривается в контексте триады «нация» – «многонациональное государство» – «империя».

Ключевые слова: Советский Союз, концепт «советская империя», историография.

В контексте глобальной истории имперский объяснительный концепт исторического феномена Советского Союза достаточно широко используется в современной историографии. С его помощью в общественном сознании одновременно излечивается «травма национальной идентичности» (неизбежность «гибели империи» по Е.Т. Гайдару) и поддерживается ностальгия о «советской Атлантиде» («красная империя» А.А. Проханова).

Советский Союз, в зависимости от политико-идеологических и методологических пристрастий исследователи называют «Империей зла» или «Империей позитивного действия», либо уникальной в своем роде «Империей наций»⁷³⁶.

Широта и «размытость» концепта «советская империя» привлекательны в плоскости общественно-политических дискуссий, но затрудняют консенсусное понимание сущности предмета обсуждения, наблюдается смысловая неопределенность, сложность самого понятия империя.

Под империей, в частности, понимают: 1) могущественную державу, опирающуюся в своей внутренней и внешней политике на военные сословия (организованную армию) и действующую в интересах военных сословий; 2) мощную и могущественную державу, которая правит многими народами и пользуется ресурсами покоренных стран; 3) форму организации крупнейшего государства. Принципиальное отличие империи от национального государства видят в многонациональном характере империи или в наличии не менее значимого атрибута – идеологии – системы представлений, раскрывающих наднациональную, универсальную сущность данной формы государства; 4) сложное государственное образование (сверхгосударство), унитарное объединение разнородных частей с имперским центром, страной метрополией, создающей империю и управляющей ею и ее составными частями, находящимися на разной стадии формирования собственной государственности и подчиненных метрополии; 5) раннюю архаическую форму принудительной национально-государственной интеграции, превращенную реализацию исторической тенденции единства мира; 6) крупное государственное образование, созданное путем присоединения (мирного или, чаще, военного) ранее независимых территорий (стран и народов) к первоначальному ядру, где сосредоточена центральная власть, и объединяющее их во-

круг единого политического центра под эгидой универсальной идеи цивилизационного, религиозного, идеологического, иногда экономического характера; 7) крупные государства, имеющие обширные колониальные владения с различным статусом включенных в нее образований. Колонии сохраняют некоторые признаки государственности, для провинций устанавливается статус приграничья или особого этнополитического территориального образования.

По структуре основных коммуникаций различаются «консолидированные» (континентальные, теллуократические) и «неконсолидированные» (морские, талассократические) империи. Первые имеют сухопутные коммуникации центра со всеми составными частями государства, вторые – только морские коммуникации. Советский Союз являлся «консолидированной» империей, при этом антиимперская политическая риторика, широта геополитических интересов и внутреннее разнообразие социокультурного пространства являлись маркером этой политики.

Типологически также выделяют колониальные и идеократические империи. Для обоих типов империй характерно наличие неравенства в распределении материальных благ между центром и периферией, однако в идеократических империях оно значительно меньше, так как здесь присутствует тенденция сглаживания статусных различий в рамках распространения идеологического монизма, тогда как в колониальных империях сохраняется четкое вертикальное деление между метрополией и колонией в политическом, экономическом и культурном аспектах (это связано с тем, что идеократическая империя – по сути целостное государственное образование, тогда как колониальная империя – конгломерат, состоящий из нескольких государств, одно из которых господствует над другими)⁷³⁷.

Советский Союз не являлся классической колониальной империей, поскольку она предполагает наличие метрополии – государства, в котором ведущим является капиталистический уклад, и колоний, государств традиционалистского типа либо территорий с господствующим архаическим укладом, служащих для метрополии источником сырья, рынком сбыта промышленной Продукции и сферой приложения капитала. Цель создания и смысл функционирования колониальной империи состоит в обеспечении путем внеэкономического и экономического принуждения (возможных благодаря техническому и военному превосходству государства-метрополии) неэквивалентного обмена товарами, выкачки промышленных и денежных ресурсов и использования дешевой рабочей силы. В данном контексте СССР называют империей «наоборот» или империей «наизнанку».

К Советскому Союзу применяют определение идеократической, или традиционной империи, для которой имманентно присущи транс-

⁷³⁷Теория и методология исторической науки: 124-126.

цендентные цели существования, подразумевающие воплощение на земле некоего высшего светского идеологического идеала. Отличительные черты: в сфере ментальности – господство имперского (но не империалистического) мышления, характеризуемого авторитарным социальным характером и мессианской идеологией; в политическом плане – стремление к перманентной территориальной экспансии и включению в орбиту влияния своей мессианской идеологии максимального числа подданных, различных по этнической и религиозной принадлежности, строгая политическая централизация, тесно связанная с идеологическим монизмом; в экономической сфере – преобладание экстенсивного пути развития и жесткий контроль государства в сфере производства при отсутствии или слабом распространении частной инициативы; в социальной – минимальное число социальных механизмов, как правило контролируемых властью, и подавление альтернативных государственным общественным групп и объединений⁷³⁸. Следует отметить, что поскольку Российская империя входила в число традиционных, наряду с Германской, Австро-Венгерской, Японской, Османской) и представляла собой многоуровневый государственный комплекс, скреплённый идеологическим центром, едиными вооружёнными силами и экономическим пространством, то Советский Союз использовал этот имперский ресурс в целях социалистической модернизации, которая иными методами и механизмами продолжала путь, заданный имперской модернизацией.

К признакам империи, имеющим непосредственное отношение к Советскому Союзу принято относить: наличие мощных армии и силовых структур; большое внешнеполитическое влияние; национальную идею (коммунистическая идеология); жесткую, как правило, единоличную, власть; высокую лояльность населения; активную внешнюю политику, направленную на экспансию, стремление к региональному или мировому господству.

В контексте понимания сущности «советской империи» необходимо учитывать, что триада «нация» – «многонациональное государство» – «империя» возникла вследствие признания «нации» как основной формы коллективного существования человеческих общностей и экстраполяции его на все человечество в качестве принципа структурирования последнего. Соответственно категории «многонациональность» и «империя» (в ее современном понимании) производны от «нации». Различия между ними состоят в том, что в рамках первой концепции, этнополитическая структура характеризуется эгалитарными, в рамках второй, иерархическими отношениями между ее компонентами.

Для советской историографической традиции характерно было негативистское отношение к России как империи, признание разрыва в

⁷³⁸Там же.

имперской истории России, начавшейся с революции 1917 года, а Советский Союз репрезентировался как многонациональное государство нового типа, оставляющее в прошлом эксплуататорскую сущность империи.

Стремление геополитических акторов к поиску новой модели обустройства мира после Второй мировой войны с целью избежать глобальных военных столкновений, обусловили научный и практический интерес к альтернативным способам организации социополитических систем на основе этнического/национального подхода. Такой альтернативой тогда представлялся советский опыт мирного сожительства равноправных «наций» в рамках одного государства, а «многонациональность» СССР воспринималась в качестве оптимального сочетания «национального» с «общечеловеческим», как возможный вариант замены национальных государств (конфликты между которыми грозили новой мировой войной) и колониальных империй (порок которых состоял в подавлении стремления к развитию подчиненных «наций»).

Распад Советского Союза способствовал укреплению позиции тех экспертов, которые доказывали его «имперскую» природу и ослаблению позиции сторонников модели «многонационального государства». Дезинтеграция «многонациональных» государств Восточной Европы (Чехословакия, Югославия) имела следствием разочарование в самой возможности стабильного существования «многонациональных государств» и, как следствие сомнение в необходимости данной категории. Последняя стала восприниматься лишней в прежней триаде «нация» – «многонациональное государство» – «империя», преобразовавшейся в диаду. В настоящий момент «многонациональность» используется исследователями в контекстуальном измерении для констатации сосуществования в СССР (как социополитическом образовании) нескольких «наций» или «полиэтничности» как интегральной черты⁷³⁹.

На взгляд В.Е. Матвеева⁷⁴⁰, доминирующей формой понимания государства является национальное видение, а примером служит западное национальное государство. Поэтому, в глазах западных исследователей, СССР был скорее империей, чем национальным государством.

Как отметил Н.Н. Константинов⁷⁴¹, в западной историографии модель описания СССР как «имперской политики» строилась как сеть практик господства и принуждения со стороны одной нации/культуры по отношению к другим, находящимся в общем для них политическом пространстве. В политическом плане фиксировалось неравенство и фактическая иерархичность в положении национальностей и национальных территорий в рамках этнополитической структуры СССР, которые были свидетельством его имперской природе. Описание советского опыта во

⁷³⁹ Константинов, Трофимов 2010: 84.

⁷⁴⁰ Матвеев 2008: 48.

⁷⁴¹ Константинов 2010 (29.08.2017).

многим происходило через призму опыта страны нахождения исследователя. Например, британские исследователи рассматривали СССР преимущественно сквозь призму Британской империи, французские – французской колониальной империи, американские – «плавильного котла» США. В иных случаях на СССР экстраполировался опыт других «империй», как колониальных, так и континентальных (прежде всего восточноевропейских – Габсбургской и Османской).

Имперский дискурс демонстрирует сложность описываемого феномена. В историографии выделяется⁷⁴² семь направлений описания этнокультурной сложности СССР. Во-первых, изучение истории национальностей СССР. Во-вторых, этнографическое описание представителей малых «национальностей»– «народностей», их быта, традиционного и нового социалистического. В-третьих, междисциплинарное исследование этнических и национальных процессов (этносоциология). В его рамках акцентировалось внимание на процессах консолидации этносов за счет субэтнических групп, развитии социальной структуры социалистических наций и укреплению связей между ними, формировании социальной однородности в СССР. В-четвертых, анализ успешности социалистической трансформации обществ Советского Востока. В-пятых, рассмотрение политики КПСС в отношении национальностей («национальной политики»), объектом которой предстает многонациональный СССР в целом или его наднациональные регионы, его развитие в связи с аспектом этнокультурной сложности. В-шестых, описание процессов развития общности народов СССР, сначала обозначавшейся понятием «дружбы народов СССР», которое с 1960-х гг. было оттеснено на задний план понятием «советского народа». В-седьмых, обобщение данных, полученных представителями различных научных направлений в трудах по истории СССР, в которых, в связи с поставленной перед ними сверхзадачей интеграции национальностей страны, в той или иной степени должен был отображаться аспект многонациональности/этнокультурной сложности.

В современной историографии упоминание Советского Союза в имперском контексте стало общим правилом. Д. Ливен⁷⁴³ относит СССР к имперским государствам по признакам влияния в мире, авторитарного и недемократического устройства. Граждане СССР называются им «подданными» Москвы. Имперским признаком для него является и постановка иррациональной внешнеполитической цели: противостояние со всем остальным капиталистическим миром. Таким образом, крушение Советского Союза, Д. Ливен связывает с факторами надрыва империи от невозможности экономически обусловленной

⁷⁴²Там же.

⁷⁴³ Ливен 2007 (30.08.2017).

конкуренции с окружающим (западным) миром, неконструктивной идеологией и потерявшими веру в нее элитами.

В условиях глобального мира, когда воспроизводятся многие практики и отношения, понимаемые как имперские, меняется «оптика» и «фокус» восприятия недавнего прошлого. Советский Союз предстает как модернизированная империя, доведенная до предела своих ресурсных и функциональных возможностей, а изучение его исторического опыта в решении геополитических проблем не теряет своей актуальности.

Список источников и литературы

Константинов 2010 – Константинов Н.Н. Советский Союз 1945-1991 годов в историографии: национально-этническое измерение. URL: <http://cheloveknauka.com/sovetskiy-soyuz-1945-1991-godov-v-istoriografii>.

Константинов, Трофимов 2010 – Константинов Н.Н., Трофимов А.В. К проблеме осмысления исторического опыта СССР середины 1940-х – 1991 годов как «многонациональной» социополитической системы // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2010. – № 1 (4). – С. 79-86.

Ливен 2007 – Ливен Д. Российская империя и ее враги XVI века до наших дней. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Л/лiven-dominik/rossijskaya-imperiya-i-eyo-vragi/6>.

Марченя 2013 – Марченя П. П. Концепт империи как предмет мультидисциплинарного исследования // Философские исследования и современность: Вып. 2. – М.: ИД Акад. им. Н.Е. Жуковского, 2013. – С. 117-136.

Матвеев 2008 – Матвеев В.Е. Концепт «империя» в работах зарубежных авторов конца XX века // Омский научный вестник. Исторические науки. – 2008. – № 4 (69). – С. 45-48.

Теория и методология исторической науки 2014 – Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Издательство Аквилон, 2014. – 576 с.

Andrew V. Trofimov

THE CONCEPT OF "THE SOVIET EMPIRE" IN HISTORIOGRAPHY

The publication identifies the conceptual and typological aspects of the concept of the "Soviet Empire", the signs of the Soviet Union as an Empire. It is shown that the nature of the "Soviet Empire," in historiography is considered in the context of the triad "nation" – "the multinational state" is "Empire".

Keywords: Soviet Union, the concept of the "Soviet Empire", historiography.

А. Л. Устинов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ РАБОЧИХ КАДРОВ НА УРАЛЬСКИХ ЗАВОДАХ В 1760 – 1770-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ САТКИНСКОГО И ЗЛАТОУСТОВСКОГО ЗАВОДОВ)

В статье рассматриваются вопросы комплектования рабочих и управленческих кадров на Саткинском и Златоустовском заводах в третьей четверти XVIII столетия. Автор дает анализ социальной структуры заводских кадров, предпринимает попытку проследить связь между социальным статусом и фактическим положением рабочих. В статье показана связь кадровой политики заводоладельцев и социальных отношений в Российской империи XVIII века.

Ключевые слова: социальная политика, кадровая политика, заводо-владельцы, наем, крепостной труд.

Кадровая политика уральских заводоладельцев в имперский период истории России представляет значительный интерес для современного научного исследования прежде всего, как часть социальной политики Российской империи. Корни событий 1917 г. следует искать в особенностях складывания в Российской империи, которые относятся к XVIII в. и развивались на протяжении двух последующих столетий. Ретроспективный анализ социальной политики Российской имперской традиции и, в частности, социальных отношений в рамках горнозаводского производства, позволит дать практические рекомендации, как не допустить подобный сценарий в современных условиях. Данные проблемы мы рассматриваем на примере кадровой политики южноуральских мануфактур – Златоустовского и Саткинского заводов.

Для начала проследим изменение социальной структуры работников, что иллюстрирует следующая таблица:

Устинов Андрей Леонидович, старший преподаватель кафедры истории, экономики и права Уральского государственного медицинского университета (620219, Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3).

Andrey L. Ustinov, senior teacher of Department of History, Economics and Law Ural state medical university (620219, Russia, Ekaterinburg, Repina street, 3).

Телефон/Phone: +79022568617. Электронная почта/E-mail: andrey.ustinoff2011@yandex.ru
© Устинов А. Л., 2017

Таблица 1.
Изменение социального состава работников
Саткинского и Златоустовского заводов
в 1760 – 1770-е гг., %⁷⁴⁴

Социальные группы работников	Златоустовский завод		Саткинский завод	
	Начало 1760-х гг.	Середина 1770-х гг.	Начало 1760-х гг.	Середина 1770-х гг.
Приписные крестьяне	-	13,6	-	-
Вольнонаемные рабочие	-	5,1	3,2	1,1
Собственные крепостные	84,8	62,1	52,6	53,8
Купленные крепостные	15,2	19,2	44,2	45,1

Возникают сомнения относительно истинности тезиса о преимущественном использовании на заводах Южного Урала труда приписных крестьян и вольнонаемных рабочих, нанятых на крайне кабальных условиях найма⁷⁴⁵. Так, ведомость Саткинского завода за 1761 г. определяет: «И при оном заводе г[о]с[у]д[а]рственных крестьянь ни сколько не имеется и ни отколь оныхъ не приписано. А для содержания заводу по дозволительным изъ Г[о]с[у]д[а]рственной Камеръ Коллегии указом ис Пермских Его Высокородия вотчинъ крестьянь, переведенных на поселение, имеется»⁷⁴⁶.

Это, конечно, не означает, что институт найма как способ комплектования рабочих кадров на Златоустовском и Саткинском заводах отсутствовал в принципе. Из таблицы мы видим, что если на Саткинском заводе число вольнонаемных уменьшалось, то на Златоустовском заводе их доля только увеличивалась – в первом случае с 3,2 % до 1,1 %, а во втором случае – до 5,1 %. (см. таблица № 1). Однако это был не совсем капитали-

⁷⁴⁴ Сост. по: ГАСО. Д. 1539. Л. 7, 10 – 11, 21 – 21 об., 61 – 61 об., 63 – 66 об., 78, 99 – 99 об., 100 об. – 102 об., 115, 144 – 145, 175 – 177 об., 245 – 247, 339 – 346 об., 347 – 350; Д. 1541. Л. 1 – 145 об.; Д. 1687. Л. 1, 2 – 8, 21, 22 – 26 об., 95, 96 – 98 об., 99, 100 – 104, 113, 114 – 116, 124 – 124 об., 125 – 133 об., 134 – 142 об., 161, 162 – 171 об., 183, 184 – 186, 187 – 187 об., 188 – 192 об., 193, 194 – 196 об., 198, 198 об. – 199, 277 – 278; Д. 1731. Л. 85; Д. 1751. Л. 23 – 25 об.; Д. 1786. Л. 10 – 10 об., 11 – 11 об., 12, 14, 16; Д. 1803. Л. 1, 38 – 39, 84 – 89, 108 – 109, 110 – 110 об., 111 – 111 об., 144; Д. 1816. Л. 5 – 5 об.; Д. 1821. Л. 1 – 124 об.; Д. 2525. Л. 8, 9, 10 – 10 об., 11 – 11 об..

⁷⁴⁵ На эти данные по заводам Южного Урала ссылается Д. А. Редин. Так, в 1760-е гг. на Воскресенском заводе 45 % работников были вольнонаемными, выполняющими вспомогательные работы на крайне кабальных условиях найма. На Кано-Никольском, Троицком, Усень-Ивановском заводах таковых было 50%. На Авзяно-Петровском заводе свыше 4,5 тыс. душ м.п. были приписными крестьянами (См. Редин, Шашков 1996: 108).

⁷⁴⁶ ГАСО: Д. 1539. Л. 245.

стический найм. Более того, для генезиса капиталистических отношений на заводах такой найм был даже вреден. В труде вольнонаемных работников не слишком заинтересованы были заводчики, так как те выполняли мелкую подсобную работу, и их не сложно было при необходимости заменить (специальной квалификации здесь не требовалось), а приписные были не заинтересованы в самой заводской работе, так как для них это была еще одной из форм принуждения.

Практика «вредного найма» подтверждается и материалами ведомостей Саткинского и Златоустовского заводов. Так, полугодовая ведомость Златоустовского завода за вторую половину 1762 г. сообщает, что «точно при строении того завода мастеровые и работные люди находились, разных уездов и изъ разных чинов по пашпортамъ, которые не выработавъ по договорам сроков и забравъ денегъ, ушли в разных годехъ на прежняя жилища»⁷⁴⁷.

В этой связи понятно, почему именно крепостные преобладают в структуре заводских кадров. Вопрос стоит лишь в соотношении собственных крепостных из вотчин заводовладельцев и купленных для заводских работ крепостных у других помещиков. Этот вопрос представляет интерес для исторической науки поскольку позволяет уточнить наши представления о возможностях заводчиков приобретать рабочую силу.

Важно посмотреть также различия в юридическом статусе крепостных работников и их фактическом положении. И здесь нам опять-таки помогут материалы заводских ведомостей.

По вопросу о соотношении собственных крепостных и купленных работников мы видим, что собственных крепостных на порядок больше. И если на Златоустовском заводе с 1761 по 1774 гг. их доля сокращается с 84,8 % до 62,1 %, то на Саткинском заводе эта доля даже немного растет – с 52,6 % до 53,8 % (см. таблица № 1). Доля же купленных крепостных на Златоустовском заводе вообще не столь существенна и не превышает 20 %, тогда как на Саткинском заводе достигает почти половину всех работников (см. таблица № 1). С чем связаны подобные тенденции?

Ведомость Саткинского завода Александра Строганова за первую половину 1761 г. сообщает, что «для содержания оногo завода по дозволителному изъ Г[о]с[у]д[а]рьственной Камеръ Коллегии указу ис`Пермских Его Высокородия вотчинъ крепостныхъ крестьянь переведено на поселение»⁷⁴⁸. Это обстоятельство можно объяснить тем фактом, что вновь организуемые заводы нуждались в дешевой рабочей силе, на приобретение которой не нужно было тратить сколько-нибудь серьезные средства. Кроме того, если заводчиками этих предприятий выступают крупные помещики, коими являлись Строгановы, то поче-

⁷⁴⁷ Там же: Л. 61.

⁷⁴⁸ ГАСО; Д. 1539. Л. 64.

му бы им не использовать собственный ресурс для пополнения рабочих кадров. К тому же, покупные крестьяне использовались в основном на временных работах, что так же подтверждается ведомостями⁷⁴⁹. Но здесь есть одно весьма любопытное обстоятельство...

По социальному статусу большая часть заводских кадров – это крепостные. Именно из их числа формируется штат плотников, мастеров, подмастерье. Вольнонаемные работники выполняют в основном подсобную работу. Наконец, из крепостных формируется и приказчий корпус. Разумеется, это должны были быть работники, которым заводчик мог доверять (особенно, если он сам длительное время не жил на заводе). Поэтому не только экономический мотив, но и фактор личного доверия, личного отношения между заводчиком и работником часто играл весьма значимую роль в процессе комплектования рабочих кадров на заводах. Данное обстоятельство подтверждается документально. Так, Ларион Лугинин 17 августа 1781 г. выписывает доверенность на имя своего приказчика, Акима Чукносова, на получение купчей на землю, купленную в Карытабынской и Барытабынской волости у башкир⁷⁵⁰. Поэтому говорить, что крепостные работники составляли наиболее бесправную категорию заводских кадров – не совсем верно.

Интересно одно обстоятельство. В канцелярию Главного Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов Правления каждые полгода со всех заводов округа поступали полугодовые ведомости о состоянии и действии этих заводов. Однако ведомости Златоустовского и Саткинского заводов регулярно задерживались. Так февраля 1761 г. доношение сообщает, что «общая ведомость, о написанных во оной заводах в здешнемъ началстве сочинена, и при семь во оную канцелярию послана. А таковых ведомостей из Авзяно-Петровской его высокографского сиятельства Петра Ивановича Шувалова, и корпинейщика ево коллежского ассесора Козмы Матвеева, из Вознесенской барона г[о]с[по]д[и]на фон Сиверса, Троицкой Саткинской барона г[о]с[по]д[и]на Строганова, из Златоустовской заводчиковъ Масаловых кантор, по подтвердителным от здешняго началства в те канторы указом в присылке еще и по ныне не имеется. А когда присланы будутъ, то и во оную канцелярию донесено будетъ неукосительно»⁷⁵¹. Данное обстоятельство демонстрирует тяжелое экономическое положение этих заводов, поскольку, по нашему мнению, несвоевременная посылка ведомостей говорит только об одном – простоях в производстве (поскольку нет показателей, по которым можно было бы отчитаться). Так же это обстоятельство

⁷⁴⁹ Там же: Л. 100 об. – 101.

⁷⁵⁰ Доверенность фабриканта Лариона Лугинина Златоустовского завода своему приказчику Акиму Чукносову от 17 августа 1781 г. // Челябинская старина: материалы к истории языка и деловой письменности XVIII века. 2004: 177.

⁷⁵¹ ГАСО: Д. 1539. Л. 78.

свидетельствует о существенном кадровом голоде – общей проблеме большинства уральских заводов XVIII в.

Настало время подвести некоторые итоги. Кадровый голод – это проблема не только Златоуста и Сатки. Это проблема всего региона. Покупать крепостных, привозить их из вотчин – единственно возможный выход. Больше работников взять было просто неоткуда.

Кадровая политика на заводах Южного Урала в начальный период заведения производств не отличалась принципиально от ситуации на Среднем Урале: как и в главном горнозаводском центре, основу комплектования профессиональных кадров составляли крепостные (покупные или собственные, чаще – собственные) переведенные из вотчин крестьяне. Заводы Южного Урала испытывали больше проблем с комплектованием кадров, чем мануфактуры Среднего Урала. И Златоуст, и Сатки – часть общей картины состояния кадрового вопроса на Урале. И это общее состояние можно описать следующим образом:

1. На данных заводах наблюдается абсолютное преобладание крепостных работников в общей структуре кадров, причем в случае с обоими заводами именно собственных крепостных. На Златоустовском заводе это проявляется более ярко, чем на Саткинском (см. таблица № 1).

2. Можно отметить тенденцию практически полного отсутствия использования труда приписных крестьян. Все ведомости того периода буквально «пестрят» сообщениями об отсутствии приписных крестьян⁷⁵². На Златоустовском заводе при этом к середине 1770-х гг. немного (чуть более 13 %) приписных появляется, на Саткинском же заводе их так и не было. Работника нанимали, он получал плату и просто исчезал, не выполнив объем работы (не нужно забывать – поблизости был беспокойный башкирский район, кроме того, многие работники нанимались из самих башкир⁷⁵³). Они не учитывались в общей статистике работников, но наносили производству существенный вред.

В любом случае, оба эти завода – и Златоуст, и Сатки – наряду с другими заводами региона постепенно эволюционировали в сторону капиталистических способов организации производства и комплектования кадров, что наложило свой отпечаток на развитие промышленности в Российской империи как в дореформенный, так и в пореформенный период. Но это – предмет специальных исследований...

Список источников и литературы

ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф. 24: Уральское горное управление. Оп. 1. Д. 1539, 1541, 1687, 1731, 1751, 1786, 1803, 1816, 1821, 2525.

⁷⁵² См. напр.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1539. Л. 64.

⁷⁵³ Там же. Д. 1803. Л. 38.

Редин Д. А., Шашков А. Т. 1996 – Редин Д. А., Шашков А. Т. История Урала: С древнейших времен до конца XVIII века. – Екатеринбург, 1996.

Челябинская старина: материалы к истории языка и деловой письменности XVIII века 2004 – Доверенность фабриканта Лариона Лугинина Златоустовского завода своему приказчику Акиму Чукносову от 17 августа 1781 г. // Челябинская старина: материалы к истории языка и деловой письменности XVIII века: Ч. 2 – 3 / сост. Н. А. Новоселова, Е. П. Злоказова. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2004. – С. 177 (документ № 14).

Andrey L. Ustinov

**SEVERAL ASPECTS OF ACQUISITION OF PERSONNEL
AT THE URAL FACTORIES IN 1760 – 1770 TH (ON EXAMPLE
OF SATKINSKY AND ZLATOUSTOVSKY FACTORIES)**

In article questions of acquisition of working and administrative shots at Satkinsky and Zlatoustovsky factories in the third quarter of XVIII century are considered. The author gives the analysis of social structure of factory shots, tries to track communication between the social status and actual position of workers. In article communication of personnel selection of plant owners and social relations in Russian empire is shown XVIII centuries.

Keywords: social policy, personnel selection, plant owners, employment, serf work.

УДК 94(470.5)"1917/18":614.255

Код ВАК 07.00.02; 07.00.09

Г.Н. Шапошников

ВЛАСТЬ И ВРАЧИ В 1917 – 1918 ГГ.

В статье проведен анализ политических предпочтений медицинской интеллигенции в ходе революции 1917 г. и первых месяцев советской власти. Отмечается, что большинство врачей сдержанно относилось к смене политических режимов. На примере Урала автор показал, что среди многих причин, которые оттолкнули медиков от советской власти, стали классовый подход к медицине со стороны большевиков, их недоверие к врачам, и политика развала империи.

Ключевые слова: революция, Российская империя, классовый подход к медицине, врачи, уральская система здравоохранения.

Шапошников Геннадий Николаевич, зав. кафедрой истории, экономики и правоведения Уральского государственного медицинского университета (620219, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3), доктор исторических наук, доцент.

Империи создаются и существуют веками, на определенных этапах исторического развития они играют положительную роль, но по мере национального пробуждения различных этносов, входящих в имперскую государственность, усиления колониального или иного гнета, начинается их кризис, и рано или поздно империи уходят с исторической арены, уступают место мононациональным государственным образованиям. Как правило, крушение империй происходит в эпохи социальных трансформаций. Российская империя рухнула в результате мировой войны и революции 1917 г., эти события вошли в отечественную историю как «русская смута» начала XX в.

На 2017 г. проходит столетний юбилей революционных событий в России. Сегодня в нашем обществе существуют неоднозначные оценки 1917 г. В большинстве работ историков медицины утвердилось мнение, что в ходе Октябрьской революции врачи поддержали все мероприятия большевиков. Е.И. Чазов, Н.Н. Блохин, Т.С. Сорокина и др. авторы утверждают, что уже в первые месяцы существования новая власть смогла развернуть реформы народного здравоохранения, которые позволили СССР встать на один уровень с медициной Европы. Революция провозгласила одной из ведущих социальных целей – оздоровление всех трудящихся. Эти гуманистические устремления молодой революционной власти привлекли на ее сторону лучшие медицинские силы России⁷⁵⁴.

Сегодня эта панегирическая оценка уступает место более критическому осмыслению политических предпочтений медицинской общественности к событиям 1917 – 1918 гг.

Практически все исследователи обратили внимание на то, что медики приветствовали свержение самодержавия и весной 1917 г. выступали за дальнейшее имперское развитие России. На первом этапе революции (февраль – июнь 1917 г.) в их среде преобладала вера в обновление страны, традиции русской государственности, единство всех ее населявших народов. Самая влиятельная общественная организация медиков – Пироговское общество, единодушно поддержала Временное правительство. В апреле 1917 года состоялся Чрезвычайный съезд этого общества, на котором была высказана полная поддержка новой власти, предложены рекомендации по созданию новой системы здравоохранения.

Gennadi N. Shaposhnikov, Head of the Department of History, Economics and Law Ural State Medical University (620219, Repin street 3, Ekaterinburg, Russia), Doctor of History, associate professor.

Телефон/Phone: +79632721273 Электронная почта/E-mail: history@usma.ru

© Шапошников Г. Н., 2017

⁷⁵⁴ См.: Чазов, Блохин, Лидов 1987; Сорокина 2009; 50 лет советского здравоохранения 1967.

ния в империи и избран Центральный врачебно-санитарный совет (ЦВСС), работавший при Временном правительстве⁷⁵⁵.

Уже летом 1917 г. революционный оптимизм и вера в либеральные правительства среди врачей заметно упали. На первое место стали выходить усталость от революционного развала, социальной неустойчивости, неспособности двух временных правительств решить элементарные проблемы сохранения здоровья нации. События весны – лета 1917 г. отражали непрерывный кризис либерализма в России. Хорошие либеральные политики оказались плохими хозяйственниками. Население получило свободу, а вместе с ней анархию, голод, бандитизм, развал страны. Медицинская интеллигенция болезненно отреагировала и на самостоятельность национальных анклавов, которые в это время выдвинули лозунги отделения от Российской империи. В результате, в среде медиков усилилось стремление к порядку и общественной стабильности. Осенью 1917 г. среди медицинской общественности возобладала политическая апатия и усталость. Одно из причин недоверия к временным правительствам была и неспособность последних остановить развал российской империи.

В октябре 1917 г. к власти пришли большевики. Новая власть выдвинула большую программу преобразований, в т.ч. право наций на самоопределение. В качестве одной из первоочередных задач ленинцы провозгласили и охрану здоровья трудящихся.

Для осуществления новой программы здравоохранения нужна была поддержка медицинского персонала. Между тем, в медицинской среде в конце 1917 – начале 1918 г. наблюдался социальный раскол. Приход к власти большевиков представители российского врачебного сообщества встретили отрицательно. Многие врачи поддержали новую власть, и призвали коллег к сотрудничеству с ней. Большинство медицинской общественности заняло выжидательную позицию, часть ее открыто выступила против новой власти.

Открыто высказали отрицательную позицию по отношению к советам медперсонал Главного управления Российского общества Красного Креста, медицинских органов Земского и Городского союзов, Главного и Окружного военно-санитарных управлений, а также Пироговское общество врачей и других организаций, которые пользовались авторитетом у медицинского персонала⁷⁵⁶. В марте 1918 г. на чрезвычайном съезде пироговского общества в Москве прозвучали призывы к организации профессиональных объединений и забастовок против советской власти. Вскоре был создан Всероссийский союз профессиональных объединений врачей, который поддержал призывы чрезвычайного пироговского съезда.

⁷⁵⁵ Чрезвычайный пироговский съезд 2017.

⁷⁵⁶ Чазов, Блохин, Лидов 1987: 12–13.

«Объявление бойкота врачам-большевикам <...> имело место в ряде городов, — пишет в своих воспоминаниях о тех событиях 1917 года С.И. Мицкевич, — оно было увенчано постановлением центрального органа врачебной общественности — правления Пироговского общества, которое на своем заседании 22 ноября приняло грозное воззвание против большевиков вообще и против врачей-большевиков в частности, призывая к бойкоту»⁷⁵⁷. В противовес этим действиям часть медицинских работников организовала свой профессиональный союз, стоящий на платформе советской власти, и призвала медицинскую интеллигенцию к поддержке Советской власти⁷⁵⁸. Большевики жестоко разделивались с оппозицией в медицинской среде, вплоть до арестов их лидеров. Тем не менее, весной 1918г. социальный раскол и политическая поляризация в среде медицинской общественности заметно усилились, а общая ситуация в медицине оставалась кризисной.

Социальный и культурный раскол среди врачей нарастал и в регионах, в частности на Урале. Одна из первых исследователей истории медицины Урала, доктор медицинских наук, профессор В.Т. Селезнева, отметила, что после революции (имеется ввиду Октябрьская революция 1917 г.) становление здравоохранения на Урале проходило в сложной обстановке, но все медицинские работники Пермской губернии продолжали работать на своих местах, случаев саботажа не наблюдалось⁷⁵⁹. Это утверждение, на наш взгляд, нуждается в определенной коррекции.

На сотрудничество с новой властью, безусловно, пошла определенная группа медиков края, особенно фельдшеров. Многие из них были убежденными большевиками, другие увидели новые возможности социальных лифтов и карьеры. В это время в четырех уральских губерниях насчитывалось не более двух сотен врачей, и большинство медицинских специалистов отнеслись к советской власти сдержанно, если не враждебно, придерживаясь принципа, что «медицина вне политики».

Весной 1918 г. на Урале был создан первый орган, ответственный за развитие медицины — Уральский областной наркомат здравоохранения. Одним из первых его начинаний было привлечение медицинского персонала на сторону советской власти. Для этого была сделана попытка собрать областной съезд медицинских работников в Екатеринбург уже в марте 1918 г. На нем предполагалось обсудить проблемы организации новой системы здравоохранения, привлечь медицинских работников к участию в строительстве советской власти. Эта попытка не удалась, на съезд прибыл только один депутат от Ирбита, другие медики игнорировали призывы новой власти⁷⁶⁰.

⁷⁵⁷ Дмитрий Степанов 2017.

⁷⁵⁸ Виноградов 1954: 21. См. также: Русаков 1918.

⁷⁵⁹ Селезнева 1997: 75–76, 124.

⁷⁶⁰ ГАСО: Д. 18. Л. 7.

Выжидательная позиция врачей в конце 1917 – начале 1918 гг. объяснялась и тем, что уральские коммунисты и эсеры не доверяли врачам. Следует учесть, что в период социальных трансформаций особое значение приобретают обостренные классовые и культурные противоречия, и обе стороны социального конфликта живут по правилу: «кто не с нами, тот против нас». Новые правители считали врачей представителями интеллигенции, по понятиям того времени, интеллигенция – враг диктатуры пролетариата и крестьянства. От врачей требовали открытой поддержки новой власти, активной позиции во всех ее начинаниях. Так, в Камышловском уезде медицинский персонал не поддержал ни одного призыва местного комиссара здравоохранения, учителя Полузадова. При этом медики организовали противотифозный отряд, поскольку в уезде появились тифозные больные. Комиссар объявил всех врачей саботажниками и вредителями⁷⁶¹.

Это взаимное недоверие выпукло проявилось на Первом областном съезде по здравоохранению, который проходил в Екатеринбурге 15-26 мая 1918 г. На него приехал 131 делегат со всего Урала. По профессиональному составу делегаты составляли: 49 врачей, 7 стоматологов, 29 фельдшеров, 11 фармацевтов, 1 сестра милосердия. Остальные были рабочие, крестьяне, служащие советских органов и лица неопределенных профессий. В советской литературе освещалась работа данного съезда, при этом упор делался на его положительное значение, утверждалось, что он заложил новый этап развития медицины в крае, и большинство медиков Урала поддержали его решения⁷⁶². Беспристрастное изучение материалов съезда показывает весьма непростые отношения медицинской общественности и советской власти. Так, по решению мандатной комиссии, врачи получили право только совещательного голоса, представители советов – имели право решающие голоса (из 131 делегата право решающего голоса имели только 86).

Первым докладом в повестке стал вопрос о политическом моменте, который делал товарищ (т.е. помощник) областного комиссара здравоохранения Хирин. В нем докладчик обвинил врачей региона в саботаже. «До революции медицина служила эксплуататорским классам и буржуазии, – отметил он, – задача съезда привлечь врачей на службу пролетариату и крестьянству. Для этого рабочие и крестьяне все вопросы здравоохранения должны взять в свои руки, подобно тому как они взяли власть политическую»⁷⁶³. Эти положения дополнил в своем сокладе областной комиссар здравоохранения доктор Н.А. Сокович, который заявил, что областной комиссариат здравоохранения находится в

⁷⁶¹ Там же. Л. 20.

⁷⁶² См.: «Первейшая задача съезда осуществлена полностью»: 2008: 36.

⁷⁶³ ГАСО: Д. 3.

тяжелейшем положении, причем главная причина этого – саботаж и враждебное отношение врачей к советской власти.

Врачи не согласились с такими обвинениями и призвали съезд не акцентировать внимание на политических моментах, а перейти к обсуждению важных проблем уральского здравоохранения⁷⁶⁴. Врачи потребовали предоставить им право решающего голоса, в противном случае они грозились уйти со съезда⁷⁶⁵. В ответ Н.А. Сокович обвинил врачей в открытом саботаже, предложил арестовать всех медиков, которые покинут съезд и закрыть профсоюз врачей в г. Екатеринбурге⁷⁶⁶. Часть делегатов обвинила руководство съезда в полицейском давлении и покинула съезд. Недоверие к врачам оставалось на протяжении всей работы съезда и в заключительном слове Н.А. Сокович отметил, что именно рабочие и крестьяне, а не буржуазия, закончат детальную проработку всех медицинских вопросов⁷⁶⁷. Таким образом, одна из ведущих задач областного форума по здравоохранению – привлечение медицинской интеллигенции на сторону советской власти – провалилась.

Полемика, развернувшаяся на съезде, показала, что советские чиновники в 1917 – 1923 гг. в вопросах медицины руководствовались принципом классового подхода. Такое понимание общественной роли медицины полностью порывало с гуманистическими принципами пироговского общества и всей профессиональной моралью дореволюционной отечественной медицины. Клятва Гиппократа, которой руководствовались русские врачи, требовала оказания помощи всем пациентам, независимо от их социального, национального, конфессионального положения. Отметим, что классовый подход в медицине появился не в России, а сформировался из социального похода врачевания аграрных, традиционных обществ (услуги врачевания оказывались в соответствии с социальной или кастовой принадлежностью пациента). С появлением классов в раннеиндустриальном обществе, социальный подход трансформировался в классовый, и наиболее ярко стал проявляться в XX в. в авторитарных обществах. С момента своего образования в 1918 г., Народный комиссариат здравоохранения РСФСР руководствовался именно классовым подходом. В ходе гражданской войны его активно применяли и белые правительства.

Медицинская интеллигенция все более отходила от большевизма и потому, что по своим идейным, культурным, национальным предпочтениям она оставалась великодержавной. Многие врачи на Урале и в стране не смогли ужиться с советской властью, поскольку считали, что большевики развалили Российскую империю. Им более

⁷⁶⁴ Там же: Д. 18. Л. 3 об., 7.

⁷⁶⁵ Там же: Л. 10.

⁷⁶⁶ Там же: Л. 13.

⁷⁶⁷ Там же: Л. 50–51.

подходил лозунг белого движения – возрождения единой и неделимой России. Вот почему врачи Урала приветствовали приход белых летом 1918 г., а через год большинство медиков ушло с армиями Колчака.

Список источников и литературы

- Виноградов 1954** – Виноградов Н. А. Здравоохранение в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. – М.: Медицина, 1954. – С. 21.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области. Ф. 62: Екатеринбургская городская управа. Оп. 2. Д. 3, 18.
- Дмитрий Степанов 2017** – Дмитрий Степанов. Трудный путь советской медицины. URL: <http://rossaprimavera.ru/article/trudnyy-put-sovetskoj-mediciny> (дата обращения 28.08. 2017).
- Первейшая задача съезда осуществлена полностью 2008** – «Первейшая задача съезда осуществлена полностью»: 90 лет назад прошел Первый Уральский съезд по здравоохранению, заложивший организационные основы нового этапа развития медицины на Урале // Медицина и здоровье. – 2008. – № 6. – С. 36.
- Русаков 1918** – Русаков И. В. Союз медицинского персонала на платформе признания власти Советов. // Известия советской медицины. – 1918. – № 1.
- Селезнева 1997** – Селезнева В. Т. Очерки истории медицины Пермской губернии. – Пермь: ПГМА, 1997. – С. 75-76, 124.
- Сорокина 2009** – Сорокина Т. С. История медицины. Учебник для вузов. – М: Медицина, 2009.
- Чазов, Блохин, Лидов 1987** – Чазов Е. И., Блохин Н. Н., Лидов И. П. 70 лет Советского здравоохранения (1917 – 1987). – М.: Медицина, 1987.
- Чрезвычайный пироговский съезд 2017** – Чрезвычайный пироговский съезд. 04.1917 г. URL: <http://istprof.ru/2374.html> (дата обращения 28.08. 2017).
- 50 лет советского здравоохранения 1967** – 50 лет советского здравоохранения. 1917 – 1967. – М.: Медицина, 1967.

Gennadi N. Shaposhnikov

THE POWER AND DOCTORS IN 1917 – 1918

The article analyzes the political preferences of the medical intelligentsia during the revolution of 1917 and the first months of Soviet power. It is noted that most doctors were reserved about changing political regimes. On the example of the Urals, the author showed that among the many reasons that pushed physicians away from the Soviet government were the class approach to medicine by the Bolsheviks, their distrust of doctors, and the policy of the collapse of the empire.

Keywords: revolution, the Russian empire, the class approach to medicine, doctors, the Urals health system.

УДК 303.446.4:94(37).03
Код ВАК 07.00.09

М.В. Шистеров

**РИМСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ
В ПОСТИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ
(О некоторых особенностях «постколониальной историографии»)**

Статья посвящена концепту «римский империализм» в современной англо-американской историографии. Автор выявляет некоторые особенности новейшей историографии, разбирает ряд дискуссионных вопросов, связанных с пониманием римского империализма, романизации, римскости, коллективной идентичности в Римской империи. В статье рассматриваются новые подходы к пониманию феномена римского империализма.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская империя, романизация, римский империализм, римскость, историография.

«Современная литература о римском империализме... сама по себе является частью империалистического дискурса, удивительно долговечного в постколониальную эпоху», – написал в 1997 году известный британский археолог-романист Дэвид Дж. Маттингли⁷⁶⁸. Мысль, примечательно созвучная общей идее американского культуролога и литературоведа, критика ориентализма Эдварда Саида (1935-2003): «культура Запада» в самом широком смысле слова, включающем и культуру мышления, и, разумеется, такой специфически европейский нарратив, как «историческое исследование», в значительной степени была сформирована новоевропейским империализмом и продолжает сохранять многие присущие ему черты⁷⁶⁹. Своеобразно иллюстрирующий этот тезис англо-американский историографический дискурс о римском империализме, сложившийся более ста лет назад в эпоху «раздела мира» и «Великой войны» усилиями нескольких поколений

Шистеров Максим Валерьевич, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26), кандидат исторических наук.

Maxim V. Shisterov, associate professor of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: mshisterov@rambler.ru.

© Шистеров М. В., 2017

⁷⁶⁸ Mattingly 1997: 8.

⁷⁶⁹ В работе «Культура и империализм» (1993 г.) Э.В. Саид анализирует имперские черты европейской (и американской) культуры на материале, прежде всего, конкретного художественного жанра – романа, но касается и такого нарратива как «историческое исследование» (См.: Саид 2012).

ученых и публицистов, в том числе таких разных авторов, как родившийся в Австралии английский писатель и журналист Уильям Томас Арнолд (1852-1904)⁷⁷⁰, соавтор первого издания «Кембриджской истории древнего мира», член Британской Академии, американский историк-классицист Тенни Франк (1876-1939)⁷⁷¹ или блистательный британский эссеист и историк, «великий ритор теоретического оправдания империи»⁷⁷² сэр Джон Роберт Сили (1834-1895)⁷⁷³, в конце XX века стал для англо-американского антиковедения «историографической привычкой»⁷⁷⁴, однако в новом тысячелетии усилиями историков «критического направления» подвергся «деконструкции». Даже самый поверхностный анализ современной англо-американской историографии представляет достаточно материала для подобных умозаключений.

Упомянутый выше член Британской Академии профессор археологии в университете Лестера Дэвид Дж. Маттингли в недавно опубликованной работе «Империализм, власть и идентичность: опыт Римской империи»⁷⁷⁵ стремится подвергнуть критике по-прежнему распространенную в антиковедении позицию, согласно которой римское влияние на завоеванные территории – провинции, подвергшиеся так называемой романизации, было в основном позитивным. При этом показательно, что британский исследователь концептуально сближает Римскую империю с новоевропейскими «капиталистическими морскими империями» Запада и «американской авианесущей империей» (American airstrip and aircraft carrier empire) конца XX – начала XXI вв., отграничивая ее, в то же время, от прочих архаических империй древности⁷⁷⁶. Следуя разработкам современных «империологов», Д. Дж. Маттингли определяет «империю» как «геополитическую манифестацию отношений контроля, налагаемых государством на суверенитет других» и «как правление над наиболее обширными территориями и многими народами в значительной степени без их на то согласия»⁷⁷⁷. Римский империализм, таким образом, отличается от империализма Нового и Новейшего времени более формой, нежели сущностью: «империализм следует понимать как динамичный и изменяющий форму процесс»⁷⁷⁸. Кроме того, британский исследователь связывает римский империализм (даже

⁷⁷⁰ Arnold 1906.

⁷⁷¹ Frank 1914.

⁷⁷² Саид 2012: 232.

⁷⁷³ Seeley 1889.

⁷⁷⁴ На это, в частности, указывает широкое использование концепта «римский империализм» в таких изданиях, как «Оксфордская история римского мира», новое издание «Кембриджской истории древнего мира»: Boardman (ed.) 2001 (1nd 1986); САН 2006 (1nd 1996); САН 2007 (1nd 2000).

⁷⁷⁵ Mattingly 2011. См. также: Медовичев 2013.

⁷⁷⁶ Mattingly 2011: 7.

⁷⁷⁷ Ibid.: 6.

⁷⁷⁸ Ibidem.

империализмы⁷⁷⁹) с феноменом глобализации и колониализмом⁷⁸⁰, что опять-таки позволяет сближать архаические практики древнего мира с реалиями новейшего времени. Отсюда и весьма скептическое отношение автора к традиционному концепту романизации, предполагающему, как убежден Д. Дж. Маттингли, однолинейное культурное воздействие империи на подвластные территории: «фактически, в каждой провинции империи, и даже в самой Италии, все больше свидетельств местного влияния на сложившуюся культурную модель (cultural pattern), наряду с элементами римской метрополийной или импортированной провинциальной культуры»⁷⁸¹. Британский историк и археолог прямо призывает отказаться от термина «романизация» и «использовать другие интерпретационные рамки для изучения культурного разнообразия империи» (например, модель «креолизации»), разрабатываемую Джейн Уэбстер и ее коллегами по Школе археологии и античной истории в Университете Лестера⁷⁸² и имеющую явные связи с «теоретическим багажом» исследователей, изучающих, к примеру, историю американского рабовладельческого «Юга»⁷⁸³.

Последовательным критиком концепта романизации, остающегося во многом ключевым в дискурсе о римском империализме, является также профессор факультета археологии Даремского университета Ричард Хингли, который справедливо обратил внимание на исторические условия формирования этого концепта, материалом для которого послужила европейская колониальная культура и политическая практика XIX в.⁷⁸⁴ Традиционное представление о романизации как процессе «окультуривания» варваров, привития им римского этоса и законов требует, по мнению автора, коренного переосмысления⁷⁸⁵. Р. Хингли предлагает более сложную концепцию, в рамках которой римские культурные паттерны обеспечивали символические и материальные средства для провинциальных элит, при помощи которых в дальнейшем ими конструировались самостоятельные локальные культурные модели. На основе этих моделей жители римских провинций смогли развить более сложную идентичность, которую они бы никогда не сформировали без участия

⁷⁷⁹ «...не было такого явления, как один-единственный римский империализм; мы должны говорить о римских империализмах и признать, что природа изменяющейся империи была не подвластна какому-либо одному человеку» (Mattingly 2011: 17)

⁷⁸⁰ Ibid: 15-17, 30 ff.

⁷⁸¹ Ibid: 40.

⁷⁸² Дж. Уэбстер понимает креолизацию не только как «лингвистический термин, указывающий на слияние двух языков в один смешанный диалект», но как термин, пригодный для обозначения процессов «мультикультурной подгонки, в результате которой возникли афро-американское и афро-карибское общества», предлагая использовать его для интерпретации «материальной культуры (включая искусство) в римских провинциях» (см.: Webster 2003: 40 ff).

⁷⁸³ Mattingly 2011: 40-41. Возражения против «романизации»: Ibid: 38-39.

⁷⁸⁴ Hingley 1996.

⁷⁸⁵ Hingley 2005: 2.

Рима, предоставившего им пригодный язык, чтобы выразить ее. Автор подчеркивает, что «географическая протяженность империи и ее историческая стабильность были обусловлены податливостью (*malleability*) римской идентичности... [Римская] культура была не ясным и монолитным феноменом, но скорее способом, при помощи которого определенные люди конструировали смыслы посредством практик символической репрезентации»⁷⁸⁶.

Близкое к интерпретации Р. Хингли понимание «римской идентичности» сформулировала исследовательница римской архитектуры и эпиграфики из Университета Саутгемптона Луиз Ревелл, которая проблематизирует такие понятия, как «римский» и/или «римлянин» (*Roman*), ставит задачу «деконструировать» их, понятийно и концептуально апеллируя к постмодернистским исследовательским техникам⁷⁸⁷. Сложность определения указанных понятийных категорий, которая часто скрадывается в конкретно-исторических исследованиях, заключается, по мнению автора, в том, что под ними может пониматься и тип материальной культуры, и этническая принадлежность, и географическое местоположение, и хронологический период, и многое другое. Как альтернативу традиционным ограниченным и неаутентичным концептам «романизации» и/или *Romanitas*, Л. Ревелл использует понятие «римскость» (*Roman-ness*), которое определяется через интерпретацию «римского» как «дискурса *возможного*». Таким образом, «римская идентичность» трактуется как постоянно воссоздаваемая в повседневной практике через социальные механизмы, религиозные действия и символическое пространство «римского» города этика поведения: «Для провинциалов римская идентичность проживалась в практических знаниях о том, как действовать в меняющемся социальном контексте, принимая соответствующие роли»⁷⁸⁸. Вместо единого, монолитного и нерасчлененного представления о «римской идентичности» появляется «несметное число потенциальных интерпретаций» того, что значит «быть римлянином»⁷⁸⁹.

Некоторую двойственность отношения к Римской империи современных англо-американских историков усматривает профессор античной истории Университета Эдинбурга Эндрю Эрскин, подчеркивая, что «постколониальный» дискурс не смог в полной мере освободиться от влияния империализма⁷⁹⁰. При этом автор справедливо отмечает, что «темой» дискурса о римском империализме является не империя сама по себе, но то, как она создается, осмысливается и поддерживается, а также какую реакцию она

⁷⁸⁶ Ibid: 50.

⁷⁸⁷ Revell 2011: xi. Рецензия на монографию Л. Ревелл: Шистеров 2016.

⁷⁸⁸ Revell 2011: 192.

⁷⁸⁹ Ibid: x.

⁷⁹⁰ Erskine 2010: 5.

провоцирует⁷⁹¹. Э. Эрскин также артикулирует мысль о том, что модель Римской империи была «принята на вооружение» политическими элитами Европы в пост-римскую эпоху (Священная Римская империя, «новый Рим» Наполеона «с его памятниками, изображениями и названиями в римском стиле», викторианская Британия и др.) и, таким образом, модернизированная, «дожила» до настоящего времени, так как «более мощные государства продолжают навязывать свою волю более слабым»⁷⁹².

Тезис об «архетипичности» Римской империи для политической архитектуры Запада в Новое и Новейшее время отстаивает и профессор Бристольского университета Невилл Морли в работе «Римская империя: корни империализма»⁷⁹³. Задачу современного исследователя он видит в том, чтобы «понять Рим и его непрекращающееся влияние, с целью подорвать его власть над современным воображением»⁷⁹⁴.

Таким образом, в «постимпериалистической» (или «постколониальной»), что в нашем случае одно и то же) исследовательской перспективе меняется трактовка «римского империализма», который современным ученым представляется многогранным феноменом, существующим в различных формах и контекстах, переплетенных в сложную сеть отношений между людьми, социальными группами, коллективами общин, провинциальными и имперскими властями. При этом основные структурные элементы «римского империализма» по-прежнему видятся исследователям в римской религии, урбанизме и культе императора: эти «структуры воспроизводят римскую власть, римское общество, римскую культуру, притом, что существует общее понимание того, что значит быть римлянином»⁷⁹⁵. Такой подход не отрицает (часто даже подчеркивает!) значение превосходящей военной силы Рима, который мог в случае необходимости (как то не раз бывало в действительности) сломить сопротивление инсургентов. Вместе с тем, некоторые исследователи переносят акцент на «союз интересов завоеванных с интересами завоевателей»⁷⁹⁶ через формирование «широкого дискурса римской идентичности» посредством «принятия» и последующего воспроизведения, трансляции в разных формах и с использованием конкретных адаптационных механизмов, «римских» (или квази-римских) представлений о «правильной жизни» в политическом, социальном и культурном отношении⁷⁹⁷.

В отличие от классического дискурса римского империализма эпохи модерна, который, главным образом, артикулировал вопрос о том,

⁷⁹¹ Ibid.: 3.

⁷⁹² Ibid: 3-4, ff.

⁷⁹³ Morley 2010. Основательная рецензия на эту работу: Махлаюк 2013.

⁷⁹⁴ Morley 2010: 135.

⁷⁹⁵ Revell 2011: 191.

⁷⁹⁶ Ibidem.

⁷⁹⁷ О роли языка в конструировании имперской идентичности см., например, новейшее исследование Клифорда Андо: Ando 2015: 46-47, ff.

каким образом Риму удавалось в течение длительного времени удерживать аннексированные территории и распространять на них свои законы и культуру (в форма «романизации»), современный дискурс составляют две противоборствующие тенденции: рассмотрение империализма с точки зрения опыта, который может быть осмыслен, заимствован и развит в современных условиях и анти-империалистического взгляда, пропагандирующего отказ от данной формы организации политической жизни как глубоко архаичной, агрессивной и потенциально опасной.

Список источников и литературы

- Махлаюк 2013** – Махлаюк А. В. «Архетипическая империя» в контексте современного империализма (Рец.: Morley N. Roman Empire: Roots of Imperialism. London – New York: Pluto Press, 2010. X, 160 p.) // Вестник древней истории. – 2013. – № 1. – С. 222-231.
- Медовичев 2013** – Медовичев А. Е. Мэттингли Д. Дж. Империализм, власть и идентичность: Опыт Римской империи (Рец.: Mattingly D. J. Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire. – Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2011 – XXIV, 343 p.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. – 2013. – Вып. 4. – С. 34-48.
- Саид 2012** – Саид Э. В. Культура и империализм. – СПб., 2012.
- Шистеров 2016** – Шистеров М. В. Восемь ликов римского империализма (Рец. на кн: Revell L. Roman imperialism and local identities. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 221 p.) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 3. – С. 274-286.
- Ando 2015** – Ando C. Roman Social Imaginaries. Language and Thought in Contexts of Empire. – Toronto; Buffalo; London, 2015.
- Arnold 1906** – Arnold W. T. Studies of Roman Imperialism. – Manchester, 1906.
- Boardman (ed.) 2001** – The Oxford History of the Roman World / Eds. J. Boardman, J. Griffin, O. Murray. – Oxford; New York, 2001 (first published 1986).
- САН 2006** – The Cambridge Ancient History. 2nd ed. X: The Augustan Empire, 43 B. C. – A. D. 69 / Eds. A. K. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. – Cambridge, 2006 (first published 1996).
- САН 2007** – The Cambridge Ancient History. 2nd ed. XI: The High Empire, A. D. 70-192 / Eds. A. K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. – Cambridge, 2007 (first published 2000).
- Erskine 2010** – Erskine A. Roman Imperialism. – Edinburgh, 2010.
- Frank 1914** – Frank T. Roman Imperialism. – New York, 1914.
- Hingley 1996** – Hingley R.

- Hingley 2005** – Hingley R. Globalising Roman Culture: Unity, Diversity and Empire. – London; New York, 2005.
- Mattingly 1997** – Mattingly D. J. Dialogues of Power and Experience in the Roman Empire // Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse and Discrepant Experiences in the Roman Empire / Ed. D. J. Mattingly. Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series no. 23.
- Mattingly 2011** – Mattingly D. J. Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire. – Princeton, 2011.
- Morley 2010** – Morley N. The Roman Empire: Roots of Imperialism. – London; New York, 2010.
- Revell 2011** – Revell L. Roman Imperialism and Local Identities. – Cambridge; New York, 2011 (first published 2009).
- Seeley 1889** – Seeley J. R. Roman Imperialism, and other Lectures and Essays. – Boston, 1889.
- Webster 2003** – Webster J. Art as Resistance and Negotiation // Roman Imperialism and Provincial Art / Eds. S. Scott, J. Webster. – Cambridge; New York, 2003.

Maxim V. Shisterov

ROMAN IMPERIALISM IN THE POSTIMPERIALISTIC PERSPECTIVE

(About some features of postcolonial historiography)

The article is devoted problem of Roman imperialism in interpretation of actual British and American historiography. The author considers some controversial issues related to the definition of Roman imperialism, Romanization, Roman-ness, local identities in the Roman Empire. The article demonstrated new approaches to understanding the phenomenon of Roman imperialism.

Key words: Ancient Rome, Roman Empire, Romanization, Roman imperialism, Roman-ness, historiography.

УДК 94(73)"17"

Код ВАК 07.00.09; 07.00.03

В.А. Шихов

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ США В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Шихов Владимир Анатольевич, аспирант исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); учитель истории и обществознания в МОУ Гимназия (г. Нижняя Салда).

Vladimir A. Shikhov, postgraduate student of the historical faculty of the Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Teacher of History and Social Science of Gimnasium (Russia, Nizhnyaya Salda). Телефон/Phone 89193916894. Электронная почта/ E-mail: shihoff2013@yandex.ru

Статья посвящена политическим альтернативам развития Соединенных Штатов Америки в период между Войной за независимость и выборами третьего президента США в 1800 году. В статье говорится о противостоянии демократических, республиканских, с одной стороны, и монархических, авторитарных элементов в процессе построения американского государства. Анализируются причины преобладания тех или иных политических сил на американской внутренней арене в конце XVIII в., рассматриваются векторы развития американского общества.

Ключевые слова: Филадельфийский конвент, Конституция 1787 года, федералисты, джефферсоновские республиканцы, институт президентства США.

В 1800 г. в Соединенных Штатах Америки произошло событие, которое во многом изменило внутри- и внешнеполитический вектор развития молодого государства, изменило сущность, содержание, принципы управления самой большой и молодой республики в мире. В результате президентских выборов, проходивших еще не по современной, знакомой нам, системе, победу одержала партия демократических республиканцев, а федералисты, которые все эти годы после Филадельфийского Конвента 1787 г. находились у власти, потерпели полное поражение⁷⁹⁸. Их кандидат, действующий президент США Джон Адамс набрал меньше голосов, чем любой из двух кандидатов-республиканцев – Томас Джефферсон и Аарон Бурр. По иронии судьбы, именно федералистам и их лидеру Александру Гамильтону, пришлось выбирать в Палате представителей, кто – Джефферсон или Бурр – будет третьим президентом Соединенных Штатов. Именно это событие, победивший кандидат в президенты Томас Джефферсон определил как революцию 1800 г., не уступающую по важности революции 1786 года. «Революция 1800 г. означает столь же осязаемую революцию в принципах управления, как и революция 1776 года в государственных формах»⁷⁹⁹.

В чем же причины столь резкой смены государственного курса, почему федералисты – фактически создатели Конституции и основатели государства – спустя всего 12 лет после первых президентских выборов вчистую проиграли выборы 1800 г., а спустя полтора десятка лет и вовсе исчезли с политической арены США? Это было обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, острыми фракционными распрями среди федералистов, внутривнутрипартийной борьбой между партийным лидером Александром Гамильтоном и действующим президентом и кандидатом на второй срок Джоном Адамсом. Во-вторых, огромным авторитетом лидеров республиканцев – Томаса Джефферсона и Джона Мэдисона (также бывшего федералиста, фактически автора Конституции, покинувшего партии из-за разногласий с А. Га-

© Шихов В. А., 2017

⁷⁹⁸ История США 1984: 254.

⁷⁹⁹ Там же: 258.

мильтоном). В-третьих, непопулярными у народных масс, особенно западных и южных штатов, социально-экономических мероприятий федералистов за время пребывания их у власти (создание постоянной армии, введение высоких прямых налогов, увеличение государственного долга, опора на буржуазно-торговую аристократию Новой Англии и т.д.). В-четвертых, непопулярной внешней политикой федералистской партии (сближение с монархической Великобританией и конфронтация с республиканской Францией, что вызывало неудовольствие у населения молодой республики, которое помнило Войну за независимость против Британии и тогдашнюю помощь французам). В-пятых, неспособность республиканцев во главе с Т. Джефферсоном за предшествующее десятилетие смогли создать более действенную и сплоченную организацию, чем их федералистские оппоненты.

Но основной причиной победы республиканцев на президентских выборах стало то, что они предложили новые, более демократические пути развития США, от которых на протяжении 12 лет пребывания у власти отказывались федералисты и их президенты Дж Вашингтон и Дж. Адамс. Уже в инаугурационной речи в марте 1801 года Т. Джефферсон потребовал восстановить принципы народовластия, демократии, республиканской формы правления⁸⁰⁰. К неотложным мерам, которые необходимо было провести в первую очередь, Т. Джефферсон называл отмену прямых налогов, уменьшение армии, ликвидацию государственного долга и национального банка. Но главное, и это нашло отклик в сердцах простых американцев, Т. Джефферсон обещал вдохнуть жизнь в Билль о правах, который вступил в силу еще в 1791 г., но фактически не применялся в реальной политической жизни в течение 10 лет. Именно в этом кроется причина победы республиканской партии. Из двух альтернатив развития молодой американской государственности движение в направлении создания сильного централизованного государства или в направлении формирования народного государства, гражданского общества – на данный исторический момент победила вторая альтернатива. Остановимся подробнее на этих двух вариантах развития американского государства.

В первом приближении их можно обозначить как: монархический и республиканский. В чем же суть, основополагающие аспекты этих двух путей развития? Почему во второй половине 1780-х гг. победили сторонники сильного государства с элементами монархии (федералисты), а уже к 1800 г. победа демократических сил, сторонников народовластия и государства простого человека не вызвала сомнений, что воплотилось в таких понятиях, как «Джефферсоновская демократия», «Эра доброго согласия» и, наконец – «Джексоновская демо-

⁸⁰⁰ Там же: 258.

кратия». Первая половина XIX в. – это торжество республиканской демократической альтернативы над центристской монархической.

Но не все так очевидно было в отношении будущего государства сразу после окончания Войны за независимость. Недаром постреволуционный период в исторической литературе часто именуют «критическим», в связи с тем, что судьба молодого государства выглядела неопределенной⁸⁰¹. Борьба шла между сторонниками сильных штатов и слабого центра, демократами-децентралистами и сторонниками сильного централизованного государства, федералистами.

Современные историки однозначно оценивают необходимость создания подобного государства с сильным федеральным центром. Исключение составляет М. Дженсен, доказывающий, что американская конфедерация доконституционного образца, созданная в годы революции, справлялась с возникающими проблемами, и поэтому отсутствовали объективные предпосылки для создания государства по федералистскому образцу. В 1786-1787 гг. политические лидеры федералистов, прежде всего А. Гамильтон, Дж. Мэдисон и Дж. Адамс, идеологически обосновали необходимость создания сильного национального государства. Создание такого государства отвечало потребностям, прежде всего, торгово-промышленного класса и высших элит американского общества. Поэтому неудивительно, что согласно распространенной в американской историографии точке зрения, сформированной представителями прогрессистской школы, федералисты и сторонники централизации были исключительно представителями элит и высших классов, прежде всего Новой Англии. Именно они были заинтересованы в создании подобного государства⁸⁰².

Однако вопрос о создании сильного централизованного государства в сознании американцев того времени был тесно увязан со степенью демократизации и общественной свободы. Логика рассуждений демократов времен борьбы за Конституцию, будущих джефферсоновских республиканцев, была простой: больше государства – меньше демократии. Поэтому во время дебатов по поводу содержания принимаемой Конституции демократы-децентралисты, а вслед за ними и многие простые американцы, опасались, что результаты Революции 1776 г. окажутся под угрозой. Опасались и того, что подобная Конституция, создаваемая по федералистским лекалам, угрожает демократическим республиканским завоеваниям, отнимает у американцев свободу, может привести к усилению монархических элементов в американской политической реальности, а в конечном счете и к установлению монархии в том или ином виде, «суррогатной монархии». Многие про-

⁸⁰¹ Согрин 2013: 43.

⁸⁰² Согрин 1980: 194-200.

тивники конституции искренне верили, что федералисты ведут страну к монархическому будущему.

Действительно, филладельфийский конвент, находившийся под сильным влиянием лидеров федералистов, прежде всего А. Гамильтона и Дж. Мэдисона, сделал выбор в пользу чрезвычайно сильной и единой исполнительной власти. Первое столкновение между монархической, авторитарной альтернативой, олицетворяемой федералистами, и демократической, республиканской альтернативой в лице демократов, закончилось убедительной победой первых во главе с А. Гамильтоном, сильнейшим и влиятельнейшим американским политиком конца XVIII в.

Следует ответить, что многие представители тогдашних американских элит, чьи интересы и выражали федералисты, и большинство делегатов Конвента, утратили веру в революционные идеалы 1776 г. и были разочарованы в достижениях Революции. Многие были согласны с богатым новоанглийским купцом Бенджамином Таппаном, заявившим в 1787 г., «что американскому обществу необходима хорошая доза монархизма в противовес демократическим крайностям американского народа»⁸⁰³. В течение десятилетия после принятия Декларации независимости многие лидеры-революционеры пришли к выводу, что последствия совершенной ими республиканской революции совсем не те, которых они ожидали. Вместо одной американской республики была создана конфедерация тринадцати республик. Подобная конфедерация не обладала полномочиями для налогообложения и регулирования торговли, была несостоятельна на международной арене. Недаром Дж. Мэдисону казалось в те дни, что «весь американский эксперимент в области республиканизма поставлен под угрозу... и что надо найти республиканское лекарство от болезней, наиболее присущих республиканскому правлению»⁸⁰⁴. И хотя Филладельфийский конвент собрался в мае 1787 г. с целью внесения поправок в статьи Конфедерации, на самом деле делегаты под руководством Дж. Мэдисона и других федералистов выбросили этот документ, лежавший в основе государственного устройства тогдашнего американского государства, в мусорную корзину и составили совершенно новую Конституцию, на что никакого права не имели. Фактически, федералисты, с принятием Конституции, совершили контрреволюционный переворот, направленный против демократических республиканских ценностей в пользу более авторитарной, скорее монархической, чем республиканской, формы правления.

Новая Конституция создала не конфедерацию отдельных штатов, а новую мощную централизованную общенациональную республику. Главным врагом для себя это новое государство во главе с федералистами считало народную демократию. В целях обуздания демо-

⁸⁰³ Вуд 2016: 294.

⁸⁰⁴ Там же: 298.

кратии, новому правительству требовалось больше власти. Власть же, согласно тогдашней англо-американской теории права и философии, означала монархию. Согласно традиционной концепции сбалансированной, или смешанной, системы правления, избыток демократии требовал противовеса в виде присутствия монархических элементов.

А. Гамильтон, идейный лидер федералистов, еще сильнее Дж. Мэдисона, был разочарован в демократических последствиях Революции. Всей своей деятельностью в 1780-1790 гг. А. Гамильтон и возглавляемая им партия стремились создать централизованное фискально-военное государство. При этом они понимали, что монархические элементы такого государства должны оставаться в республиканских рамках. Главным монархическим элементом в республиканской постройке стал институт президентства. Этот институт обладал такой полнотой исполнительной власти и такими полномочиями, что это дало возможность первому в истории США вице-президенту и второму президенту Джону Адамсу назвать Соединенные Штаты республиканской монархией⁸⁰⁵.

Именно монархия, а конкретнее – английская монархия, стала моделью для нового республиканского правительства во всех отношениях. Исполнительная и законодательная системы власти, финансовая программа первого министра финансов А. Гамильтона с его поклонением перед государственным долгом и созданием национального банка, что во многом было скопировано с британского аналога, внешняя политика с ориентацией на Англию, приоритет внешней торговли (прежде всего с Великобританией) перед развитием внутренней в интересах Новой Англии – все это давало демократам повод говорить о предательстве интересов Америки и американского народа. Парадокс заключается в том, что современное сильное централизованное американское государство было создано федералистами именно в конце XVIII в. Однако сама идея создания такого государства в те времена была отрицательно встречена американским народом, который, в принципе, не санкционировал в 1787 г. его создание, и на выборах в 1800 г. привел к власти на ближайшие полвека противников такого государства – джефферсоновских демократов, которые благополучно воспользовались результатами трудов своих идейных политических противников.

Политические партии того времени – федералистов и джефферсоновских республиканцев, – нельзя, конечно, считать партиями в привычном для нас виде. Федералисты в 1790-е гг. рассматривали себя скорее как законное правительство США, а их противниками главным аспектом своего объединения считали вопрос борьбы против превращения Соединенных Штатов в монархию по английскому образцу, возглавляемую федералистами. Когда Т. Джефферсон в 1800 г. победил на выборах и стал третьим президентом США, он искренне считал,

⁸⁰⁵ Там же: 312.

что спас республику от установления монархии. С его избранием борьба двух альтернатив развития страны закончилась. Придя к власти, джефферсоновцы отошли от жестких принципов республиканизма и взяли на вооружение многие идеи федералистов относительно сильного централизованного государства. Уже 14 марта 1801 г. в инаугурационной речи Т. Джефферсон протягивая «оливковую ветвь» мира сказал: «Мы все республиканцы, мы все федералисты»⁸⁰⁶.

Список источников и литературы

- Болховитинов 1980** – Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. – М., 1980.
- Вуд 2016** – Вуд Г.С. Идея Америки. – М.: «Весь Мир», 2016.
- История США 1983** – История США: в 4-х тт. – Том 1. – М.: Наука, 1983.
- История США 2009** – История США. Подробный справочник. – М.: АСТ, 2009.
- Макинерни 2011** – Макинерни Д. США. История страны. – М.: Эксмо, 2011.
- Макферсон 2012** – Макферсон Дж. Боевой клич свободы. Гражданская война 1861-1865. – Екатеринбург: Гонзо, 2012.
- Римини 2015** – Римини Р. Краткая история США. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015.
- Согрин 2013** – Согрин В.В. Центральные проблемы истории США. – М.: Весь Мир, 2013.
- Согрин 2010** – Согрин В.В. Исторический опыт США. – М.: Наука, 2010.
- Согрин 1980** – Согрин В.В. Идеиные течения в Американской революции XVIII в. – М.: Наука, 1980.

Vladimir A. Shihov

ALTERNATIVES OF THE POLITICAL DEVELOPMENT OF THE UNITED STATES IN THE LATE EIGHTEENTH CENTURY

The article is devoted to the political alternatives of development of the United States between the War for independence and the election of the third President of the United States in 1800. The article talks about the confrontation between democratic, Republican, on the one hand, and monarchical, authoritarian elements in the process of building the American state. Analyzes the reasons for the prevalence of those or other political forces on the American domestic scene in the late eighteenth century, are considered vectors of development of American society.

⁸⁰⁶ История США 1984: 260.

Key words: Philadelphia Convention, the Constitution of 1787, Federalists, Jefferson's Republicans, the presidency of the United States.

УДК 94(47)"18"
Код ВАК 07.00.02

Г.Н. Шумкин, Т.Г. Шумкина

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В статье в качестве инструмента анализа социальных структур предлагается использовать понятие «социальный ландшафт». Предпринимается попытка выделить социальные ландшафты Российской империи середины XIX в. на основе специфических сословных групп. Делается вывод о значительном эвристическом потенциале данного инструмента.

Ключевые слова: Российская империя, сословия, социальный ландшафт, социальная структура, состояние.

Социальная структура Российской империи, как правило, рассматривается в виде иерархии сословий. При этом в пространственном измерении она представляется достаточно однородной – дворян, священников, представителей городских сословий и «сельских обывателей» можно было найти в любой губернии или области Империи. В качестве исключений, лишь подтверждающих правило, указываются казачество и инородцы. Однако при этом упускается из виду два обстоятельства. Во-первых, имперский период был временем активного расширения российского государства, в его состав были включены территории, обладавшие своей оригинальной социальной организацией и своими правовыми традициями (Прибалтика, Крым, земли Речи Посполитой, Бессарабия, Финляндия, районы Северного Кавказа, Закавказья и

Шумкин Георгий Николаевич, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (620990, Россия, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16); кандидат исторических наук.

Georgy N. Shumkin, senior researcher of Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (620990, Russia, Ekaterinburg, Kovalevskoj Street, 16); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 374-53-40. Электронная почта/E-mail: shumk@mail.ru

Шумкина Татьяна Геннадьевна, доцент кафедры философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66); кандидат исторических наук, доцент.

Tatiana G. Shumkina, associate professor of the Department of philosophy and political Sciences of Ural Institute of management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration at the President of the Russian Federation (620990, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 251-77-15. Электронная почта/E-mail: shumkina.77@mail.ru

© Шумкин Г. Н., Шумкина Т. Г., 2017

Центральной Азии, острова Тихого океана, Аляска и др.), и далеко не все местные социальные группы были инкорпорированы с сетку российских сословий. Во-вторых, осваивая обширные пространства, государство создавало специфические (как правило, профессиональные) группы, которые, благодаря набору особых прав и обязанностей, передаваемых по наследству, благодаря барьерам проникновению извне и выходу из этих сообществ, обладали признаками сословий.

В данной работе предпринимается попытка выделить социальные ландшафты Российской империи в 1850-х гг. – в то время, когда сословно-правовая структура достигла апогея в своем развитии. Термин «социальный ландшафт» введен в научный оборот сравнительно недавно и потому общепринятого определения не имеет. Его используют как метафору для общества, проживающего на конкретной территории. Отталкиваясь от дефиниции ландшафта, используемой в географии («ландшафт» – с немецкого «образ земли» – это территория, однородная по происхождению, строению, рельефу, биоценозам и др. признакам), определим социальный ландшафт как общественную структуру, специфическую по происхождению и по организации, локализованную на определенной территории. Критериями для выделения социального ландшафта является наличие на данной территории уникальных, присущих только ей социальных групп, а также наличие специфических, имеющих силу только на этой территории законов, регулирующих права и обязанности этих социальных групп.

Поскольку социальные группы различаются по типу локализации (одни «умещались» в одном населенном пункте (город, заводской поселок, село), другие – «расселялись» по всей стране), необходимо выбрать масштаб анализируемых объектов. Наиболее удобным представляется описание социальных ландшафтов в пределах губерний и областей. Основным источником данной работы послужил труд по демографии академика П.И. Кеппена⁸⁰⁷, в котором приведены подробные (но, как отмечает сам автор, весьма неточные) данные о народонаселении по губерниям и областям. При этом по большей части регионов Империи сведения даны по сословным группам. Исключение составили Финляндия, Царство Польское, губернии и области Кавказа. Помимо труда П.И. Кеппена в данной работе также использовались IX том Свода Законов Российской империи («Законы о состояниях») и устав IX народной переписи 1851 г.

В исторической литературе социальные группы, обладающие определенным набором передаваемых по наследству обязанностей и прав (прежде всего – правом на самоуправление), принято называть «сословиями». Однако в данном значении этот термин стал широко использоваться в исследованиях социологического характера только с середи-

⁸⁰⁷ Кеппен 1857.

ны XIX в. В законодательстве он применяется крайне редко и преимущественно в отношении к самоуправляемым коллективам (например, в IX томе Свода законов он был вынесен в заголовок лишь однажды – «Сословия духовенства Православного» (Раздел II Глава I Отдел IV) – здесь сословиями названы монастыри и церковные общины). Для обозначения статуса с определенным набором прав и обязанностей законодатель использовал термин «состояние». При этом «состояние» включало два элемента: «права состояния» – набор прав и обязанностей и «звание» – термин, маркировавший данный социальный статус. Поскольку одна часть социальных групп свой статус не передавала по наследству (некоторые статусы были вообще временными), а другая – не обладала правом на самоуправление, в данной работе мы будем использовать преимущественно термин «состояние» и, при необходимости, термины «социальная группа» и «сословная группа».

Выделяемые социальные ландшафты в тексте выделяются полужирным шрифтом, а специфические состояния, которые являются основанием для выделения территории в отдельный социальный ландшафт, – подчеркиванием.

Российское законодательство (которым определялись права состояний) действовало не на всей территории Империи. На **Финляндию** и **Польшу** оно вообще не распространялось – там функционировали свои самостоятельные системы права. На Кавказе оно действовало ограниченно – в первой половине XIX в. права сословных групп коренного населения **Кавказа** не были кодифицированы российским законом. Таким образом, эти территории представляли собой особые социальные ландшафты.

Что касается остальных губерний и областей, то на их территории П. Кеппен перечисляет более 300 различных состояний. Около 2/3 состояний фиксируется только в одном регионе. Такое обилие уникальных, неповторяющихся социально-правовых статусов обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, Закон перечислял немало уникальных состояний, фиксировавшихся только в одной или нескольких губерниях. По числу таких состояний лидировали губернии, образованные из недавно присоединенных земель, на которых преобладало нерусское население, либо территорий, на которых размещались государственное (или дворцовое) хозяйство и иррегулярные войска. Во-вторых, действовала общая установка зафиксировать «права состояния» каждого жителя Империи, притом, что прописать в Законе каждый конкретный случай практически не возможно. Поэтому переписчикам приходилось «изобретать» новые «звания» (например, в Астраханской губернии в переписные листы был включен единственный на всю Россию «индус-мещанин»).

Выделение социальных ландшафтов начнем с регионов, в которых локализовывались казаки и инородцы. Права и обязанности данных социальных групп регулировались специфическими источниками права. Свод законов Российской империи включает малую часть нормативных актов, регулировавших права и обязанности казачества (законы, регулировавшие права казаков-дворян, их отношения с крепостными и т.п.). Основным источником, фиксировавшим правовой статус казаков, был Свод военных постановлений. В отличие от казаков, инородцы, наоборот, удостоились одного из шести разделов «Законов о состояниях». Однако в этом разделе прописаны только те нормы, которые регламентировали переход инородца в другой социальный статус, а также отношения инородческого населения с государством и иными социальными группами. Закон очень слабо регулировал отношения в сообществе инородцев – они пользовались широкой внутренней автономией, и отношения между ними строились на традиционном праве. Исключение составляли только «западные инородцы» – евреи, чьи права и обязанности были прописаны весьма подробно. При этом евреи, в отличие от «восточных инородцев», должны были приписываться к одному из состояний «природных российских обывателей» – мещанам, купцам и т.п.

Казаки и «восточные инородцы» проживали в губерниях и областях Сибири, Кавказа, Волго-Донского междуречья, а также Причерноморья (казаки), в Архангельской губернии и во владениях Русско-Американской компании (инородцы). Хорошо известно, что на данных территориях крепостного права либо вообще не было, либо оно было распространено не существенно. Менее известно, что здесь существовали иные формы личной зависимости – «особенные разряды ограниченного крепостного состояния»: купленные или выменянные на оренбургской и сибирской линиях дети калмыков и киргиз-кайсаков и их потомки; приобретенные шотландскими колонистами в Ставропольской губернии невольники из горцев–магометан или язычников; кавказские холопы (привезенные из-за границы невольники – арабы и негры)⁸⁰⁸.

Рассмотрим особенности социальных ландшафтов пограничных (или как сейчас принято говорить – фронтальных) территорий с востока на запад, выделяя специфические, присущие только данным территориям состояния. Самые восточные регионы Российской империи находились в ведении Русско-Американской компании. В исследовании П. Кепена население во **владениях Русско-Американской компании** перечислено не по состояниям, а по национальному признаку. Но по Перечню IX ревизии все состояния на данной территории были специфичными: «постоянно водворившиеся в Русско-Американских колониях люди податных состояний, исключенные из

⁸⁰⁸ Свод законов 1857: Т. IX. Ст. 996.

прежних обществ, но оставленные в тех же званиях с платежом податей от Правления Компании»; «служащие по ведомству Главного управления Российско-американской компании лица из податных званий»; креолы; оседлые инородцы в колониях Российско-американской компании и племена, живущие по берегам Америки⁸⁰⁹.

В Сибири удельный вес инородцев и казаков был весьма высок. В Камчатской области доля инородцев составляла более 60% (2,3 тыс. из 3,7 тыс. д.м.п.); казаков Камчатской городской казачьей команды – 19% (0,7 тыс. д.м.п.); в Якутской – инородцев было 97% (103 тыс. из 106 тыс. д.м.п.) (Якутский городской казачий полк учтен не был); Забайкальской области – инородцев 33,1% (60 тыс. из 181 тыс. д.м.п.), казаков Забайкальского войска 28,2% (51 тыс. д.м.п.); Иркутской губернии – инородцев 34,2% (53 тыс. из 155 тыс. д.м.п.), казаков Иркутского полка 2,6% (4 тыс. д.м.п.); Енисейской – инородцев 11,9% (16 тыс. из 134 тыс. д.м.п.), казаков Енисейского полка 3% (4 тыс. д.м.п.); в Тобольской и Томской губерниях, а также землях «киргизов сибирского ведомства» (казахов Среднего и Старшего жузов) инородцев – 32,5% (294 тыс. из 906 тыс. д.м.п.), казаков Сибирского линейного войска, Тобольского пешего батальона и Тобольского конного полка – 4,6% (42 тыс. д.м.п.)⁸¹⁰.

Кроме инородцев и казаков в Сибири были и другие специфические состояния: состоявшие на льготе крещенные инородцы (после принятия крещения инородец переходил в состояние государственных крестьян, но при этом ему предоставлялась временная льгота от уплаты податей и выполнения повинностей), поселяне (крестьяне-переселенцы), бухарцы, ссылные. Специфическим состоянием Томской губернии были горные крестьяне Алтайского горного округа; Тобольской – «состоявшие при винокуренных заводах», при «Омской суконной фабрике»; Иркутской – ремесленники Тельминской казенной фабрики; Забайкальской области – ссылные и заводские работники, штатные ламы в Сибири⁸¹¹. Права и обязанности данных социальных категорий были включены не IX том, а в другие тома Свода Законов, поэтому они из поля зрения исследователей, изучающих сословную структуру Российской империи, как правило, выпадают. Тем не менее, доля лиц данных специфических состояний была весьма заметной: в Тобольской и Томской губернии на их долю приходилось 15% населения (138 тыс. д.м.п.); в Иркутской – 5,2% (8 тыс. д.м.п.); в Забайкальской области – 24% (13 тыс. д.м.п.).

На Урале, в Пермской, Вятской и Уфимской губерниях, специфическими социально-правовыми группами являлись мастеровые и

⁸⁰⁹ Полное Собрание Законов 1850: Т. 25. № 23817.

⁸¹⁰ Кеппен 1857: 56-61, 65-66, 141-145, 157-158.

⁸¹¹ Полное Собрание Законов 1850: Т. 25. № 23817.

непременные работники при казенных горных заводах, отставные нижние горные чины, непременные (урочные работники) частных заводов. К ним также надо отнести «людей, приписанных по прежним узаконениям к посессионным заводам и фабрикам». Уникальными состояниями Пермской губернии были мастеровые Екатеринбургской гранильной фабрики и Дедюхинских соляных промыслов; Вятской – мастеровые и рабочие люди Ижевского завода. На их долю приходилось 9% населения (261 тыс из 2,9 млн д.м.п.). Инородческое население на Урале было представлено ясашными вогулами Пермской губернии и «киргизами Оренбургского ведомства» (казахами Младшего жуза); они составляли 10,3% населения (300 тыс д.м.п.). Значительная часть нерусского населения Урала была включена в состав казачьих войск, государственных крестьян и лашманов (в Вятской губернии). На долю Уральского, Оренбургского, Башкиро-мещерякского казачьих войск, тептярей и бобылей приходилось 19,1% населения Урала (556 тыс. д.м.п.)⁸¹².

Сочетание казачества и «восточных инородцев» в социальной структуре сохраняется **в губерниях «южного фронта»** – Астраханской и Ставропольской. В Астраханской губернии на долю инородцев (калмыков, киргизов (казахов) Внутренней (Букреевской) орды, туркменов, пришедших с Мангышлака и каракалпаков) приходилось 37,2% населения (86 тыс д.м.п.), на долю казаков Астраханского войска – 3,5% (8 тыс. д.м.п.); в Ставропольской – на долю кочующих инородцев магометанской веры, осетин и черкесов – 16,7% (46 тыс. из 276 тыс. д.м.п.), на казаков Кавказского линейного войска – 47,1% (130 тыс. д.м.п.). В числе специфических состояний в Астраханской губернии были учтены: солеломщики и солевозчики при Эльтонском озере; татары, платящие подать 1,43 р.; армяне, платящие 2 р. с семейства; в Ставропольской – шотландские колонисты⁸¹³.

Рубеж между восточным и южным фронтиром, с одной стороны, и западными пограничными районами, – с другой, образовали **земли Донского и Черноморского казачьих войск.** В Области войска Донского казаки различных состояний составляли 75% населения (387 тыс. из 512 тыс. д.м.п.); большая часть оставшейся ¼ приходилось на крепостных, являвшихся собственностью потомственных дворян-казаков. В области Черноморского войска все учтенное население относилось к казакам (82 тыс. д.м.п.)⁸¹⁴.

К западу от этих регионов из нерусского населения к инородцам относились только евреи, но характер взаимодействия государства с ними, как уже отмечалось выше, был принципиально иным, чем с «во-

⁸¹² Кеппен 1857: 37-39, 94-99, 103-105.

⁸¹³ Там же: 130-131.

⁸¹⁴ Там же: 153.

сточными инородцами». Прочие группы нерусского населения были отнесены в IX томе Свода Законов к состояниям «природных российских обывателей». При этом специфика происхождения и статуса некоторых из этих социальных групп была настолько явной, что законодатель не смог включить их в общие для всей территории государства состояния (мещан, почетных граждан, государственных крестьян и т.д.). Поэтому в состав «городских обывателей» наряду с мещанами и купцами законодатель включил «вольных людей западных губерний», «граждан в городах западных губерний»; в состав «сельских обывателей» – малороссийских казаков, панцырных бояр, татар-поселян в Таврической губернии, обязанных поселян Тираспольского уезда, обязанных поселян в имениях, жалуемых на праве майоратов, царан, одноворцов Западных губерний, одноворцов Бессарабской области, Рупта-де-Вистерия и Рупта-де-Камара, вольных людей. Что касается иррегулярных войск, то к западу от Области войска Донского, в Причерноморских губерниях, их удельный вес в общей численности был незначительным.

В **Таврической губернии** – бывшем Крымском ханстве проживал целый ряд специфических состояний: татары-поселяне, свободные хлебопашцы (ногаи), караимы, магометанское духовенство (в отличие от прочего нехристианского духовенства магометанское духовенство Таврической губернии также как и священники христианских вероисповеданий не относились к податным состояниям), «казенные ученики садоводства», а также крымско-татарский эскадрон и греческий батальон. На их долю приходилось 63,9% населения губернии (209 тыс. из 327 тыс. д.м.п.)⁸¹⁵.

Для губерний **Новороссии** – Екатеринославской и Херсонской, общими были состояния вольных матросов и жителей Новороссийского военного поселения. Специфическими состояниями Екатеринославской губернии являлись поселяне из греков и армян; неперенные работники Луганского завода и казаки Азовского казачьего войска; в Херсонской губернии – вольные штурманы, адмиралтейские поселяне ведомства Черноморского флота. В Екатеринославской губернии на специфические состояния приходилось 13% учтенного населения (62 тыс. из 465 тыс. д.м.п.), в Херсонской всего 31% населения (141 тыс. из 456 тыс. д.м.п.)⁸¹⁶.

Жители Украинского военного поселения определяли специфику социальной структуры в **Харьковской губернии** (14,6% – 99 тыс. из 678 тыс. д.м.п.). Других, специфических социальных групп в этой губернии зафиксировано не было⁸¹⁷.

⁸¹⁵ Там же: 132-135.

⁸¹⁶ Там же: 54-55, 150-151.

⁸¹⁷ Там же: 148-149.

Специфическим состоянием губерний **Малороссии** – Черниговской и Полтавской, являлись малороссийские казаки, утратившие в конце XVIII – начале XIX вв. статус воинского состояния, но не слившиеся окончательно с государственными крестьянами, за ними сохранялся ряд прежних прав и привилегий. В Полтавской на их долю приходилось 43% населения (350 тыс. из 812 тыс. д.м.п.), в Черниговской – 30% (199 тыс. из 674 д.м.п.). Специфическое состояние в Черниговской губернии образовывали нежинские греки⁸¹⁸.

В губерниях, **«возвращенных от Польши»** в последней трети XVIII в., – Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской – сохранялись прежние сословные группы и были образованы новые. В числе прежних групп во всех этих губерниях были представлены вольные люди и крестьяне городских имений. Кроме них в каждой губернии были свои специфические состояния: в Виленской – неокладные татары; в Витебской – панцырные бояре; в Волынской – голендоры (потомки переселенцев из Голландии), крестьяне, принятые от духовенства, крестьяне Киевского университета, помонастырские крестьяне, конфискованные ординацкие крестьяне; в Гродненской – старостинские поселяне, крестьяне комитета Друскинецких минеральных вод; в Киевской – фабриканты Киево-Межигорской фаянсовой фабрики, жители Киевского военного поселения; в Подольской – поселяне Острожской ординации, казенные ленные крестьяне, казенные майоратские крестьяне и жители Подольского военного поселения. Шляхта, которая не смогла подтвердить документально своего благородного происхождения, была переведена в категории «однодворцев Западных губерний» и в «граждан Западных губерний». Доля состояний специфических в учтенном населении была высока в западных губерниях: в Гродненской – 35,5%, Волынской – 24,6%, Ковенской – 13,0%, Подольской – 10,9%. В восточных губерниях – незначительна: в Минской – 5%, Киевской – 4,8%, Виленской – 4,1%, Витебской – 1,7, Могилевской – 0,5%⁸¹⁹.

Среди губерний и областей с преобладавшим нерусским населением по разнообразию уникальных социально-правовых групп лидировала **Бессарабская область**, образованная в 1812 г. из присоединенных восточной части княжества Молдова и Буджака. Здесь сохранялись социальные группы, возникшие еще в Молдавском княжестве: бояринарши (уравненные в правах с личными дворянами), Рупта-де-Камара, Рупта-де-Вистерия (в скором времени они будут уравнены в правах с почетными гражданами), царане (государственные крестьяне, коренное отличие которых от крестьян других регионов Империи заключалось в праве владеть крепостными цыганами), цыгане дворовые крепостные,

⁸¹⁸ Там же: 108-110, 152.

⁸¹⁹ Там же: 26-28, 33-34, 40-41, 69-73, 82-85, 106-107.

цыгане поселенные крепостные, цыгане городские, чоклы (гробокопатели). В южной части Бессарабской области – Буджаке, которая была заново заселена после того, как в Османскую империю откочевало местное тюркское население, возникли новые социальные группы – задунайские переселенцы (болгары и гагаузы), Дунайское казачье войско, некрасовцы; а также встречавшиеся в ряде других губерний немецкие колонисты и еврей-землепашцы. На эти социальные группы приходилось 64,7% населения области (308 тыс. из 476 тыс. д.м.п.)⁸²⁰.

В **Прибалтийских губерниях** еще в 1816-1819 гг. было отменено крепостное право; большая часть бывших крепостных входило в сословие государственных крестьян. Общими для этих губерний были состояния поселян пасторатских имений; поселян имений, принадлежащих городам и вольных людей (потомков переселенцев из Западной Европы). Уникальными для Эстляндской губернии являлись состояния мастеровых Ревельского Императорского Екатерининского дворца; вольных шведских крестьян на помещичьих землях и на пасторатских землях; положенных и не положенных в оклад поселян церковных и госпитальных мыз; поселян имений Воспитательного дома благородных девиц эстляндского дворянства; для Курляндской – свободных от платежа податей вольных людей Курише-Кёниге; для Лифляндской – ученых В целом, доля специфических состояний в этих губерниях составляла 85-92% населения⁸²¹.

Лидером по числу уникальных состояний являлась столичная **Санкт-Петербургская губерния.** Здесь были перечислены такие, не встречающиеся в других губерниях состояния как: служители и рабочие люди при дворцах; государственные крестьяне, поселенные на обработанной англичанином Виллером земле близ Большой Охты; поселяне Гатчинского дворцового правления, Гоф-интендантской конторы, Александровской мануфактуры, коменданта Петербургской крепости, ведомства петербургского почт-директора, Охтенские поселяне; мастерские Ропшинской бумажной фабрики, Императорского стеклянного завода, Императорской Александровской мануфактуры, С.-Петербургского монетного двора, С.-Петербургской синодальной типографии, Гоф-Интендантской конторы, Императорской Петергофской гранильной фабрики, Императорского фарфорового завода, Императорского Александровского главного механического завода, Императорской шпалерной мануфактуры; поселяне, принадлежащие императорской фамилии На них приходилось 15% населения губернии (43 тыс. из 285 тыс. д.м.п.)⁸²².

⁸²⁰ Там же: 23-26.

⁸²¹ Там же: 76-77, 80-81, 156.

⁸²² Там же: 116-117.

Олонецкая губерния по числу уникальных состояний уступала столичной, но была в числе лидирующих в Империи. Здесь были зафиксированы обельные вотчинники и их крестьяне не положенные в оклад, обельные крестьяне, платящие только подушную подать, крестьяне (потомки людей, которым «за многие услуги царице Марфе Иоанновне (матери Михаила Федоровича) пожалованы были от царей грамоты на обеление»⁸²³, приписанные к Олонецким заводам, мастеровые Александровского и Кончозерского заводов, мастеровые Тивдийских мраморных ломок Гоф-Интендантской конторы (20% – 26 тыс. из 127 тыс. д.м.п.)⁸²⁴. В других губерниях русского севера специфических состояний было немного. В **Архангельской губернии** – инородцы – лопари и самоеды Мезенского уезда (3% - 4 тыс. из 113 тыс. д.м.п.); в Вологодской – половники (0,7% – 3 тыс. из 417 тыс. д.м.п.)⁸²⁵. По своей социальной структуре они приближались к губерниям центральной России.

Для губерний **Центральной России** характерно полное отсутствие или незначительное число специфических состояний. Владимирская, Воронежская, Казанская, Калужская, Нижегородская, Орловская, Псковская, Тамбовская и Тверская специфических состояний не имели⁸²⁶. Специфическим состоянием Костромской губернии были белопашцы (потомки Ивана Сусанина); Курской – крестьяне Глушковской суконной фабрики; Тульской – оружейники; Московской – крестьяне комиссариатского ведомства, дворцовые крестьяне; Новгородской – жители военных поселений, крестьяне Новгородского кадетского корпуса и люди Старорусского солеваренного завода; Орловского кадетского корпуса и крестьяне суконных фабрик; Рязанской – засечные сторожа, крестьяне Голицынской больницы; Пензенской – мурзы, мурзинские люди, отписные татары, новокрещенные, городовые воротники; Саратовской – мастеровые Тальской бумажной фабрики; Симбирской – Кард-котный экипаж (охрана берегов Волги), лашманы; Самарской – состоящие при Эльтонском озере, смоленская шляхта, лашманы; Смоленской – крестьяне комиссии строительства Храма Христа Спасителя, крестьяне Орловского кадетского корпуса (кроме того, г. Смоленск со времен Речи Посполитой сохранил право на владение крепостными крестьянами); Ярославской – крестьяне Демидовского лица⁸²⁷.

Данная работа носит предварительный характер. Сделанные наблюдения, безусловно, будут подвергнуты корректировке при последующих исследованиях. Во-первых, был взят только один критерий

⁸²³ Полное Собрание Законов 1850: Т. 25. № 10115.

⁸²⁴ Кеппен 1857: 92-93.

⁸²⁵ Там же: 19-20, 31-32.

⁸²⁶ Там же: 29-30, 35-36, 62-65 88-89, 99-100, 111, 136-138.

⁸²⁷ Там же: 74-75, 78-79, 86-87, 90-91, 101-102, 112-114, 115-116, 119-120, 127-129, 146-147, 159-160.

для выделения социальных ландшафтов – социально-правовой статус подданного, его «состояние». При описании социальных ландшафтов также должны учитываться такие признаки, как конфессиональная принадлежность, этнический состав, социальная мобильность и др. Во-вторых, в этой работе социальные ландшафты выделялись на основании специфических, уникальных состояний, поэтому целый ряд состояний, фиксировавшихся в нескольких губерниях (например, однодворцы и однодворческие крестьяне) или в большинстве губерний Империи (дворяне, духовенство, городские сословия, государственные, удельные и крепостные крестьяне), из поля зрения выпал. Их наличие или отсутствие тоже может быть критерием для прочерчивания границ между социальными ландшафтами. В-третьих, вероятно, более точный результат будет получен при описании социальных ландшафтов в масштабе уездов, а не губерний.

Тем не менее, данная работа показала, что понятие «социальный ландшафт» обладает достаточно высоким эвристическим потенциалом. Благодаря ему, «аморфная», «гибкая» и «усложненная»⁸²⁸ социальная структура Российской империи обретает четкую и вполне обозримую структуру.

Список источников и литературы

- Кеппен 1857** – Кеппен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России в 1851 г. – СПб., 1857.
- Полное Собрание Законов 1850** – Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе. Т. 25. – СПб., 1850.
- Свод законов 1857** – Свод законов Российской империи. – СПб., 1857.
- Фриз 2000** – Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара, 2000.

Georgy N. Shumkin, Tatiana G. Shumkina
**SOCIAL LANDSCAPES OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE MID-NINETEENTH CENTURY**

The article as a tool of analysis of social structures it is proposed to use the concept of "social landscape". Attempts to identify the social landscapes of the Russian Empire in the mid XIX century on the basis of specific caste groups. The conclusion about the considerable educational potential of this tool.

Key words: Russian Empire, class, social landscape, social structure, status.

⁸²⁸ Фриз 2000: 142.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Запад, Восток и Россия:
Исторический опыт межкультурного диалога**

Вопросы всеобщей истории
Выпуск 19

Главный редактор: В. Н. Земцов
Оригинал-макет: А. И. Голотина

Подписано в печать 23.10.2017. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 18,8. Уч.-изд. л. 17,6.
Тираж 500. Заказ 4883.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета.
620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.me

Адрес в Интернете: www.uspu.ru
E-mail: hist@uspu.ru
